РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1897.

ІЮЛЬ.— АВГУСТЪ.— СЕНТЯВРЬ.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1897.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. СЕНТЯБРЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII вѣка** Гл. III. Сообщ. В. В... 449—479

II. **Французы въ Варшавѣ въ войну 1806—1807 гг.** Н. К. Шильдера.. ..... 481—511

III. **Политика на почтовомъ листѣ бумаги.** Сообщ. М. А. Веневитиновъ..... 513—516

IV. **Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга.** Гл. III. А. А. Гирса... 517—537

V. **Муравіада.** П. Юдина. 539—559

VI **Записки В. А. Инсарскаго.** Часть III..... 561—591

VII. **Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской**.... ... 593—606

VIII. **Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры.** А. И. Попова. Сообщ. Н. Н. Цуриковъ..... 607—631

IX. **Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка.** Ф. Я. Лучинскаго.... ... 633—658

X. **Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго.** (Окончаніе). Сообщ. княгиня А. А. Голицына—графиня Остерманъ. 659—681

XI. **Записная книжка „Русской Старины“:** Назначеніе кн. Суворова въ дѣйствующую армію въ 1760 г. Сообщ. А. Г. Безродный. (стр. 480). — О пріѣздѣ въ Ригу принцессы Нербской въ 1743 г.— О высылкѣ «шарлатана» Каліостро изъ Россіи въ 1787 г. Сообщ. А. З. Мышлаевскій. (512). — Собственноручное письмо императр. Екатерины II къ П. И. Чебышеву. Сообщ. А. Маркевичъ.— Старинная свадебная запись. Сообщ. Л. С. М—чъ. (538).—Записка что исхарчено на рекрута. 13 го сентября 1770 г. Сообщ. А. М. Савеловъ. (560)— Запрещеніе азартной карточной игры. Указъ имп. Александра I отъ 11 іюля 1801 г. Сообщ. Л. С. М—чъ. (592).—Эпиграмма на сочиненіе И. И. Дмитриева «О воинской наукѣ». С. Н. Марина. Сообщ. Л. С. М—чъ. (632).—Секретное письмо князя Кутузова-Смоленскаго А. М. Римскому-Корсакову 29 марта 1813 г. (682—683).

XII. **Библіографическ. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ княгини Екатерины Николаевны Голицыной (рожденной Бахметевой). Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1897.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1897 г.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ.

В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи (Guide à travers la Sibérie et les territoires en Asie centrale). Томскъ 1897 г.

Появленіе такой книги, какъ «Путеводитель» г. Долгорукова,—въ настоящее время, когда идутъ дѣятельныя работы по проведенію Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути,—нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ. Мало извѣстный край этотъ съ проведеніемъ этой великой желѣзнодорожной вѣтви, будетъ имѣть особенное значеніе не только для насъ, русскихъ, но и для иностранцевъ: поэтому всякая попытка дать болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ малоизвѣстномъ краѣ должна быть привѣтствуема.

В. А. Долгоруковъ въ своемъ «Путеводителѣ», распадающемся на четыре главныхъ отдѣла, даетъ много различныхъ свѣдѣній о городахъ, выдающихся мѣстностяхъ и о существующихъ въ Сибири и Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ путяхъ сообщенія: объ открытыхъ уже желѣзнодорожныхъ участкахъ (съ указаніемъ станцій, времени отхода поѣздовъ, платы за проѣздъ), о почтовыхъ трактахъ, караванныхъ, торговыхъ и нѣкоторыхъ земскихъ дорогахъ; кромѣ того, въ этой книгѣ можно найти свѣдѣнія о Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ Россіи и Закаспійской области, съ ея военною желѣзною дорогою, а въ дополненіяхъ говорится о минеральныхъ водахъ Азіатской Россіи (32 пункта, по большей части стоящіе на самой низкой степени эксплоатаціи) и о судопроизводствѣ въ Сибири. По большимъ городамъ, какъ Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, имѣются адресъ-календарныя свѣдѣнія; не забыты авторомъ и рейсы «Добровольнаго флота».

Помѣщенныя въ «Путеводителѣ» свѣдѣнія пріобрѣтаютъ еще бо́льшую цѣнность потому, что ими могутъ пользоваться и не знающіе русскаго языка, такъ какъ г. Долгоруковъ въ своей книгѣ даетъ и французскій (хотя и нѣсколько сокращенный) описательный текстъ.

Книга снабжена множествомъ различныхъ рисунковъ—видовъ мѣстностей, гербовъ губерній, типовъ народностей—портретовъ нѣкоторыхъ лицъ, дѣятельность которыхъ соприкасалась съ Сибирью и владѣніями Россіи въ Средней Азіи.

Алфавитный указатель мѣстностей, упоминаемыхъ въ «Путеводителѣ», и хорошо составленная карта Россійской Имперіи значительно облегчаютъ справки.

Н. К-ш-ъ.

Записки Пріамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Т. I, вып. II.—Матеріалы для изученія шаманства у гольдовъ. П. П. Шимкевича. Подъ редакціею М. Я. Сибирцева. Съ рисунками.

Г-ну Шимкевичу, во время трехъ экскурсій, совершенныхъ имъ въ зиму 1895—96 г., удалось собрать значительный матеріалъ, относящійся къ шаманству у гольдовъ, живущихъ въ окрестностяхъ Хабаровска. Во время одной изъ экскурсій П. П. Шимкевичъ пріобрѣлъ цѣнный костюмъ гольдскаго шамана, болѣе сотни разныхъ бурхановъ [1]) и убѣдилъ шамана Оджалъ пріѣхать въ Хабаровскъ, гдѣ онъ, послѣ нѣсколькихъ сеансовъ на квартирахъ членовъ Пріамурскаго отдѣла географическаго общества, показалъ общему собранію этого отдѣла камланіе [2]) и спѣлъ нѣсколько легендъ о происхожденіи какъ самого шамана, такъ и разныхъ верховныхъ существъ шаманскаго культа.

Шаманство возникло у малокультурныхъ народовъ на извѣстной ступени ихъ религіознаго развитія и, благодаря оригинальности своего проявленія, давно уже обратило на себя вниманіе ученыхъ и путешественниковъ, которые, описывая обряды шаманства у этихъ народовъ, вносили въ науку обширный этнографическій матеріалъ. Выдающимся трудомъ въ этой области слѣдуетъ признать книгу В. К. Михайловскаго, „О шаманствѣ“, которая послужила основою изслѣдованій автора, какъ онъ заявляетъ въ своемъ предисловіи. О гиляхъ г. Михайловскій упоминаетъ вскользь; о шаманствѣ же гольдовъ, орочонъ и другихъ аборигеновъ нижняго Амура онъ не говоритъ ничего, а потому трудъ г. Шимкевича, подъ приведеннымъ выше названіемъ, значительно дополняетъ книгу г. Михайловскаго и представляетъ собою солидный вкладъ въ этнологическую литературу.

Собранный матеріалъ о шаманствѣ П. П. Шимкевичъ сгруппировалъ въ четыре отдѣльныя главы.

Въ первой главѣ авторъ выясняетъ значеніе шамана у гольдовъ: шаманъ является знатокомъ пути въ загробный міръ и по-

[1]) Разнообразные божки, олицетворяющіе того или другаго духа. Какое бы дѣло ни начинали гольдъ, у него всегда является потребность обратиться за помощью къ бурхану.

[2]) Алтайцы называютъ шамана „кама“; отъ этого дѣйствія его, при сношеніяхъ съ духами, называются „камланіе“.

Библиотека "Руниверс"

КНЯГИНЯ
ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ГОЛИЦЫНА
(рожденная Бахметева).

Библиотека "Руниверс"

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ

въ

первой половинѣ XVIII вѣка.

III [1]).

Внѣшняя политика Россіи послѣ Петра I.—Вліяніе Елисаветы Петровны.—Вопросъ о престолонаслѣдіи въ Польшѣ.—Бѣлградскій миръ служитъ сближеніемъ Россіи съ Франціею.—Разговоръ фельдмаршала Миниха съ барономъ Тоттомъ.—Назначеніе князя Антіоха Кантемира посломъ въ Парижѣ, а маркиза Шетарди—въ Петербургъ.—Характеристика послѣдняго и инструкція, ему данная.—Торжественная обстановка путешествія Шетарди по Россіи.—Первое свиданіе его съ Елисаветою.—Призрачные намеки Остермана.—Кончина императрицы Анны Іоанновны.—Симпатіи Елисаветы Петровны къ Людовику XV.—Предложеніе Швеціи содѣйствовать воцаренію Елисаветы за уступку части владѣній, отнятыхъ у нея Петромъ Великимъ.—Отказъ Елисаветы. Вопросъ объ этикетѣ.—Шетарди удаляется отъ двора и переселяется на дачу.—Начало дѣйствій въ пользу Елисаветы.—Причины, побудившія ускорить переворотъ.—Ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года.—Провозглашеніе Елисаветы императрицею.—Письмо ея французскому королю.

Послѣ кончины Екатерины I, Россія все болѣе и болѣе подпадала подъ вліяніе Австріи, и союзъ, заключенный съ этой державою покойной императрицею, съ теченіемъ времени еще болѣе упрочился. Остерманъ, который руководилъ дѣлами внѣшней политики въ продолженіе четырехъ царствованій, тяготѣлъ къ нѣмцамъ, состоялъ на жалованіи у Австріи, смотрѣлъ ея глазами, слушалъ ее одну, и на поддержку союза съ нею изощрялъ все свое искусство въ дѣлахъ. Благодаря его стараніямъ допускались ко двору лишь люди вполнѣ преданные ему, и русскій дворъ съ

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1897 г.

Библиотека "Руниверс"

теченіемъ времени совершенно онѣмечился [1]). Остерманъ поддерживалъ вмѣстѣ съ тѣмъ дружественныя отношенія Россіи къ Пруссіи и его стараніями произошло также сближеніе Россіи съ Англіей.

Въ 1732 г. императрица Анна Іоанновна подписала съ лондонскимъ дворомъ торговый договоръ, поставившій Россію въ зависимость отъ Англіи точно такъ, какъ трактатъ, заключенный съ Вѣною въ 1726 г. поставилъ ее подъ опеку Австріи въ отношеніи политическомъ. Находясь въ союзѣ съ Австріею, первою непріятельницею Франціи, русскій дворъ въ продолженіе бо́льшей части царствованія Анны Іоанновны былъ въ размолвкѣ съ Парижемъ. Хотя дипломатическія сношенія съ Франціей не были прерваны, но отношенія къ ней Россіи стали въ высшей степени холодны и натянуты. Монархи обѣихъ державъ изрѣдка обмѣнивались церемоніальными письмами, извѣщая другъ друга о какомъ-либо семейномъ событіи, и этимъ обмѣномъ вѣжливости ограничивались всѣ ихъ сношенія. На мѣсто Кампредона, отозваннаго въ 1726 г. не было даже назначено настоящаго, аккредитованнаго посланника, человѣка сколько-нибудь съ вѣсомъ и значеніемъ; обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи исполнялъ, послѣ его отъѣзда, простой секретарь посольства, г. Маньянъ, не получившій отъ своего двора никакихъ оффиціальныхъ дипломатическихъ инструкцій.

Во Франціи, обязанности перваго министра исполнялъ въ то время кардиналъ Флёри, замѣнившій герцога Бурбонскаго. Кардиналъ ничего не ожидалъ отъ Россіи, не возлагалъ на нее никакихъ надеждъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, и поэтому не добивался съ нею союза. Въ инструкціяхъ, данныхъ имъ Маньяну, намекая на продажность русскихъ вельможъ, онъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе, характеризующее его взглядъ на пользу, которую могло принести французамъ сближеніе съ Россіей: «Полнѣйшее подчиненіе царицы вѣнскому двору будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, говоритъ онъ, пока ея сановники будутъ имѣть выгоды въ денежномъ отношеніи со стороны императора; допустивъ даже, что удалось бы уменьшить вліяніе вѣнскаго двора, то польза, какую изъ этого можно было бы извлечь, разумѣется не стоитъ тѣхъ затратъ, какія пришлось бы для этого сдѣлать».

Несмотря на столь упрочившееся вліяніе Австріи, въ Петербургѣ была многочисленная партія, порицавшая австрійскую политику русскаго двора. Партія эта, группировавшаяся около дочери Петра Великаго, царевны Елисаветы, ненавидѣла нѣмцевъ и сокрушалась о томъ, что правленіе находилось исключительно въ рукахъ иноземцевъ. Елисавета, вѣрная завѣтамъ своего державнаго отца, при всякомъ удобномъ случаѣ

---

[1]) Маньянъ—Шовелену, 17-го апрѣля 1730 г. и 23-го сентября 1732 г. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 81, стр. 11 и 453.

Библиотека "Руниверс"

заявляла свои симпатіи къ Франціи; ея сторонники часто имѣли свиданія съ Маньяномъ и въ откровенной бесѣдѣ высказывали ему свою ненависть къ Германіи, заявляя, что въ интересахъ Россіи они предпочли бы союзъ съ Франціей, который находятъ въ тысячу разъ выгоднѣе союза съ императоромъ австрійскимъ и съ королемъ прусскимъ. Какъ ни была сильна и вліятельна въ Петербургѣ нѣмецкая партія, но сторонники союза съ Франціей едва не одержали верхъ при дворѣ даже въ царствованіе Анны Іоанновны, такъ какъ фельдмаршалъ Минихъ, имѣвшій чрезвычайное вліяніе на государыню и на Бирона, лично симпатизировалъ Франціи, настаивалъ на союзѣ съ ней, чтобы побороть вліяніе Остермана.

Въ концѣ апрѣля 1732 года Минихъ однажды неожиданно заявилъ Маньяну, что царица, по его совѣту, согласна сблизиться съ Франціей, нарушивъ союзъ съ Австріей. Начались переговоры между Маньяномъ и императрицей при посредничествѣ Миниха, и былъ уже составленъ проектъ союзнаго договора. Анна Іоанновна, взамѣнъ помощи, обѣщанной ею Франціи, требовала, чтобы эта держава обязалась не препятствовать ей возвратить отъ Турціи Азовъ, т. е. имѣть портъ на Черномъ морѣ, и отказалась бы отъ всякаго вмѣшательства въ ея распри съ Польшей.

Дѣйствуя болѣе энергично и рѣшительно, французское правительство могло бы воспользоваться этимъ благопріятнымъ моментомъ для сближенія съ Россіей, но оно не рѣшилось стать открыто на ея сторону, отказавшись отъ своихъ давнишнихъ союзниковъ—Швеціи и Польши, и поэтому отклонило отъ себя какія-либо обязательства. Поэтому переговоры не привели къ желаемому результату, и неудавшаяся попытка къ сближенію съ французскимъ дворомъ еще болѣе утвердила въ Петербургѣ поколебавшееся было вліяніе Австріи [1]).

Первою жертвою союза Россіи съ Австріею была Польша. Съ кончиною короля Августа II, послѣдовавшею 1-го февраля 1733 г, польскій сеймъ избралъ на престолъ Станислава Лещинскаго, тестя французскаго короля Людовика XV. Россія, несогласная съ этимъ избраніемъ, тотчасъ отправила войско, которое вступило въ Варшаву, чтобы смѣстить Станислава и замѣнить его своимъ кандидатомъ,—Августомъ, курфюрстомъ Саксонскимъ, за котораго также стояла и Австрія. Маньянъ подалъ, отъ имени своего государя, протестъ по поводу нарушенія Россіей вольностей Рѣчи Посполитой, но на всѣ его заявленія русское правительство не обратило никакого вниманія. Онъ обращался

[1]) Маньянъ сообщалъ своему правительству о ходѣ этихъ переговоровъ въ депешахъ отъ 25-го и 29-го апрѣля, 5-го іюля, 19-го августа и 4-го ноября 1732 г.

Библиотека "Руниверс"

къ братьямъ Минихамъ, Остерману, графу Головкину совершенно безуспѣшно. Заявленія его произвели при русскомъ дворѣ очень слабое впечатлѣніе отчасти потому, что онъ не имѣлъ на этотъ предметъ особыхъ оффиціальныхъ полномочій. Русскіе кабинетъ-министры не давали ему никакого отвѣта, ссылаясь на то, что декларація короля относится къ вѣнскому двору, а не къ русскому. Тогда, въ виду ухудшившихся отношеній между Франціей и Россіей, Маньянъ былъ отозванъ и получилъ повелѣніе возвратиться въ Парижъ, куда и уѣхалъ 5-го іюля н. ст. 1732 года.—Онъ привезъ въ столицу Франціи убѣжденіе въ томъ, что пока въ министерствѣ царицы будетъ находиться человѣкъ, до такой степени, какъ Остерманъ, преданный вѣнскому двору, весьма заинтересованному сохраненіемъ союза съ Россіей, нечего и думать о заключеніи союзнаго договора и нечего ожидать отъ такого двора, гдѣ все мѣняется съ минуты на минуту и гдѣ лица, имѣющія преобладающее вліяніе на рѣшеніе царицы, обнаруживаютъ гораздо менѣе преданности къ интересамъ государыни, чѣмъ къ интересамъ императора [1]).

Подарки, присланные вѣнскимъ дворомъ фавориту, съ одной стороны, а съ другой—брачный проектъ, касавшійся принца Беверискаго и племянницы царицы—погубили окончательно переговоры французскаго уполномоченнаго [2]). Франція не съумѣла обезпечить себѣ союзъ съ Россіей, но отказавшись отъ этого союза, не рѣшилась вступить съ нею въ борьбу. Она не объявила войны Россіи и, ограничившись отозваніемъ своего дипломатическаго представителя, ничего не предприняла для того, чтобы помочь Польшѣ.

Станиславъ просилъ французское правительство дать ему войско—оно послало ему три батальона подъ командою Плело, который погибъ геройскою смертью подъ стѣнами Данцига, не успѣвъ спасти Станислава; это было первое столкновеніе французовъ съ русскими на полѣ битвы. Когда Польша была вынуждена подчиниться волѣ Австріи и Россіи, Франція, подписавъ съ Австріей предварительныя условія вѣнскаго договора (1735 г.), признала этимъ фактъ низложенія Станислава. Такъ какъ она не вела оффиціально войны съ Россіей, то и не заключала съ ней мира, но дипломатическія сношенія не возобновлялись.

Подчиненіе Польши и утвержденіе на польскомъ престолѣ монарха, получавшаго совѣты и инструкціи изъ Вѣны и Петербурга, было осуществленіемъ только одной части проекта, составленнаго императорскими дворами. Это было какъ бы первымъ актомъ задуманнаго имъ политическаго дѣла; второй актъ разыгрался на берегахъ Дуная, и могъ

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 81, стр. XXII, и 530.

[2]) Маньянъ—Шовелену, 30-го декабря 1732 г. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 81, стр. 513.

Библиотека "Руниверс"

кончиться разгромомъ Оттоманской имперіи. Въ 1736 и 1737 гг. Австрія и Россія объявили послѣдовательно войну Турціи; ихъ войска вступили на турецкую территорію. Тогда Франція, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, заступилась за свою давнюю союзницу и на этотъ разъ ея посредничество оказалось удачнѣе.

Французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ былъ въ то время маркизъ де-Вильневъ—человѣкъ выдающихся способностей. Дѣйствуя умѣло и весьма рѣшительно, онъ успѣлъ посѣять рознь между союзниками и, воспользовавшись неудачею и паникой, овладѣвшей австрійскимъ правительствомъ, добился того, что державы, объявившія войну Турціи, прекратили ее каждая отдѣльно. Русскіе, подъ предводительствомъ Миниха, успѣли овладѣть побережьемъ Чернаго моря и Молдавіей, но послѣ пораженія ихъ союзниковъ вся тяжесть войны обрушилась на нихъ. Въ то же время де-Вильневъ старался вооружить противъ Россіи прочія державы, велъ переговоры о заключеніи союза между Портою и Швеціей и подготовлялъ диверсію шведовъ на Петербургъ. Россіи ничего не оставалось какъ поспѣшно заключить въ 1739 году Бѣлградскій миръ, который и былъ подписанъ при посредничествѣ де-Вильнева.

«Турки должны благодарить за этотъ миръ Магомета и Вильнева»,— сказалъ по этому случаю Минихъ.

Бѣлградскій миръ былъ верхомъ искусства французской дипломатіи XVIII-го вѣка. Благодаря ловкости своего посланника, Франція, не обнажая меча, пріобрѣла огромныя выгоды. Въ силу этого договора Россія была вынуждена очистить Румынскія княжества и срыть укрѣпленія Азова, изъ котораго она думала создать на югѣ крѣпость. Такимъ образомъ ея флоту былъ закрытъ доступъ въ Черное море.

Посредничество Франціи остановило Россію на пути къ Константинополю, но это обстоятельство не воздвигло между обѣими державами непреодолимой преграды, а подготовило, напротивъ, между ними сближеніе. Русскіе вполнѣ оцѣнили осторожность и энергію французскаго дипломата и старались возобновить сношенія съ противникомъ, котораго они научились уважать. По заключеніи Бѣлградскаго мира, для опредѣленія условій эвакуаціи Молдавіи, въ главную квартиру Миниха былъ посланъ французскій офицеръ Тоттъ. Когда онъ уѣзжалъ изъ лагеря, фельдмаршалъ отвелъ его въ сторону и сказалъ, прося передать его слова въ точности кардиналу Флёри:

— Я всегда былъ расположенъ къ Франціи и всю жизнь буду преданъ Россіи; я ничего такъ не желаю, какъ устроить ихъ союзъ, не изъ какихъ-либо личныхъ выгодъ, но ради взаимнаго блага обоихъ государствъ. Эта мысль не новая, я уже дѣлалъ однажды въ этомъ смыслѣ предложенія французскому двору. Его высокопреосвященство не управлялъ въ то время дѣлами, но онъ можетъ потребовать по этому поводу

Библиотека "Руниверс"

справку, которая должна быть въ архивѣ министерства. Я никогда не сочувствовалъ союзу Россіи съ императоромъ и полагаю, что Австріи скорѣе придется воевать, нежели намъ, слѣдовательно, все бремя союза ляжетъ на насъ. Притомъ, я всегда высказывалъ, что императоръ постоянно смотритъ на своихъ союзниковъ, какъ на своихъ вассаловъ, чему доказательствомъ служатъ англичане и голландцы, которые скоро познали всю невыгоду этого союза и отказались отъ него, какъ люди опытные въ смыслѣ политики. Все то, что я тщетно старался доказать тогда, нынѣ подтвердилось на дѣлѣ, ибо союзъ съ императоромъ, не принеся намъ никакихъ выгодъ, привелъ къ тому, что мы остались въ совершенномъ одиночествѣ. Это можно приписать только вѣроломству или безсилію и доказываетъ, во всякомъ случаѣ, пагубу этого союза, ибо быть связаннымъ съ вѣроломнымъ или съ безсильнымъ союзникомъ—одно и то же. По этой причинѣ теперь было бы вполнѣ своевременно возобновить нашъ давнишній проектъ союза съ Франціей.

Намекая на сношенія Франціи со Швеціей и на анархію, господствовавшую въ этомъ королевствѣ, фельдмаршалъ присовокупилъ:

— Франція можетъ дружить со Швеціей и съ нами, но я совѣтовалъ бы ей болѣе дорожить нашей дружбой, нежели дружбой Швеціи. Въ Швеціи всякій прощалыга можетъ пріостановить самые важные переговоры, тогда какъ въ Россіи—неограниченная монархія, и отъ подобнаго правительства можно ожидать болѣе всего помощи.

Императрица Анна Іоанновна взяла на себя инициативу въ возобновленіи дипломатическихъ сношеній съ Франціей, назначивъ князя Антіоха Кантемира посланникомъ въ Версаль и поручивъ ему оффиціально благодарить Людовика XV за его посредничество въ дѣлахъ съ Турціей. Французскому королю пришлось отвѣтить на эту любезность, въ свою очередь назначивъ представителя къ русскому двору. Но Франція хотѣла имѣть при дворѣ Анны Іоанновны скорѣе человѣка, дѣятельность котораго заключалась бы въ наблюденіи и сообщеніи французскому министерству всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій въ Россіи, нежели человѣка уполномоченнаго и способнаго вести переговоры. Она не желала въ сущности сближенія съ Россіей, но старалась, напротивъ, скрѣпить узы, соединявшія ее съ естественными врагами Россіи, возобновивъ съ Портою дружественныя сношенія, а со Швеціей новый оборонительный союзъ. Назначая въ Петербургъ посланника, французское правительство хотѣло только выяснить себѣ положеніе и силы Россіи, устойчивость и надежность ея правительства. Въ запискѣ, составленной французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (іюль, 1739 г.) и долженствовавшей служить инструкціей вновь назначаемому посланнику, ему предписывалось лишь собрать предварительныя свѣдѣнія о положеніи Россіи и партій при русскомъ дворѣ.

Библиотека "Руниверс"

При этомъ онъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на лицъ, державшихъ сторону великой княжны Елисаветы Петровны; разузнать, какое значеніе и какихъ друзей она можетъ имѣть, а также настроеніе умовъ въ Россіи, семейныя отношенія, словомъ, все то, что могло бы предвѣщать возможность переворота, причемъ имѣлся въ виду планъ возвести на престолъ великую княжну при содѣйствіи Франціи и замѣнить такимъ образомъ австрійское вліяніе на русскій дворъ французскимъ [1]). Въ Петербургѣ незадолго передъ тѣмъ былъ открытъ заговоръ, въ которомъ была замѣшана Елисавета Петровна [2]); ея фаворитъ Нарышкинъ долженъ былъ бѣжать во Францію, откуда онъ продолжалъ интриговать въ пользу царевны.

Въ столь неопредѣленномъ и щекотливомъ порученіи, какое возлагалось на французскаго посланника, все зависѣло отъ выбора человѣка. Сначала французскій дворъ остановился на графѣ Вогренанѣ, однако этого дипломата устрашили слухи о неудобствахъ жизненной обстановки, ожидающихъ его въ Россіи, и онъ отклонилъ отъ себя предложенное назначеніе. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній версальскій кабинетъ назначилъ на этотъ постъ маркиза Шетарди, который въ теченіе десяти лѣтъ съ успѣхомъ занималъ мѣсто французскаго посланника въ Берлинѣ [3]).

Шетарди былъ типомъ свѣтскаго француза восемнадцатаго вѣка. То офицеръ, то дипломатъ, а прежде всего придворный—онъ обращалъ на себя вниманіе вездѣ, гдѣ ни появлялся. Страстно любившій общество, гдѣ, благодаря своему изяществу и галантности, онъ имѣлъ большой успѣхъ и насчитывалъ столько же друзей, какъ и враговъ, привлекая однихъ своей любезностью и личнымъ обаяніемъ и возстановляя противъ себя другихъ своимъ подвижнымъ и вспыльчивымъ нравомъ. Одаренный быстрой и развитой сообразительностью, живымъ умомъ, а съ другой стороны—легкомысленный, отважный, увѣренный въ себѣ и безразсудно пылкій, онъ жертвовалъ всѣмъ ради желанія блистать, играть какую-нибудь видную роль; отваживался на самыя смѣлыя предпріятія, не предусматривая ихъ исхода, и лишался, благодаря своему легкомыслію, плодовъ, пріобрѣтаемыхъ его искуснымъ веденіемъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ высокомѣрный, ревниво охранявшій достоинство своего званія, преданный своимъ привилегіямъ, въ качествѣ дворянина и посла, не уступавшій ни въ чемъ, касающемся церемоніала—онъ обсуждалъ пу-

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, т. 86, стр. 76—96.

[2]) Еще въ 1733 г. Маньянъ писалъ изъ Петербурга: „Здѣшнему государству грозитъ переворотъ, вслѣдствіе чрезвычайно сильнаго желанія всего русскаго народа освободиться отъ ига чужеземнаго владычества“. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 81, стр. 532.

[3]) Іоахимъ маркизъ де-ла-Шетарди род. 1705 г. † 1758 г. Ему было при отъѣздѣ въ Петербургъ 35 лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

стыя подробности весьма серьезно, а дѣла—иногда легкомысленно. Въ чемъ онъ выказалъ себя великимъ мастеромъ—это въ искусствѣ сорить деньгами, истинно по-барски. Уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ Шетарди не имѣлъ недостатка въ примѣрахъ блестящаго мотовства. При тѣхъ дворахъ, гдѣ онъ являлся уполномоченнымъ лицомъ, онъ вызывалъ восторгъ великолѣпіемъ своего образа жизни; всѣ ставили въ примѣръ его экипажи, одежду, блескъ устраиваемыхъ имъ пріемовъ, ливреи его слугъ. Онъ могъ бы давать иностранцамъ уроки чопорнаго этикета и утонченной элегантности, но, къ сожалѣнію, его политика слишкомъ часто напоминала салонную интригу, и ему не разъ приходилось въ томъ раскаиваться. Таковъ былъ человѣкъ, игравшій видную роль въ Петербургѣ при воцареніи Елисаветы Петровны.

Онъ прибылъ въ Россію въ исходѣ 1739 г. Русскій и французскій дворы были того мнѣнія, что возобновленіе между ними сношеній должно совершиться самымъ торжественнымъ образомъ; оба посланника, русскій и французскій, получили званіе чрезвычайныхъ пословъ, которое требовало отъ лица, имъ облеченнаго, особой представительности и давало право на особыя почести. Эта видная роль подходила какъ нельзя болѣе къ характеру маркиза Шетарди.

Онъ привезъ съ собою многочисленную свиту, состоявшую изъ 12-ти кавалеровъ, секретаря, 8-ми духовныхъ лицъ, 6-ти поваровъ, 50-ти пажей, камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ. Проѣздомъ въ Дрезденѣ онъ поразилъ дворъ, слывшій однимъ изъ изысканнѣйшихъ дворовъ Германіи.

«Платья Шетарди, писалъ Мантейфель, прусскій посланникъ въ Саксоніи, — самыя великолѣпныя и самымъ лучшимъ образомъ исполненныя изъ виданныхъ когда-либо въ Россіи. По словамъ маркиза, онъ покажетъ русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ, что̀ значитъ Франція».

Въ Курляндіи послу былъ оказанъ великолѣпный пріемъ; на его пути были разставлены эшелонами отряды драгунъ, долженствовавшіе конвоировать его; такимъ образомъ онъ прибылъ на границу Россіи.

Переправившись черезъ Двину, у Риги, и сойдя на берегъ, онъ увидѣлъ четыре роты гренадеръ въ полномъ вооруженіи, а на лѣвомъ берегу—роту кирасиръ, артиллерію и конную стражу гражданъ Риги. Войска привѣтствовали его тремя ружейными залпами и 31-мъ пушечнымъ выстрѣломъ. Затѣмъ два депутата отъ города привѣтствовали его рѣчью отъ имени магистрата Риги. На набережной ожидали его и его свиту три кареты, запряженныя въ шесть лошадей. Онъ въѣхалъ въ городъ, предшествуемый музыкантами: однимъ литаврщикомъ и шестью трубачами, за коими шелъ отрядъ изъ 200 всадниковъ конной стражи гражданъ, которые ѣхали по-парно въ разноцвѣтныхъ мундирахъ. У дверей

Библиотека "Руниверс"

дома, приготовленнаго для посланника, былъ поставленъ почетный караулъ изъ 50-ти гренадеръ съ полковымъ знаменемъ. Генералъ Бисмаркъ, русскій губернаторъ Риги, принялъ Шетарди при выходѣ изъ кареты, провелъ его въ приготовленные покои и представилъ ему мѣстныхъ чиновниковъ. Пріѣздъ представителя французскаго короля былъ отпразднованъ смотромъ, обѣдомъ и баломъ, и ему отдавали все время почести, подобающія монарху [1]).

Начиная отъ Риги, путешествіе посланника превратилось въ настоящее торжественное шествіе. На станціяхъ при смѣнѣ лошадей и на ночлегахъ онъ былъ встрѣчаемъ представителемъ отъ дворянства. Навстрѣчу Шетарди былъ посланъ одинъ изъ чиновъ императорскаго двора, который былъ при немъ неотлучно; войска отдавали ему воинскія почести, а онъ раздавалъ щедрою рукою золото и подарки. Когда посланникъ подъѣхалъ къ Петербургу, ему было предложено совершить торжественный въѣздъ въ столицу, но онъ скромно отъ этого отказался въ виду того, что въѣздъ русскаго посла въ Парижъ не былъ обставленъ никакою торжественностью. Зато Шетарди рѣшилъ поразить всѣхъ особымъ блескомъ и пышностью на первой же аудіенціи. Въ назначенный для того день онъ отправился во дворецъ въ царской каретѣ, за которой слѣдовали его собственные экипажи, окруженные придворными, которые ѣхали верхами, гайдуками, лакеями и скороходами. Императрица Анна Іоанновна приняла его сидя на тронѣ, съ короною на головѣ, окруженная всѣмъ дворомъ. Посланникъ поразилъ всѣхъ своими безупречными манерами, поцѣловалъ руку императрицы и сказалъ ей весьма краснорѣчивое привѣтствіе [2]), на которое императрица отвѣчала, что, относясь неизмѣнно съ полнѣйшимъ вниманіемъ къ дружбѣ его королевскаго величества, она съ удовольствіемъ пользуется случаемъ къ возобновленію добрыхъ отношеній между ихъ величествами. Заботы, принятыя на себя его королевскимъ величествомъ для возстановленія при его посредствѣ гарантіи мира, заключеннаго недавно императрицей съ Оттоманской Портой, вполнѣ убѣждаютъ ея императорское величество въ значительности услугъ, которыми она обязана королю. Поэтому, чтобы представить его королевскому величеству убѣдительныя доказательства своей признательности, императрица постарается со всѣмъ возможнымъ прилежаніемъ поддерживать дружбу короля и содѣйствовать всему, что будетъ отъ нея зависѣть, для большаго ея укрѣпленія [3]).

---

[1]) Корреспонденція Шетарди 12-го нояб. (1-го дек.), 29-го дек. (9-го янв.) 1739 г. „Сборн. Ист. Общ., т. 86, стр. 152—160.

[2]) Корреспонденція Шетарди 29-го дек. 1739 г. (9-го янв. 1740 г.)

[3]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 86, стр. 169.

Библиотека "Руниверс"

Выйдя изъ царскихъ покоевъ, Шетарди тотчасъ отправился къ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Это вниманіе со стороны француза къ молодой и красивой собою принцессѣ понятна сама собою, но надобно полагать, что въ этой поспѣшности не послѣднюю роль играли и политическія соображенія. Прочтя внимательно свои инструкціи, Шетарди зналъ, что многіе смотрѣли въ Россіи на Елисавету Петровну какъ на свою законную государыню, несправедливо устраненную отъ престола, на который она имѣла право по своему рожденію, и что эти люди были готовы при первомъ удобномъ случаѣ возвести ее на престолъ.

Двадцати-восьми-лѣтняя красавица, высокая ростомъ, стройная, прекрасно сложенная, съ чудными голубыми глазами съ поволокою, съ прекрасными бѣлокурыми волосами и ослѣпительно бѣлымъ цвѣтомъ лица, чрезвычайно веселая, живая, нѣсколько вѣтреная и легкомысленная, неспособная думать ни о чемъ серьезномъ—такова была въ то время Елисавета Петровна. Она прекрасно говорила по-французски, порядочно понѣмецки, и была какъ бы рождена для Франціи, такъ какъ она любила только блескъ [1]).

Она была весьма тронута вниманіемъ, оказаннымъ ей французскимъ посланникомъ и, несмотря на все свое легкомысліе, никогда этого не позабыла.

Шетарди былъ очарованъ великой княжною; совершенно иное впечатлѣніе произвела на него холодная, апатичная Анна Леопольдовна, къ которой онъ отправился отъ Елисаветы Петровны; онъ былъ принятъ ею и ея мужемъ такъ холодно и нелюбезно, что его самолюбіе было этимъ задѣто и онъ рѣшилъ отомстить имъ за этотъ пріемъ, если къ тому представится случай.

Послѣ утонченности версальскаго двора и простоты, господствовавшей въ Германіи, русскій дворъ съ его увеселеніями, шутами, скоморохами, грубой безвкусной роскошью поразилъ французскаго посланника. Среди этого двора была только одна личность, напоминавшая западные нравы и подходившая къ духу западныхъ націй своими вкусами, своей безъискусственной веселостью и врожденной граціей; это была великая княжна Елисавета.

Шетарди пользовался всякимъ случаемъ быть съ нею; вспомнивъ, что званіе посла давало ему право открывать съ нею при дворѣ балъ, такъ какъ императрица болѣе не танцовала, онъ заявилъ объ этомъ правѣ и настоялъ на своемъ требованіи. Это понравилось великой княжнѣ; она часто повторяла маркизу, что ей извѣстны чувства, которыя питаетъ къ ней король, что она этимъ тронута и постарается поддержать ихъ [2]).

---

[1]) Такъ описывалъ ее польскій посланникъ Лефортъ.

[2]) Письмо Шетарди 5 марта н. ст. 1740 г.

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ однакоже Шетарди соскучился въ Петербургѣ. Онъ разсчитывалъ имѣть въ русской столицѣ тѣ же свѣтскіе успѣхи, къ коимъ онъ привыкъ въ Европѣ, и полагалъ, что ему удастся привлечь въ свой домъ многочисленное и избранное общество и что, сблизившись съ вліятельными лицами и ихъ семействами, онъ получитъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о Россіи и ея правительствѣ. Но эти надежды не оправдались. Ни любезность маркиза, ни его роскошный столъ, за которымъ ежедневно было накрыто 14 кувертовъ для посѣтителей, не привлекали къ нему русскихъ вельможъ, которые еще чуждались иностранцевъ. Цѣлыхъ три мѣсяца Шетарди былъ обреченъ на вынужденное и «малоподобающее его званію» одиночество, которое онъ «съ трудомъ могъ переносить. Мало того, что внѣшніе знаки почтенія, выказываемые мнѣ при дворѣ, не оживили до сихъ поръ вниманія ко мнѣ общества, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кардиналу Флёри, я не могъ до сихъ поръ побѣдить предразсудковъ и обычаевъ, какъ естественныхъ, такъ и вынужденныхъ, которые существуютъ, повидимому, въ здѣшней странѣ».

«Не желая жаловаться, писалъ онъ статсъ-секретарю Амело, я все-таки считаю возможнымъ высказать, что не бывало, пожалуй, примѣра, чтобы посолъ, не дающій къ тому никакого повода, недостаточной, напр., внимательностью или неумѣстной мизантропіей, или наконецъ неприличной скаредностью, былъ принужденъ тотчасъ же по своемъ прибытіи провести два мѣсяца одиноко въ своемъ кабинетѣ, за исключеніемъ тѣхъ краткихъ промежутковъ, которые я провелъ при дворѣ, выполняя тщательнымъ образомъ какой нибудь долгъ вѣжливости, равно какъ и время, когда иностранные министры являлись ко мнѣ запросто пообѣдать или пытались зазвать меня къ себѣ [1]).

Не выдержавъ такой жизни Шетарди рѣшился наконецъ отправиться къ министру иностранныхъ дѣлъ Остерману и попросилъ его предложить всѣмъ придворнымъ являться въ посольство. Остерманъ любезно изъявилъ на это свое согласіе.

— По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, если они и теперь не явятся къ вамъ, то надобно будетъ признать, что они неисправимы.

Придворные повиновались; салонъ французскаго посланника оживился; тѣ лица, которыя вначалѣ пріѣзжали къ нему по приказанію, вскорѣ стали ѣздить къ нему, чтобы пріятно провести время: онъ подкупилъ ихъ своей любезностью, со многими изъ нихъ подружился и изъ ихъ разговоровъ уяснилъ себѣ мало-по-малу истинное положеніе дѣлъ въ имперіи, подмѣтилъ всеобщее неудовольствіе и общую ненависть къ нѣмцамъ, стоявшимъ во главѣ правленія.

---

[1]) Ла-Шетарди—Амело и кардиналу Флёри 12 февраля (1 марта) 1740 г. Сбор. Ист. Общ. т. 86 стр. 219 и 240.

Библиотека "Руниверс"

Въ это время Швеція, считая Россію истощенной и обезсиленной послѣднею войною съ Турціей, собиралась отплатить ей за прежнія пораженія, стягивала свои войска въ Финляндію и выражала намѣреніе отнять у русскихъ провинціи, завоеванныя у нея Петромъ Великимъ.

Чтобы отвратить эту опасность и не доводить дѣла до разрыва съ Швеціей, Россія разсчитывала на Францію, зная, какимъ вліяніемъ эта держава пользовалась въ Стокгольмѣ; но петербургскій дворъ изъ гордости не хотѣлъ сдѣлать перваго шага, надѣясь, что Людовикъ XV самъ предложитъ ей свое посредничество. Между тѣмъ, инструкціи, данныя Шетарди предписывали ему дѣйствовать въ этомъ случаѣ какъ можно осторожнѣе и сдержаннѣе, «оставаясь совершенно безучастнымъ къ внушеніямъ подобнаго рода» [1]). Преувеличивая смыслъ этихъ инструкцій, Шетарди никогда не касался дѣлъ въ своихъ бесѣдахъ съ русскими сановниками. Вскорѣ до него дошелъ слухъ, что они чрезвычайно удивлены его молчаніемъ. Наконецъ, петербургскій кабинетъ рѣшился заговорить, впрочемъ, довольно иносказательно и неясно.

— Надо, чтобы стало извѣстнымъ,—сказалъ однажды посланнику Остерманъ,—что мы находимся въ состояніи первобытной невинности.

Иными словами это значило, что Россія считала себя свободною отъ своихъ обязательствъ относительно Австріи и могла предложить новому другу, который съумѣлъ бы плѣнить ее сердце, свободное отъ всякой привязанности. Остерманъ повторилъ эти слова неоднократно, прося Шетарди передать ихъ въ точности кардиналу Флёри.

«Подтвердите г. Остерману, писалъ статсъ-секретарь Амело съ нарочнымъ, 8-го апрѣля н. ст. 1740 г., въ отвѣтъ на это сообщеніе, что мы такіе люди, съ которыми можно вести переговоры, и что, если только мы будемъ имѣть основаніе убѣдиться въ оказываемомъ намъ довѣріи и въ откровенности, то мы съумѣемъ показать на дѣлѣ Россіи, что у нея не можетъ быть друзей болѣе вѣрныхъ, чѣмъ мы» [2]).

Передавая это порученіе Остерману, посланникъ дружески замѣтилъ ему, что Россія дѣйствуетъ недостаточно откровенно.

— Скорѣе мнѣ приходится васъ упрекать въ томъ, въ чемъ вы думаете, что мы заслуживаемъ упрека,—отвѣчалъ старый дипломатъ.

Какъ бы то ни было, обѣ державы готовы были сблизиться и къ этому уже клонились всѣ переговоры, когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1740 г. внезапно скончалась императрица Анна Іоанновна. Послѣ кратковременнаго регентства Бирона, правленіе перешло въ руки Анны Леопольдовны.

Въ это время между версальскимъ и петербургскимъ кабинетами

---

[1]) Статсъ-секретарь Амело—Шетарди 17-го (28-го) апрѣля 1740 г.

[2]) Амело - Шетарди 29-го марта (8-го апрѣля) 1740 г.

Библиотека "Руниверс"

завязались продолжительные и довольно щекотливые переговоры, вызванные пустяшнымъ требованіемъ церемоніала. Шетарди, назначенный чрезвычайнымъ посломъ французскаго короля при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ лишился этого званія со смертью императрицы; нѣсколько времени спустя ему велѣно было остаться представителемъ Франціи въ Петербургѣ, только въ званіи полномочнаго посланника: оставалось рѣшить вопросъ о томъ, какимъ образомъ онъ представитъ свои новыя вѣрительныя грамоты. Посланники другихъ державъ удовольствовались аудіенціей у правительницы; Шетарди требовалъ, чтобы ему дозволили представиться самому царю, которому не исполнилось еще въ то время года. Подобное требованіе удивило русскихъ и породило массу самыхъ запутанныхъ вопросовъ. Будетъ ли аудіенція частная или публичная? Вручитъ ли посланникъ свои кредитивныя письма самому ребенку? Положитъ ли онъ ихъ на табуретъ, поставленный у подножія трона или вручитъ ихъ правительницѣ, которая будетъ держать малолѣтняго царя на рукахъ? Все это были вопросы крайне затруднительные и которые обсуждались съ самымъ серьезнымъ видомъ версальскимъ и петербургскимъ дворами, вызвавъ усиленный обмѣнъ депешъ, записокъ и дипломатическихъ писемъ.

Въ это же время скончался австрійскій императоръ Карлъ IV, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, но утвердивъ престолъ за своей дочерью, Маріей-Терезіей, въ силу прагматической санкціи, которая была гарантирована Франціей и Россіей; однако претендентомъ на австрійскія владѣнія, унаслѣдованныя Маріей-Терезіей отъ отца, явился баварскій курфюрстъ Карлъ Альбертъ, встрѣтившій поддержку въ прусскомъ королѣ Фридрихѣ II и даже во Франціи, которая болѣе 200 лѣтъ только и мечтала о томъ, какъ бы унизить Австрію. Прусскій король, поддерживая права курфюрста, рѣшился занять войсками Силезію, тогда Марія-Терезія, видя опасность, угрожавшую ей со стороны Пруссіи и Франціи, стала искать поддержки у Россіи, но правительница Анна Леопольдовна, несмотря на личное свое сочувствіе къ австрійской императрицѣ, ограничилась протестомъ противъ дѣйствій прусскаго короля, но не помогла Маріи-Терезіи ни войскомъ, ни деньгами. Французская дипломатія не играла въ этомъ рѣшеніи никакой роли.

Весною 1741 г., Минихъ, бывшій противникомъ союза съ Австріей, не поладивъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, былъ отрѣшенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей; австрійская партія восторжествовала и въ тотъ моментъ, когда Франція стала открыто на сторону враговъ Маріи-Терезіи, подписавъ вмѣстѣ съ Пруссіей, Баваріей и Саксоніей союзный договоръ, Россія готовилась выступить на защиту королевы венгерской и послать ей на помощь 30.000 войска. Въ это же время прибылъ въ Петербургъ англійскій уполномоченный Финчъ: Англія предлагала браун-

Библиотека "Руниверс"

швейгскому дому обезпечить за нимъ русскій престолъ, если Россія обѣщаетъ помогать ей въ ея борьбѣ съ Франціей. Правительница согласилась на эти предложенія и, подписавъ договоръ, представленный ей Финчемъ, присоединилась открыто къ недругамъ Франціи [1]).

Шетарди предвидѣлъ это рѣшеніе, но не старался устранить его; зная непріязненное отношеніе брауншвейгскаго дома къ Франціи и питая въ душѣ непримиримую вражду къ правительницѣ, которую онъ выводилъ изъ себя своимъ формализмомъ, онъ полагалъ, что Франціи отъ нея нечего ожидать и что Россія, управляемая нѣмцами, рано или поздно, всецѣло подпадетъ подъ вліяніе Австріи. Онъ былъ увѣренъ, что русскій дворъ измѣнитъ свою политику только съ перемѣною правленія и для того, чтобы вырвать Россію изъ рукъ нѣмцевъ, по его мнѣнію, было одно средство: совершить государственный переворотъ. Это казалось дѣломъ довольно легкимъ, такъ какъ большинство русскихъ ненавидѣло господствовавшую нѣмецкую партію. Составить заговоръ, положить конецъ господству иноземцевъ, возвести на престолъ Елисавету, которая душою и сердцемъ напоминала француженку — таковъ былъ планъ, осуществленію котораго предался всею душею маркизъ Шетарди.

Извѣстны любовь и преданность, какую питали къ Елисаветѣ Петровнѣ войско и народъ, какія надежды возлагали на нее русскіе, обожавшіе въ ея лицѣ дочь Петра Великаго; однако, несмотря на ея доступность, несмотря на массу друзей, у Елисаветы не было того, что называется партіей, т. е. извѣстнаго числа дисциплинированныхъ людей, которые подчинялись бы одному лицу и были бы на все готовы по первому знаку.

Для того, чтобы образовать партію и руководить ею, необходимы терпѣніе и притворство, а Елисавета Петровна была легкомысленна и несдержанна, притомъ, главнымъ двигателемъ всякаго заговора являются деньги, которыхъ у великой княжны не было. Помочь ей совѣтомъ, снабдить ее деньгами, поддерживать въ ней энергію и бодрость духа, необходимые для столь рискованнаго предпріятія, взялъ на себя французскій посланникъ.

Въ царствованіе Анны Іоанновны ему ни разу не удалось видѣться и говорить съ принцессой наединѣ. Всякій разъ, когда онъ являлся къ ней, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, у нея оказывался какой-нибудь непрошенный посѣтитель, подосланный дворомъ, который поспѣвалъ какъ разъ во-время, чтобы присутствовать при ихъ разговорѣ.

Въ правленіе Анны Леопольдовны первый шагъ къ сближенію былъ

---

[1]) Корреспонденція Шетарди 7-го (18-го) апрѣля, 9-го (20-го) мая 1741 г.

Библиотека "Руниверс"

сдѣланъ самой Елисаветой. Окруженная шпіонами, она довѣряла только своему врачу и другу, ганноверскому уроженцу Лестоку. Ловкій въ искусствѣ завязать интригу, онъ не имѣлъ смѣлости довести ее до конца, но по своей глубокой преданности къ великой княжнѣ какъ бы самою судьбою былъ предназначенъ къ скромной роли довѣреннаго лица и посредника.

Лестокъ заѣхалъ однажды во французское посольство, и распространившись о симпатіи великой княжны къ Франціи, намеками далъ понять посланнику о надеждахъ, которыя возлагала на него Елисавета. Шетарди понялъ съ полуслова и тотчасъ же поѣхалъ къ принцессѣ, которую онъ засталъ на этотъ разъ одну. Она открыла ему свою душу, горько жаловалась на правительницу, незаконно владѣющую престоломъ, и присовокупила, что какъ дочь Петра Великаго она вѣрна завѣтамъ отца и полагается на дружбу Франціи для поддержанія ея правъ [1]).

Во время этой бесѣды она не разъ съ особеннымъ чувствомъ упоминала имя французскаго короля, и Шетарди подмѣтилъ, что она питаетъ къ нему какую то особенную романическую привязанность. Ей были извѣстны, конечно, переговоры, которые велись о ея бракѣ съ Людовикомъ XV; слыша со всѣхъ сторонъ похвалы уму и красотѣ молодаго короля, она питала къ этому монарху, котораго она никогда не видѣла, но женою котораго могла бы быть, чувство какой-то особенной нѣжности, смѣшанное съ любопытствомъ; воспоминаніе о немъ преслѣдовало ее какъ очаровательное, мимолетное видѣнье. Подобное настроеніе было весьма благопріятно для плана, составленнаго Шетарди, но онъ не считалъ себя въ правѣ дѣйствовать, не снесшись предварительно со своимъ правительствомъ, такъ какъ, по его собственному выраженію, посланникъ, не имѣющій иструкцій, все равно что «незаведеные часы».

Французскій дворъ колебался вступить на тотъ путь, который указывалъ ему рѣшительный и предпріимчивый маркизъ. Вмѣшаться тайнымъ образомъ въ домашнія распри посторонней державы, дать деньги для составленія заговора противъ существующаго правительства и сдѣлать французскаго короля сообщникомъ этого заговора—казалось дѣломъ довольно рискованнымъ. Получивъ первыя предложенія своего посланника, версальскій кабинетъ попросилъ время на размышленіе. Но мало-по-малу желаніе устранить въ Петербургѣ нѣмецкое вліяніе и замѣнить его французскимъ взяло верхъ надъ всѣми прочими соображеніями; тѣмъ болѣе что въ XVIII-мъ вѣкѣ государства не придерживались еще современнаго принципа невмѣшательства въ чужія дѣла, поэтому французское министерство пришло мало-по-малу къ убѣжде-

[1]) Корреспонденція Шетарди 3-го (14-го) января 1741 года.

Библиотека "Руниверс"

нію, что «это дѣло вполнѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія короля и что не слѣдуетъ огорчать принцессу Елисавету отказомъ» [1]).

Нѣсколько времени спустя, оно высказалось опредѣленнѣе.—Шетарди велѣно было передать царевнѣ, что Франція предоставляетъ въ ея распоряженіе свои средства, свой кредитъ и готова помогать ей своими совѣтами. Желая польстить тайной склонности Елисаветы, Шетарди старался увѣрить ее, что король, содѣйствуя ея планамъ, занятъ лишь ею и ея выгодами; онъ ссылался на удовольствіе, какое испытаетъ король, содѣйствуя такимъ цѣлямъ, и увѣрялъ Елисавету, что дѣйствія короля всегда будутъ направлены единственно къ удовольствію видѣть ее счастливой и возсѣдающей на престолѣ; что король охотно доставитъ средства для такихъ издержекъ, какъ только она увѣдомитъ, какимъ образомъ это можно будетъ сдѣлать, соблюдая тайну, и что когда бы его величество увидѣлъ принцессу Елисавету и уступилъ бы чувствамъ, какія она весьма способна внушать, то и тогда бы онъ не могъ заниматься еще болѣе тѣмъ, что ее интересуетъ, и что онъ будетъ считать себя вполнѣ вознагражденнымъ, если ему достанется слава возведенія на престолъ принцессы, заслуживающей этого во всѣхъ отношеніяхъ [2]).

Елисавета Петровна, со своей стороны, не замедлила высказать, что она тронута тѣмъ, что король желаетъ для нея сдѣлать и, руководимая живѣйшею признательностью, ни минуты не замедлила бы ее высказать, взявъ на себя честь написать его величеству, если бы соображенія, которымъ она оказывается подчиненной, не лишали ее средствъ къ тому. Тѣмъ скорѣе она поспѣшитъ вознаградить за упущенное, если дѣла примутъ счастливый оборотъ: ни о чемъ не будетъ тогда заботиться сильнѣе, какъ о томъ, чтобы всю свою жизнь представлять доказательства своей благодарности королю [3]). Оставалось только выработать планъ совмѣстныхъ дѣйствій.

Въ это самое время отношенія Россіи къ Швеціи обострились; возможность войны становилась все болѣе и болѣе вѣроятною, такъ какъ Швеція не могла примириться съ потерею провинцій на восточномъ побережьи Балтійскаго моря и собиралась возвратить ихъ силою оружія. Елисавета и Лестокъ хотѣли выждать начала войны и воспользоваться смятеніемъ, какое вызоветъ при петербургскомъ дворѣ вѣсть о приближеніи непріятеля, чтобы подать сигналъ къ возстанію. Франція одобрила, въ принципѣ, этотъ планъ, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ.

---

[1]) Письмо Амело—Шетарди 12 (23) января и 23 января (2 февр.) 1741 г.

[2]) Письмо Шетарди 2 мая н. ст. 1741 г. „Сборн. Истр. Общ." т. 92, стр. 516.

[3]) „Сбор. Ист. Общ." т. 92 стр. 517.

Библиотека "Руниверс"

Содѣйствуя государственному перевороту, она хотѣла имъ воспользоваться не только для того, чтобы сблизиться съ Россіей, но чтобы возстановить на ея счетъ прежнее величіе Швеціи. Преслѣдуя эту цѣль, французское правительство выразило желаніе, чтобы между стокгольмскимъ дворомъ и Елисаветой Петровной установилось нѣкотораго рода соглашеніе, а именно, Швеція обязалась бы напасть на русскихъ по первому требованію, а Елисавета, со своей стороны, обѣщала бы, вступивъ на престолъ, возвратить ей часть Прибалтійскихъ провинцій, завоеванныхъ Петромъ Великимъ.

«Ничего не будетъ упущено, писалъ статсъ-секретарь Амело Шетарди, для побужденія шведовъ оказать помощь перевороту и даже для доставленія имъ возможности нанести рѣшительный ударъ, какъ только мѣры будутъ, повидимому, хорошо приняты. Но, по всей вѣроятности, въ награду за такую значительную услугу, они пожелаютъ возвращенія, по крайней мѣрѣ части отнятыхъ у нихъ областей. Если вы въ состояніи будете склонить принцессу Елисавету къ такой жертвѣ, вы окажете громадную услугу королю, для котораго всегда будетъ выгодно сдерживать Россію въ ея прежнихъ границахъ» [1]).

Поступая такъ, Франція не приняла во вниманіе патріотизмъ и дочернюю любовь великой княжны. Соглашаясь воспользоваться услугами Швеціи и даже вызвать ея на войну съ Россіей, Елисавета Петровна сочла бы измѣною противъ Россіи и противъ памяти своего отца—отказаться отъ завоеваній, которыя должны были обезпечить государству сообщеніе съ моремъ и защищать доступъ къ основанной Петромъ Великимъ столицѣ. Возвратить Прибалтійскія губерніи—значило бы вернуться на полвѣка назадъ; возможно ли было вычеркнуть изъ лѣтописей исторіи Полтавскую побѣду? Лучше было отказаться отъ престола, нежели получить его такой цѣной. Понятно, что относительно этого пункта Елисавета оставалась непреклонною.—Несмотря на всѣ настоянія Шетарди и шведскаго посланника, барона Нолькена, она на отрѣзъ отказалась уступить хотя бы одну пядь русской земли. Шведскому посланнику даже не удалось добиться отъ великой княжны никакого письменнаго ходатайства о помощи со стороны Швеціи, которое служило бы законнымъ оправданіемъ его дѣйствій, но которое было бы вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціальнымъ доказательствомъ соглашенія Елисаветы Петровны съ врагами государства [2]).

Это упорство со стороны великой княжны было первою помѣхою къ осуществленію плана, составленнаго маркизомъ Шетарди; а затѣмъ вскорѣ явилось другое препятствіе: пререканія объ этикетѣ, возникшія

---

[1]) Амело—Шетарди 5 (16) февраля 1741 г.

[2]) Корреспонденція Шетарди 14 (25) февраля 1741 г.

Библиотека "Руниверс"

тельства относительно церемоніала.—Шетарди получилъ наконецъ давно желаемую аудіенцію у царя и снова появился при дворѣ. На первомъ же пріемѣ онъ встрѣтился съ Елисаветой Петровною и въ разговорѣ съ нею высказалъ, что несмотря на справедливыя основанія, существовавшія у короля для отозванія посланника изъ Петербурга, онъ повелѣлъ ему оставаться въ Россіи единственно для того, чтобы отстаивать интересы царевны.

— Его величество, говорилъ Шетарди, занятъ изысканіемъ средствъ для возведенія вашего высочества на престолъ, и, если ради этой цѣли, онъ уже заставилъ своихъ союзниковъ, шведовъ, взяться за оружіе, то король съумѣетъ также ничего не пощадить, чтобы дать имъ возможность оказать вамъ наилучшее содѣйствіе.

Елисавета искренно благодарила посланника и сообщила ему, что въ надеждѣ, что онъ будетъ теперь ее навѣщать, она приняла свои мѣры предосторожности, чтобы не терпѣть никакихъ стѣсненій отъ присутствія какихъ либо лицъ. Елисавета Петровна присовокупила, что по мѣрѣ того какъ недовольство ростетъ, ея партія увеличивается; въ числѣ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ, она можетъ считать князей Трубецкихъ и принца Гессенъ-Гомбургскаго; всѣ лифляндцы недовольны и преданы ей; судя по нынѣшнему настроенію, предпріятіе это будетъ имѣть благопріятный исходъ [1]).

Замѣтивъ, что всѣ взоры были устремлены на нее, она не могла продолжать разговора. На другой день Лестокъ имѣлъ свиданіе съ Шетарди въ лѣсочкѣ, смежномъ съ дачею посланника, и обнадежилъ его насчетъ страстнаго желанія Елисаветы какъ можно скорѣе приступить къ исполненію задуманнаго плана и насчетъ преданности ея друзей.

Съ этого момента возникаетъ заговоръ, коимъ взялась руководить Франція. Восьмидесяти-восьми-лѣтній старикъ—кардиналъ Флёри и серьезный, педантичный статсъ-секретарь Амело рѣшились взять на себя роль заговорщиковъ.—Нити тайной интриги, затѣянной въ Петербургѣ, сходились въ ихъ рукахъ, въ Парижѣ, и ихъ тайные агенты препровождали въ Россію массу денегъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ переворота.

Въ первыхъ числахъ октября 1741 г. въ кафе Фуа, на улицѣ Ришелье, въ Парижѣ, куда часто заходили литературныя знаменитости и писатели, вошелъ молодой человѣкъ. Къ нему вскорѣ присоединился другой посѣтитель, съ коимъ тотъ заговорилъ, предварительно обмѣнявшись съ нимъ условными знаками, и которому онъ вручилъ, съ большими предосторожностями, кошелекъ съ 2.000 дукатовъ (22, 423 франка). Первый молодой человѣкъ былъ агентъ министра иностран-

[1]) Шетарди—Амело 2 сент. 1741 г. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 96, стр. 347

Библиотека "Руниверс"

ныхъ дѣлъ; второй—былъ г. де-Мань, другъ маркиза Шетарди. Де-Мань отослалъ полученныя деньги своему племяннику, проживавшему въ Россіи. Этотъ молодой человѣкъ былъ извѣстный мотъ и игрокъ, велъ въ Петербургѣ расточительный образъ жизни, поэтому ему было какъ нельзя болѣе естественно прибѣгнуть къ помощи щедраго дядюшки. Въ сущности эти деньги предназначались для Шетарди, на имя котораго нельзя было ихъ послать, не возбуждая подозрѣнія; изъ рукъ маркиза эти деньги разошлись по казармамъ гвардейскихъ войскъ, гдѣ вербовались сторонники Елисаветы Петровны [1]).

Подобнымъ образомъ, французское правительство неоднократно пересылало въ Петербургъ довольно крупныя суммы денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Франціи былъ посланъ въ Петербургъ особый эмиссаръ, которому было приказано увѣрить великую княжну въ нѣжной заботливости, съ какою король печется объ ея интересахъ [2]).

Въ то же время Франція съ успѣхомъ интриговала при разныхъ дворахъ Европы въ интересахъ Елисаветы Петровны. Въ Стокгольмѣ французскіе агенты проводили министровъ, и раздавали пригоршнями деньги въ сенатѣ и въ сеймѣ, чтобы ускорить выступленіе войскъ, которыя должны были напасть на русскія владѣнія. Въ Варшавѣ и Дрезденѣ, французская дипломатія подготовляла умы къ мысли объ ожидаемомъ въ Россіи переворотѣ. Въ Берлинѣ приходилось дѣйствовать осторожнѣе: Фридрихъ II былъ связанъ съ Брауншвейгскимъ домомъ узами крови и, несмотря на то, что ихъ отношенія были довольно холодны, можно было опасаться, что прусскій король отнесется къ планамъ Елисаветы Петровны неодобрительно. Французскому посланнику при дворѣ прусскаго короля было приказано осторожно вывѣдать его взглядъ на этотъ предметъ:

— Родными своими я признаю только моихъ друзей, съ цинизмомъ отвѣчалъ король прусскій [3]).

Душою заговора въ Петербургѣ былъ Шетарди. Чтобы достигнуть цѣли, которая льстила его самолюбію и тщеславію, онъ пустилъ въ ходъ всю свою ловкость. Маркизъ былъ совершенно въ своей сферѣ, когда дѣло шло о замысловатой интригѣ, въ особенности если въ ней была замѣшана очаровательная молодая женщина. Видя, съ какимъ увлеченіемъ и какъ энергично онъ преодолѣвалъ всѣ трудности, можно

---

[1]) Донесеніе Шетарди 22 августа (2 сент.) 1741 и письмо Амело къ Шетарди 21 окт. (2 ноября) 1741 г.

[2]) Объ этомъ упоминаетъ въ своихъ депешахъ Шетарди; эта подробность подтверждается также Фридрихомъ II въ Histoire de mon temps гл. IV стр. 130, (изд. 1789 г.).

[3]) Фридрихъ II. Histoire de mon temps, гл. IV, стр. 133.

Библиотека "Руниверс"

было думать, что онъ былъ занятъ любовной интригою, а не политическимъ дѣломъ, за которое онъ могъ поплатиться свободою, а быть можетъ и жизнію. Для довершенія иллюзіи, тутъ были и тайныя свиданія и долгіе часы ожиданія въ назначенномъ мѣстѣ и украдкою брошенные взоры и записочки, которыя писались условно, полусловами; Елисавета называлась въ нихъ «героемъ», Лестокъ—«довѣреннымъ лицомъ», а другой агентъ Шварцъ—«посредникомъ».

Нѣсколько разъ въ недѣлю Шетарди имѣлъ продолжительныя свиданія съ Елисаветой Петровной. Онъ отправлялся къ ней во дворецъ, ночью, переодѣтый, каждый день посылалъ ей записки, одобряя ея планы или высказывая свои замѣчанія, стараясь, съ одной стороны, сдерживать ея излишнюю горячность, а съ другой—поддержать ея довѣріе, которое начинало колебаться.

Правительница Анна Леопольдовна, ея супругъ и сановники предчувствовали угрожавшую имъ опасность, но у нихъ не хватало смѣлости принять какія либо дѣйствительныя и зрѣло обдуманныя мѣры для своей защиты. До нихъ доходили жалобы недовольныхъ, которыя ихъ смущали, точно такъ-же какъ безмолвіе, съ какимъ встрѣчали ихъ войска, когда они проходили мимо нихъ.

— Что съ тобою? почему ты грустишь? спросилъ однажды герцогъ Брауншвейгскій одного изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Елисаветы, капитана Семеновскаго полка, стоявшаго на карауле во дворцѣ, и положилъ ему въ руку кошелекъ съ 300 дукатовъ.

«Офицеръ, пишетъ Шетарди, былъ очень доволенъ заключительнымъ актомъ этого разговора, но не измѣнилъ изъ-за этого своимъ привязанностямъ» [1]).

Во дворцѣ правительницы то и дѣло совѣщались сановники, не приходя ни къ какому результату. Иной разъ правительница забывала свои опасенія: одну недѣлю она только и была занята мыслію о своемъ фаворитѣ Линарѣ, котораго она женила на своей любимой фрейлинѣ Юліи фонъ-Менгденъ; она осыпала ихъ подарками, посылала имъ брильянты, серебро, мебель и т. п. [2]) Иной разъ страхъ овладѣвалъ

---

[1]) Донесеніе Шетарди 19 (30) мая 1741 г.

[2]) „Графъ Линаръ„который уѣдетъ завтра или послѣ завтра въ Дрезденъ, писалъ Шатарди 12 сентября 1741 г., увозитъ съ собой брильянтовъ на милліонъ пятьсотъ тысячъ франковъ; драгоцѣнные подарки фаворитки оцѣниваются, по крайней мѣрѣ, въ ту же сумму; два перстня, которыми они обмѣнялись при обрученіи, стоятъ, самое меньшее, 50 тысячъ экю, но ничто ни изъ серебра, ни изъ мебели, не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ, которое правительницѣ угодно выставлять на показъ въ домѣ, подаренномъ ею и почти заново отдѣланномъ для фрейлины Менгденъ“ (Сборн. Ист. Общ. т. 96, стр. 394).

Библиотека "Руниверс"

ею, она вставала ночью, выходила изъ дворца, отправлялась къ старику Остерману и умоляла его не покидать ее. Только одинъ человѣкъ старался поддержать въ ней бодрость духа въ это тревожное время—это Линаръ. Онъ предложилъ рѣшительную мѣру—подвергнуть великую княжну допросу и слѣдствію и заставить отречься отъ правъ на престолъ или арестовать ее [1]).

— Къ чему, вздыхая возразила правительница, это послужитъ? Развѣ нѣтъ еще чертенка, который всегда будетъ смущать нашъ покой? Такъ выразилась она, намекая на герцога Голштинскаго [2]).

Линаръ разузналъ, черезъ своихъ тайныхъ агентовъ, что противъ Брауншвейгскаго дома болѣе всѣхъ интриговалъ маркизъ Шетарди. Онъ сообщилъ Аннѣ Леопольдовнѣ обо всѣхъ проискахъ маркиза и совѣтовалъ арестовать Шетарди, если она не рѣшалась ничего предпринять противъ Елисаветы. Правительница была окружена шпіонами, подкупленными великой княжною; одна изъ ея камеръ-юнферъ, услыхавъ сказанное Линаромъ, передала его слова Елисаветѣ Петровнѣ, которая предупредила Шетарди, а онъ тотчасъ громко заявилъ во дворцѣ, что если кто нибудь отважится посягнуть на его личность, то онъ вышвырнетъ посягнувшаго изъ окна [3]). Между тѣмъ въ домѣ посольства люди были вооружены, пистолеты заряжены и компрометирующія бумаги сожжены; посольство готовилось выдержать осаду—но никто не дерзнулъ посягнуть на посланника. Смѣлость и невозмутимое хладнокровіе Шетарди невольно внушали къ нему уваженіе. Онъ дѣйствовалъ рѣшительно и чуть не открыто работалъ надъ погибелью тѣхъ, кто мѣшалъ осуществленію его плановъ, но въ то же время относительно правительницы не упускалъ ни малѣйшаго правила, требуемаго этикетомъ и вѣжливостью. Проведя весь день съ Елисаветой, онъ отправлялся вечеромъ во дворецъ, былъ внимателенъ и предупредителенъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ, а уѣзжалъ отъ нея на тайныя свиданія съ Лестокомъ и Воронцовымъ.

Елисавета и Шетарди только и ожидали начала непріязненныхъ дѣйствій со стороны шведовъ, чтобы подать гвардіи сигналъ къ возстанію. Они могли начаться со-дня-на-день; по улицамъ Петербурга ежедневно проходили войска, отправляясь въ Финляндію. Неожиданное извѣстіе о томъ, что фельдмаршалъ Ласси, командовавшій русскими войсками въ Финляндіи, вступилъ на непріятельскую территорію и взялъ приступомъ крѣпость Вильманстрандъ, едва не погубило дѣла. Узнавъ объ этомъ, Шетарди поспѣшилъ къ великой княжнѣ и засталъ ее въ отчая-

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ." т. 96, стр. 427.
[2]) Донесеніе Шетарди 15 (26) сентб. 1741 г.
[3]) Тоже 22 августа (2 сентября) 1841 г.

Библиотека "Руниверс"

нія; онъ старался поддержать въ ней бодрость духа. Ему удалось войти въ сношеніе съ главной квартирой шведскаго генерала, откуда былъ присланъ манифестъ, обнародованный Швеціей, который онъ распространилъ въ городѣ, чтобы навести страхъ на русскій дворъ.

Въ этомъ манифестѣ, стокгольмское правительство, говоря о своихъ дружескихъ чувствахъ къ достохвальной русской націи, объявляло о своемъ намѣреніи напасть на незаконное его правительство, чтобы возстановить права законныхъ наслѣдниковъ престола [1]).

Несмотря на эти увѣренія, Елисавета теряла всякую надежду на скорую помощь со стороны шведовъ; побуждаемая къ тому своей партіей, она была готова ускорить развязку своего плана.

22 ноября (3-го декабря) 1741 г. она возвращалась въ свой дворецъ, совершивъ обычную прогулку, когда Шетарди подошелъ къ ней неожиданно и подалъ ей руку, помогая выйти изъ саней. Выраженіе лица великой княжны, ея голосъ и взглядъ свидѣтельствовали о чрезвычайномъ волненіи; маркизъ видѣлъ, что она не въ состояніи долѣе скрывать своихъ

---

[1]) Донесеніе Шетарди 17-го (28-го) окт., 24-го окт. (4-го нояб.) 1741 г.

Приводимъ текстъ этого манифеста, напечатанный въ переводѣ въ сочиненіи акад. Пекарскаго: „Маркизъ ла-Шетарди въ Россіи".

„Его королевскаго величества, моего всемилостивѣйшаго короля и государя, генералъ-аншефъ его арміи, я, Карлъ-Эмилій Левенгауптъ, графъ, объявляю всѣмъ и каждому сословію достохвальной русской націи, что королевская шведская армія вступила въ русскіе предѣлы не для чего иного, какъ для полученія, при помощи Всевышняго, удовлетворенія шведской короны за многочисленныя неправды, ей причиненныя иностранными министрами, которые господствовали надъ Россіею въ прежніе годы, а также потребную для шведовъ безопасность на будущее время; а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы освободить русскій народъ отъ несноснаго ига и жестокостей, съ которыми означенные министры, для собственныхъ своихъ видовъ, притѣсняли съ давняго времени русскихъ подданныхъ, чрезъ что многіе потеряли собственность, или лишились жизни отъ жестокихъ уголовныхъ наказаній, или впадали въ немилость, бѣдственно ссылались въ заточеніе. Вслѣдствіе этого, намѣреніе короля шведскаго состоитъ въ томъ, чтобы избавить достохвальную русскую націю, для ея же собственной безопасности, отъ тяжелаго, чужеземнаго притѣсненія и безчеловѣчной тираніи, и предоставить свободное избраніе законнаго и справедливаго правительства, подъ управленіемъ котораго русская нація могла бы безопасно пользоваться жизнію и имуществомъ, а со шведами сохранять доброе сосѣдство. Этого достигнуть будетъ невозможно до тѣхъ поръ, пока чужеземцы, по своему произволу и изъ собственныхъ видовъ, будутъ свободно и жестоко господствовать надъ вѣрными русскими подданными и ихъ сосѣдями-союзниками. Ради этихъ справедливыхъ намѣреній его королевскаго величества, должны и могутъ всѣ русскіе соединиться со шведами и, какъ друзья, отдаваться сами съ имуществомъ подъ высокое покровительство его величества и ожидать отъ его высокой особы всякаго сильнаго заступленія.

К. Э. Левенгауптъ".

Библиотека "Руниверс"

намѣреній и терпѣливо ждать развязки. Зная непостоянство и неустойчивость Елисаветы, онъ понималъ, что, рискнувъ всѣмъ въ первый моментъ, она могла погубить все дѣло минутной слабостью, онъ видѣлъ, что ему необходимо поддержать въ ней мужество, и рѣшился поставить ей на видъ, что если борьба будетъ начата, то единственнымъ спасеніемъ можетъ быть успѣхъ. [1])

— Вы вынуждаете меня,—сказалъ онъ,—ничего не скрывать отъ васъ относительно опасности, какой вы подвергаетесь. Узнайте же, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ вѣрнаго источника, теперь идетъ рѣчь о томъ, чтобы заключить васъ въ монастырь, и вы бы тамъ уже были, не случись нѣкоторыхъ обстоятельствъ, помѣшавшихъ тому; но какъ нельзя болѣе вѣроятно, что эта отсрочка не будетъ долго продолжаться. Итакъ, чѣмъ же вы рискуете—если даже вашъ замыселъ не удастся, подвергнуться, быть можетъ, на нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе той участи, которая вамъ предназначена и которой вы не можете избѣжать при тѣхъ мѣрахъ, какія приняты. Единственная разница лишь та, что, ничего не предпринимая, вы приводите въ отчаяніе вашихъ друзей, тогда какъ, выказавъ свое мужество, вы сохраните сторонниковъ, которыхъ ваше несчастіе лишь сильнѣе побудитъ отомстить за него, избавивъ васъ отъ опасности тѣмъ или инымъ способомъ.

Эти слова поразили Елисавету, она пожелала узнать, изъ какого источника онъ имѣлъ эти свѣдѣнія; его отвѣты убѣдили въ истинѣ сказаннаго и повергли ее въ ужасъ.

Она поблагодарила его за откровенность, присовокупивъ, что если захотятъ довести ее до крайности, то она покажетъ себя истинной дочерью Петра I [2]).

Воспользовавшись ея одушевленіемъ, Шетарди тотчасъ приступилъ къ обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало принять.

— Надобно захватить власть неожиданно,—говорилъ онъ,—чтобы все было окончено въ одну ночь, и чтобы Петербургъ, проснувшись, могъ привѣтствовать новую императрицу.

Такъ какъ преданность гвардейскихъ солдатъ была внѣ всякаго сомнѣнія, а на офицеровъ нельзя было вполнѣ полагаться, то было рѣшено дѣйствовать исключительно при помощи солдатъ.

— Вы отнюдь не должны колебаться довѣриться имъ,—говорилъ Шетарди,—положитесь на нихъ вполнѣ, такая довѣрчивость усилитъ ихъ рвеніе.

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 96, стр. 626 и сл.

[2]) Всѣ эти и послѣдующія подробности заимствованы главнымъ образомъ изъ писемъ Шетарди французскому королю и къ Амело отъ 26-го ноября (7-го декабря) 1741 г., въ которыхъ онъ даетъ отчетъ о совершившемся переворотѣ.

Библиотека "Руниверс"

Было рѣшено, что Елисавета, надѣвъ подъ свою одежду кирасу, отправится въ казармы, чтобы привлечь бо́льшее число войска, и сама поведетъ ихъ къ Зимнему дворцу. Обсудивъ со всей подробностью различные пункты, касающіеся осуществленія переворота, Шетарди коснулся вопроса, интересовавшаго его въ особенности, какъ представителя Франціи. Торжество Елисаветы должно было быть торжествомъ Франціи; съ ея восшествіемъ на престолъ, вліяніе нѣмецкой партіи въ Россіи должно было уступить французскому вліянію. Нанося ударъ правительству, великой княжнѣ слѣдовало, какъ говорилъ ей Шетарди, отдѣлаться отъ всѣхъ своихъ враговъ. Онъ представилъ ей списокъ всѣхъ тѣхъ, кого, по его мнѣнію, слѣдовало арестовать или сослать. Въ этомъ спискѣ были поименованы всѣ тайные и явные приверженцы Германіи; а такъ какъ всѣ важнѣйшія должности были заняты нѣмцами, то оказалось, что французскій посланникъ внесъ въ составленный ихъ списокъ всѣхъ чиновъ правительства, при которомъ онъ былъ аккредитованъ. Во главѣ ихъ стояли имена: Остермана, Миниха, Линара и Юліи Менгденъ [1]).

Условившись относительно подробностей, оставалось только назначить день для переворота; это было отложено до ближайшаго свиданія. На другой день при дворѣ былъ обычный пріемъ; Елисавета Петровна поѣхала во дворецъ. Принцессы играли въ карты въ галереѣ, возлѣ нихъ толпились придворные и дежурные адъютанты; тутъ же были и всѣ иностранные посланники и между ними Шетарди. Вдругъ правительница встала и прошла съ Елисаветой Петровной во внутренніе покои; ихъ бесѣда была продолжительна, лицо великой княжны, по возвращеніи, выражало сильнѣйшее волненіе.

Не была ли обнаружена тайна Елисаветы, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ тайною французскаго короля? вотъ вопросъ, который чрезвычайно встревожилъ Шетарди. Онъ съумѣлъ, однако, скрыть свою тревогу съ искусствомъ тонкаго дипломата, но уѣхалъ изъ дворца ранѣе обыкновеннаго и тотчасъ послалъ за Лестокомъ. Тщетно прождалъ онъ его всю ночь не смыкая глазъ; лейбъ-медикъ явился только на слѣдующій день. Шетарди съ первыхъ же словъ понялъ всю опасность своего положенія. Разговоръ между принцессами всецѣло касался его, маркиза. Правительница, обрисовавъ его самыми мрачными красками, горько жаловалась на его интриги и заявила, что рѣшилась требовать отъ короля отозванія посла; она укоряла Елисавету въ томъ, что она принимаетъ такого человѣка, какъ онъ.

Великая княжна заявивъ, что она можетъ сказать посланнику разъ, другой, что ея нѣтъ дома, но на третій не въ состояніи будетъ отка-

[1]) Письмо Шетарди—Амело, 26-го ноября (7-го декабря) 1741 г.

Библиотека "Руниверс"

зать ему въ пріемѣ. Какъ, напримѣръ, могла бы она сдѣлать это пристойнымъ образомъ наканунѣ, когда случай привелъ его къ ней въ ту минуту, когда она, подъѣхавъ къ своему дому, выходила изъ саней.

Но правительница, несмотря на эти доводы, настаивала на своемъ; тогда принцесса лукаво отвѣтила ей:

— Почему же вы не дѣйствуете болѣе простымъ путемъ; вы правительница и располагаете властью; такъ велите Остерману сказать маркизу Шетарди, чтобы онъ болѣе не посѣщалъ моего дома.

— Боже меня сохрани отъ этого,—отвѣчала Анна Леопольдовна,— ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ раздражать людей, подобныхъ ему, и явно давать имъ поводъ къ жалобамъ.

Елисавета отвѣчала, что если графъ Остерманъ, будучи первымъ министромъ и имѣя повелѣніе, не рѣшается сдѣлать что-либо подобное, то она гораздо менѣе можетъ рѣшиться на такой шагъ.

Правительница, оскорбленная такимъ сопротивленіемъ, приняла тогда высокомѣрный тонъ, и великая княжна, въ свою очередь, повысила до нѣкоторой степени голосъ. На этомъ онѣ разстались, обѣ раздраженныя въ высшей степени [1]).

Итакъ, правительница была на-сторожѣ.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Лестокомъ выяснилось, что основою партіи служилъ народъ и солдаты, и что лишь послѣ того, какъ они начнутъ дѣло—лица съ извѣстнымъ положеніемъ и офицеры, преданные принцессѣ, въ состояніи будутъ открыто выразить свои чувства. Тогда Лестокъ потвердилъ вторично, что солдаты на все готовы.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Шетарди, — чтобы помочь этимъ храбрымъ гренадерамъ, а также ради славы принцессы, назначимъ моментъ для начала дѣйствій, чтобы Швеція, на основаніи заявленія въ Стокгольмѣ, которое будетъ сдѣлано отъ имени короля, стала дѣйствовать со своей стороны [2]).

Лестокъ отправился за приказаніями къ великой княжнѣ и, не замедливъ вернуться, сказалъ, что Елисавета Петровна предоставляетъ ему право назначить время, когда онъ сочтетъ возможнымъ приступить къ выполненію замысла, и что только въ случаѣ неотразимой опасности она рѣшится, быть можетъ, предупредить срокъ, который онъ назначитъ.

На основаніи этого, Шетарди отправилъ на слѣдующій день курьера къ французскому посланнику въ Швецію, чтобы генералъ Левенгауптъ, стоявшій со своей арміей на границѣ, перешелъ въ наступленіе. Такъ

---

[1]) Шетарди — Амело, 26-го ноября (7-го декабря) 1741 г. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 96, стр. 631.

[2]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 96, стр. 632.

Библиотека "Руниверс"

какъ прибытіе курьера въ Стокгольмъ потребовало бы немало времени, то осуществленіе переворота было отложено до ночи съ 11-го на 12-е января н. ст. 1742 г.

Такимъ образомъ приходилось еще цѣлый мѣсяцъ жить въ тревогѣ. Елисавета Петровна покорилась этой необходимости; но въ тотъ самый моментъ, когда Лестокъ вышелъ изъ посольства, въ Петербургѣ было получено извѣстіе, что графъ Левенгауптъ, командовавшій шведскими войсками, двинулся впередъ, и вслѣдствіе этого гвардейскіе полки получили приказаніе быть на-готовѣ къ немедленному выступленію. Этотъ приказъ чрезвычайно смутилъ солдатъ, преданныхъ великой княжнѣ; уходя, они оставляли ее на произволъ ея враговъ.

Въ тотъ же вечеръ, между одиннадцатью часами и полуночью семеро гренадеръ, изъ наиболѣе рѣшительныхъ и энергичныхъ, явились къ ней и съ фамильярностью, которую оправдывала ихъ искренняя преданность, поставили ей на видъ, что они наканунѣ своего выступленія, что они не будутъ болѣе въ состояніи служить ей, и она останется вполнѣ преданой въ руки своихъ враговъ, поэтому нельзя терять ни минуты, и они готовы сами вести ее, если она не сдастся на ихъ увѣщанія и просьбы.

Жребій былъ брошенъ; Елисавета рѣшилась, объявивъ солдатамъ, что она послѣдуетъ за ними и отправится прямо въ Преображенскія казармы.

Въ половинѣ перваго по полуночи 25 ноября, передъ домомъ французскаго посольства остановились сани. Въ нихъ сидѣла Елисавета, закутанная въ шубу. Воронцовъ, Лестокъ, Шварцъ и семеро гренадеръ составляли ея конвой. Она приказала позвонить у дверей посольства и велѣла передать Шетарди, что она «стремится къ славѣ и ни мало не сомнѣвается, что онъ пошлетъ ей вслѣдъ благія пожеланія, такъ какъ она вынуждена, наконецъ, уступить настояніямъ партій».

Не останавливаясь долго по пути, Елисавета направилась къ казармамъ и прошла прямо въ гренадерскую роту, гдѣ ее ожидали.

— Вы знаете, кто я,—спросила она солдатъ,—хотите слѣдовать за мною?

Солдаты окружили ее, изъявляя готовность служить ей. Тогда она взяла крестъ и стала на колѣни; всѣ послѣдовали ея примѣру.

— Я клянусь этимъ крестомъ умереть за васъ, — сказала Елисавета, — клянетесь ли вы сдѣлать то же самое за меня въ случаѣ надобности?

Клятва была единодушной. Затѣмъ всѣ двинулись подъ предводительствомъ Елисаветы къ Зимнему дворцу.

Только одинъ человѣкъ могъ бы остановить войско—это былъ Минихъ. Унтеръ-офицеръ, командовавшій карауломъ у его дома, былъ

Библиотека "Руниверс"

участникомъ заговора; ему было приказано захватить фельдмаршала и отвезти его во дворецъ Елисаветы Петровны.

Стояла страшная стужа; толстый слой обледѣнѣвшаго снѣга покрывалъ землю, заглушая шумъ шаговъ. 200 гренадеръ твердой поступью шли молча около саней, въ которыхъ ѣхала Елисавета; они поклялись другъ другу хранить полное молчаніе по пути и пронзить штыкомъ всякаго, кто будетъ имѣть низость отступить, хоть на шагъ. Отъ преображенскихъ казармъ, расположенныхъ на окраинѣ города, до Зимняго дворца, было очень далеко. Пришлось идти по Невскому проспекту, безмолвному и пустынному. По обѣимъ сторонамъ его высились уже въ то время обширные дома, въ которыхъ жили сановники. Проходя мимо этихъ домовъ, солдаты входили въ нихъ и арестовывали тѣхъ, коихъ имъ велѣно было отвести во дворецъ Елисаветы. Такимъ образомъ они арестовали: фельдмаршала Миниха, графа Остермана, графа Головкина, графа Левенвольде, барона Менгдена и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Въ концѣ Невскаго, у Адмиралтейства, Елисавета вышла изъ саней, опасаясь, чтобы скрипъ полозьевъ не обратилъ вниманія караульныхъ, и пошла далѣе пѣшкомъ. Несмотря на все старанье, ей трудно было слѣдовать за солдатами, которые шли скорымъ шагомъ.

— Матушка наша,—сказали они,—такъ не довольно скоро, надо поспѣшить; подхватили великую княжну и понесли ее на рукахъ до самаго двора въ Зимнемъ дворцѣ.

Она вошла въ карульню.

— Проснитесь мои дѣти, — сказала она солдатамъ, — и слушайте меня; хотите ли вы слѣдовать за дочерью Петра I? Вы знаете, что престолъ мнѣ принадлежитъ, несправедливость, причиненная мнѣ, отзывается на всемъ нашемъ бѣдномъ народѣ, и онъ изнываетъ подъ игомъ нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ гонителей.

Солдаты, видя, что офицеры колеблятся, кинулись на нихъ и обезоружили; одинъ офицеръ былъ бы убитъ прикладомъ, если бы Елисавета не отвела ружья. Она приказала солдатамъ охранять всѣ лѣстницы и выходы, затѣмъ, взявъ съ собою человѣкъ сорокъ гренадеръ, которые поклялись ей не проливать крови, она вошла въ аппартаменты дворца. Караульные, когда она проходила мимо нихъ, отдавали ей честь. Она нашла правительницу въ постели. Анна Леопольдовна не оказала никакого сопротивленія. Въ то же время былъ арестованъ и принцъ Брауншвейгскій. Что касается маленькаго царя, то Елисавета взяла его на руки и, поцѣловавъ его, сказала: «Бѣдный ребенокъ, ты совершенно невиненъ, но родители твои виноваты». Послѣ произведенныхъ арестовъ Елисавета, сѣвъ въ сани, вернулась въ свой дворецъ.

Начинало свѣтать; вѣсть о совершившемся переворотѣ разнеслась по городу. Всѣ лица, недовольные свергнутымъ правитель-

Библиотека "Руниверс"

ствомъ, всѣ тѣ, кто былъ преданъ Елисаветѣ—стекались во дворецъ. Около двухъ часовъ по полудни она приняла поздравленіе первыхъ чиновъ имперіи. На улицѣ раздавались восторженные крики народа и войска. Елисавета возложила на себя орденъ св. Андрея, объявила себя полковникомъ четырехъ гвардейскихъ полковъ и полка кирасиръ, показалась народу со своего балкона, прошла черезъ ряды гвардейскихъ войскъ и уѣхала въ Зимній дворецъ.

Какая разница между этимъ торжественнымъ шествіемъ и ея ночной поѣздкой наканунѣ! Конная гвардія и пѣшіе гвардейскіе полки окружаютъ сани императрицы; вдоль улицы стоятъ шпалерами войска, несмѣтная толпа народа привѣтствуетъ Елисавету единодушными криками «ура!»

Пріѣхавъ во дворецъ, она отправилась прежде всего въ придворную церковь, чтобы присутствовать на благодарственномъ молебнѣ. По пути въ церковь ее окружали гренадеры лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

— Ты видѣла, матушка наша,—сказали они ей,—съ какимъ усердіемъ мы возстановляли твои справедливыя права. Какъ единственную награду мы просимъ тебя объявить себя капитаномъ нашей роты и чтобы мы первые могли тебѣ присягнуть у ступеней алтаря, въ неизмѣнной вѣрности.

При всѣхъ треволненіяхъ, испытанныхъ ею въ этотъ достопамятный день, Елисавета не забыла о Шетарди. Она извѣщала его ежечасно о ходѣ событій, и когда она уже была провозглашена императрицею, то послала спросить его мнѣнія, что ей слѣдуетъ дѣлать съ юнымъ императоромъ, свергнутымъ съ престола.

— Ея природная доброта и любовь къ отечеству, поручалъ передать ей Шетарди, должны побуждать ее заботиться одинаково какъ о настоящемъ, такъ и о будущемъ: поэтому слѣдуетъ употребить всѣ средства, дабы изгладить самые слѣды царствованія Іоанна VI; лишь однимъ этимъ будетъ ограждена Россія отъ бѣдствій, какія могли бы быть вызваны въ то или иное время обстоятельствами и которыхъ приходится особенно бояться въ здѣшней странѣ, на основаніи примѣра Лже-Димитрія [1]).

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, къ Шетарди явился камергеръ съ увѣдомленіемъ, что царица ждетъ его.

«Я тотчасъ отправился ко двору, пишетъ Шетарди Амело; ея императорское величество была чрезвычайно взволнована и чувствовала себя въ какомъ то вихрѣ.

— Что скажутъ теперь наши добрые друзья англичане?—съ живо-

[1]) «Сборн. Истор. Общ.», т 96, стр 635.

Библиотека "Руниверс"

стью спросила она у меня.—Есть еще одинъ человѣкъ,—продолжала она,—на котораго мнѣ интересно было бы взглянуть, это Ботта [1]). Я полагаю, что не ошибусь, если скажу вамъ, что онъ будетъ въ нѣкоторомъ затрудненіи; однако же онъ не правъ, потому что найдетъ меня какъ нельзя болѣе расположенной дать ему 30.000 человѣкъ подкрѣпленія.

При своемъ торжествѣ Елисавета не забыла о Людовикѣ XV.

— Я вполнѣ убѣждена,—сказала она Шетарди, въ томъ, что его величество приметъ болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, участія въ томъ, что случилось со мною счастливаго; я разсчитываю сама ему выразить, какъ я тронута всѣмъ, что онъ для меня сдѣлалъ.

Дѣйствительно, день спустя послѣ переворота, и раньше, нежели иностранные дворы были оффиціально извѣщены объ этомъ событіи, императрица писала французскому королю, выразивъ ему свою благодарность за прошлое и готовность принять на себя нѣкоторыя обязательства въ будущемъ.

«Мы нисколько не сомнѣваемся, любезный братъ и истинный другъ, писала царица, что ваше величество, въ силу дружескихъ чувствъ, питаемыхъ вами къ августѣйшимъ нашимъ предкамъ, не только примете съ удовольствіемъ извѣстіе объ этомъ благопріятномъ и благополучномъ для имперіи нашей переворотѣ, но что вы раздѣлите наши намѣренія и желанія во всемъ, что можетъ послужить къ постоянному и ненарушимому сохраненію и къ вящему упроченію дружбы, существующей между обоими нашими дворами. Мы же, со своей стороны, во все продолженіе нашего царствованія будемъ этимъ, какъ нельзя болѣе, озабочены и съ удовольствіемъ воспользуемся всякимъ удобнымъ случаемъ увѣрить ваше величество въ этомъ искреннемъ и неизмѣнномъ намѣреніи нашемъ [2])».

В В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Австрійскій посланникъ.

[2]) Письмо Елисаветы Петровны — Людовику XV отъ 28-го ноября ст. ст. 1741 г.

Библиотека "Руниверс"

Назначеніе Кн. А. В. Суворова въ дѣйствующую армію въ 1760 году.

Въ сочиненіи А. Ѳ. Петрушевскаго «Генералиссимусъ Князь Суворовъ» (т. I стр. 23) сказано, что А. В. Суворовъ, будучи комендантомъ въ Мемелѣ «всячески искалъ себѣ выхода въ армію и наконецъ, *неизвѣстно какимъ способомъ, добился*».

Помѣщаемый ниже документъ указываетъ на этотъ способъ — Въ февралѣ 1760 г. отецъ Суворова [1]) подалъ на высочайшее имя слѣдующее прошеніе:

1.

По всевысочайшему в. и. в. указу отъ 31-го декабря 759 года сынъ мой, Казанскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Александръ Суворовъ, опредѣленъ, по представленію господина генерала-кригсъ-комиссара князя Шаховскаго, къ правленію оберъ-кригскоммисарской должности и изъ полка выключенъ.

2.

А нынѣ оный сынъ мой ко мнѣ пишетъ, что онъ, по своимъ молодымъ лѣтамъ, желаніе и ревность имѣетъ еще далѣе въ воинскихъ операціяхъ практиковаться и службу свою попрежнему продолжать при полку.

И дабы всевысочайшимъ в. и. в. указомъ повелѣно было онаго сына моего отъ правленія оберъ-кригсъ-коммисарской должности исключить и опредѣлить, попрежнему, въ полкъ при заграничной арміи, дабы онъ, по своей ревности, далѣе при оной в. и. в. нанусерднѣйшую свою службу продолжать могъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! прошу в. и. в. о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Февраля « » дня 1760 года.

Къ поданію надлежитъ въ учрежденную при дворѣ в. и. в. Конференцію.

Сообщилъ **А. В. Безродный**.

---

[1]) Василій Ивановичъ Суворовъ, генералъ-аншефъ и сенаторъ. Родился въ 1705 г. скончался въ 1776 г.

Библиотека "Руниверс"

ФРАНЦУЗЫ ВЪ ВАРШАВѢ

въ войну 1806—1807 г.г.

(По воспоминаніямъ графини Потоцкой и замѣткамъ графа Сегюра).

I.

Каково было искреннее отношеніе Наполеона къ польскому вопросу? Имѣлъ ли онъ намѣреніе, пользуясь небывалыми побѣдами, возстановить Польшу? Едва ли безпристрастная исторія представляетъ достаточно данныхъ для рѣшенія этого вопроса въ одностороннемъ польскомъ смыслѣ. Въ политической системѣ Наполеона Польша служила ему только средствомъ для достиженія различныхъ преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Самъ Наполеонъ неоднократно сознавался въ этомъ. «Всего проще и разсудительнѣе было бы прямо сойтись съ императоромъ Александромъ, замѣтилъ онъ въ 1813 году. Я постоянно смотрѣлъ на Польшу какъ на средство, а не какъ на главное дѣло». Поэтому позволительно утверждать, что возстановленіе Посполитовой Рѣчи никогда не служило для него предметомъ дѣйствій, несмотря на многія двусмысленныя рѣчи и воззванія великаго полководца. Тѣмъ не менѣе, при нѣкоторой загадочности отношеній Наполеона къ польскому вопросу, всякія новыя данныя о пребываніи французовъ въ Польшѣ, начиная съ 1806 года, должны представлять несомнѣнный интересъ. Интересъ этотъ долженъ возрастать еще болѣе оттого, что вообще свѣдѣнія о пребываніи французовъ въ Варшавѣ въ періодъ времени съ 1806 по 1812 годъ крайне скудны. Въ виду этого вышедшія недавно воспоминанія графини Потоцкой-Вансовичъ имѣютъ особое значеніе.

Библиотека "Руниверс"

Издатель «Воспоминаній», г. Казиміръ Стріенскій, не сообщаетъ почти никакихъ біографическихъ подробностей, касающихся графини Потоцкой-Вансовичъ; къ тому же, онѣ и не могутъ представлять большаго интереса для читателей ея «Воспоминаній», а ея нравственный обликъ—умной, образованной, сердечной и благородной женщины и прежде всего горячей, нѣсколько ослѣпленной патріотки и страстной поклонницы генія Наполеона—живо вырисовывается передъ читателемъ изъ строкъ ея мемуаровъ. Урожденная графиня Тышкевичъ, двоюродная внука послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа, она родилась въ 1775 или 1777 году и по своему происхожденію и по своему замужеству, въ первомъ бракѣ за графомъ Александромъ Потоцкимъ, а во второмъ—за графомъ Дунинымъ-Вансовичемъ, бывшимъ адъютантомъ Наполеона, имѣла возможность видѣть, слышать и наблюдать много интереснаго. Все это и послужило темою для ея записокъ, написанныхъ поразительно легкимъ, образнымъ и живымъ французскимъ языкомъ. Даваемые ею характеристики-портреты выдающихся дѣятелей Наполеоновской эпохи очерчены въ высшей степени тонко, законченно и подчасъ зло. Конечно, въ своихъ отзывахъ о всемъ, что касалось русскаго, австрійскаго и прусскаго дворовъ, она не всегда могла быть достаточно безпристрастна: для этого она была слишкомъ пылкая сторонница возстановленія Польши, а обусловленные политической необходимостью раздѣлы были слишкомъ близки по времени, и нанесенныя ими раны слишкомъ свѣжи.

Воспоминанія графини Потоцкой-Вансовичъ написаны до того живо, картинно, что читаются съ такою же легкостью, какъ какой-нибудь романъ. Да, они и могли бы быть названы историческимъ романомъ, такъ какъ на фонѣ историческихъ событій въ нихъ разыгрываются и свои романы: невинный, цѣломудренный романъ самой Потоцкой съ графомъ Флаго, сыномъ извѣстной писательницы Суза, и далеко не цѣломудренный, хотя и освященный безкорыстіемъ и преданностью романъ Валевской.

Г-жа дю-Деффанъ говорила: «Я могу читать лишь о фактахъ, описываемыхъ тѣми, къ которымъ они непосредственно относились, или которые были свидѣтелями ихъ; я требую еще, чтобы они были разсказаны безъ фразъ, безъ изысканности и обдуманности, чтобы авторъ не обнаруживалъ стремленія выразиться красиво; однимъ словомъ, я требую разговорнаго языка, живости, горячности, а прежде всего, ясности и простоты».

Почти всѣ эти качества неотъемлемо принадлежатъ воспоминаніямъ Потоцкой.

Ниже мы приводимъ главу этихъ воспоминаній, касающуюся пребыванія французовъ въ Варшавѣ въ 1806 и 1807 годахъ и связанныхъ

Библиотека "Руниверс"

съ нимъ событій, дополняя разсказъ Потоцкой нѣкоторыми извлеченіями изъ имѣющейся въ нашемъ распоряженіи неизданной записной книжки графа Сегюра. Книжка эта уцѣлѣла и дошла до нашихъ дней благодаря какой-то счастливой случайности: она находилась въ платьѣ, снятомъ съ Сегюра казаками, взявшими его въ плѣнъ подъ Насельскомъ 12-го (24-го) декабря 1806 года [1]).

II.

Послѣ того какъ надежды, возбужденныя въ полякахъ пребываніемъ императора Александра I въ Пулавахъ, рушились, а вслѣдъ за сраженіемъ при Аустерлицѣ произошелъ переворотъ во внутренней и внѣшней политикѣ Россіи, и вліяніе Чарторижскаго ослабло, всѣ упованія польскихъ патріотовъ, ободренныхъ блестящими побѣдами французскихъ войскъ надъ пруссаками, сосредоточились на Наполеонѣ.

«Никто ни на одно мгновеніе не сомнѣвался въ счастливой звѣздѣ Наполеона, пишетъ Потоцкая. Всѣ были увѣрены, что онъ вернется изъ этого похода, какъ и изъ всѣхъ остальныхъ, побѣдоноснымъ, но никто не ожидалъ той быстроты, съ которою онъ восторжествовалъ надъ арміей, еще гордившейся своей дисциплиной и своими, правда, не очень свѣжими побѣдами. Съ этихъ поръ даже въ глазахъ самыхъ благоразумныхъ людей возстановленіе Польши казалось вѣроятнымъ слѣдствіемъ войны.

«Всѣ такъ мало стѣснялись въ выраженіи своихъ чувствъ и своихъ надеждъ, что пруссаки, ненавидимые властители страны, которая не была завоевана ими, а досталась имъ вслѣдствіе раздѣла, не могли обманываться насчетъ симпатій, пробуждавшихся подъ вліяніемъ событій. И однако, надо сознаться въ этомъ, никто не былъ встревоженъ; прусскія власти довольствовались тѣмъ, что, насколько возможно, перехватывали всѣ извѣстія: газеты были пріостановлены, письма сжи-

---

[1]) Графъ Филиппъ Сегюръ, одинъ изъ генераловъ великой арміи, заслужившій европейскую извѣстность, какъ военный писатель, внукъ маршала Сегюра, одного изъ лучшихъ военныхъ министровъ Людовика XVI, и сынъ выдающагося дипломата, долгое время бывшаго представителемъ Франціи при дворѣ Екатерины II,—состоялъ въ то время, въ декабрѣ 1806 года, при Наполеонѣ, почти не разставаясь съ нимъ съ 1802 года. Полный драматизма разсказъ Сегюра объ его плѣненіи подъ Насельскомъ мы находимъ въ его воспоминаніяхъ (Histoire et mémoires par le général comte de Ségur, membre de l'Academie française).

*

Библиотека "Руниверс"

гались, отъ насъ тщательно скрывали побѣдоносное шествіе французской арміи, но не надолго могли заглушить отголоски широкой извѣстности, которую получили сраженіе при Іенѣ и вступленіе Наполеона въ Берлинъ.

«Съ этого мгновенія головы у всѣхъ пошли кругомъ, и уже никто не скрывалъ своей радости. Рестораны были переполнены пылкой молодежью, распѣвавшей, подъ звонъ стакановъ, патріотическія пѣсни и громко призывавшей «освободителей» и «братьевъ».

«Генералъ Калькрейтъ, комендантъ города, узнавъ тайнымъ образомъ, что императоръ покинулъ Берлинъ и направился къ Познани, поспѣшно отправилъ курьера, чтобы получить, наконецъ, хотя какія-нибудь инструкціи, такъ какъ забытый, при всеобщей сумятицѣ, онъ чувствовалъ себя въ очень затруднительномъ положеніи. Только и помышляя о своемъ отступленіи, онъ съумѣлъ, однако, окружить движенія великой арміи такою глубокою тайною, что мы почти въ одинъ и тотъ же день узнали объ отъѣздѣ Наполеона изъ Берлина и о его вступленіи въ Познань.

«Это послужило сигналомъ къ бѣгству прусскихъ властей, оставившихъ Варшаву при насмѣшливыхъ крикахъ уличныхъ мальчишекъ и отправившихся соединяться съ русскими, стоявшими по ту сторону Вислы. Прусскій король написалъ Понятовскому, что назначаетъ его губернаторомъ города и начальникомъ не существовавшей національной гвардіи. Онъ просилъ его наблюдать за безопасностью жителей, утверждая, что не знаетъ болѣе достойнаго человѣка, которому могъ бы ввѣрить столь важное дѣло. Но пруссаки не оставили ни одного ружья, и князь увидѣлъ себя вынужденнымъ вооружить чѣмъ попало съ сотню человѣкъ, которые съ ихъ пиками и окованными желѣзомъ палками размѣстились по гауптвахтамъ. Подобное положеніе вещей продлилось лишь нѣсколько дней.

«21-го ноября утромъ стало извѣстно о прибытіи французскаго полка. Какъ выразить восторгъ, съ которымъ онъ былъ принятъ?! Чтобы понять хорошенько подобныя чувства, нужно, какъ мы, потерять все и вѣрить въ возможность надѣяться на все. Эта горсть храбрецовъ, ступившихъ на нашу землю, представилась намъ залогомъ независимости, которой мы ждали отъ великаго человѣка, ни въ чемъ не встрѣчавшаго сопротивленія.

«Всеобщій восторгъ достигъ высшей степени своего развитія; весь городъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, освѣтился иллюминаціей. Безспорно, въ этотъ день властямъ не пришлось заботиться о томъ, какъ размѣстить по квартирамъ вновь прибывшихъ—всѣ оспаривали ихъ. Тѣ изъ горожанъ, которые не говорили по-французски, пользуясь безмолвнымъ языкомъ, доступнымъ всѣмъ странамъ, и знаками

Библиотека "Руниверс"

радости, рукопожатіями, взрывами веселья давали понять своимъ гостямъ, что они отъ всего сердца предлагаютъ имъ все, что только есть лучшаго въ ихъ домѣ, не исключая погреба.

«Столы были накрыты даже на улицахъ, на площадяхъ. Сколько тостовъ было выпито за будущую независимость, за храбрую армію, за Наполеона!.. Обнимались, братались и чокались даже слишкомъ много, потому что солдаты, въ концѣ концовъ, стали предаваться излишествамъ, на время охладившимъ восторгъ, съ которымъ они были встрѣчены.

«На слѣдующій день совершилъ свой въѣздъ принцъ Мюратъ, бывшій въ то время еще великимъ герцогомъ Бергскимъ. При въѣздѣ увидѣли множество султановъ, шитыхъ мундировъ, золотыхъ и серебряныхъ галуновъ и т. д. Помѣщеніе для него было приготовлено въ домѣ Рацинскаго, но, такъ какъ ему не понравилось тамъ вслѣдствіе дымившаго камина, онъ переѣхалъ къ намъ.

«Мнѣ было въ высшей степени интересно увидѣть какого нибудь француза; тѣ, которые пришли вчера, были не въ счетъ: ихъ разсматривали въ массѣ. Когда пришло время ужинать, мой свекръ, графъ Потоцкій, послалъ спросить, не пожелаютъ ли адъютанты его свѣтлости подняться отужинать съ нами. Къ моему величайшему разочарованію, эти господа отказались: они никогда не ужинали.

«Черезъ два дня послѣ своего пріѣзда принцъ Мюратъ, увѣдомивъ меня о своемъ посѣщеніи, явился вечеромъ съ многочисленной свитой. Это былъ великій человѣкъ, или, вѣрнѣе сказать, человѣкъ великій ростомъ [1]), съ лицомъ, такимъ, какія принято называть красивыми, но которое не нравилось, такъ какъ не носило отпечатка благородства и было совершенно лишено выразительности. У него былъ величественный видъ актеровъ, играющихъ роли королей. Легко было замѣтить, что его манера держать себя искусственна, и что обыкновенно онъ держитъ себя иначе. Онъ говорилъ недурно, такъ какъ очень слѣдилъ за собою, но его гасконскій акцентъ и нѣкоторыя черезчуръ солдатскія выраженія нѣсколько противорѣчили его званію «принца». Онъ любилъ разсказывать о своихъ воинскихъ подвигахъ и, по крайней мѣрѣ, въ теченіе цѣлаго часа говорилъ намъ о войнѣ.

«Взятіе Любека было его излюбленной темой. Это былъ доблестный подвигъ, но слышать разсказъ о немъ доставляло мало удовольствія: кровь струилась по улицамъ, лошади взвивались на дыбы передъ грудами труповъ. Эта черезчуръ вѣрная картина войны не была утѣшительна для насъ, бѣдныхъ женщинъ, готовившихся увидѣть, какъ всѣ, близкіе намъ, возьмутся за оружіе.

---

[1]) Непередаваемая игра словъ: un grand homme ou plutôt un homme grand.

Библиотека "Руниверс"

«Мюратъ уже усвоилъ себѣ привычки принцевъ: онъ не разговаривалъ, а говорилъ, льстя себя мыслью, что его слушаютъ если не съ удовольствіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ почтительнымъ вниманіемъ.

«Наконецъ, вставши и раскланявшись съ достоинствомъ, онъ сказалъ намъ, что возвращается въ свой кабинетъ, чтобы изучить карту Польши и расположеніе русской арміи.

«Нѣсколько дней спустя въ замкѣ состоялся большой балъ. Мюратъ, снѣдаемый нетерпѣніемъ показаться, сказалъ князю Понятовскому, что, наслушавшись разговоровъ о красотѣ полекъ, онъ желаетъ лично убѣдиться въ этомъ; мой дядя устроилъ очень красивое празднество. Я чувствовала себя нездоровой и не могла отправиться на него, но мнѣ съ величайшей поспѣшностью сообщили, что принцъ появился на немъ въ полной парадной формѣ. Впослѣдствіи я видѣла его въ этомъ нѣсколько театральномъ костюмѣ, какъ разъ подходившемъ для принца «его крови». Во всемъ этомъ костюмѣ былъ прекрасенъ лишь одинъ трехцвѣтный султанъ, постоянно развѣвавшійся тамъ, гдѣ грозила опасность. Поэтому-то поляки, плѣненные столь необычайной храбростью, охотно возложили-бы корону на этотъ славный султанъ.

«Намъ никогда не пришлось узнать, подалъ-ли Наполеонъ своему зятю подобнаго рода надежду; но несомнѣнно одно, что Мюратъ питалъ ее и любилъ дѣлать сближенія между судьбою Собѣсскаго и своею собственною. Это составляло даже одинъ изъ его любимыхъ разговоровъ, и онъ безпрестанно возвращался къ нему, заставляя разсказывать себѣ все то, что имѣло отношеніе къ возвышенію этого короля-солдата [1]).

III.

«Какъ только узнали, что императоръ прибылъ въ Познань, было рѣшено послать къ нему на встрѣчу депутацію. Это было дѣло не лег-

[1]) Въ бюллетенѣ, возвѣщавшемъ вступленіе французовъ въ Варшаву, было выражено между прочимъ: „Будетъ-ли возстановленъ польскій престолъ? Одинъ лишь Богъ, держащій въ своей власти сочетаніе грядущихъ событій, можетъ разрѣшить эту великую политическую задачу". Вопросъ былъ поставленъ, но онъ никогда не былъ рѣшенъ. Это произошло однако не вслѣдствіе недостатка въ претендентахъ. „Съ этого времени, пишетъ г-жа де Ремюза, — семья Бонапарта прониклась желаніемъ добиться польскаго престола. Его братъ Жеромъ имѣлъ нѣкоторую надежду получить его. Мюратъ, при всякомъ случаѣ проявлявшій въ продолженіе этой кампаніи свою блестящую храбрость... предусматривалъ возможность, что въ одинъ прекрасный день эта обширная страна будетъ ввѣрена его власти".

Библиотека "Руниверс"

кое. Всѣ болѣе или менѣе выдающіеся люди страны находились у себя въ имѣніяхъ, выжидая развязки событій. Кромѣ того, лица, имѣнія которыхъ находились во власти русскаго императора, тоже держались въ сторонѣ; они были научены опытомъ прошлаго и знали, что указъ о конфискаціи былъ-бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неблагоразумнаго поступка.

«Выпутались изъ затрудненія, составивъ депутацію изъ трехъ довольно незначительныхъ лицъ, которую и послали на встрѣчу побѣдителю. Его орлиный взглядъ быстро далъ ему возможность оцѣнить все значеніе этой депутаціи, къ которой онъ обратился съ совершенно безцвѣтными словами, отнюдь неспособными поддержать надежды, пробужденныя его приближеніемъ.

«Мюратъ далъ понять властямъ, что императору было-бы пріятно совершить свой въѣздъ съ извѣстною торжественностью, хотя-бы для того только, чтобы послать въ «Moniteur» блестящую статью. Поспѣшно были воздвигнуты тріумфальныя арки, приготовлены иллюминація, привѣтствія въ стихахъ, сплетены вѣнки. Всѣ эти сборы оказались напрасными; Наполеонъ обманулъ ожиданія и пріѣхалъ въ четыре часа утра на скверной лошади, взятой на послѣдней станціи [1]).

«Легко представить себѣ волненіе, которое его прибытіе произвело въ замкѣ, гдѣ всѣ были погружены въ глубокій сонъ. Императоръ самъ отправился въ караулку и разбудилъ часоваго, подавшаго условленный сигналъ. Вызванное этимъ смятеніе было тѣмъ сильнѣе, что починки, которыя пришлось начать въ замкѣ, нѣсколько лѣтъ стоявшемъ пустымъ, не были окончены. Къ счастью, аппартаменты послѣдняго короля, оставшіеся нетронутыми, казалось, ожидали этого новаго гостя. Постройкамъ, начатымъ въ царствованіе Станислава-Августа, свойствененъ тотъ отпечатокъ совершенства, который ускользаетъ и отъ вліянія времени, и отъ всевластія моды.

«Императоръ приказалъ сопровождать себя лишь своему мамелюку Рустану; экипажи остались завязшими въ грязи,—тогда еще не было шоссе, и проселочныя дороги въ такое время года были непроходимы.

«Тотчасъ по своемъ прибытіи императоръ велѣлъ объявить, что вечеромъ онъ приметъ начальствующихъ лицъ и всѣхъ, кто имѣлъ право быть представленнымъ ему.

«Я до сихъ поръ испытываю волненіе при воспоминаніи о томъ нетерпѣніи, съ какимъ мы ожидали возвращенія тѣхъ, которые были допущены въ замокъ. Мой отецъ былъ во главѣ офиціальной депутаціи. Онъ вернулся въ десять часовъ вечера, менѣе восхищенный и болѣе пораженный, чѣмъ я въ состояніи выразить это.

[1]) Наполеонъ въѣхалъ въ Варшаву въ ночь съ 6-го (18-го) на 7-ое (19-ое) декабря 1806 г.

Библиотека "Руниверс"

«Во время пріема Наполеонъ выражался съ тою гибкостью и многорѣчивостью, которыя указывали у него на своего рода нервное возбужденіе. Онъ говорилъ много, не высказавъ однако ничего ободрительнаго. Я даже предполагаю, что, по размышленіи, онъ охотно взялъ-бы обратно нѣкоторыя вырвавшіяся у него фразы. Распространившись о томъ, что онъ только-что совершилъ въ Пруссіи, въ мельчайшихъ подробностяхъ разсмотрѣвъ доводы, побудившіе его къ этой войнѣ, онъ особенно остановился на громадныхъ затрудненіяхъ, которыя приходилось преодолѣвать для того, чтобы столь многочисленная армія могла подвигаться и доставать себѣ достаточно провіанта.

— Но, прибавилъ онъ въ концѣ концовъ,—это пустяки! и положивъ затѣмъ руки въ карманы, проговорилъ:

— У меня французы вотъ здѣсь!.. Властвуя надъ ихъ воображеніемъ, я дѣлаю съ ними все, что захочу!...

Нѣкоторое безмолвное удивленіе отразилось на лицахъ всѣхъ тѣхъ, которые слушали его. Послѣ паузы онъ прибавилъ:

— Да... да... это такъ, какъ я говорю вамъ!...

«И понюхавъ табаку, чтобы перевести дыханіе, онъ снова принялся говорить съ большою живостью; онъ разразился ѣдкою выходкою противъ польскихъ магнатовъ, которые, по его мнѣнію, не проявляли достаточно рвенія и патріотизма.

— Нужны, воскликнулъ онъ—преданность, жертвы, кровь! Безъ этого-же вы никогда не станете чѣмъ-либо!

«Но среди этого потока словъ у него не вырвалось ни одного, которое могло-бы быть принято за обѣщаніе. Поэтому то люди болѣе разсудительные вернулись съ этой аудіенціи мало удовлетворенными, но готовыми сдѣлать все, что имъ подскажутъ честь и любовь къ отечеству».

IV.

О пріемѣ Наполеономъ депутаціи и о произнесенной имъ рѣчи сохранилось нѣсколько разсказовъ. Мы приведемъ здѣсь разсказъ объ этомъ событіи графа Сегюра, представляющійся намъ болѣе точнымъ и подробнымъ, какъ записанный подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ лицомъ, близкимъ къ императору.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Сегюръ передаетъ рѣчь Наполеона:

«Для того, чтобы между двумя народами могъ быть заключенъ договоръ, необходимо, чтобы каждый изъ нихъ вносилъ въ него что-либо свое, а я не вижу въ вашей странѣ ни арміи, ни податей, ни всеобщаго

Библиотека "Руниверс"

единодушія, которыя служили-бы для меня залогомъ того, что мнѣ будетъ оказана помощь съ вашей стороны. Я дѣйствую въ этомъ случаѣ совершенно безкорыстно. Я не желаю даже, чтобы здѣсь воцарился принцъ изъ моего дома. Будьте увѣрены въ этомъ. У меня есть куда пристроить ихъ: Римъ, Пруссія, Вестфалія; въ моемъ распоряженіи самыя прекрасныя, самыя лучшія земли. Но я желаю возстановленія Польши и не имѣю никакой надобности скрывать отъ васъ побужденій, руководящихъ мною. Я, какъ честный человѣкъ, склоняюсь къ этому, конечно, подъ вліяніемъ негодованія, возбуждаемаго подобнымъ насиліемъ. Но народы себялюбивы и своекорыстны, и я, какъ монархъ, не долженъ проливать крови своихъ подданныхъ изъ-за чувства великодушія. Нѣтъ, ни одной капли этой крови не должно быть пролито иначе, какъ на пользу и на благо моей имперіи, но для этой цѣли я не пощажу ея, и мои собственныя выгоды служатъ вамъ ручательствомъ моихъ намѣреній.

«Никогда ни Франція, ни даже Англія не признавали раздѣла Польши, который былъ произведенъ съ такою-же жестокою несправедливостью, какую могли-бы проявить только три разбойника, дѣлящіе между собою въ лѣсной чащѣ имущество путешественника.

«По самому положенію дѣлъ и въ интересахъ моей политики моими естественными союзниками являются Порта и Польша. Повторяю вамъ, я не руковожусь въ этомъ какими-либо личными видами. Изберите королемъ кого хотите, выработайте себѣ конституцію, которая вернула-бы Польшѣ могущество самостоятельнаго государства. Лишь-бы только Польша была возстановлена, и я буду доволенъ, и моя цѣль будетъ достигнута. Король, котораго вы изберете, всегда будетъ достаточно сознавать, что быть моимъ союзникамъ въ его-же выгодахъ. Надѣюсь, что несчастія исправили васъ. Но я уже сказалъ вамъ, что, заключая договоръ, обѣ стороны связываютъ себя взаимными обязательствами, а на что же я могу разсчитывать? что приносите вы съ своей стороны? Каковы въ настоящее время и чѣмъ окажутся въ будущемъ послѣдствія вашей пылкости? Исправитесь-ли вы? Я вижу Радзивиловъ, которые должны быть пруссаками въ силу ихъ брачныхъ союзовъ, вижу Сапѣгъ, вижу Чарторыжскихъ, которые, быть можетъ, станутъ русскими».

При этихъ словахъ кн. Сапѣга, только что прибывшій изъ Россіи, на свой собственный страхъ выступаетъ впередъ и, преклонивъ колѣно, говоритъ:

— Ваше величество, я отвѣчаю за патріотизмъ моего рода и ручаюсь за него головою.

— Ваши слова весьма трогательны, но кто поручится мнѣ за единодушіе магнатовъ? Создадите-ли вы налоги, будутъ ли они взиматься, будетъ-ли ваше единодушіе всеобщимъ, не придется-ли мнѣ,

Библиотека "Руниверс"

оставивъ на этомъ престолѣ принца, француза или принадлежащаго къ иной народности, содержать здѣсь армію и, чего добраго, давать вамъ еще субсидіи? Наконецъ, могу ли я предвидѣть, какія обязательства принимаю на себя изъ-за васъ? Вы видите, слѣдовательно, что я не могу уполномочить сеймъ собираться публично и на законномъ основаніи. Чьими представителями явитесь вы? Я нахожусь здѣсь во дворцѣ короля польскаго, котораго я никогда не признавалъ свергнутымъ съ престола и котораго продолжаю считать царствующимъ здѣсь. Я не препятствую вамъ собираться. Дайте толчекъ, созовите главныхъ представителей народа, устройте, чтобы не было болѣе раздоровъ, чтобы всѣ стремились къ одной и той-же цѣли. Я понимаю, что крестьянское сословіе не имѣетъ здѣсь никакого значенія, но толчекъ долженъ быть данъ дворянами. Почему же они не подъ ружьемъ? Почему поляки, служащіе въ рядахъ русскихъ войскъ, не дезертируютъ? Ваше дѣло, господа, собравшіеся здѣсь, рѣшить, какими средствами можно поднять чувство любви къ отечеству. Мой народъ многочисленнѣе вашего, я нахожусь отъ него на разстояніи 400 миль, а между тѣмъ я болѣе властенъ надъ нимъ здѣсь, чѣмъ въ Парижѣ. У меня въ карманѣ патріотизмъ, горячность, рвеніе, умъ всѣхъ французовъ. Я всѣхъ ихъ заставляю покидать свой домашній очагъ, чтобы вести здѣсь войну и переносить всѣ труды и лишенія. Надобно умѣть, какъ взяться за дѣло, и уже вамъ слѣдуетъ изыскать средства къ этому.

«Я долженъ сказать вамъ, что, если-бы на вашемъ престолѣ явился французскій принцъ, то, въ силу нашихъ убѣжденій, пришлось бы освободить вашихъ крестьянъ. Словомъ, господа, я говорю съ вами безъ лицемѣрія. Моя армія здѣсь; побивъ австрійцевъ, пруссаковъ, я могу надѣяться, съ помощью Божіей и по волѣ судьбы, восторжествовать и надъ русскими. Ваше дѣло воспользоваться случаемъ»...

«Предсѣдатель сейма, маршалъ Малаховскій, генералъ Потоцкій и камергеръ Липовскій, земскій депутатъ г. Кракова, генер.-лейт. Гургужинскій, отвѣтили, что его величество не долженъ сомнѣваться въ рвеніи народа, но что у многихъ помѣщиковъ свобода дѣйствій связана тѣмъ, что ихъ имущество находится въ рукахъ непріятеля, и это обстоятельство вынуждаетъ ихъ къ осмотрительности; что не слѣдуетъ болѣе вѣрить въ могущество магнатовъ, что его не существуетъ уже лѣтъ 20 или 30, что многіе изъ нихъ тщетно хотѣли дать свободу крестьянамъ, такъ какъ послѣдніе отказывались отъ нея; что только выигранное сраженіе и его послѣдствія рѣшатъ судьбу Польши и могутъ вызвать возстаніе всей страны; что они съ упованіемъ ожидали его; что перечисленные его величествомъ роды въ душѣ патріоты, и что должно разсчитывать лишь на одно сраженіе, потому что страна до того замкнута со всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

сторонъ и не доступна для извѣстій извнѣ, что въ русской Польшѣ еще не знаютъ о прибытіи императора въ Варшаву. Потоцкій сослался на полученное имъ письмо, въ которомъ сообщали, что только что узнали о смерти принца Луи.

«Императоръ въ доказательство несогласій и розни, существовавшихъ между дворянами, указалъ на то, что посланный Чарторижскаго убѣдилъ Костюшку не являться въ Польшу. Потоцкій отвѣчалъ на это, что, если его нѣтъ въ Польшѣ, то это еще не бѣда.

«Каковъ бы ни былъ исходъ войны, сказалъ Наполеонъ, — я обѣщаю скомпрометированнымъ полякамъ покровительство и возможное удовлетвореніе за понесенные убытки.

«На слѣдующій день, записалъ Сегюръ,—я бесѣдовалъ съ княземъ Сапѣгою. Онъ сказалъ мнѣ, что обладаетъ милліоннымъ состояніемъ. Я отвѣчалъ ему, что въ такомъ случаѣ Чарторижскій, у котораго 4 или 5 милліоновъ, въ 4 или 5 разъ богаче его.

«Онъ возразилъ, что въ Польшѣ вліяніе зависитъ не отъ богатства, а отъ того, какъ человѣкъ поставилъ себя, отъ популярности его обращенія и отъ того, какъ онъ держалъ себя во время революціи, что народъ составляютъ собственно дворяне, и что имъ свойственны нѣкоторыя притязанія, съ которыми надо считаться. Онъ утверждалъ, что магнатовъ теперь не существуетъ, потому что состоянія раздробились путемъ раздѣла ихъ равными частями между дѣтьми.

«О князѣ І. Понятовскомъ онъ сказалъ, что тотъ любитъ лишь одно—окружать себя актрисами, [1]), вкусы которыхъ извращены, и которые руководятъ имъ; что это человѣкъ совершенно безхарактерный и приносящій свою страну въ жертву тѣмъ взглядамъ, которые внушаютъ ему.

— Что касается князя Чарторижскаго,—прибавилъ онъ,—я его личный врагъ по семейнымъ обстоятельствамъ и въ силу моихъ убѣжденій. Я согласенъ съ вами, что первоначально я былъ слишкомъ демократиченъ; нѣкоторые изъ насъ были увлечены своимъ патріотизмомъ, но мы исправились; это-то и внесло раздоръ въ нѣсколько семействъ. Правда относительно Костюшки заключается въ томъ, что ему помѣшали пріѣхать какъ Чарторижскіе, такъ и слово, данное имъ Павлу I никогда не дѣйствовать противъ Россіи, и его личныя убѣжденія. Онъ видитъ, что здѣсь хотятъ создать монархическое государство, и, какъ другъ и поклонникъ Вашингтона, принятаго имъ за образецъ, не хочетъ содѣйствовать установленію того, что онъ назвалъ бы порабощеніемъ своего отечества.

«Потоцкій сказалъ, что, въ виду подобныхъ взглядовъ Костюшки,

---

[1]) Слово не разобрано.

Библиотека "Руниверс"

слѣдуетъ считать счастьемъ для Польши, что онъ остался въ Парижѣ. И, дѣйствительно, къ чему служатъ эти поголовныя ополченія? Они истребляютъ въ одно мгновеніе и безъ всякой пользы тѣ средства, съ которыми можно было бы создать менѣе многочисленную, но зато достаточную и постоянную вооруженную силу. Къ чему привело краковское повстаніе? Что же сдѣлали эти крестьяне, которымъ говорили: «вы не будете болѣе платить податей; земли, которыя вы обрабатываете для другихъ, будутъ частью принадлежать вамъ самимъ, вы не будете болѣе ходить на барщину!» Они взяли свои косы, дрались на своей землѣ и не хотѣли переступать ея границъ, потому что они дрались только за то, что принадлежало имъ».

Очень вѣроятно, что Сегюръ, относившійся къ полякамъ въ высшей степени сочувственно, невольно нѣсколько смягчилъ нѣкоторыя выраженія Наполеона. По крайней мѣрѣ, въ донесеніи прусскаго агента, посланномъ въ тотъ же день Фридриху-Вильгельму III, отрывокъ изъ этой рѣчи переданъ въ несравненно болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, причемъ указано, что Наполеонъ говорилъ «съ запальчивостью». Для сравненія мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь.

«Предупреждаю васъ,—сказалъ Наполеонъ,—что ни я, ни кто-либо другой изъ французскихъ принцевъ и не думаемъ о вашемъ польскомъ престолѣ. У меня есть короны для раздачи, и я не знаю, куда дѣвать ихъ. А вы прежде всего позаботьтесь дать хлѣба моимъ солдатамъ. Хлѣба, хлѣба, хлѣба! У меня милліоны, я дамъ вамъ денегъ, но только вы съ вашей стороны доставьте мнѣ продовольствіе».

«Депутатъ Кохановскій отвѣчалъ на это, что только вывозъ изъ Галиціи могъ бы помочь этому, но императоръ въ гнѣвѣ повернулся къ нему спиною и продолжалъ:

«Это относится къ политикѣ и не касается васъ вовсе. Какъ! (ударяя себя при этомъ по карманамъ) я управляю при посредствѣ ихъ Франціею и не въ состояніи прокормить войскъ въ этой странѣ, гдѣ кромѣ дворянъ и жалкихъ крестьянъ и нѣтъ никого? Гдѣ же ваши знатныя фамиліи, ваши Потоцкіе, ваши Чарторижскіе, ваши Сапѣги? Всѣ продали себя Россіи! Никто иной, какъ князь Чарторижскій, написалъ Костюшкѣ не возвращаться въ Польшу».

«Одинъ галиційскій депутатъ началъ говорить съ цѣлью узнать о судьбѣ, ожидающей эту область. Наполеонъ отвѣталъ:

«Развѣ вы воображаете, что ради одной провинціи я захочу навлечь на себя новыхъ враговъ?»

Послѣ произнесенной Наполеономъ рѣчи, по словамъ Потоцкой, «только и говорили, что о военной организаціи, наборѣ и т. д. Отдавали все, что могли, а то немногое, что оставляли себѣ, силою отнималось французами.

Библиотека "Руниверс"

«Что бы ни говорилъ Наполеонъ о недостаткѣ рвенія у знатныхъ людей, я смѣю утверждать, что никогда ни въ какой странѣ не приносили съ большей поспѣшностью столь громадныхъ жертвъ.

«Не было ни одного дня, чтобы не приходило извѣстія о добровольномъ пожертвованіи, патріотическомъ дарѣ. Когда, наконецъ, оказался недостатокъ въ деньгахъ, мы всѣ послали на монетный дворъ нашу посуду.

«Въ мѣстахъ расквартированія войскъ высшіе офицеры жили на счетъ помѣщиковъ.

«Одинъ богатый дворянинъ, пожелавшій сдѣлать блестящій пріемъ одному изъ самыхъ извѣстныхъ маршаловъ, не мало былъ удивленъ на слѣдующій день, когда узналъ, что его серебро исчезло вмѣстѣ съ фургонами героя. Шутка была признана черезчуръ сильной, и о ней доложили императору; возмущенный подобнымъ образомъ дѣйствіемъ въ дружественной странѣ, онъ немедленно приказалъ возвратить серебро и приписалъ это «разсѣянности» прислуги маршала.

V.

«Я принимала у себя, продолжаетъ Потоцкая, много французовъ. Мой мужъ постоянно участвовалъ въ этихъ собраніяхъ и помогалъ мнѣ исполнять обязанности хозяйки. Иногда играли, чаще разговаривали. Въ числѣ нашихъ обычныхъ посѣтителей былъ князь Боргезе, зять императора, но никто не занимался имъ. Я никогда не забуду, что въ тѣ короткіе промежутки времени, когда разговоръ становился нѣсколько серьезнымъ, онъ отправлялся за стульями, выстраивалъ ихъ въ два ряда по самой серединѣ гостиной и забавлялся, напѣвая про себя, тѣмъ, что танцовалъ съ этими безмолвными статистами кадрили. Обыкновенно у насъ собирались еще генералъ Эксельманъ, милый Луи де-Перигоръ, скончавшійся годъ спустя во время поѣздки изъ Петербурга въ Парижъ и заслужившій сожалѣнія всѣхъ тѣхъ, которые знали его; интересный Альфредъ де-Ноайль, красавецъ Лагранжъ и масса другихъ, воспоминаніе о которыхъ изгладилось съ теченіемъ времени или же вслѣдствіе ихъ ничтожества.

«Зима 1807 г. была чрезвычайно сурова. Страна, уже обезсиленная послѣ прохода русской арміи, изнемогала отъ истощенія, когда пришлось удовлетворять нуждамъ сотни тысячъ французовъ, сосредото-

Библиотека "Руниверс"

ченныхъ въ одномъ мѣстѣ. Войска сильно страдали и начинали роптать, такъ какъ они нуждались во всемъ [1]).

«Савари, бывшій тогда адъютантомъ императора, предложилъ то, что онъ называлъ сильнымъ средствомъ: рѣчь шла чуть ли не объ изводѣ города голодомъ, такъ какъ предполагалось закрыть городскія заставы и захватывать жизненные припасы, ежедневно доставлявшіеся въ городъ.

«Наполеонъ, утомленный ропотомъ своихъ «воркуновъ» [2]), принялъ это предложеніе, и были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія. Такимъ образомъ, мы почти были осуждены на голодную смерть. «Другъ» (графъ Флаго), подъ большимъ секретомъ, предупредилъ насъ о томъ, что должно было произойти. Какая-нибудь неосторожность могла бы погубить его, поэтому приходилось предотвратить бѣду, не компрометируя его... Мы собрались на совѣтъ, и мой мужъ рѣшилъ, что, подъ предлогомъ неожиданнаго путешествія, мы начнемъ заготовлять провизію. Къ великому счастью, эти предосторожности сдѣлались излишними. Принцъ Невшательскій (Бертье) и Талейранъ оказались достаточно смѣлыми, чтобы представить императору, что онъ рискуетъ вызвать возмущеніе, и поэтому было рѣшено силою прорвать австрійскій кордонъ, что̀ въ изобиліи доставило жизненные припасы какъ намъ, такъ и арміи.

«Между тѣмъ какъ начинали удивляться кажущемуся спокойствію, царившему въ замкѣ, и дамы возмущались недостаткомъ поспѣшности, который обнаруживалъ императоръ въ своемъ желаніи видѣть ихъ, Наполеонъ вырабатывалъ свои планы атаки и, не страшась суроваго времени года, уѣхалъ внезапно, чтобы отправиться на встрѣчу русскимъ, расположившимся по другую сторону Вислы въ небольшомъ городкѣ Пултускѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней дрались безъ особыхъ результатовъ. Зима затрудняла все рѣшительно; безпрерывные дожди до того

---

[1]) Вотъ очень интересный, относящійся къ этому, анекдотъ, разсказанный Раппомъ. „Наполеонъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ; населеніе думало, что приближается къ моменту, когда произойдетъ его возрожденіе, и предвкушало исполненіе всѣхъ своихъ желаній. Трудно изобразить радость поляковъ и уваженіе, которое они оказывали намъ. Наши солдаты были менѣе довольны... Для нихъ польскій языкъ состоялъ изъ четырехъ словъ: „хлѣба?" „нима"; „вада?" „заразъ". Хлѣба? нѣтъ; воды? сейчасъ принесутъ. Въ этомъ для нихъ заключалась вся Польша. Однажды Наполеонъ проѣзжалъ сквозь колонну пѣхоты въ окрестностяхъ Насельска, гдѣ войска испытывали большія лишенія вслѣдствіе распутицы, мѣшавшей подвозу. „Папа, хлѣба!" крикнулъ ему одинъ изъ солдатъ. „Нима!" отвѣтилъ императоръ. Вся колонна разразилась хохотомъ; больше никто ничего не спрашивалъ".

[2]) Какъ разъ во время этой кампаніи Наполеонъ назвалъ своихъ солдатъ „воркунами". „Названіе, которое осталось за нами, и которымъ мы гордимся теперь". (Капитанъ Куанье, 5-ая тетрадь).

Библиотека "Руниверс"

испортили дороги, что пушки оставались завязшими въ грязи; нѣсколько солдатъ погибло въ рытвинахъ. Никогда не было видно ничего подобнаго, и тотъ, геній котораго до сихъ поръ, казалось, господствовалъ надъ природой, увидѣлъ себя вынужденнымъ вернуться, потревоживъ и отбросивъ непріятеля, но оставивъ его въ состояніи еще долгое время оказывать сопротивленіе.

«Опасались, и не безъ основанія, какое впечатлѣніе произведетъ на Наполеона эта первая неудача, и поэтому всѣ власти съ трепетомъ отправились въ замокъ встрѣчать его. Но, къ великому удивленію всѣхъ, онъ казался совершенно спокойнымъ.

— Ну,—сказалъ онъ,—ваша грязь спасла русскихъ: придется ждать морозовъ.

«Затѣмъ онъ говорилъ объ управленіи страною, указывая на встрѣченную необходимость внести много порядка и предусмотрительности въ дѣло удовлетворенія нуждъ арміи, обозначалъ пункты, въ которыхъ слѣдовало учредить магазины, входилъ во всѣ подробности съ поразительною отчетливостью и уже съ полнымъ знаніемъ мѣстъ, обстоятельствъ и людей, которыми надлежало воспользоваться.

«На этотъ разъ было не такъ, какъ въ первый; всѣ, бывшіе въ замкѣ, возвратились оттуда проникнутыми восхищеніемъ, вызваннымъ въ нихъ объемомъ и глубиною этого генія, равно способнаго побѣждать и управлять. Мой свекоръ былъ такъ любезенъ, что явился разсказать мнѣ обо всемъ, происходившемъ на этомъ пріемѣ. Но едва только онъ усѣлся, какъ мы услышали большой шумъ, производимый людьми и лошадьми. Это съ шумомъ въѣзжалъ Мюратъ; онъ тоже возвращался изъ этого недолгаго похода, сопровождаемый всѣмъ своимъ штабомъ.

«Нѣсколько дней спустя, наконецъ, возвѣстили, что состоится пріемъ дамъ. Итакъ, мы, въ свою очередь, готовились увидѣть великаго человѣка и судить его! Нужно было подумать о красивомъ туалетѣ: въ дѣло было замѣшано національное самолюбіе.

«Я осталась очень довольна своимъ. Мое положеніе, еще мало замѣтное, было совершенно скрыто чернымъ бархатнымъ платьемъ, вышитымъ à la Mathilde золотомъ и жемчугомъ. Открытыя брижжи à la Van-Dyck, пучки легкихъ локоновъ и всѣ мои брильянты прекрасно дополняли собою этотъ благородный и строгій костюмъ, правду сказать, составлявшій контрастъ съ моимъ лицомъ, свѣжимъ и жизнерадостнымъ. Мода еще не освятила тогда подобныхъ костюмовъ «фантези»; мнѣ кажется, я была одна изъ первыхъ, усвоившихъ ихъ, и мои туалеты скорѣе носили на себѣ отпечатокъ художника, чѣмъ моднаго журнала.

«Мы пріѣхали въ замокъ около девяти часовъ вечера. Приходилось проходить сквозь цѣлую расшитую и вызолоченную армію, стоявшую шпалерами, чтобы видѣть входившихъ дамъ. Я шла за своею свекровью,

Библиотека "Руниверс"

смотря направо и налѣво, чтобы судить о впечатлѣніи, которое производилъ мой нарядъ на судей, въ одинаковой степени компетентныхъ и строгихъ. Признаюсь, что я была восхищена, когда, среди лестнаго шопота, услышала эту чисто французскую фразу: «о, какъ это оригинально!.. Можно было-бы сказать, что это красивый портретъ, выглядывающій изъ старинной рамы. Въ Парижѣ не увидишь ничего подобнаго».

«Насъ ввели въ великолѣпную залу, въ которой находились историческія картины, увезенныя впослѣдствіи въ Москву по повелѣнію императора Николая. Эта зала была освѣщена à giorno. Уже съѣхалось много дамъ, помѣстившихся одна возлѣ другой, и, такъ какъ въ выборѣ не были особенно строги, собраніе было очень многочисленно.

«Мы ожидали довольно долго, и надо признаться, что наше любопытство не было чуждо какого-то страха. Вдругъ общее молчаніе было нарушено внезапнымъ волненіемъ, двери съ шумомъ растворились, и показался Талейранъ, произнесшій громкимъ, но невнятнымъ голосомъ: «императоръ!» Вслѣдъ затѣмъ появился Наполеонъ и остановился на мгновеніе, какъ-бы предоставляя возможность разглядѣть себя.

«Существуетъ столько портретовъ этого удивительнаго человѣка, столько занимались его исторіей, всѣ легенды, пересказанныя дѣтьми его старыхъ солдатъ, столь долгое время останутся животрепещущими, что грядущія поколѣнія узнаютъ его почти такъ-же хорошо, какъ и мы. Но что имъ трудно будетъ понять, такъ это то, до какой степени впечатлѣніе, которое испытывали, увидѣвъ его въ первый разъ, было глубоко и неожиданно.

«Что касается меня, то я ощущала какое-то оцѣпенѣніе, нѣмое удивленіе, похожее на то, которое охватываетъ при видѣ всего чудеснаго. Мнѣ казалось, что онъ былъ осѣненъ сіяніемъ. Единственная мысль, которая пришла мнѣ въ голову, когда я оправилась отъ этого перваго ослѣпленія, была та, что невозможно, чтобы подобное существо могло умереть, чтобы столь могучее твореніе, столь необъятный геній должны были превратиться когда-либо въ ничто!.. Внутренно я приписывала ему двойное безсмертіе.

«Моя свекровь стояла у дверей, черезъ которыя вышелъ императоръ; сначала онъ обратился къ ней и говорилъ съ нею объ ея мужѣ [1]) въ крайне лестныхъ для него выраженіяхъ. Затѣмъ наступила моя очередь. Я не въ состояніи вспомнить то, что онъ сказалъ мнѣ, до такой степени я была взволнована. Вѣроятно, это была одна изъ тѣхъ банальныхъ фразъ, которыя одинаково пригодны для всѣхъ

[1]) Графѣ Станиславѣ Потоцкомъ, предсѣдателѣ совѣта.

Библиотека "Руниверс"

молоденькихъ женщинъ. Я отвѣтила, безъ сомнѣнія, довольно неудачно, потому что онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, что еще болѣе смутило меня и заставило перезабыть все, за исключеніемъ изящной и пріятной улыбки, сопровождавшей тѣ немногія слова, съ которыми онъ обратился ко мнѣ. Эта улыбка, являвшаяся у него, когда онъ говорилъ съ женщинами, лишала его лицо выраженія строгости, которое могъ придавать его взглядъ [1]).

«Такимъ образомъ онъ очень быстро обошелъ гостиную; нѣкоторыя изъ дамъ попытались заговорить съ нимъ о надеждахъ, которыя порождало его присутствіе, но на эти патріотическіе порывы, достаточно неумѣстные при представленіи, онъ отвѣчалъ лишь односложными словами и отпустилъ насъ скорѣе чѣмъ черезъ полчаса. Дойдя до двери, черезъ которую онъ вошелъ, онъ проговорилъ довольно громко, обращаясь къ Талейрану:

— Сколько красивыхъ женщинъ!

«Затѣмъ, повернувшись еще разъ, онъ изящнымъ движеніемъ руки поклонился намъ и прошелъ въ свои аппартаменты.

VI.

«Императоръ объявилъ, что такъ какъ нельзя драться, то онъ желаетъ, чтобы веселились. Моментъ былъ подходящій, только что началась масляница, но встрѣтилось одно препятствіе: «освободители» занимали всѣ дома; повсюду хозяева, какъ и мы, должны были довольствоваться нѣсколькими небольшими комнатами, въ которыхъ ютились какъ попало, и объ устройствѣ въ которыхъ баловъ нечего было и думать. Князь Понятовскій, который одинъ могъ бы собрать въ замкѣ многочисленное общество, былъ стѣсненъ присутствіемъ императора.

«Послѣ долгихъ переговоровъ было рѣшено, что первый балъ будетъ данъ Талейраномъ, оберъ-камергеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Императоръ, какъ и всѣ принцы, долженъ былъ присутствовать на немъ. Увѣряли, что на него будутъ приглашены лишь пятьдесятъ дамъ, но столь строгій этикетъ не могъ устоять противъ массы маленькихъ интригъ, обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ. Безспорно, что это было одно изъ тѣхъ празднествъ, на которыхъ никто ни за

---

[1]) „Въ его взглядѣ было что-то поразительное: это былъ взглядъ сосредоточенный и глубокій, но нисколько не вдохновенный и поэтическій. Этотъ взглядъ становился безконечно нѣжнымъ, когда онъ заговаривалъ съ женщиной". „Жизнь Наполеона" Стендаля.

Библиотека "Руниверс"

что въ мірѣ не хотѣлъ бы отсутствовать. Были задѣты тщеславіе и любопытство всѣхъ рѣшительно. Что касается меня, то я очень желала увидѣть поближе хозяина бала, слывшаго за самаго любезнаго и самаго остроумнаго человѣка своего времени; правду сказать, онъ мало старался показаться намъ таковымъ. Его близкіе утверждали, что никто не былъ одновременно, и болѣе ловокъ, и болѣе блестящъ, чѣмъ онъ; но если бы я была должна судить по впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на меня тогда, то сказала бы, что онъ казался пресыщеннымъ и скучающимъ отъ всего: алчный къ деньгамъ, дрожащій за благоволеніе властелина, котораго онъ ненавидѣлъ, безъ характера, какъ и безъ убѣжденій, однимъ словомъ, отталкивающій душею и лицомъ...

«Я не съумѣю передать удивленіе, которое испытала, когда увидѣла, какъ онъ съ салфеткой подъ мышкой и съ позолоченнымъ блюдомъ въ рукѣ съ трудомъ прошелъ до середины гостиной, чтобы предложить стаканъ лимонаду тому самому монарху, котораго про себя онъ называлъ выскочкой!

«Въ своей молодости Талейранъ, какъ говорятъ, пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, и впослѣдствіи я видѣла его среди его стараго сераля... Это было, дѣйствительно, въ высшей степени комично; всѣ эти дамы, при которыхъ онъ поочередно исполнялъ роли любовника, тирана или друга, тщетно пытались развлечь его. Его угрюмость противилась всѣмъ ихъ усиліямъ. Онъ зѣвалъ въ лицо одной, грубо обходился съ другой, называлъ ихъ всѣхъ сумасшедшими, лукаво намекалъ на воспоминанія прошлаго.

«Возвращаюсь къ балу Талейрана. Этотъ балъ былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ, на которыхъ мнѣ приходилось присутствовать. Императоръ танцовалъ на немъ кадриль, послужившую предлогомъ его сближенія съ Валевской.

— Какъ по вашему я танцую? спросилъ онъ меня смѣясь;—я думаю, вы насмѣхались надо мною.

— Дѣйствительно, государь, отвѣчала я,—для великаго человѣка вы танцуете превосходно [1]).

«Незадолго передъ этимъ Наполеонъ подошелъ ко мнѣ и сѣлъ между мною и своею будущею фавориткой; поговоривъ нѣсколько минутъ, онъ спросилъ меня, кто его вторая сосѣдка. Какъ только я назвала ее, онъ повернулся въ ея сторону съ самымъ освѣдомленнымъ видомъ.

«Мы узнали потомъ, что Талейранъ простеръ свою заботливость до

---

[1]) „Въ продолженіе этой зимы (1806 г.) Наполеонъ стремился на всевозможныя собранія; онъ казался на нихъ веселымъ и даже танцовалъ, правда, немного и довольно таки неловко". „Воспоминанія" Ремюза.

Библиотека "Руниверс"

того, что устроилъ эту первую встрѣчу и устранилъ предварительныя затрудненія [1]). Когда Наполеонъ выразилъ желаніе считать въ числѣ своихъ побѣдъ польку, она была выбрана такою, какъ нужно—прелестною по лицу и ничтожною по уму. Утверждали, будто было замѣчено, что послѣ кадрили императоръ пожалъ ей руку, что, по разсказамъ, было равносильно назначенію свиданія.

«Дѣйствительно, оно состоялось на слѣдующій вечеръ. Разсказывали, что за красавицей поѣхалъ важный сановникъ; говорили о неожиданномъ и незаслуженномъ повышеніи брата-шелопая, о бриллантовой парюрѣ, которая, какъ увѣряли, была отвергнута. Разсказывали много такого, чего, быть можетъ, и не знали, и что выдумывали съ наслажденіемъ. Дошли до того, что утверждали, что Рустанъ, мамелюкъ, служилъ въ качествѣ горничной!.. Чего вѣдь не разсказываютъ въ подобныхъ случаяхъ! Что несомнѣнно, такъ это то, что всѣ мы, дамы, были огорчены, что дама, принятая въ обществѣ, оказалась столь доступной и защищалась столь-же мало, какъ Ульмская крѣпость.

«Но время, всему придающее извѣстную окраску, придало этой связи, завязанной съ такою легкостью, характеръ постоянства и безкорыстія, изгладившій отчасти непорядочность начала и, въ концѣ концовъ, поставившій Валевскую въ разрядъ интересныхъ лицъ ея времени [2]). Восхитительно красивая, она олицетворяла собою головки Греза; ея глаза, ея ротъ, ея зубы были чудесны. Ея смѣхъ былъ такъ свѣжъ, ея взглядъ такъ нѣженъ, общее впечатлѣніе, производимое ея обликомъ, столь плѣнительно, что никогда не приходилось задумываться надъ тѣмъ, чего могло недоставать для правильности ея чертъ.

«Выйдя замужъ въ шестнадцать лѣтъ за восьмидесятилѣтняго старика, который никогда не показывался въ обществѣ, она держала себя какъ молодая вдова. Ея крайняя молодость, въ связи со столь удобнымъ положеніемъ, давала просторъ всевозможнымъ толкамъ, и если

---

[1]) По словамъ г-жи Ремюза въ ея „Воспоминаніяхъ“, веденіе дѣйствительныхъ предварительныхъ переговоровъ было поручено Мюрату. „Послѣ перваго вступленія въ Польшу Мюратъ, предшествовавшій пріѣзду императора въ Варшаву, получилъ приказаніе найти для него молодую и красивую женщину и избрать ее по преимуществу изъ дворянской среды. Онъ искусно выполнилъ полученное порученіе и склонилъ къ подобной угодливости молодую и благородную польку, имѣвшую стараго мужа“.

[2]) „Императоръ, пишетъ герцогъ Ровиго въ своихъ воспоминаніяхъ,—какъ и всѣ офицеры, заплатилъ дань ихъ красотѣ (красотѣ полекъ). Онъ не могъ устоять противъ очарованія одной изъ нихъ. Она почтительно признала побѣду, удовлетворявшую всѣ желанія и гордость ея сердца, и стоитъ назвать ее, чтобы доказать, что никакая опасность не устрашила ея нѣжности“. Авторъ воспоминаній намекаетъ этими словами на поѣздку Валевской на островъ Эльбу.

*

Библиотека "Руниверс"

Наполеонъ былъ послѣднимъ изъ ея любовниковъ, то увѣряли, что онъ былъ не первымъ.

«Какъ только императоръ сдѣлалъ свой выборъ, принцы, его родственники, пожелали послѣдовать его примѣру. Это было трудно, такъ какъ въ этомъ отважномъ предпріятіи имъ не сопутствовала слава.

«Однажды утромъ мнѣ доложили о приходѣ Жанвіе, личнаго секретаря Мюрата. Онъ вошелъ съ ключемъ въ рукѣ, растерянный. Не зная какъ начать, онъ оставался неподвижнымъ и вертѣлъ свой ключъ, не осмѣливаясь взглянуть на меня, тогда какъ, съ своей стороны, я напрягала всѣ усилія, чтобы понять, чего онъ хочетъ отъ меня.

«Для того, чтобы этотъ анекдотъ былъ понятенъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о расположеніи дворца. Между этажемъ, который занимала моя свекровь, и нижнимъ этажемъ, гдѣ находились парадныя комнаты, уступленныя мною принцу Мюрату, были еще антресоли. Моя свекровь пользовалась ими лишь въ большіе холода, потому что эти маленькія комнаты, при помощи потаенной лѣстницы, служили вполнѣ теплымъ сообщеніемъ между обоими этажами.

«Этотъ изящный уголокъ, меблированный и отдѣланный въ стилѣ Людовика XV, считался относящимся къ парадныхъ комнатамъ, и ключъ отъ него былъ переданъ людямъ Мюрата, какъ только онъ поселился у насъ; съ тѣхъ поръ никто болѣе и не думалъ о немъ. Этотъ-то ключъ Жанвіе, вслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, и долженъ былъ передать мнѣ.

«Умный человѣкъ, онъ сознавалъ все неприличіе даннаго ему порученія и почувствовалъ себя вдвойнѣ неловко, когда замѣтилъ, что я не понимала его и упорно отказывалась отъ этого ключа, какъ отъ вещи для меня безполезной, такъ какъ, помѣщаясь въ томъ-же этажѣ, какъ и моя свекровь, я не встрѣчала надобности пользоваться потаенной лѣстницей.

«Видя, на сколько я далека отъ дѣйствительности, онъ рискнулъ сказать, что его свѣтлость, не смѣя предлагать мнѣ многочисленныхъ собраній, подумалъ, что мнѣ, быть можетъ, было-бы пріятно заходить иногда въ эти элегантные будуары напиться съ нимъ чаю. Я начинала понимать, и меня охватилъ гнѣвъ. Должно быть, онъ замѣтилъ это по моимъ глазамъ, такъ какъ мнѣ казалось, что вотъ сейчасъ онъ упадетъ со стула. Онъ всталъ и спотыкаясь направился къ консоли: онъ положилъ на нее злосчастный ключъ и глубоко поклонился мнѣ, приготовляясь удалиться.

«Я съ трудомъ сдерживала себя.... мое негодованіе вдохновило меня. Улыбаясь, на сколько только могла, пренебрежительно, я попросила г-на Жанвіе передать принцу, что моя свекровь, навѣрно, будетъ крайне тронута его вниманіемъ, что въ ея возрастѣ уже не любятъ мно-

Библиотека "Руниверс"

голодныхъ собраній, и что возможно, что она пожелаетъ воспользоваться предупредительнымъ приглашеніемъ его свѣтлости; что во всякомъ случаѣ, такъ какъ онъ оставляетъ ключъ, я передамъ его моей свекрови. И самымъ высокомѣрнымъ образомъ поклонившись бѣдному секретарю, въ остолбенѣніи продолжавшему стоять у дверей, я вышла изъ гостиной.

VII.

«За баломъ Талейрана послѣдовали два другихъ: одинъ у князя Боргезе, другой у принца Мюрата. Мнѣ нездоровилось, и я не поѣхала на первый, но моя свекровь была того мнѣнія, что я должна присутствовать на второмъ, чтобы не выйти изъ роли, принятой мною передъ Жанвіе, и чтобы ни въ чемъ не измѣнить отношеній холодной вѣжливости, царившихъ между нашимъ гостемъ и нами.

«Такъ какъ погода по прежнему дѣлала дороги непроходимыми, императоръ не покидалъ города и обыкновенно выходилъ только для того, чтобы присутствовать на парадахъ, происходившихъ на Саксонской площади. Хотя это зрѣлище случалось почти ежедневно, народъ собирался на него толпами всякій разъ, какъ только Наполеонъ являлся на него; на обратномъ пути до замка его сопровождали непроизвольными криками и виватами, доказывавшими ему, до какой степени его слава и наши надежды сдѣлали его дорогимъ народу. Это, повидимому, нисколько не надоѣдало ему, хотя часто эти восторги вызывали загроможденіе пути.

«Кромѣ баловъ разъ въ недѣлю во дворцѣ бывалъ пріемъ. Вечеръ начинался хорошимъ концертомъ и кончался партіей виста. Танцевъ въ замкѣ никогда не происходило.

«Императора сопровождалъ полный оркестръ подъ управленіемъ извѣстнаго композитора Паера. Постоянно игрались произведенія итальянцевъ. Повидимому, императоръ страстно любилъ итальянскую музыку Онъ слушалъ внимательно, аплодировалъ какъ знатокъ, и, казалось, гармоничность оказывала громадное вліяніе на его душевныя способности. Въ одинъ изъ пріемныхъ дней мы получили доказательство этого.

Его только-что увѣдомили, что генералъ Викторъ, везшій депешу величайшей важности, далъ взять себя въ плѣнъ пруссакамъ. Это извѣстіе вывело его изъ себя. Увѣряли, что случившееся произошло если не вслѣдствіе измѣны, то, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе непростительной небрежности. Въ тотъ же день голландскіе депутаты, пріѣхавшіе, чтобы

Библиотека "Руниверс"

поздравить императора съ Іенской побѣдой, должны были быть приняты въ аудіенціи непосредственно передъ вечернимъ пріемомъ. Было почти десять часовъ, мы уже давно собрались и начинали думать, что произошло нѣчто необыкновенное, когда вдругъ дверь съ шумомъ растворилась, и мы увидѣли, какъ толстые голландцы, въ ярко-красныхъ костюмахъ, скорѣе вкатились чѣмъ вошли въ комнату. Императоръ торопилъ ихъ, говоря довольно громко:

— Двигайтесь-же! двигайтесь-же!

«По всей вѣроятности, въ моментъ, когда у дверей появился Наполеонъ, произошло замѣшательство, потому что онъ шелъ очень быстро, какъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать это. Бѣдные депутаты потеряли голову и наталкивались другъ на друга.

«Во всякое другое время эта смѣшная сцена заставила бы разсмѣяться, но тонъ государя и выраженіе его лица мало поощряли къ этому, и, правду сказать, мы бы предпочли вовсе не присутствовать при ней. Однако, музыка скоро успокоила императора; къ концу концерта на его лицѣ появилась обычная пріятная улыбка, и, прежде чѣмъ сѣсть за вистъ, онъ обошелъ гостиную, сказавъ по нѣсколько любезныхъ словъ дамамъ, которымъ оказывалъ предпочтеніе.

Вечеръ, какъ я уже сказала, кончался игрою. Императоръ постоянно называлъ утромъ дамъ, которыя должны были играть съ нимъ вечеромъ. Этотъ выборъ падалъ обыкновенно на одну изъ самыхъ пожилыхъ и на двухъ изъ болѣе молодыхъ. Меня научили играть кое-какъ, и въ первый-же разъ, когда я имѣла столь завидную честь быть приглашенной, у меня вырвался отвѣтъ, довольно необдуманный, который, повидимому, понравился, такъ какъ съ этого дня мое мѣсто за карточнымъ столомъ было несмѣняемо.

Въ моментъ, когда вынимали карты, Наполеонъ, повернувшись ко мнѣ, спросилъ:

— По чемъ мы играемъ?

— Но, государь, возразила я, ставка—какой нибудь городъ, провинція, какое нибудь королевство!...

Онъ разсмѣялся.

— А если я проиграю? спросилъ онъ съ самымъ тонкимъ изъ своихъ выраженій во взглядѣ.

— Ваше величество достаточно богаты; быть можетъ, вы соблаговолите заплатить за меня.

«Эти слова обезпечили мнѣ расположеніе Наполеона. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Парижѣ, Наполеонъ постоянно отличалъ меня и относился ко мнѣ со всевозможною внимательностью.

«Было презабавно видѣть всѣхъ маленькихъ владѣтельныхъ германскихъ князей, слѣдовавшихъ подъ разными предлогами за главной

Библиотека "Руниверс"

квартирой и отстаивавшихъ себѣ ноги, слѣдя за карточной игрой императора. Между ними былъ и предполагаемый наслѣдникъ Баварскаго королевства, почтительно цѣловавшій руку Наполеона каждый разъ, какъ только ему удавалось завладѣть ею, но въ то-же время имѣвшій смѣлость быть влюбленнымъ въ Валевскую! Однако, это соперничество нисколько не безпокоило Наполеона. Можно даже сказать, что онъ забавлялся имъ. Принцъ, страшно обиженный природой, былъ къ тому-же глухъ и заикался.

«Обстоятельство, довольно странное и которому трудно повѣрить, это то, что изъ всѣхъ составлявшихъ свиту императора, тѣ, которые обнаруживали болѣе достоинства и ухаживали за нимъ съ меньшимъ раболѣпствомъ, были не носители громкихъ именъ прежняго времени, связавшіе себя съ его судьбою, и не иностранные принцы, слѣдовавшіе за нимъ выклянчивая короны, а, какъ разъ наоборотъ, новыя знаменитости: созданные имъ маршалы и сановники. Я видѣла лишь одного Савари, который, казалось, ловилъ его взглядъ; всѣ прочіе были вообще почтительны безъ низкопоклонства.

«За исключеніемъ иностранныхъ министровъ и нѣсколькихъ первыхъ сановниковъ, сидѣвшихъ за карточными столами, никто не садился въ присутствіи императора. Послѣ игры подавался ужинъ. Наполеонъ никогда не садился за столъ, но обходилъ ужинающихъ, чтобы поговорить съ дамами, забавляясь постановкой массы вопросовъ, иногда становившихся стѣснительными вслѣдствіе крайней ясности, которой онъ требовалъ отъ отвѣтовъ. Онъ хотѣлъ узнать, что дѣлаютъ, что читаютъ, о чемъ болѣе всего думаютъ, что болѣе всего любятъ.

«Однажды, облокотившись на спинку моего стула, онъ забавлялся разспрашиваніемъ меня о родѣ моего чтенія, говорилъ мнѣ о романахъ и сказалъ, что изъ всѣхъ тѣхъ, которые попадались ему подъ руку, наиболѣе живо заинтересовавшимъ его былъ романъ «Графъ Коммежъ»[1]). Онъ прочелъ его два раза и всегда былъ растроганъ до слезъ.

«Я не слышала объ этой книгѣ, и, конечно, вернувшись домой, поспѣшила перерыть библіотеку моего свекра. Къ сожалѣнію, этого романа тамъ не оказалось. Только очень долгое время спустя послѣ этого разговора мнѣ удалось достать его, и я тоже плакала.

«Моя свекровь, будучи единственной варшавянкой, продолжавшей свои пріемы, увидѣла себя вынужденной давать вечера съ танцами. Множество иностранцевъ, явившихся въ составѣ дипломатическаго корпуса, ничего лучшаго и не желали, какъ веселиться. Такъ называемые принцы крови не пропускали ни одного изъ этихъ собраній,

---

[1]) Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о романѣ, написанномъ Тансэнъ (дамой).

Библиотека "Руниверс"

не роняя однако своего достоинства, потому что они танцовали только на придворныхъ балахъ.

«Такъ какъ мое положеніе не позволяло мнѣ предаваться этому роду развлеченія, я была вынуждена занимать самыхъ незанимательныхъ: это почти постоянная участь лицъ, призванныхъ выполнять обязанности хозяйки дома.

«Принцъ Мюратъ, мало смущенный неудачей, постигшей его смѣшную попытку, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поговорить со мною, и надоѣдалъ мнѣ своими пошлостями. Я вовсе не старалась скрыть отъ него скуку, которую испытывала; въ концѣ концовъ, хотя и нѣсколько поздно, онъ замѣтилъ это. Принявъ тогда мелодраматическій видъ, онъ произнесъ слѣдующую комическую фразу, казавшуюся еще болѣе комическою отъ его гасконскаго акцента.

— Вы не честолюбивы: вы не любите принцевъ!

«Въ Парижѣ мнѣ разсказали анекдотъ подъ пару предыдущему. Когда Мюратъ увидѣлъ себя провозглашеннымъ Неаполитанскимъ королемъ, одна красавица, тронутая его величіемъ, назначила ему свиданіе. Такъ какъ заботы о новомъ государствѣ еще не поглощали слишкомъ много его времени, то онъ явился на него слишкомъ рано и, томясь ожиданіемъ, хватился рукою за голову и воскликнулъ:

— Былъ-ли когда нибудь болѣе несчастный монархъ!

«Когда я подумаю, насколько всѣ эти принцы изъ рода Наполеона казались намъ ничтожными и смѣшными въ сравненіи съ колоссомъ, прикрывавшимъ ихъ своею тѣнью, я повторяю себѣ освященную вѣками истину, что лишь великіе характеры и великія дѣянія способны узаконять въ глазахъ людей быстрое возвышеніе».

VIII.

О войнѣ болѣе и не говорили; многіе даже думали, что императоръ для возобновленія военныхъ дѣйствій ждетъ наступленія весны; но порывистый какъ въ своихъ рѣшеніяхъ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ уѣхалъ внезапно 5-го февраля, и армія получила приказаніе двинуться въ походъ. Дипломатическому корпусу, во главѣ котораго находился Талейранъ, было повелѣно остаться въ Варшавѣ.

«Я еще не говорила о Марэ, герцогѣ Бассано; онъ принадлежалъ къ числу лицъ, рѣдко покидавшихъ императора. На этотъ разъ однако онъ былъ вынужденъ выжидать хода событій.

«Достигшій высокаго положенія, онъ былъ, быть можетъ, единственъ

Библиотека "Руниверс"

нымъ изъ всѣхъ въ эту эпоху неожиданныхъ карьеръ, не сохранившимъ никакихъ слѣдовъ среды, изъ которой вышелъ, и въ то же время ни въ чемъ не злоупотреблявшимъ особенностями той, въ которую попалъ. Его манеры, его костюмъ, его разговоръ, все, за исключеніемъ его громадныхъ инуръ, обличало въ немъ человѣка хорошаго общества. Если его умъ не былъ столь обширенъ и тонокъ, какъ умъ Талейрана, то къ нему на помощь являлся безукоризненный тактъ въ соединеніи съ рѣдкой разсудительностью. Помимо того, неподкупный и честный, онъ пріобрѣлъ себѣ право прямо смотрѣть всѣмъ въ глаза.

«Онъ находился въ дѣловыхъ отношеніяхъ съ моимъ свекромъ, и поэтому мы часто видѣли его. Послѣ продолжительныхъ занятій онъ приходилъ въ гостиную немного поговорить съ нами; онъ называлъ эти промежутки своимъ отдыхомъ. Въ его вѣжливости проглядывала сердечность; онъ никогда не упускалъ случая сдѣлать одолженіе. Его обвиняли въ томъ, что онъ былъ доступенъ лести и оказывалъ свое довѣріе людямъ, мало достойнымъ этого; это возможно: истинной добротѣ свойственно то неудобство, что ею легко воспользоваться во зло.

«Говоря о нашихъ обычныхъ посѣтителяхъ, я не могу забыть самаго остроумнаго изъ нихъ—герцога Дальберга. Онъ былъ послѣднимъ отпрыскомъ этого стариннаго рода, какъ будто ожидавшаго для сво его прекращенія, чтобы сдѣлаться безполезнымъ на будущее время при коронованіи цезарей, могущество которыхъ только что исчезло. Можно было бы сказать, что оба эти блестящія воспоминанія минувшихъ вѣковъ должны были и исчезнуть вмѣстѣ [1]).

«По возвращеніи во Францію онъ женился и имѣлъ отъ этого брака лишь одну дочь, умершую въ раннемъ дѣтствѣ. Во время своего пребыванія въ Польшѣ онъ воспылалъ сильною страстью къ одной личности, оказавшейся неспособной ни оцѣнить, ни понять его, такъ какъ природа отказала герцогу въ дарахъ, способныхъ плѣнить ограниченное существо. Въ этомъ случаѣ онъ оказался восторженнымъ, какъ нѣмецъ, и деликатнымъ, какъ французъ. Я терпѣливо выслушивала его исповѣди, такъ какъ онъ влагалъ въ нихъ все очарованіе своего ума. Это былъ странный человѣкъ, полу-иллюминатъ, полу-философъ восемнадцатаго вѣка; онъ находился въ сношеніяхъ со всѣми самыми просвѣщенными и самыми скомпрометированными людьми Европы. Неблагоразумный до крайности, онъ высказывалъ все, что ему приходило въ голову, не щадя никого, даже Наполеона, котораго онъ называлъ тира-

---

[1]) Исторія повѣствуетъ намъ, что въ моментъ коронованія германскихъ императоровъ герольдъ долженъ былъ возглашать громкимъ голосомъ: „есть-ли здѣсь кто-нибудь изъ Дальберговъ?“ Если отвѣтъ получался отрицательный, коронованіе считалось недѣйствительнымъ. Прим. гр. Потоцкой.

Библиотека "Руниверс"

номъ и узурпаторомъ. Его дѣйствительной миссіей была обязанность наблюдать за интересами Германіи, которыми онъ порядочно пренебрегалъ съ тѣхъ поръ, какъ любовь поглощала всѣ его помыслы.

«Близко сойдясь съ Талейраномъ, онъ часто сѣтовалъ съ нимъ на событія дня. И, тѣмъ не менѣе, онъ искренно желалъ возстановленія Польши, горячо желая въ то же время и освобожденія Германіи—двѣ вещи, столь же трудно примиримыя, какъ и всѣ его прочія чувства.

«Доказательствомъ того, что Наполеонъ не былъ такимъ злымъ, какъ утверждалъ герцогъ, служитъ то, что Дальбергъ никогда не былъ потревоженъ, а между тѣмъ нельзя допустить, чтобы его образъ мыслей не былъ извѣстенъ императору.

«Когда императоръ учредилъ свою главную квартиру въ Остеродэ, онъ вызвалъ туда герцога Бассано, а нѣсколько дней спустя и Талейрана. Такимъ образомъ намъ остался одинъ дипломатическій корпусъ, включая въ него турецкаго и персидскаго пословъ. Отправлялись смотрѣть, какъ эти восточные люди ѣдятъ, курятъ, молятся по-своему; это было своего рода представленіе, и у ихъ дверей собиралась толпа.

«Какъ легко догадаться, извѣстія изъ главной квартиры получались очень часто. Непріятель удалялся, чтобы лучше сосредоточить свои силы. Императоръ, увѣренный въ побѣдѣ, не безпокоился этимъ и, казалось, выжидалъ, чтобы его атаковали. Время года было еще очень суровое, и, не зная хорошенько, чѣмъ наполнить время, Наполеонъ послалъ за Валевской. Братъ красавицы, произведенный неожиданно изъ поручиковъ въ полковники, поспѣшилъ доставить ее тайкомъ въ главную квартиру. Бываютъ тайны, которыя невозможно скрыть, когда столько праздныхъ свидѣтелей заинтересованы въ томъ, чтобы все знать, чтобы имѣть затѣмъ возможность разсказывать это. Поэтому почти тотчасъ же стало извѣстно, что ночью въ главную квартиру пріѣхала карета, шторы которой были тщательно спущены, и угадали остальное. Единственное, что осталось неизвѣстнымъ, это мѣсто, гдѣ остановилась путешественница.

«Вотъ подробности, которыя были мнѣ переданы, нѣсколько времени спустя, одной нескромной пріятельницей Валевской.

«Императоръ приказалъ приготовить для нея помѣщеніе рядомъ со своею спальней. За исключеніемъ короткихъ промежутковъ времени, когда Наполеонъ и Валевская разговаривали вмѣстѣ, послѣдняя проводила все время въ тоскѣ одиночества. Она не видѣла никого рѣшительно. Князь Невшательскій былъ единственнымъ человѣкомъ, замѣтившимъ однажды, какъ она исчезала изъ кабинета Наполеона, съ которымъ завтракала вмѣстѣ.

«Увидѣвъ на подносѣ двѣ чашки, Бертье позволилъ себѣ улыбнуться.

Библиотека "Руниверс"

— Что такое?—спросилъ Наполеонъ съ видомъ человѣка, готовящагося сказать:—«не мѣшайтесь въ то, что васъ не касается».

«Военный министръ тотчасъ же заговорилъ о важномъ дѣлѣ, по поводу котораго явился, повидимому, рѣшивши про себя только съ крайней осторожностью пользоваться предоставленнымъ ему правомъ входить къ императору безъ доклада.

«Когда случалось, что Валевская не была готова ко времени завтрака, она кричала Наполеону, чтобы онъ не входилъ, и онъ передавалъ ей ея шоколадъ, не смѣя заглянуть въ ея комнату и пріоткрывая дверь лишь на столько, чтобы можно было просунуть подносъ.

«Въ то время, когда Валевская находилась въ Остеродѣ, персидскій посланникъ прислалъ подарки, которые онъ былъ долженъ поднести Наполеону отъ имени своего повелителя. Среди нихъ, въ числѣ прочихъ великолѣпныхъ вещей, было извѣстное количество шалей, предназначенныхъ для императрицы Жозефины. Ея невѣрный супругъ хотѣлъ утаить часть ихъ и даже настаивалъ, чтобы его возлюбленная выбрала самыя красивыя изъ нихъ. Но это было напрасно: она упорно отказывалась, и только тогда, когда онъ, казалось, обидѣлся настойчивостью ея отказовъ, она согласилась принять голубую шаль—самую простую и наименѣе цѣнную изъ всѣхъ, сказавъ, что у нея есть пріятельница, любящая голубое, и что по своемъ возвращеніи она предложитъ ей взятую шаль.

«Это безкорыстіе понравилось Наполеону.

— Ваши мужчины храбры и самоотверженны,—сказалъ онъ съ пріятной улыбкой, а женщины — красивы и безкорыстны. Изъ нихъ составляется прекрасный народъ. Я обѣщаю вамъ рано или поздно возстановить Польшу.

«Она бросилась ему въ ноги, благодаря его отъ всего сердца.

— О, о!—замѣтилъ онъ,—этотъ подарокъ вы-бы приняли, не ломаясь!.. Но подождите, нужно терпѣніе: вести политику не то же, что выигрывать сраженія: это не столь легко и требуетъ болѣе времени.

«Какъ только военныя дѣйствія возобновились, Наполеонъ отправилъ Валевскую обратно. Она возвратилась тѣмъ же способомъ, какъ и пріѣхала. Ея братъ отвезъ ее въ деревню, и ея путешествіе было облечено тою же таинственностью. Кажется, что императоръ остался убѣжденнымъ, что никто не зналъ о происшедшемъ.

«Лицо, разсказавшее мнѣ эти любопытныя подробности, имѣло у себя письмо, написанное императоромъ Валевской уже позднѣе, когда онъ былъ увѣренъ, что она сдѣлаетъ его отцомъ. Онъ поочередно называетъ ее то «chère Marie», то «Madame», и совѣтуетъ ей хорошенько беречь себя тономъ, скорѣе повелительнымъ, чѣмъ нѣжнымъ. Видно

Библиотека "Руниверс"

было, что онъ болѣе думалъ о ребенкѣ, чѣмъ о матери. Не такъ онъ писалъ нѣкогда Жозефинѣ.

«Тогда (1807 г.) только что появилась «Коринна»; такъ какъ романъ этотъ надѣлалъ много шума, то его прислали изъ Парижа въ главную квартиру. Онъ былъ доставленъ туда ночью съ множествомъ депешъ, немедленно переданныхъ Наполеону.

«Пробѣжавъ наиболѣе важныя изъ этихъ посланій, онъ обратилъ вниманіе на романъ и послалъ разбудить Талейрана, чтобы тотъ почиталъ ему его.

— Вы любите эту женщину,—замѣтилъ императоръ Талейрану,— посмотримъ, есть-ли у нея здравый смыслъ.

«Прослушавъ съ полчаса, онъ потерялъ терпѣніе.

— Это не чувство... это пустой наборъ фразъ... голова на изнанку. Развѣ вы не видите, что она думаетъ, что любитъ этого англичанина потому, что онъ выказываетъ себя холоднымъ и равнодушнымъ?.. Ступайте спать... это потерянное время... Всегда, когда авторъ воплощаетъ себя въ своемъ произведеніи, оно ничего не стоитъ... Покойной ночи!

«На слѣдующій день онъ отдалъ «Коринну» герцогу Бассано, переславшему ее мнѣ, такъ какъ онъ думалъ, что у насъ въ Варшавѣ еще нѣтъ этой книги. Я тщательно сберегла этотъ экземпляръ, ставшій историческимъ.

«Когда было получено извѣстіе о сраженіи при Эйлау, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, хотя и было потеряно тридцать тысячъ человѣкъ. Въ Петербургѣ тоже ликовали и возсылали благодареніе Провидѣнію за то, что оно позволило, чтобы поле сраженія оспаривалось столь долго и столь ожесточенно. Это признавалось за побѣду!

«Въ продолженіе короткой пріостановки военныхъ дѣйствій, послѣдовавшей за сраженіемъ при Эйлау, изъ главной квартиры наѣхала масса офицеровъ. Эти господа, подъ различными предлогами, пріѣзжали, чтобы освѣжиться и повидать предметы своей страсти, такъ какъ почти всѣ они сдѣлали свой выборъ: къ несчастью, я не смѣю отрицать, что немногіе изъ нихъ натолкнулись на неумолимыхъ. Однако тѣ, которыя оказались ими, внушили чувства наиболѣе продолжительныя и рыцарскія...; произошло даже нѣсколько свадебъ, но мало; французы той эпохи не имѣли времени обзаводиться семьею.

«Среди знакомыхъ, возвратившихся къ намъ, находился князь Боргезе, весь сіявшій отъ своихъ военныхъ успѣховъ. Такъ какъ онъ былъ лишь полковникомъ, а императоръ хотѣлъ повысить его хоть съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ справедливости, то его полкъ былъ посланъ для участія въ небольшой стычкѣ, обѣщавшей больше славы, чѣмъ дѣйствительной опасности. Полковникъ крайне гордился тѣмъ, что въ пер-

Библиотека "Руниверс"

вый разъ обнажилъ саблю, и въ высшей степени серьезно замѣтилъ де-ла-Вожирону, котораго встрѣтилъ у меня:

— Передайте же графинѣ, какъ я обнажилъ «sciabola»!..

«Объ этомъ великомъ подвигѣ было напечатано въ реляціяхъ, въ которыхъ онъ былъ представленъ въ раздутомъ видѣ; нѣсколько же времени спустя послѣ похода его императорское высочество получилъ въ вознагражденіе за свои заслуги и храбрость управленіе Турномъ, въ которомъ и отдыхалъ въ продолженіе всей своей жизни отъ утомленій войны, не имѣя другихъ заботъ кромѣ многочисленныхъ и дѣйствительныхъ безпокойствъ, которыя причиняла ему княгиня, его супруга.

IX.

«Въ дѣло организаціи (польской) арміи внесли столько горячности и рвенія, что она была готова короткое время спустя послѣ пріѣзда Наполеона въ Варшаву. 3-го мая 1807 г. три легіона, созданные мановеніемъ жезла великаго волшебника и всеобщимъ энтузіазмомъ, получили свои орлы и знамена. Такъ какъ война продолжалась, то ожидали, что польская армія, съ минуты на минуту, получитъ приказаніе выступить въ походъ.

«17-го іюня, курьеръ, отправленный, по обыкновенію, съ поля сраженія, привезъ извѣстіе о сраженіи подъ Фридландомъ, обусловившимъ миръ. Императоръ отправился въ Тильзитъ, чтобы вести переговоры и установить условія, на которыхъ онъ могъ согласиться подписать миръ.

«Я лишь немного скажу о пресловутомъ свиданіи, но я слышала отъ графа Станислава Потоцкаго, моего свекра, нѣсколько интересныхъ и мало извѣстныхъ подробностей. Графъ былъ призванъ въ Тильзитъ, чтобы, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Наполеона, выработать приличныя или необходимыя измѣненія въ конституціи 3-го мая, которую онъ хотѣлъ возвратить намъ хоть съ нѣкоторымъ отпечаткомъ императорской власти.

«Многіе думали, что гласность, которую императоръ постарался придать этому акту, являлась своего рода пугаломъ, предназначеннымъ поразить воображеніе императора Александра, которому Наполеонъ постоянно указывалъ на Польшу какъ на грозное привидѣніе, которое рано или поздно скинетъ свой саванъ и потребуетъ возстановленія своихъ правъ.

«Тильзитское свиданіе безспорно было однимъ изъ самыхъ блестя-

Библиотека "Руниверс"

щихъ моментовъ императорскаго царствованія. Король и королева прусскіе явились на него въ качествѣ просителей. Они обязаны Александру сохраненіемъ своего королевства, которое рисковало быть вычеркнутымъ изъ списка государствъ—чего мы желали отъ всей души.

«Красавица королева хотѣла, казалось, опуститься на колѣни[1]). Наполеонъ поспѣшилъ предложить ей руку и провелъ ее въ свои аппартаменты.

«Оба монарха, сопровождавшіе ее, хранили молчаніе... Королева послѣ всѣхъ призывовъ къ великодушію, прибѣгла къ слезамъ. Наполеонъ, казалось, былъ тронутъ этимъ проявленіемъ униженности и горя; однако, онъ не могъ удержаться, чтобы не высказать ей, что онъ ощутилъ на себѣ дѣйствіе ея безсильной ненависти, и, облекши этотъ упрекъ въ самыя вѣжливыя формы, сказалъ ей, что, видя ее, онъ не удивляется болѣе множеству враговъ, которыхъ она создала ему, и тому ожесточенію, съ которымъ Германія возстала противъ него. Александръ, почувствовавъ необходимость придать иной оборотъ разговору, начинавшему становиться опаснымъ, вмѣшался въ него, сказавъ съ тою тонкостью, которая составляла одну изъ замѣчательныхъ чертъ его характера, что всѣ усилія оказались тщетными вслѣдствіе геніальности того, противъ кого они были направлены; къ этому онъ прибавилъ скромно, что для того, чтобы противиться Наполеону, нужно не знать его.

«Такимъ образомъ закончилась эта первая встрѣча, завершившаяся обѣдомъ. Для этого случая королева сняла трауръ и одѣла діадему и порфиру, которую носила съ рѣдкимъ достоинствомъ. Къ обѣду королеву велъ императоръ и посадилъ ее справа отъ себя. Соединяя съ большимъ умомъ привычку мѣшаться въ самыя важныя дѣла, она задалась мыслью склонить на свою сторону того, кто держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Пруссіи.

«Въ моментъ прощанія Наполеонъ, обвороженный вкрадчивымъ обращеніемъ Александра, котораго называлъ красивѣйшимъ и хитрѣйшимъ изъ грековъ, и кающеюся красотою королевы, пожертвовалъ для нея Силезіею, однимъ росчеркомъ пера уничтоживъ статью договора, въ силу которой эта область уже была отнята отъ Пруссіи: щедрость побѣдителя, которую Талейранъ далеко не одобрялъ.

«Что касается прусскаго короля, его ничтожество сдѣлало его нѣмымъ. Онъ велъ войну, чтобы удовлетворить честолюбивымъ желаніямъ королевы, заключилъ миръ, счастливый отъ возможности снова

---

[1]) Наполеонъ, вспоминая впослѣдствіи Тильзитское свиданіе, сказалъ о прусской королевѣ: „ее можно было принять за Дюшенуа, играющую въ трагедіи“. Mémorial, 16-го іюля 1816 г.

Библиотека "Руниверс"

вернуться къ своимъ тихимъ привычкамъ и не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ могъ бы потерять или же, наоборотъ, выиграть.

«Всѣ эти переговоры привели для насъ лишь къ одному результату—къ созданію скромнаго Варшавскаго герцогства. Это было менѣе всего, что намъ подсказывали наши надежды и наши усилія. Но для того, чтобы переносить настоящее, думали о будущемъ».

Н. Шильдеръ.

Библиотека "Руниверс"

Секретный указъ императрицы Елисаветы о пріѣздѣ въ Ригу принцессы Цербской.

23-го декабря 1743 г. С.-Петербургъ.
Полученъ 27 декабря 1743 г.

Господинъ генералъ фелдмаршалъ!

Когда прибудетъ въ Ригу принцесса Сербстская, слѣдующая къ намъ, подъ какимъ бы именемъ и видомъ ни было, оную повелѣваемъ вамъ принять съ принадлежащею честію и отправить съ камвоемъ при добромъ оберъ офицерѣ сюды или въ Москву, гдѣ тогда обрѣтатца будемъ и что надлежитъ на еѣ довольство въ Ригѣ и въ пути оттоль къ намъ, то все имѣете учинить изъ нашей казны, но сего никому не объявляйте дондеже она прибудетъ. Ежели же вамъ время придетъ по указу въ Москву ѣхать прежде еѣ прибытія, тогда имѣете дать указъ вице-губернатору, что бъ исполнилъ во всемъ по вышеписанному непремѣнно и тако жъ бы до еѣ прибытія содержалъ сіе секретно.

Собственноручный указъ императрицы Екатерины II о высылкѣ «шарлатана» Каліостро изъ Россіи [1]).

11-го августа 1787 г.

Господинъ Лифлянской генералъ-губернаторъ!

Буде извѣстной шарлатанъ Каліостръ въ Ригѣ пріѣдитъ, то вышлитѣ его за границу съ такимъ прещеніемъ, что естьли впредь въѣдитъ въ границу что онъ посаженъ будетъ на вѣкъ въ смирительной домъ. Пребываю къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Сообщ. **А. З. Мышлаевскій.**

---

[1]) Весь указъ писанъ собственноручно императрицею. При сниманіи копіи сохранена орѳографія подлинника.

Библиотека "Руниверс"

Политика на почтовомъ листѣ бумаги.

Въ принадлежащемъ мнѣ архивѣ семейныхъ бумагъ находится письмо, любопытное не столько по своему содержанію, сколько по матеріалу, на которомъ писано и въ которомъ отражаются политическія событія Европы въ концѣ прошлаго или началѣ текущаго столѣтія. Намеки на эти событія ясны въ орнаментальныхъ подробностяхъ четвертушки почтовой бумаги, обведенной по краю узкой полоской свѣтлаго сѣро-лиловаго цвѣта и снабженной по бордюру рядомъ изрѣченій на латинскомъ языкѣ и четырьмя медальонами въ углахъ. Всѣ эти особенности, оттиснутыя штампомъ въ видѣ выпуклаго безцвѣтнаго орнамента, отличаютъ лишь лицевую страницу четвертушки и тѣмъ доказываютъ особенный, роскошный характеръ почтовой бумаги (papier de luxe [1]).

Медальоны въ углахъ, овальной формы, представляютъ собою четыре миѳологическія божества. Въ первомъ овалѣ помѣщенъ здоровый мужчина, опирающійся на палицу; во второмъ женщина въ военномъ вооруженіи, со шлемомъ на головѣ, копьемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой; въ третьемъ—женщина, держащая вѣсы; наконецъ, въ четвертомъ—женщина, опирающаяся на алтарь и съ кадуцеемъ въ правой рукѣ. Хотя эти божества не снабжены именами, но въ нихъ по аттрибутамъ и очертаніямъ фигуръ легко узнать Геркулеса, Минерву, Юстицію и Торговлю. По двѣ вѣтки, повидимому дуба, помѣщенныя подъ каждымъ медальономъ и по сторонамъ его, соединяются въ одно цѣлое съ остальною орнаментаціею, узкими полосами окружающею страницу

[1]) Редакція желала воспроизвести на страницахъ журнала этотъ интересный листъ почтовой бумаги, но снятая съ него фотографія вышла слишкомъ мелкою, чтобы можно было достаточно ясно выгравировать выпуклый безцвѣтный орнаментъ.

Библиотека "Руниверс"

внутри ея цвѣтной каймы. Орнаментація эта состоитъ изъ ряда девизовъ или изрѣченій, помѣщенныхъ въ отдѣльныхъ 10 продолговатыхъ рамахъ, по три съ каждой вертикальной стороны бумаги и по двѣ на верху и внизу страницы. По два сплетенныхъ рога изобилія раздѣляютъ девизы по горизонтальному протяженію бумаги, а на боковыхъ полосахъ орнамента рамки девизовъ отдѣляются другъ отъ друга эллиптическими двойными кружками съ цвѣтами о восьми лепесткахъ по серединѣ и соотвѣтствующими украшеніями по бокамъ. Такимъ образомъ всѣ четыре медальона и десять девизовъ составляютъ цѣлую непрерывную систему орнамента, вытѣсненнаго узкою безцвѣтною полосою по краямъ бумаги, и потому нѣсколько затруднительнаго даже для глаза, вооруженнаго увеличительнымъ стекломъ. Но замысловатость этого украшенія еще болѣе поражаетъ смысломъ и значеніемъ помѣщенныхъ въ немъ латинскихъ изрѣченій. Приступая къ ихъ изложенію, мы начинаемъ по порядку съ верхняго края письма и пойдемъ далѣе по правой его сторонѣ, по нижнему краю и кончимъ нашъ обзоръ лѣвой стороной, считая отъ читателя.

Первый девизъ, направо отъ фигуры Геркулеса, гласитъ:

1) Anglos faciant aliena pericula cautos (Да остерегутъ англичанъ чужія опасности). Въ этомъ изрѣченіи можно видѣть намекъ на французскую революцію и на казнь Людовика XVI. Правѣе, слѣва отъ фигуры Минервы, читаемъ:

2) Summa libertas—summa injuria teste Gallo (Галлъ, т. е. Франція, свидѣтельствуетъ, что высшая свобода составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и высшую несправедливость).

Между медальонами Минервы и Юстиціи находятся слѣдующія три девиза:

3) Ad cantum Galli insurgunt aquilae, fremit leo (При пѣніи пѣтуха орлы вскакиваютъ и рычитъ левъ). Въ этой, не переводимой по-русски, игрѣ латинскихъ словъ заключается намекъ на гербъ французской республики, изображающій пѣтуха (по-латыни пѣтухъ—Gallus) и на имя народа Галлы.

Продолжая геральдическій комментарій, подъ орлами надо разумѣть гербы Германской имперіи, Россіи и Пруссіи, а левъ означаетъ собою гербъ Великобританіи.

Такимъ образомъ, вспоминая коалицію монархій Европы противъ республики, здѣсь ясно имѣется въ виду союзъ Англіи съ Австріей, Пруссіей и Россіей противъ Франціи въ концѣ XVIII вѣка.

4) Juvenum nunc princeps, deinde futuresenum (Пока вождь юношей, но впослѣдствіи и старцевъ). Здѣсь скрывается намекъ на Каннинга, первые парламентскіе успѣхи котораго относятся къ концу XVIII вѣка.

Библиотека "Руниверс"

5) Socii, leges, respublica senatorio consilio defenduntur. (Союзники, законы, государство охраняются сенаторскимъ совѣщаніемъ). Республика, въ значеніи вообще государства, здѣсь несомнѣнно означаетъ не Францію, но Англію. Сенаторское совѣщаніе намекаетъ на парламентъ, а подъ союзниками разумѣются державы, участвующія въ коалиціи.

Внизу по краю бумаги между фигурами Юстиціи и Торговли:

6) Pereant dissentiones, resurgat commercium (Да прекратятся распри и возстановится торговля). Commercium—значитъ и торговля, и общеніе. При нѣкоторой игрѣ словъ можно здѣсь видѣть указаніе на вредъ, приносимый англійской торговлѣ враждою съ Наполеономъ и съ временнымъ его союзникомъ, Павломъ I.

7) Georg. III imperio magnus, exemplo maior (Георгъ третій, великій владычествомъ, но еще болѣе великій примѣромъ). Англійскій король Георгъ III, отъ 1760 до 1820 года, прославляется здѣсь за первый шагъ въ борьбѣ всей Европы съ французской республикой.

Наконецъ, на послѣдней, лѣвой сторонѣ страницы расположены три слѣдующія изрѣченія:

8) Salus regis—salus gregis (Благо царя есть благо подданныхъ). Этими словами подтверждается польза монархическаго образа правленія въ противоположность республикѣ, введенной во Франціи.

9) Non tam tuo, quam tuorum nomine, regina, (Царица, не столько по твоему имени, сколько во имя твоихъ). Здѣсь намекается на власть и значеніе Англіи, болѣе сильной своими союзниками, чѣмъ собственнымъ могуществомъ.

10) Gulielmus Pitt, o et praesidium et decus Angliae. (Вильямъ Питтъ, защита и краса Англіи). Парафразируя второй стихъ извѣстной первой оды римскаго поэта Горація къ Меценату:

«O et praesidium et dulce decus meum» (защита и милая моя краса), послѣдній девизъ примѣняетъ эти два эпитета къ знаменитому государственному мужу Англіи, Вильяму Питту младшему, главному подстрекателю всей Европы противъ Наполеона I.

Изложенныя подробности, изобличающія тенденціозно-политическій характеръ орнаментаціи изслѣдуемой страницы почтовой бумаги, ясно указываютъ, что предметомъ намековъ, заключающихся въ латинскихъ изрѣченіяхъ, является Франція, ея республиканское устройство и враждебная имъ коалиція Европы. Такой выводъ возбуждаетъ предположеніе, что бумага эта является образчикомъ англійской фабрикаціи, пользующейся наложенными политическими намеками въ орнаментѣ, какъ средствомъ рекламы для лучшаго сбыта товара. Такое предположеніе подтверждается водянымъ знакомъ бумаги, помѣщеннымъ рядомъ съ

*

Библиотека "Руниверс"

полосою, содержащею девизы подъ № 3—5. Въ этомъ водяномъ знакѣ читается названіе фабричной фирмы Гейзъ и Вайзъ (Hayes and Wise). Имена этихъ фабрикантовъ несомнѣнно англійскія и свидѣтельствуютъ объ изумительномъ умѣніи англичанъ пользоваться всякими политическими осложненіями для извлеченія выгодъ своей торговли.

Къ какому времени относится происхожденіе этого листа бумаги?—На послѣдней пустой страницѣ находится помѣта на нѣмецкомъ языкѣ о времени полученія письма, именно «14 октября 1809 года отъ Луизы Биронъ». Помѣта эта сдѣлана рукою Юліи Ѳедоровны Адлербергъ, въ то время начальницы Смольнаго монастыря или, какъ онъ назывался оффиціально, Общества благородныхъ дѣвицъ. Имя ея корреспондентки указываетъ на принцессу Луизу Карловну Биронъ, внуку извѣстнаго регента Россіи, состоявшую въ то время фрейлиной при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Настоящее письмо писано изъ Гатчины въ Петербургъ по поводу дня рожденія Юліи Ѳеодоровны, приходившагося на 14 октября. Въ этомъ письмѣ принцесса Биронъ, воспитанная въ Смольномъ, поздравляетъ его начальницу, шлетъ ей пожеланія и сообщаетъ нѣкоторыя придворныя новости. Назначенная фрейлиною весной 1809 г., принцесса Биронъ долго не умѣла устроиться въ своемъ новомъ положеніи, обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ во дворцѣ и въ своихъ, почти еженедѣльныхъ, письмахъ къ Ю. Ѳ. Адлербергъ часто жалуется на недостатокъ почтовой бумаги, которую нерѣдко занимала у своихъ сосѣдокъ по квартирѣ и у своихъ товарокъ-фрейлинъ. Очень можетъ быть, что описываемый листъ бумаги былъ ей кѣмъ нибудь данъ изъ запаса бумаги, привезенной въ Россію, какъ новинка, основателемъ англійскаго магазина въ Петербургѣ и сохранившейся въ Гатчинскомъ дворцѣ отъ временъ царствованія Павла. Во всякомъ случаѣ бумага эта не могла быть фабрикована послѣ 23 января н. ст. 1806 г., когда умеръ Вильямъ Питтъ младшій. По намекамъ девизовъ скорѣе можно предположить, что происхожденіе этой бумаги относится именно къ концу XVIII вѣка. Какъ бы то ни было, сообщаемый нами документъ въ буквальномъ значеніи слова представляетъ собою *любопытную* страницу изъ исторіи борьбы Англіи съ французской республикой и съ Наполеономъ I.

М. А. Веневитиновъ.

Библиотека "Руниверс"

Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга [1]).

III [1]).

На русской военной службѣ.—Женитьба.

По возвращеніи въ Варшаву изъ Германіи, гдѣ пробылъ около пяти лѣтъ, состоя на службѣ Саксоніи и оставаясь подполковникомъ литовской арміи, баронъ Гейкингъ долженъ былъ, какъ онъ пишетъ, выждать совершеннаго выясненія своего положенія, весьма затруднительнаго, пока ожидавшаяся всеобщая амнистія не утвердитъ его въ офицерскомъ званіи, полученномъ имъ не отъ военной коммисіи Царства Польскаго, а отъ конфедераціи. Дѣло это устроилось, и Гейкингъ прослужилъ въ Варшавѣ около трехъ лѣтъ, послѣ чего, получивъ предварительное на то разрѣшеніе, отправился въ Петербургъ для поступленія на русскую службу.

Въ VI й главѣ своихъ записокъ, посвященной пребыванію въ Варшавѣ онъ приводитъ нижеслѣдующую оцѣнку положенія дѣлъ Польши въ ту пору (1773 г.), сдѣланную другомъ его отца полковникомъ д'А. [2])

«Хотя король, разсказывалъ д'А.,—одинъ изъ богатѣйшихъ монарховъ Европы, тѣмъ не менѣе онъ вѣчно въ денежныхъ затрудненіяхъ и обремененъ долгами [3]). Благодаря столь стѣсненнымъ обстоятельствамъ онъ долженъ съ особою предупредительностью относиться къ Россіи,

---

[1]) См. «Русск. Старину», августъ.

[2]) Редакція считаетъ долгомъ замѣтить, что всѣ фамиліи, обозначенныя первоначальными буквами, напечатаны такъ въ подлинномъ текстѣ записокъ Ред.

[3]) Понятовскій имѣлъ ежегодно въ своемъ распоряженіи, на личные расходы 8 милліоновъ. Министровъ и прочихъ сановниковъ и должностныхъ лицъ оплачивала республика.

Библиотека "Руниверс"

которая черезъ своихъ приверженцевъ въ сеймѣ устроиваетъ ему постоянныя денежныя подачки, отъ духовенства, отъ старостъ и иными путями.

«Вамъ извѣстно, что князь Репнинъ своимъ деспотизмомъ и высокомѣріемъ возстановилъ всю Польшу противъ себя и противъ двора, котораго онъ былъ представителемъ. Преемникъ его фонъ-Сальдернъ, былъ также запальчивъ, рѣзокъ, а при томъ измѣнчивъ и, потому, неспособенъ успокоить раздраженіе.

«Но вотъ императрица назначаетъ своимъ полномочнымъ министромъ барона Штакельберга [1]). Этотъ пошелъ совсѣмъ инымъ путемъ, обольщаетъ магнатовъ блестящими празднествами, любезнымъ обхожденіемъ и умѣетъ, такимъ образомъ, увивать цвѣтами самыя тяжелыя цѣпи. Король восхищенъ тѣмъ, что баронъ Штакельбергъ относится къ нему съ величайшимъ внѣшнимъ вниманіемъ [2]), какъ и ко всему королевскому дому, такъ что все, что только окружаетъ короля, съ восторгомъ отзывается о новомъ посланникѣ. При этомъ посланникъ дѣлаетъ все, что ему угодно. Онъ добился громаднаго вліянія на короля, имѣетъ многихъ приверженцевъ среди магнатовъ, которымъ льститъ, и среди женщинъ, превознося и одаривая ихъ. Онъ знаетъ слабость республиканцевъ къ постояннымъ перемѣнамъ формы правленія и убаюкиваетъ ихъ надеждою на прочную республиканскую конституцію. Онъ внушаетъ имъ, что Польша, несмотря на раздѣлъ, осталась все-таки гордымъ королевствомъ и что все зависитъ отъ разумнаго устроенія ея силъ. И масса вѣритъ чистосердечно, что для счастья, славы и безопасности народа достаточно красивой (на бумагѣ) конституціи.

«Чтобы уничтожить всякое сомнѣніе въ искренности своей дружбы, Россія дозволила увеличеніе коронныхъ и литовскихъ войскъ и этимъ теперь серьезно заняты. Князь Адамъ Чарторыйскій поставленъ во главѣ военной коммисіи для Литвы, обстоятельство которое не лишено для васъ значенія. Учрежденіе постояннаго совѣта—мастерское твореніе Штакельберга. Туда онъ помѣщаетъ своихъ креатуръ, оплачиваетъ ихъ деньгами Польши и обезпечиваетъ себѣ прочное большинство на совѣщаніяхъ этого высшаго учрежденія. Но и этимъ еще недовольный, ловкій посланникъ пользуется общимъ восторгомъ, который вызываетъ это учрежденіе, и опасеніемъ, что новый сеймъ можетъ его уничтожить, для того чтобы прельстить поляковъ предлагаемыми его дворомъ гарантіями упрочить и сдѣлать неизмѣннымъ существующій порядокъ.

«Король, усердно восхваляющій такое устройство, надѣется увеличить собственное вліяніе, и такъ какъ въ составъ постояннаго совѣта

---

[1]) Имперскимъ графомъ онъ былъ сдѣланъ лишь въ 1776 году.

[2]) Восхищеніе это впрочемъ продолжалось не долго.

Библиотека "Руниверс"

ловко провели всѣхъ выдающихся умомъ и образованіемъ лицъ, то и всѣ газеты полны хвалебныхъ отзывовъ по адресу этого новаго учрежденія».

Въ началѣ 1777 года Гейкингъ отправился въ Петербургъ, и мы обратимся къ его разсказу.

«Посолъ графъ Штакельбергъ обѣщалъ мнѣ горячія рекомендательныя письма къ графу Панину, къ графу Остерману и къ князю Потемкину. Король на мое прошеніе объ отставкѣ пожаловалъ меня полковникомъ [1]) и снабдилъ нижеслѣдующимъ письмомъ отъ 10-го февраля 1777 года къ графу Панину:

«Господинъ графъ Панинъ! Такъ какъ вы любите содѣйствовать счастью людей и имѣете тѣмъ возможность удовлетворить природному вашему влеченію, я тѣмъ охотнѣе склоненъ рекомендовать вамъ подателя сего письма барона Карла Гейкинга, что положеніе его дѣлъ является послѣдствіемъ обстоятельствъ несчастныхъ для его семьи и что хорошее поведеніе въ бытность на службѣ республикѣ въ литовской арміи располагаетъ меня въ его пользу. Свидѣтельствую о томъ въ увѣренности, что онъ расположитъ васъ оказать ему покровительство. Увѣряя васъ неизмѣнно въ истинѣ моихъ чувствъ и проч.»

«Заѣхавъ на двѣ недѣли въ Курляндію для свиданія съ моею матерью, я прибылъ въ Петербургъ 22-го мая 1777 года.

«Достаточно изучивъ людей, я зналъ, что обыкновенно они судятъ по внѣшности. Чтобы не получить по-просту отказа, надо показать видъ, что ни въ чемъ не нуждаешься. Я нанялъ поэтому карету, запряженную четвернею [2]). Деболи, польскій посланникъ, къ которому у меня было письмо отъ короля, представилъ меня графу Панину, какъ польскаго камергера и полковника. Графъ Панинъ по нездоровью выходитъ изъ комнатъ не могъ и направилъ меня къ графу Остерману, который долженъ былъ представить меня императрицѣ.

«Никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвели на меня мягкій, но проницательный взоръ, спокойное лицо и величественная прелесть императрицы. Ослѣпленный всѣмъ тѣмъ, что представилось моему взору, я въ волненіи взялъ ея руку и поцѣловалъ [3]). Мое возбужденіе едва-ли осталось императрицею не замѣченнымъ.

«Послѣ того я представился князю Потемкину, а затѣмъ поспѣшилъ сдѣлать визитъ герцогинѣ Курляндской, урожденной княжнѣ Юсуповой.

---

[1]) Дипломъ отъ 5-го февраля 1777 года.

[2]) По тогдашнему обычаю число лошадей указывало на чинъ. Лица чиномъ до капитана ѣздили парою, полковники и чины VI класса—четверкою, а генералы—шестеркою.

[3]) Иностранцы цѣловали руку императрицы не преклоняя колѣнъ, какъ то должны были дѣлать ея подданныя.

Библиотека "Руниверс"

Герцогиня съ своимъ супругомъ [1]) поссорилась и прибыла въ Петербургъ, чтобы стать подъ защиту двора. Недостойное обращеніе съ ней герцога вдвойнѣ вызвало участіе къ этой любезной княгинѣ. Она принимала у себя лучшее общество столицы; въ ея домѣ я свелъ многія важныя для меня знакомства.

«Я счелъ нужнымъ явиться русскому герою, фельдмаршалу графу Румянцеву. Онъ былъ въ то время во враждѣ съ княземъ Потемкинымъ и почти не выходилъ изъ дому. Неужели меня обвинятъ въ тщеславіи, если я скажу какъ онъ меня принялъ?

«Представлявшіе меня заявили, что я желаю поступить въ русскую службу; я же передалъ одновременно графу имѣвшееся у меня рекомендательное письмо. «Когда носятъ вашу фамилію,—замѣтилъ онъ,—то въ рекомендательномъ письмѣ нужды не имѣется». Этимъ онъ любезно напоминалъ на подвигъ одного Гейкинга, взорвавшаго себя на воздухъ, не желая сдавать туркамъ крѣпости Каменца, и разсказалъ затѣмъ, съ тою прелестью и теплотою, которыя онъ умѣлъ придавать своимъ разсказамъ, о смѣлыхъ до безумія подвигахъ служившаго при немъ подполковника Гейкинга.

— Кромѣ того,—продолжалъ шутя фельдмаршалъ,—я въ долгу передъ вашимъ семействомъ. Я былъ натурализованъ въ Пильтенѣ [2]) и дипломъ мой подписанъ двумя Гейкингами.

«Онъ спросилъ про моего дядю, полковника, съ которымъ онъ служилъ въ одномъ полку, и отозвался весьма любезно и лестно о курляндскомъ и о пильтенскомъ дворянствѣ. Фельдмаршалъ потребовалъ, чтобы я почаще приходилъ къ нему обѣдать и, если я рѣдко пользовался этимъ позволеніемъ, то только потому, что не желалъ имъ злоупотреблять.

«Мнѣ рѣдко доводилось видѣть людей его славы и положенія, столь вѣжливыми и любезными. Онъ отличался поразительною памятью, яснымъ сужденіемъ и бесѣдою столь-же поучительною, сколько полною ума и живости. Всякаго, кто съ нимъ говорилъ, онъ умѣлъ пріятно настроить, причемъ его собесѣдникъ никогда не терялъ изъ виду его высокаго положенія, о которыхъ самъ онъ какъ будто забывалъ. Притомъ фельдмаршалъ обладалъ величественнымъ ростомъ и благородною внѣшностью.

«На мои осторожные разспросы о томъ, не могу ли я поступить на

---

[1]) Герцогомъ Петромъ Бироновомъ, занявшимъ герцогскій стулъ въ 1772 г. А. Г.

[2]) Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ, желавшій пріобрѣсти имѣніе на Остзейскомъ побережьи, долженъ былъ получить курляндскую натурализацію, которая и была ему дана въ 1777 году.

Библиотека "Руниверс"

службу по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, графъ Панинъ любезно выяснилъ мнѣ, что иностранецъ не можетъ быть по-просту принятъ въ это вѣдомство, и что въ гражданскую службу легче будетъ поступить послѣ извѣстнаго срока службы въ войскѣ.

«Вслѣдствіе сего я подалъ прошеніе въ военную коллегію. Такъ какъ князь Потемкинъ былъ на столько добръ, что проявилъ по отношенію ко мнѣ участіе, и при вторичномъ свиданіи съ нимъ проболталъ со мною около четверти часа [1]), то я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы выразить желаніе поступить въ Кирасирскій ея величества полкъ. На это князь поручилъ своему адъютанту сказать генералу Игельстрому, бывшему тогда членомъ военной коллегіи, что онъ, князь, мною интересуется. Этого было достаточно, чтобы по прошествіи 8-ми дней я былъ принятъ маіоромъ въ полкъ императрицы.

«Я надѣлъ парадную форму и поѣхалъ представиться князю Потемкину, чтобы поблагодарить его. Онъ тщательно меня осмотрѣлъ и затѣмъ спросилъ:

— Отчего же вы не надѣли вашего камергерскаго ключа?

— Я не думалъ, что уже нынѣ я принадлежу къ русскому двору.

— Этотъ родъ знаковъ отличія сохраняютъ. Ступайте домой, надѣньте ключъ и возвращайтесь сюда немедленно. Я васъ еще сегодня представлю императрицѣ [2]).

«Долженъ еще упомянуть, что я представился также фельдмаршалу князю Голицыну, у котораго собиравшееся многочисленное общество состояло преимущественно изъ иностранцевъ. Весь дипломатическій корпусъ бывалъ тамъ; гостей принимала племянница княгини, прелестная графиня Матюшкина, впослѣдствіи графиня Вѣльгорская.

«Мнѣ очень хотѣлось съѣздить на нѣкоторое время въ Польшу. Такъ какъ было въ обычаѣ, что графъ Панинъ посылалъ курьеромъ за границу какого-либо штабъ-офицера, то я просилъ, чтобы меня послали въ Варшаву, гдѣ мнѣ нужно было покончить нѣкоторыя дѣла. Графъ мнѣ это обѣщалъ и когда, по пріѣздѣ шведскаго короля, ему понадобился курьеръ, то онъ меня и отправилъ (въ половинѣ іюня) съ депешами къ графу Штакельбергу. Всегда благосклонный, графъ Панинъ сказалъ мнѣ при этомъ: «Посолъ нашъ предупрежденъ особымъ письмомъ, что онъ можетъ васъ удержать при себѣ, пока вы не окончите вашихъ дѣлъ». Я получилъ 120 дукатовъ на путевыя издержки и ѣхалъ безостановочно днемъ и ночью, чтобы поскорѣе добраться до моей милой Варшавы. Въ Митаву я прибылъ утромъ въ 10 часовъ, узналъ, что

---

[1]) Благоволеніе, которое онъ весьма рѣдко оказывалъ.

[2]) Штабъ-офицеры (полковъ) императрицы имѣли преимущество быть ей представленными, какъ непосредственному шефу.

Библиотека "Руниверс"

у герцога пріемъ, быстро переодѣлся, заказалъ лошадей и отправился въ замокъ.

«Хотѣлъ ли герцогъ поважничать передъ мною, или же онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, но только онъ принялъ меня очень свысока, едва мнѣ поклонился и повернулся спиною, чтобы заговорить съ другими. Я ждалъ только, чтобы онъ обернулся и тогда самъ повернулъ ему спину и проговорилъ уходя: «мои почтовыя лошади меня ждутъ и я жалѣю, что потерялъ такъ много времени».

«Герцогъ, вѣроятно, лишь теперь замѣтившій, что онъ былъ невѣжливъ, послалъ за мною въ догонку своего оберъ-гофмаршала пригласить меня къ обѣду. Я отклонилъ приглашеніе, заявивъ, что я самъ заказалъ себѣ кушанья и жалѣю, что опоздалъ къ своему обѣду. Въ дѣйствительности, времени терять я не могъ и тотчасъ же отправился въ дальнѣйшій путь.

«Я былъ въ восхищеніи снова очутиться въ Варшавѣ. Графъ Штакельбергъ принялъ меня прекрасно, повелъ на другой день ко двору и былъ такъ любезенъ, что вмѣстѣ со мною сдѣлалъ всѣ нужные визиты, представляя меня какъ русскаго офицера.

«Спустя нѣсколько дней прибылъ въ Варшаву, мой второй [1]) командиръ, генералъ Михельсонъ, побѣдитель Пугачева и большой пріятель курляндскаго дворянства. Я успѣлъ внушить ему довѣріе и уваженіе, которыя онъ ко мнѣ сохранилъ навсегда. Онъ разрѣшилъ мнѣ остаться въ Варшавѣ, а самъ отправился къ полку, стоявшему въ Литвѣ.

«Вскорѣ за тѣмъ снабженный отъ брата и сестры всѣми нужными полномочіями для веденія процесса [2]) съ герцогомъ, я написалъ послѣднему рѣшительное, но весьма вѣжливое письмо, въ которомъ предлагалъ полюбовную сдѣлку. Его свѣтлость въ столь же пошлой, какъ и невѣжливой формѣ отвѣтилъ отказомъ. Эта невѣжливость меня оскорбила, и въ возбужденіи я отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Вамъ ли, государь, ни завоевавшему, ни купившему моего отечества и владѣющему Курляндіею лишь благодаря великодушію безсмертной Екатерины, принимать тотъ деспотическій тонъ, который можетъ себѣ позволить неограниченный монархъ или завоеватель, самое меньшее, но къ которому никакъ не можетъ прибѣгать вассальный герцогъ Польши, первый между равными (primus inter pares), въ обращеніи къ члену того самаго дворянства, отъ котораго его свѣтлость, герцогъ, вашъ отецъ [3]) лишь послѣ усиленныхъ настояній и хлопотъ получилъ натурализацію? Вы, значитъ, забыли государь, что я могу привлечь васъ къ реляціонному суду?.. Чтобы напомнить вашей свѣт-

[1]) Первымъ полковымъ командиромъ была сама императрица.
[2]) Касавшагося имѣній въ Курляндіи.
[3]) Эрнстъ-Іоганнъ Бирэнъ.

Библиотека "Руниверс"

лости эту мою прерогативу, я не замедлю представить мои права и требованія на верховный судъ короля справедливаго и просвѣщеннаго и достойнаго своего высокаго назначенія сената».

«Многіе изъ моихъ курляндскихъ друзей посовѣтовали мнѣ, между тѣмъ, не начинать тотчасъ же процесса, а вступить еще разъ на путь соглашенія. Слѣдуя этому совѣту я обратился къ оберъ-гофмаршалу фонъ-Клопману съ просьбою позондировать почву. Но герцогъ, взбѣшенный моимъ отвѣтомъ, переслалъ его графу Панину и потребовалъ отъ русскаго двора удовлетворенія за мое поведеніе, которое онъ изобразилъ какъ нѣчто неслыханное. Къ счастью въ Петербургѣ случайно находился одинъ изъ моихъ друзей, который узналъ о сдѣланномъ герцогомъ шагѣ и посовѣтовалъ мнѣ немедленно вернуться въ Петербургъ, чтобы предотвратить грозу, собиравшуюся надъ моей головой. Одностороннее толкованіе герцога могло во всякомъ случаѣ мнѣ повредить, и я попросилъ графа Штакельберга при первой возможности отправить меня курьеромъ. Такой случай вскорѣ представился.

«Я ожидалъ быть дурно принятымъ графомъ Панинымъ при передачѣ ему депешъ. Каково же было мое удивленіе, когда министръ мнѣ сказалъ: «вы будете у меня обѣдать завтра и вообще когда лишь захотите. Имѣю основаніе предполагать, что вы не будете не довольны пробыть нѣсколько недѣль въ Петербургѣ».

«Отъ графа Панина я отправился къ князю Потемкину, который мнѣ также ничего не сказалъ о поданной на меня жалобѣ, и я вознадѣялся, что обо мнѣ болѣе и не думаютъ. Но когда на слѣдующій день я отправился, вѣжливости ради, къ князю Репнину, я былъ пораженъ тѣмъ, что онъ, при всѣхъ, сказалъ мнѣ своимъ гнусливымъ и надменнымъ голосомъ: «я ничего не могу для васъ сдѣлать».

— Но я ни о чемъ не прошу, князь.

— Что? Вы прикидываетесь не знающимъ? Слѣдуйте за мною.

«Онъ вошелъ въ свой кабинетъ, куда я за нимъ послѣдовалъ. Адъютанту, который также хотѣлъ войти, онъ грубо сказалъ: «ступайте вонъ, вы мнѣ не нужны», а затѣмъ обратился ко мнѣ.

— По какому праву вы рѣшились написать дерзкое письмо вашему государю?

— Моему государю? Королю польскому? Я ему не писалъ.

— Вы, кажется, собираетесь вступить со мною въ споръ по государственному праву! Берегитесь идти по стопамъ вашего отца; я не забылъ еще его поведенія въ Варшавѣ. Вы написали дерзкое письмо герцогу курляндскому.

— А! герцогу? Онъ не государь мой. Я признаю своимъ монархомъ лишь императрицу Россіи, по доброй волѣ, такъ какъ вступилъ на

Библиотека "Руниверс"

службу ея, а по рожденію моему—короля польскаго. Эти основныя положенія гарантированы самимъ высокимъ двором.

— Дѣло не въ политическихъ гарантіяхъ, а въ заносчивомъ письмѣ.

— Мое письмо къ герцогу не таково.

— Какъ, вы рѣшаетесь отрицать явный фактъ? Герцогъ переслалъ сюда подлинникъ.

— Я факта не отрицаю, но не нахожу, чтобы выраженія были непочтительны; они сильны, а правда иныхъ выраженій не имѣетъ.

— Тогда вы не знаете по-французски и не понимаете значенія выраженій.

— Это можетъ быть, такъ какъ я не французъ.

— Всѣ, кто не французъ, не въ одномъ съ вами положеніи. Но, довольно этого спора. Я васъ научу...

«При этихъ словахъ я потерялъ терпѣніе и, кипя гнѣвомъ, перебилъ его.

— Я не знаю, князь, по какому праву вы собираетесь меня учить. Я не имѣю чести служить въ вашемъ полку или въ вашей дивизіи и не состою подъ вашимъ прямымъ начальствомъ.

— Я вамъ говорю отъ имени моей государыни.

— Въ такомъ случаѣ ожидаю приказаній моей повелительницы. Въ чемъ дѣло?

— Вы должны письменно просить прощенія у герцога; въ противномъ случаѣ вы подвергнетесь наказанію по всей строгости законовъ.

— Вотъ моя шпага, князь; я отправляюсь подъ арестъ и приму наказаніе, если я его заслужилъ. Но я не считаю себя виновнымъ и не умѣю просить прощенія, если я не оскорблялъ.

Князь былъ очень удивленъ и отвѣтилъ:

— Оставьте вашу шпагу при себѣ. Графъ Панинъ именемъ императрицы поручилъ мнѣ съ вами поговорить; я ему передамъ о вашемъ упорствѣ, и затѣмъ вы ознакомитесь съ послѣдствіями вашего упрямства.

«При этомъ онъ мнѣ далъ знакъ головою, чтобы я удалился, что я поспѣшилъ съ удовольствіемъ исполнить.

«Взбѣшенный этимъ разговоромъ я поспѣшилъ къ князю Потемкину и, по счастливой [1]) случайности, мнѣ удалось съ нимъ поговорить.

«Съ величайшимъ возбужденіемъ я разсказалъ ему о поведеніи по отношенію ко мнѣ князя Репнина и замѣтилъ, что во всякомъ случаѣ я былъ курьеромъ, посланнымъ къ графу Панину, но «такого» рода приказанія могъ получать лишь отъ него, князя Потемкина, а никакъ не отъ князя Репнина. Мнѣ было не безъизвѣстно, что оба генерала другъ

[1]) Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ его жизни это счастье доставалось весьма рѣдко.

Библиотека "Руниверс"

друга ненавидѣли. Я прочелъ во взорѣ моего собесѣдника, что онъ мою твердость одобряетъ. Онъ предоставилъ мнѣ свободно высказаться, что̀ я съ присущей моему характеру гордостью и сдѣлалъ. Я твердо рѣшилъ оставить службу на случай, если бы меня хотя бы на одинъ часъ посадили подъ арестъ, въ угоду герцогу.

— Вы правы,—сказалъ мнѣ наконецъ князь;—вы не находитесь въ подчиненіи у князя Репнина. Принесите мнѣ копію вашего письма къ герцогу, а тамъ увидимъ.

«Я побѣжалъ домой и черезъ четверть часа вернулся обратно.

— Прочтите-ка мнѣ это письмо,—сказалъ князь.

Когда я окончилъ онъ замѣтилъ:

— Повидимому, вы герцога не любите.

— Какъ я могу его любить,—воскликнулъ я.—Онъ лишилъ моего дѣда имущества и должности, и тотъ скончался въ горѣ. Онъ ограбилъ моего отца и отравилъ мнѣ юность. Теперь же онъ отказываетъ мнѣ въ возмѣщеніи потерь, что мнѣ, тѣмъ болѣе, необходимо, что я доселѣ безъ жалованья имѣю честь служить ея величеству.

— Представьте мнѣ записку о вашихъ притязаніяхъ и будьте совершенно покойны.

«Я поблагодарилъ и взялся за составленіе записки.

«День спустя изъ канцеляріи графа Панина прислали мнѣ сказать, чтобы я явился къ графу. Я тотчасъ же отправился.

— Вы написали,—сказалъ мнѣ министръ съ своею обычною мягкостью, герцогу съ слишкомъ большимъ возбужденіемъ. Императрицѣ угодно забыть вашу живость. Но изъ участія, которое вы во мнѣ возбуждаете, я посовѣтывалъ бы вамъ написать письмо извѣстнаго рода... Вы понимаете?—формы ради.

— Повинуюсь и завтра буду имѣть честь представить вашему превосходительству мое письмо.

«Я былъ въ немаломъ затрудненіи, какъ согласовать то, что я сказалъ Репнину, съ тѣмъ, что обѣщалъ графу Панину. Однако я написалъ двусмысленное письмо, которое, въ сущности, было ничѣмъ инымъ, какъ почтительное насмѣхательство безъ малѣйшаго слова извиненія.

«Придя къ обѣду къ графу Панину я засталъ тамъ князя Репнина, который, къ величайшему моему удивленію, весьма любезно меня привѣтствовалъ и обошелся совершенно иначе, чѣмъ дня два тому назадъ. Послѣ обѣда я подошелъ къ министру, чтобы предъявить ему мое письмо.

— Покажите его князю Репнину,—сказалъ онъ,—достаточно будетъ, что онъ его прочтетъ.

«Репнинъ прочелъ, усмѣхнулся и возвратилъ мнѣ письмо со словами: «желаю, чтобы герцогъ этимъ удовлетворился».

Библиотека "Руниверс"

— Онъ долженъ будетъ это сдѣлать, князь.

«Привожу текстъ письма, которымъ герцогъ дѣйствительно и удовлетворился.

«Лица, заслуживающія уваженія, увѣряютъ меня, что послѣднее письмо, съ которымъ я имѣлъ честь обратиться къ вашей свѣтлости, найдено вами мало соотвѣтствующимъ чувству почитанія, которое обязанъ къ вамъ имѣть. Умоляю отдѣлить простые историческіе факты, упомянутые въ письмѣ отъ глубокаго чувства [1]), которое питаю къ вамъ съ ранняго дѣтства, и силу и искренность котораго ничто не измѣнитъ. Соизвольте, государь, принять въ этомъ увѣреніе, какъ и въ безпредѣльномъ почтеніи, съ которымъ имѣю быть и пр.».

«Такимъ образомъ я выбрался изъ затруднительнаго положенія, но по истинѣ, мое озлобленіе противъ герцога еще усилилось.

«Когда я передавалъ меморію о моемъ положеніи князю Потемкину, онъ былъ одинъ. Я рѣшился ему сказать:

— Неужели нѣтъ средствъ достигнуть, чтобы Курляндія управлялась болѣе просвѣщеннымъ, человѣколюбивымъ и благороднымъ государемъ. Почему императрица, эта великодушная повелительница, не разрѣшила бы намъ прибѣгнуть къ свободному избранію? Биронъ десять разъ провинился въ вѣроломствѣ, такъ что, по нашимъ основнымъ законамъ, онъ долженъ лишиться лена.

«Несмотря на возростающее вниманіе, съ которымъ онъ меня слушалъ, князь равнодушно и вяло проговорилъ:

— Десять случаевъ вѣроломства! Это много. Не можете ли вы мнѣ доказать очевидность хотя бы одного?

— Да, князь, и я беру на себя представить вамъ по этому дѣлу записку.

— Хорошо, сдѣлайте это. Я скажу Михельсону, который завтра пріѣзжаетъ, что я покамѣстъ буду васъ держать здѣсь.

«Послѣ того, какъ я составилъ и передалъ меморію, я отдался общественнымъ развлеченіямъ. При этомъ я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ по имени Фромандьеръ, красивымъ мужчиною, открытое обращеніе котораго указывало на честный его характеръ. Онъ носилъ гусарскій мундиръ и, въ качествѣ добровольца русской арміи, сдѣлалъ два похода. Жилъ онъ въ одной гостинницѣ со мною. Вскорѣ затѣмъ съ нами познакомился маіоръ Пальменбахъ и увеличилъ нашъ маленькій кругъ друзей.

«Въ ту пору первою пѣвицею Петербургской итальянской оперы была Буонафини. Мой другъ Фромандьеръ представилъ меня ей какъ поклонника музыки. У ней часто собирались первые пѣвцы оперы и съ

[1]) Превратнія, разумѣется само собой.

Библиотека "Руниверс"

величайшимъ совершенствомъ исполняли тріо и квартеты. Паэзіелло [1]) бывалъ также иногда у неё. Онъ почтилъ меня своей дружбою, видя мой этузіазмъ къ музыкѣ.

«Изъ Даніи прибыла также труппа Орега Buffa и дала цѣлый рядъ представленій. Я былъ поглощенъ итальянцами, бывалъ на ихъ репетиціяхъ и у артистокъ, такъ что меня едва видѣли въ обществѣ.

«Между тѣмъ мои денежныя средства быстро истощались, хотя мои удовольствія мнѣ ничего не стоили. Въ Петербургѣ необходимо держать экипажъ, и это одно стоитъ очень дорого.

«Князь Потемкинъ прочиталъ со вниманіемъ мою записку и отозвался о ней съ похвалою генералу Михельсону. Послѣдній поздравилъ меня съ этимъ трудомъ. Онъ замѣтилъ, что я былъ удрученъ и, подозрѣвая, что тому причиною денежныя заботы, предложилъ мнѣ денегъ. Я принялъ ихъ въ счетъ моего жалованья, на которое долженъ былъ разсчитывать, такъ какъ, за повышеніемъ по службѣ старшаго маіора, долженъ былъ поступить въ число офицеровъ, получающихъ содержаніе.

«У князя Потемкина директоромъ канцеляріи былъ въ ту пору полковникъ Т... Послѣдній былъ очень удивленъ получить отъ меня лишь визитную карточку, тогда какъ всѣ прочіе за нимъ ухаживали. Онъ былъ со мною впрочемъ крайне вѣжливъ, пока не узналъ, что князь благопріятно обо мнѣ отозвался. Съ того времени онъ началъ относиться ко мнѣ холоднѣе.

«Однажды утромъ я засталъ у Михельсона красиваго мужчину въ кирасирскомъ мундирѣ. Узнавъ кто я, онъ подошелъ ко мнѣ и съ искренностью, сразу располагавшей въ его пользу, сказалъ: «я очень радъ съ вами познакомиться. Вы меня покорили однимъ вашимъ письмомъ».

— Я очень счастливъ, но не понимаю...

— Я подполковникъ Паленъ [2]), моя жена—ваша кузина, внучка одного Гейкинга. Въ Митавѣ я читалъ ваше письмо къ герцогу, въ которомъ вы говорите, что онъ Курляндіи ни купилъ, ни завоевалъ. Эта фраза мнѣ безконечно понравилась.

«Это было первымъ знакомствомъ моимъ съ Паленомъ, о которомъ впослѣдствіи неоднократно буду вести рѣчь. Такъ какъ и онъ былъ знакомъ съ Пальменбахомъ и Фромандьеромъ, то я его часто у нихъ встрѣчалъ, и, въ качествѣ курляндца и человѣка съ открытымъ характеромъ, онъ овладѣлъ полнымъ моимъ довѣріемъ.

---

[1]) Итальянскій композиторъ, написавшій не мало всякихъ оперъ, имѣвшихъ въ ту пору успѣхъ; съ 1776 по 1785 г. былъ капельмейстеромъ Петербургской итальянской оперы. Умеръ 1816 г.

[2]) Семейство Паленъ—старинный дворянскій родъ, извѣстный въ Эстляндіи, Швеціи и Россіи.

Библиотека "Руниверс"

«Я познакомилъ его съ обѣими моими записками. Вторую онъ прочиталъ два раза и отозвался о ней крайне лестно.

— Но—прибавилъ онъ—вы ничего не добьетесь, если вы не привлечете къ участію Т... Я, напримѣръ, подарилъ ему небольшой серебряный столовый сервизъ цѣною въ 2.000 рублей, чтобы получить Ямбургскій карабинерскій полкъ.

— Какъ, вы дали ему 2.000 рублей?

— Конечно, и я буду за это имѣть 12.000 руб. въ годъ. Сдѣлайте то же самое, и вы увидите, какой оборотъ примутъ ваши дѣла.

— Я ничего не желаю покупать.

— Тѣмъ хуже для васъ; если хотятъ что-либо пожинать, то нужно и сѣять.

«Я не привожу конца разговора; но долженъ сознаться, что Паленъ лучше меня понималъ господствующій духъ и во всѣхъ этихъ дѣлахъ былъ въ дѣйствительности правъ. Двѣ недѣли спустя онъ имѣлъ полкъ, который желалъ получить.

«Между тѣмъ собрался польскій сеймъ, постановленіе котораго имѣло рѣшающее значеніе для всего того, что касалось герцога. Я принесъ князю Потемкину еще одну, послѣднюю записку, по вопросу объ исполненіи его плана [1]). Онъ прочелъ ее съ большимъ вниманіемъ и положилъ на столъ сказавъ: «это очень хорошо».

«Прошло нѣсколько недѣль и со мной по этому дѣлу не было говорено ни слова; но однажды князь призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «Будьте на-готовѣ; завтра вы будете посланы курьеромъ въ Варшаву».

— Если это касается извѣстнаго обстоятельства, ваша свѣтлость, то это будетъ слишкомъ поздно: черезъ пять дней варшавскій сеймъ будетъ закрытъ.

«Лицо Потемкина перекосилось, но онъ ничего не отвѣтилъ. На другой день въ 10 часовъ утра онъ мнѣ сказалъ: «вы отправитесь въ путь сегодня въ 4 часа». При этомъ онъ мнѣ вручилъ письмо императрицы къ Штакельбергу и прибавилъ:

— Торопитесь прибытіемъ въ Варшаву. Если сеймъ еще не закрытъ, посолъ имѣетъ приказаніе озаботиться о томъ, чтобы онъ продлился. Я имѣю, впрочемъ, основанія предполагать, что сеймъ еще не закрытъ.

— Простите, ваша свѣтлость, но я могу прибыть въ Варшаву лишь черезъ 6 дней, а по закону сеймъ долженъ быть закрытъ черезъ четыре. Прошу васъ въ моемъ усердіи не сомнѣваться.

---

[1]) Планъ состоялъ въ томъ, чтобы побудить сеймъ отдать князю Потемкину Пильтенъ какъ герцогство въ ленное владѣніе и при этомъ дать временную инвеституру на Курляндію.

Библиотека "Руниверс"

— Поѣзжайте только; въ моей канцеляріи вамъ выдадутъ деньги и паспортъ.

«Я отправился, въ отчаяніи, что придется, повидимому, напрасно пропутешествовать.

«Что я предвидѣлъ и предсказалъ князю Потемкину, то и случилось. Въ понедѣльникъ утромъ я прибылъ въ Варшаву, а еще въ субботу въ 10 часовъ вечера сеймъ былъ закрытъ. Я тотчасъ же написалъ князю; посолъ сдѣлалъ то же. Но вскорѣ мнѣ стало ясно, что если императрица, уступая настоятельной просьбѣ Потемкина, и написала соотвѣтствующее письмо послу, то ея истинныя намѣренія не клонились къ тому, чтобы его желаніе исполнилось. Графъ Штакельбергъ, увидѣвъ, что князь Потемкинъ довѣрилъ мнѣ касавшееся лично его дѣло, удвоилъ ко мнѣ внимательность, что̀ тѣхъ, которые не знали тайной стороны дѣла, привело въ удивленіе и досаду.

Нѣкоторое время спустя графъ Штекельбергъ отправилъ меня съ порученіями въ Берлинъ и, между прочимъ, съ письмомъ къ тамошнему нашему посланнику князю Долгорукому. Благодаря этому письму, въ которомъ графъ весьма лестно обо мнѣ отзывался, я былъ принятъ прекрасно. Я имѣлъ также счастье быть представленнымъ Фридриху Великому.

— Имя ваше—милостиво сказалъ мнѣ король—напоминаетъ мнѣ о тѣхъ превосходныхъ офицерахъ, которыхъ я имѣлъ и имѣю въ моей арміи.

«Онъ разспрашивалъ меня о моемъ мундирѣ, о Петербургѣ и проч. Я былъ пораженъ твердымъ голосомъ и яснымъ взоромъ генія, сохраненными королемъ въ его преклонномъ возрастѣ...

«По окончаніи моихъ дѣлъ я выѣхалъ изъ Берлина въ Варшаву. Такъ какъ франмасонская ложа въ Берлинѣ получила безъимянныя письма, въ которыхъ утверждалось, что я подложно выдаю себя за русскаго маіора,—я отправился въ сопровожденіи князя Сапѣги къ графу П..., котораго считалъ сочинителемъ этой клеветы и потребовалъ отъ него объясненій. П... далъ мнѣ письменное заявленіе, что онъ не только къ этимъ навѣтамъ не причастенъ, но и ничего не знаетъ о нихъ. Такимъ образомъ все казалось устроеннымъ. Но есть низкія души, поставившія себѣ жизненною задачею сѣять раздоры и смуты и, подъ предлогомъ, что они нами интересуются, тайно пересказываютъ и преувеличиваютъ наши сужденія. Все это меня настолько взбѣсило, что я вызвалъ графа П... на дуэль, предоставивъ ему выборъ орудія и мѣста поединка.—Мы дрались на пистолетахъ въ Волѣ? [1]) До двухсотъ

[1]) Село Воля въ 4-хъ верстахъ отъ Варшавы; тамъ, на сосѣднемъ полѣ, съѣзжался сеймъ, избиравшій короля.

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ присутствовало и, между прочими, генералъ Эссенъ, графы Чапскій, Потоцкій и др. Провидѣніе избавило меня и отъ убійства и отъ смерти...

«Тешенскій мирный договоръ [1]) былъ продиктованъ Россіею, которая, для бо́льшаго воздѣйствія подвинула значительный корпусъ войскъ. Вскорѣ затѣмъ былъ заключенъ миръ и съ Турціею. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ еще сильнѣе захотѣлось оставить военную службу и перейти въ дипломатическій корпусъ. Я переговорилъ объ этомъ съ графомъ Штакельбергомъ, который обѣщалъ при первой возможности отправить меня курьеромъ въ Петербургъ и дать мнѣ письмо къ графу Остерману (графъ Паninъ за это время умеръ).

«Случай представился скоро. Я отправился и передалъ министру письмо. Графъ Остерманъ былъ, повидимому, прекрасно ко мнѣ расположенъ, чему, быть можетъ, содѣйствовало то обстоятельство, что жена его была близкою пріятельницею генеральши Гейкингъ. Князь Потемкинъ, къ которому у меня также были депеши, отнесся ко мнѣ, какъ казалось, холоднѣе чѣмъ прежде. Относительно Штакельберга онъ мнѣ предъявилъ нѣсколько вопросовъ, изъ которыхъ можно было понять, что онъ подозрѣвалъ его въ недостаточномъ стараніи исполнить его, Потемкина, желанія. Я имѣлъ честность, неумѣстную правда, защищать и оправдывать Штакельберга [2]). Князь промолчалъ. Какъ мнѣ потомъ передали, князь, по уходѣ моемъ изъ его кабинета, выразился: «это креатура Штакельберга; хорошо что теперь я это знаю». Принимая меня нѣсколько дней спустя, графъ Остерманъ былъ холоденъ и на возобновленіе мною просьбы быть прикомандированнымъ къ миссіи въ Варшавѣ отвѣтилъ, что этого сдѣлать нельзя, такъ какъ это было-бы несправедливо по отношенію къ тѣмъ, кто уже находится на службѣ. Сухой и непріятной тонъ графа меня поразилъ. Я разсказалъ о томъ г-жѣ фонъ... Она обѣщала мнѣ разслѣдовать причины столь внезапной перемѣны настроенія. Я узналъ наконецъ, что именно К... удружилъ мнѣ, сказавъ старшему чиновнику вѣдомства иностранныхъ дѣлъ:

— Очень жаль что Гейкингъ, при его неоспоримыхъ дарованіяхъ преданъ пьянству; считаю своимъ долгомъ объ этомъ предупредить довѣрительнымъ путемъ, чтобы о томъ зналъ начальникъ иностранной коллегіи.

---

[1]) Заключенный между Маріею-Терезіею и Фридрихомъ Великимъ 1-го (13) мая 1799 года, положившій конецъ ихъ войнѣ за Баварское наслѣдство.

[2]) Паленъ разсказалъ мнѣ по этому случаю какъ, въ подобномъ-же положеніи, онъ поступилъ осмотрительнѣе. Его благодѣтель, посолъ Сальдернъ, отправилъ его въ Петербургъ, поручивъ ему его оправдать. Когда онъ узналъ, что Сальдернъ при дворѣ на дурномъ счету, онъ объявилъ себя его противникомъ. Разсказывалъ это Паленъ въ присутствіи тайнаго совѣтника Шепинга, котораго, какъ и меня, этотъ разсказъ поразилъ.

Библиотека "Руниверс"

«Я былъ возмущенъ, но, давъ слово ни въ Петербургѣ, ни въ Варшавѣ объ этомъ довѣрительномъ сообщеніи никому не говорить, похоронилъ въ своемъ сердцѣ эту гнусную клевету. Лишь зависть была причиною этого недостойнаго поступка. Я старался поэтому окольнымъ путемъ уничтожить впечатлѣніе, которое это коварное нашептываніе произвело на графа Остермана. Только что прибывшаго въ Петербургъ генерала Михельсона я просилъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы предупредить князя Потемкина о распускаемыхъ о мнѣ слухахъ и исходатайствовать у него переводъ мой въ гражданскую службу или же назначеніе меня къ нему въ штабъ для французской и нѣмецкой корреспонденціи. Счастливый случай скоро тому помогъ.

«Михельсонъ находился у князя какъ разъ въ ту пору, когда шла рѣчь о написаніи польскому королю французскаго письма. Того, кто долженъ былъ его составить, на лицо не было. Михельсонъ заявилъ тогда князю, что я въ залѣ [1]) и что, по его мнѣнію, я могу исполнить требуемое. Меня позвали, и князь разсказалъ мнѣ въ чемъ дѣло. Мнѣ удалось изложить его мысли въ двѣнадцати строкахъ; къ тому-же почеркъ мой въ ту пору былъ красивый. Однимъ словомъ, князь остался очень довольнымъ. Когда я вышелъ изъ кабинета, князь выразилъ свое удовольствіе, какъ мнѣ потомъ передалъ Михельсонъ, который воспользовался случаемъ, чтобы ему сказать, что я желаю поступить къ нему въ штабъ или быть переведеннымъ въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, что графа Остермана противъ меня предубѣдили, но что если князь за меня замолвитъ слово, то «именной указъ» все дѣло устроитъ. При этомъ Михельсонъ въ лестныхъ выраженіяхъ отозвался о моемъ характерѣ, о моемъ прямодушіи и скромности.

— Хорошо, сказалъ князь; пускай онъ тутъ остается; при первой вакансіи я его опредѣлю въ мой штабъ.

«Я былъ князю очень благодаренъ и такимъ образомъ остался въ Петербургѣ; надеждъ было очень много, а денегъ мало. Правда, я жилъ у генеральши Гейкингъ, такъ что квартира и столъ мнѣ ничего не стоили, но экипажъ и другіе необходимые расходы начинали сильно меня стѣснять.

«Я вращался въ лучшемъ обществѣ. Въ домѣ принцессы Гольштейнъ-Бекъ я познакомился съ любезнѣйшею дѣвицею Ивковой и посѣщалъ какъ и герцогиню курляндскую, такъ и принцессу курляндскую [2]), сестру герцога, несмотря на то, что обѣ дамы находились во враждѣ одна съ другою.

---

[1]) Въ этомъ залѣ всегда находились офицеры свиты князя Потемкина и разные генералы.

[2]) Она была замужемъ за камергеромъ Черкасовымъ, но потомъ развелась съ нимъ.

*

Библиотека "Руниверс"

«Если-бы общественныя удовольствія могли мнѣ закрыть глаза на мое скверное положеніе, я могъ бы почитать себя богатымъ, но заботы меня одолѣли, и я умолялъ князя рѣшить мою судьбу.

— Имѣйте терпѣніе—сказалъ онъ мнѣ; я васъ не забуду.

«Около этого времени въ Петербургъ прибылъ извѣстный Каліостро, прямо изъ Митавы, гдѣ онъ всѣмъ вскружилъ головы. Отъ фонъ-деръ Говена онъ имѣлъ ко мнѣ рекомендательное письмо, которое непосредственно по своемъ пріѣздѣ мнѣ и передалъ. Такъ какъ онъ заговорилъ на плохомъ французскомъ языкѣ, то я отвѣтилъ ему по-итальянски. Его рѣчь на этомъ языкѣ и выраженія, которыя онъ употреблялъ, свидѣтельствовали о человѣкѣ низкаго происхожденія и весьма малаго образованія. Онъ пригласилъ меня посѣтить его жену, графиню, которую онъ называлъ гросмейстериной ордена «de l' Adoption». Дорогой онъ мнѣ сообщилъ, что графиня, его жена—урожденная княжна della Сгосе, и нахвасталъ массу вздору, не хуже клоуна ярмарочной труппы.

«Жена его, по внѣшнему виду, была особа перезрѣлая, красноватыя глаза ея свидѣтельствовали о пролитыхъ слезахъ, а осанка ея и рѣчь, менѣе вульгарная чѣмъ у мужа, выдавали одну изъ тѣхъ жалкихъ комедіантокъ, которыхъ заставляютъ плясать противъ воли.

— Обними, закричалъ онъ ей наступленнымъ голосомъ, этого именитаго брата; онъ нашего ордена.

«Послѣ короткаго обычнаго разговора Каліостро сказалъ:

— Я пріѣхалъ для того, чтобы видѣть великую Екатерину, эту семирамиду сѣвера и чтобы распространить великій [1]) свѣтъ здѣсь на востокѣ. Воспитанный въ пирамидахъ Египта, я получилъ сокровенныя науки и состою главою князей Р.... К....

«Онъ поднялся, показалъ мнѣ звѣзду и красную ленту: «вотъ знаки моего званія», сказалъ онъ. Я посмотрѣлъ на звѣзду; это была просто звѣзда ордена Станислава, съ которой былъ снятъ шифръ короля, а на мѣсто его была вставлена красная роза.

«Я позволилъ себѣ замѣтить, что это была станиславская звѣзда, если не считать только розы. Онъ какъ будто слегка замѣшался, но скоро оправился.

— Вы правы, сказалъ онъ. Въ дѣйствительности мнѣ ее далъ братъ Г..... такъ какъ мою звѣзду у меня дорогою украли.

— Знаете-ли вы это? произнесъ онъ тономъ насмѣшливаго превосходства.

«Въ рукахъ у него былъ листъ бумаги, покрытый кабалистическими іероглифами, подобными тѣмъ, которые я видѣлъ у алхимиковъ Бернарди, Дету, Шлиха, Пуца и др.

---

[1]) Онъ особенно любилъ употреблять слово „великій“

Библиотека "Руниверс"

— Мнѣ неизвѣстно значеніе этихъ іероглифовъ, сказалъ я, взглянувъ на листъ, но если вы желаете, я вамъ принесу завтра десятокъ такихъ листовъ, изъ которыхъ вы также, какъ и я, ровно ничего не поймете.

— Я прощаю вамъ, возразилъ онъ принявъ оскорбленный видъ, ваше невѣріе и ваше невѣжество. Несмотря на ваше званіе франкмасона вы еще дитя въ орденѣ. Но если бы я захотѣлъ—прибавилъ онъ тономъ настоящаго ярмарочнаго крикуна—я бы могъ привести васъ въ дрожь.

— Быть можетъ, если бы вы на меня напустили лихорадку.

— Что такое лихорадка для графа Каліостро, который повелѣваетъ духами! Развѣ вашъ другъ Говенъ вамъ ничего не написалъ о моемъ могуществѣ?

— Ни одного слова.

— Такъ знайте же.....

«Здѣсь насъ прервалъ вошедшій слуга испанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, который просилъ господина Каліостро, испанскаго подданнаго, сейчасъ-же къ нему явиться. Слова такъ и замерли на устахъ Каліостро. Послѣ того нѣсколько оправившись онъ сказалъ мнѣ, но уже не голосомъ вдохновеннаго.

— Что хочетъ отъ меня этотъ маленькій повѣренный въ дѣлахъ, съ которымъ я ничего не имѣю общаго? Я отправлю его [1]) на всѣ четыре стороны.

— Не совѣтую вамъ это дѣлать, онъ можетъ спустить на васъ полицію.

«Каліостро отвѣтилъ посланному, что онъ придетъ къ повѣренному въ дѣлахъ на другой день, а меня просилъ остаться у него обѣдать, такъ какъ было уже около часу. Я принялъ предложеніе, ибо меня забавляло ближе ознакомиться съ человѣкомъ, который казался безсовѣстнѣйшимъ и невѣжественнѣйшимъ шарлатаномъ. Начатая нами бесѣда обнаружила, напримѣръ, что у него ни одной здравой мысли не было ни о физикѣ, ни о химіи.

— Химія, сказалъ онъ,—глупость для того, кто знаетъ алхимію, а алхимія—пустякъ для того, кто властвуетъ надъ духами. Что касается меня, то у меня есть и золото (онъ ударилъ по карману гдѣ были дукаты) и брильянты.

«При этомъ онъ показалъ кольцо съ маленькимъ, весьма плохо оправленнымъ брильянтомъ.

— Но все это я презираю и счастье мое нахожу въ томъ духов-

---

[1]) Каліостро употребилъ итальянское выраженіе гораздо болѣе сильное, которое воспроизводить неудобно.

Библиотека "Руниверс"

номъ могуществѣ, которое имѣю надъ существами. Я представляю первую ступень сверхчеловѣческую; души умершихъ я заставляю, путемъ заклинаній, являться и отвѣчать мнѣ на мои вопросы.

«Я не могъ удержаться, чтобы не усмѣхнуться.

— Я не сержусь на ваше невѣріе, сказалъ онъ; вы не первая крѣпкая голова, которую я подчиню и обращу въ прахъ [1]). Кого изъ вашихъ умершихъ родственниковъ желаете вы видѣть?

— Моего дядю, но подъ однимъ условіемъ.

— Какимъ?

— Въ ту сторону, откуда покажется духъ, я буду имѣть право выстрѣлить изъ пистолета. Такъ какъ это будетъ лишь духъ, то никакого вреда я ему причинить не могу.

— Нѣтъ вы чудовище! Я вамъ никогда ничего не покажу; вы этого недостойны.

««Съ этими словами онъ стремительно бросился въ сосѣднюю комнату. Жена его, дѣлая видъ что испугана, сказала мнѣ, что его гнѣвъ приводитъ ее въ трепетъ.

— А меня смѣшитъ; все это можетъ пугать лишь дѣтей.

«Онъ отсутствовалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, затѣмъ вернулся съ яснымъ выраженіемъ лица.

— Онъ храбръ, сказалъ онъ про меня. Я его испыталъ и вижу, что онъ храбрый мужчина.

«Онъ, казалось, былъ отъ меня въ восхищеніи и сказалъ мнѣ:

— Со временемъ вы узнаете, что такое графъ Каліостро и каково его могущество.

«Послѣ этого онъ со мною о духахъ уже не говорилъ.

«На другой день онъ отправился къ г. Нормандецу, испанскому повѣренному въ дѣлахъ, который обошелся съ нимъ какъ съ проходимцемъ и запретилъ называться испанскимъ графомъ и полковникомъ испанской службы. Но Каліостро съумѣлъ привлечь на свою сторону графа Меллисино, кавалера С... и многихъ другихъ, пока, наконецъ, не сняли съ него личины и не приказали убраться изъ Петербурга.

«Помощью какого навожденія этотъ человѣкъ расположилъ къ себѣ, во время пребыванія въ Митавѣ, большинство курляндскаго дворянства? Графъ Медемъ [2]), его дочь госпожа фонъ-деръ-Ренне, фонъ-деръ-Говенъ и многіе другіе считали его высшимъ существомъ. Эта нравственная слѣпота необъяснима; но это было безуміемъ того времени, подготовившимъ и другія глупости. Самое вздорное мнѣніе, становясь всеобщимъ, смущаетъ надолго разумъ и здоровое сужденіе.

---

[1]) Весь этотъ разговоръ могу воспроизвести дословно, такъ какъ по приходѣ домой я его тотчасъ записалъ, и замѣтки эти лежатъ передо мною.

[2]) Отецъ герцогини курляндской.

Библиотека "Руниверс"

«Князь Потемкинъ послалъ за мною и объявилъ, чтобы я готовился на другой день ѣхать въ Варшаву и что по моемъ возвращеніи онъ мнѣ дастъ соотвѣтствующія моимъ желаніямъ занятія. Я подозрѣваю, что Т...., замѣтившій благоволеніе ко мнѣ князя, устроилъ мнѣ эту командировку, чтобы меня удалить. Самаго непродолжительнаго отсутствія достаточно, чтобы быть забытымъ при дворѣ.

«Я вернулся въ Варшаву. При моемъ проѣздѣ черезъ Митаву, мать моя просила выхлопотать для г. фонъ-Б.... титулъ тайнаго совѣтника короля и дала мнѣ на это 150 дукатовъ. Г. фонъ-К... предложилъ мнѣ 100 дукатовъ, если я ему доставлю камергерскій ключъ, а г. фонъ-Гр.. обязался выплатить мнѣ 500 дукатовъ, если я возмусь слѣдить за ходомъ процесса, который онъ имѣлъ въ Варшавѣ. Я согласился на полученіе, 500 дукатовъ, на случай если процессъ (дѣло шло о 60 тысячахъ талеровъ) будетъ выигранъ...

«Обѣ первыя просьбы король исполнилъ безъ всякихъ затрудненій.

«Я могъ бы спокойно жить нѣкоторое время въ Варшавѣ, если бы меня не одолѣвало увлеченіе франмасонами. Я принялъ графа Потоцкаго въ Орденъ [1]), и такъ какъ я поставилъ его во главѣ всѣхъ масоновъ Польши и Литвы, то орденъ получилъ такое распространеніе, что король, относившійся съ завистью ко всякому, кто только пользовался въ обществѣ извѣстнымъ вліяніемъ, былъ этимъ обезпокоенъ; мы учредили въ ту пору также ложу для дамъ. Обстоятельство это удвоило поступленіе въ наши ложи такъ что мы оказались вынужденными раздѣлить ихъ по языкамъ, т. е. на польскую, нѣмецкую и французскую. Эмблемою я избралъ исторію Гипатіи [2]) что дало отличительные знаки и интересныя церемоніи, до извѣстной степени соотвѣтствовавшія третьей степени франмансонскаго ордена. Въ церемонію входила и музыка. Скрытый оркестръ не могъ ничего видѣть и исполнялъ предписанныя произведенія по знаку, даваемому колоколомъ.

«Генеральша княгиня Чарторыйская, княгиня Радзивиллъ, графиня Потоцкая, маршальша графиня Потоцкая [3]), сестра ея графиня Станиславъ (?), графиня Тышкевичъ, племянница короля,—словомъ, дамы высшаго общества и выдающейся любезности образовали эту ложу, которая была ничѣмъ инымъ, какъ союзомъ дружбы и общественнымъ сборищемъ.

«Но въ республикахъ все служитъ предлогомъ для коварства и пар-

[1]) Я освободилъ графа отъ обычныхъ церемоній и сдѣлалъ ему, въ присутствіи трехъ братьевъ, сообщенія до 4-й степени. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ посвященъ въ правила до № 7-го.

[2]) Гипатія (Hypathie) знаменитая гречанка, занимавшаяся въ Александріи философіею (370—415 по Р. Х.) Умерщвлена была христіанами.

[3]) Супруга графа Игнатія, женщина рѣдкаго ума и сердца, умершая въ цвѣтѣ лѣтъ благодаря неблагополучному разрѣшенію отъ бремени.

Библиотека "Руниверс"

тайности. Вскорѣ въ нашихъ ложахъ образовалось двѣ партіи, и нѣкій швейцарецъ по имени Глэръ (Glaire [1]), бывшій негласнымъ вождемъ одной партіи, служилъ разжигателемъ. Онъ былъ въ ту пору секретаремъ короля и, зная его малодушіе, привелъ его къ мысли, что Игнатій Потоцкій пользуется франмасонствомъ лишь для того, чтобы составить себѣ въ республикѣ могущественную партію и стать во главѣ послѣдней.

«Король, всегда легко приходившій въ возбужденіе, повѣрилъ этой сказкѣ, а Глэръ вызвался добиться принятія въ орденъ для тщательнаго разслѣдованія дѣла. Онъ обратился къ самому графу Потоцкому, который, съ полнымъ довѣріемъ, обѣщалъ его принять. Но Глэръ заявилъ что въ виду своего возраста, онъ желалъ бы быть освобожденнымъ отъ непріятностей, связанныхъ съ предварительными испытаніями, и просилъ позволенія явиться прямо мастеромъ. Графъ Потоцкій переговорилъ со мною, и я на это согласился. Глэръ получилъ первую степень, но уже слишкомъ скоро намъ пришлось раскаяться въ нашей предупредительности; онъ не переставалъ сѣять раздоры между братьями, и хотя держался за кулисами, но не трудно было всюду чувствовать его руку.

«Всѣ эти ссоры мнѣ надоѣли и такъ какъ я выигралъ процессъ г-на фонъ-Гр... то и рѣшилъ промотать мои 500 дукатовъ въ Спа, въ Голландіи и въ Англіи».

На заработанныя такимъ путемъ деньги Гейкингъ, потерявшій въ первой инстанціи свой процессъ съ герцогомъ Петромъ Бирономъ, отправился за границу, получивъ предварительно отъ военной коллегіи годовой отпускъ (1780 г.), по истеченіи котораго вернулся въ Варшаву и затѣмъ въ полкъ. За это время, генерала Михельсона (командира кирасирскаго полка) замѣнилъ бригадиръ Энгельгардтъ, племянникъ князя Потемкина, разрѣшившій Гейкингу оставаться въ Варшавѣ, пока онъ не окончитъ своихъ дѣлъ. Въ началѣ 1783 года онъ снова обратился съ прошеніемъ о годовомъ отпускѣ (предполагая отправиться въ Парижъ), но получилъ неожиданное для него приказаніе немедленно отправиться къ полку, стоявшему въ то время въ Кіевѣ.

«6-го іюня 1783 года, послѣ безостановочной ѣзды, я прибылъ въ часть полка, стоявшую въ Васильковѣ, и узналъ, что полкъ долженъ возвращаться въ Польшу. Князь Волконскій, зять князя Репнина, командовавшій нашею дивизіею до прибытія графа Салтыкова [2]) желая досадить Энгельгардту, приказалъ полку двигаться усиленными переходами, несмотря на страшныя жары (всюду свирѣпствовавшія въ тотъ годъ), которыя могли совершенно погубить и людей и лошадей. Съ 4-хъ часовъ

[1]) Онъ былъ сначала частнымъ секретаремъ у графа Ржевусскаго, а затѣмъ перешелъ на службу къ королю.

[2]) Ивана Семеновича, впослѣдствіи фельдмаршала. А. Г.

Библиотека "Руниверс"

утра я не сходилъ съ коня и доселѣ не разумѣю, какъ я могъ это выдержать. Наконецъ, пришло приказаніе передохнуть въ Липовицѣ. Главная квартира полка была въ Немировѣ.

«Вскорѣ затѣмъ распространилось извѣстіе, что князь Потемкинъ отправляется въ Херсонъ и что готовятся завладѣть Крымомъ. Я рѣшилъ скорѣе быть убитымъ врагомъ, чѣмъ погибнуть отъ изнурительной лихорадки. Я умолялъ графа Салтыкова дозволить мнѣ отправиться въ Херсонъ вмѣстѣ съ бригадиромъ Энгельгардтомъ, ѣхавшимъ туда съ позволенія своего дяди князя Потемкина. Генералъ долго меня отговаривалъ, но наконецъ разрѣшилъ и вручилъ мнѣ депеши къ командующему войсками въ Херсонѣ принцу Виртембергскому.

«Бригадиръ Энгельгардтъ обѣщалъ выхлопотать мнѣ у своего дяди позволеніе принять участіе въ крымскомъ походѣ и, въ частности, въ осадѣ Очакова. Но по прибытіи въ Херсонъ я получилъ весьма не радостное письмо, въ которомъ онъ (Энгельгардтъ) мнѣ между прочимъ сообщалъ: «Князь Потемкинъ не одобряетъ вашего путешествія и приказываетъ вамъ вернуться въ полкъ. Не будетъ ни осады, ни сраженія. Крымъ достанется нашей августѣйшей государынѣ безъ меча». Это извѣстіе совершенно отбило во мнѣ охоту къ службѣ. Къ тому же въ херсонскихъ войскахъ обнаружилась эпидемія. Я поспѣшилъ вернуться».

Въ Варшавѣ Гейкингъ остался нѣсколько мѣсяцевъ для поправленія здоровья, разстроеннаго схваченною имъ въ Херсонѣ упорною лихорадкою. Въ началѣ 1784 года онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ подалъ прошеніе о переводѣ его въ гражданскую службу, и вскорѣ вступилъ въ бракъ съ дочерью вдовы де-ла-Фонъ [1]), завѣдывавшей институтомъ благородныхъ дѣвицъ.

Два мѣсяца послѣ свадьбы, въ апрѣлѣ 1784 г. Гейкингъ съ женою выѣхалъ изъ Петербурга и отправился въ Варшаву. Фрейлина цесаревны Маріи Ѳеодоровны Нелидова, пріятельница молодой баронессы Гейкингъ, выхлопотала у цесаревича письмо къ послу Штакельбергу, которое и передала ей при прощаньи.

Штакельбергъ выказалъ тѣмъ большую предупредительность молодымъ, когда узналъ, что мать баронессы Гейкингъ состоитъ на службѣ русскаго двора.

Вскорѣ затѣмъ состоялся указъ объ увольненіи Гейкинга отъ службы въ русскомъ войскѣ.

А. А. Гирсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Генералъ де-ла-Фонъ (de la Font) былъ офицеромъ французской службы, дядею своимъ артиллерійскимъ генераломъ Кулономъ былъ привезенъ въ Россію и умеръ въ 1754 году. Онъ происходилъ изъ старой дворянской фамиліи Лангедока.

Библиотека "Руниверс"

Собственноручное письмо императрицы Екатерины II къ П. П. Чебышеву [1].

Петръ Петровичъ! Какое-то есть представленье отъ Синодальной конторы о московскихъ порожныхъ церквѣй въ Синодъ. Пожалуй, какъ получитѣ—покажитѣ мнѣ и стараитеся, чтобъ о семъ решеніи не было прежде, нежели узнаетѣ мое о семъ мнѣніе.

Сообщ. **Ал. Маркевичъ.**

Старинная свадебная запись..

Се азъ города Гдова старыхъ Колымажныхъ лѣтъ колымажникъ Савостьянка Севрюковъ. Принялъ я, Савостьянка, вышеписаннаго города Гдова къ себѣ въ домъ вобья (зятя). А надѣлю ему треть живота вобью; а ежели добръ будетъ вобья, то половину ему вобью; а ежели Богъ по душу сошлетъ, то и все ему вобью; а ежели я, Савостьяшка, противъ сего попячусь, и мнѣ попятчику будетъ стыдно, и ему вобью самому меня попятить, и взять на мнѣ за пяченіе что указано будетъ, и на то колода людей. Въ томъ Савостьянка Севрюковъ руку приложилъ. Лѣта 7090—1582-го.

Сообщ. **А. С. М—чъ.**

---

[1]) Петръ Петровичъ Чебышевъ, бригадиръ, былъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода съ 24-го октября 1768 года по 7-е мая 1774 года; къ этому періоду времени относится и сообщаемое письмо императрицы Екатерины II. Оригиналъ письма былъ нѣсколько лѣтъ назадъ пріобрѣтенъ мною въ Одессѣ и въ настоящее время пожертвованъ Новороссійскому университету, въ библіотекѣ котораго и находится.

Библиотека "Руниверс"

МУРАВІАДА.

(Сатирическіе стихи на бывшаго нижегородскаго губернатора А. Н. Муравьева).

Какъ извѣстно, бывшій Нижегородскій военный губернаторъ—генералъ-лейтенантъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ 4-й участвовалъ въ заговорѣ 1825 года противъ правительства.

Будучи сужденъ въ числѣ прочихъ государственныхъ преступниковъ, Муравьевъ, по высочайшему приказу 10-го іюля 1826 года, былъ сосланъ на жительство въ Сибирь, «не лишая чиновъ и дворянства». Въ январѣ 1828 года онъ былъ прощенъ и «всемилостивѣйше» повелѣно было опредѣлить его городничимъ или земскимъ исправникомъ въ Восточной Сибири» [1]).

Подвигаясь все дальше по ступенямъ служебной іерархіи, онъ, наконецъ, достигъ званія Нижегородскаго губернатора, которымъ и былъ съ 1856 г. по 1861 г. Къ сожалѣнію, А. Н. Муравьевъ за время управленія губерніею не заслужилъ признательность населенія, но, напротивъ, все общее къ себѣ нерасположеніе. На него написана была масса стиховъ. Изъ нихъ нижеприводимые даютъ характеристику его дѣятельности.

Составленіе этихъ стиховъ приписываютъ одному изъ нижегородскихъ Демидовыхъ (только не потомку Санъ-Донато), должно быть маіору Деонисію Васильевичу, который состоялъ при Муравьевѣ, какъ военномъ губернаторѣ, для особыхъ порученій и которому вся дѣятельность Муравьева была видна, какъ на ладони.

Подлинная рукопись стиховъ этихъ хранится въ архивѣ Нижегород-

---

[1]) Свѣдѣнія эти взяты изъ его послужнаго списка.

Библиотека "Руниверс"

ской ученой архивной коммиссіи и въ ней существуетъ помѣтка карандашемъ рукой бывшаго предсѣдателя коммиссіи А. С. Гацисскаго, (современника Муравьева), что стихи написаны «по наущенію Стремоухова [1]) и Лормона, какъ только прошелъ слухъ объ отозваніи Муравьева изъ Нижняго. Когда показали ихъ Муравьеву, онъ только посмѣялся [2]).

П. Юдинъ.

Чечеточки, трещеточки,
Что разболтались вы,
Какія лѣзутъ новости
Изъ вашей головы?
Вотъ новость первоклассная,
Вотъ новость на расхватъ,
Газетная, прекрасная—
И кто же ей не радъ?
Конецъ долготерпѣнію:
Нашъ префектъ, нашъ тиранъ
По царскому велѣнію
Переведенъ въ Рязань.
—Да это вы, трещеточки,
Плетете невпопадъ
То-Вятскій, то-племянничекъ,
А нашъ не тронутъ хватъ.
Быть можетъ... Но по крайности
Нельзя-жъ за сплетню счесть,
Что отъ холеры въ августѣ [3])
Нашъ могъ и помереть.
Напутствованъ, соборованъ,
Едва, едва дышалъ;
Къ Ланскому [4]) объ опасности
Чрезъ телеграфъ писалъ.—

---

[1]) Петръ Дмитріевичъ Стремоуховъ былъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (съ 1861 г.)

[2]) Дѣятельность А. Н. Муравьева въ Нижнемъ-Новгородѣ подлежитъ еще серьезной оцѣнкѣ, основанной на фактахъ, и, конечно, никто не опредѣлитъ ее по ниже приведенному стихотворенію. Послѣднее характеризуетъ только взглядъ нѣкоторой части общества на дѣятельность губернатора и, конечно, взглядъ этотъ долженъ быть принятъ во вниманіе какъ изслѣдователемъ исторіи края, такъ и біографомъ А. Н. Муравьева. Ред.

[3]) Въ 1857 или въ 1858 г

[4]) Министру внутреннихъ дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

— Охота вамъ, чечеточки,
Всѣмъ слухамъ довѣрять!
Префекту просто вздумалось
Больнаго разыграть.
Какъ будто вы не знаете,
Что чуть не умеръ онъ?
Вы фактъ не отвергаете,
Хоть онъ для васъ смѣшонъ;
А между тѣмъ встревожились
На ярмаркѣ всѣ такъ,
Что до-сыта наплакались
И умный и дуракъ.
— Э! полноте, трещеточки!
Никто не горевалъ,
Напротивъ съ нетерпѣніемъ
Развязки всякій ждалъ.
Брюшное воспаленіе
Обкладывали льдомъ;
Къ болѣзни огорченіе
Прибавилося въ немъ:
Племянничекъ съ купечества
Ужъ что-то слишкомъ далъ,
Купцы явились съ жалобой,
Старикъ ажъ застоналъ [1])
— Стоналъ-то онъ, чечеточки,
Чтобъ ролю разыграть:
Личиной безкорыстія
Онъ мастеръ надувать.
Да, пользуясь директорствомъ
А—въ не зѣвалъ,
Подъ дядинымъ протекторствомъ
Составилъ капиталъ.
Тыщенокъ слышно за тридцать
Хваталъ серебрецомъ....
Не даромъ въ людяхъ кажется
Такимъ онъ гордецомъ....
— Причину тутъ, трещеточки,
Понять не мудрено:
Въ приданое за Лизанькой
Директорство дано.

[1]) Муравьеву въ 1860 году было 68 лѣтъ

Библиотека "Руниверс"

Подачки, впрочемъ, не дано
Отъ дядиньки ему,—
И представленье сдѣлано
Министру самому,
Съ сознаньемъ очень искреннимъ,
Что маху-де я далъ,
Что малый,—легкомысленный,
Себя не оправдалъ.
— Пускай и такъ, чечеточки;
Но ясно всѣмъ, какъ день,
Что ловокъ и хитеръ старикъ,
Что онъ второй Родёнъ.
Не тужитъ о послѣдствіяхъ
Нашъ камеръ-юнкеръ фатъ;
Пойдетъ все въ его дѣйствіяхъ
Опять на прежній ладъ.
За взятки, если-жъ спросится,
То развѣ съ бѣдняковъ;
За ярмарку поплатятся
Иль Спасскій, иль Смольковъ.
— Да вѣдь Смольковъ, чечеточки,
Ужъ вылетѣлъ въ трубу,
И Спасскому такую же
Готовитъ дѣдъ судьбу.
Ахъ! это просто ужасти,
Какъ все у насъ идетъ!
Дождался Нижній участи,
И вотъ четвертый годъ
Насъ душитъ самовластіе,
Какъ дымомъ ѣстъ глаза.
Примѣрное несчастіе!
Ну, словомъ жить нельзя!..
— И будетъ ѣсть, чечеточки;
За дѣло это вамъ,—
За то, что вразсыпную всѣ
Вы жметесь по угламъ.
Да развѣ мы причиною,
Что съ нѣкоторыхъ поръ
Идетъ здѣсь подъ сурдиною
Всѣмъ людямъ переборъ?
Помѣщиковъ, сановниковъ
Всѣхъ гонитъ нашъ кащей,

Библиотека "Руниверс"

И душитъ онъ чиновниковъ,
Какъ жирный котъ мышей.
— И вѣрно-ли, трещеточки,
Всему ведете счетъ?
Интригъ, подкоповъ, подлостей
Извѣстенъ вамъ весь ходъ?
Ну, гдѣ же знать до точности
И все вамъ разсказать?
Примѣровъ есть до пропасти,
Достаточно назвать
Того, другаго, третьяго
Изъ здѣшнихъ, изъ своихъ
П—ко [1]), Ш—ева
И множество другихъ...
— Лѣпите же, трещеточки,
Всю правду на отрѣзъ:
Въ болтаньи вашемъ видится
Отчасти интересъ.
Когда на губернаторство
Къ намъ прибылъ Муравьевъ,
Скрывалъ свое онъ варварство
Покуда здѣсь былъ новъ.
Но послѣ по всѣмъ вѣдомствамъ
Верхушки сталъ ломать
И комуфлеты ловкіе
Сюрпризомъ задавать.
—Такъ стало быть, трещеточки,
Кащей не безъ связей,
Поддержку долженъ сильную
Имѣть онъ отъ друзей.
Еще бы!.. вѣдь масонскую
Онъ ложу основалъ
И за собой гросмейстерство
До сихъ поръ удержалъ.
Понятно, что масоны всѣ,
И въ томъ числѣ Ланской,

---

[1]) П—ко былъ управляющимъ Нижегородской казенной палаты и замѣченъ въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ по продажѣ казенной соли, отъ которой, какъ разсказываютъ, нажилъ милліонъ. Однако, онъ не попался, заблаговременно успѣлъ удрать изъ Нижняго и впослѣдствіи былъ гдѣ то губернаторомъ. Пріемникъ же его былъ отданъ подъ судъ и сосланъ въ Сибирь.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ подъ его владычествомъ,
Всѣ подъ его рукой.
—Ну, какъ-же тутъ, чечеточки,
Во всемъ не успѣвать,
Коль можетъ онъ что вздумаетъ
Ланскому диктовать.
Министру трехбунчужному
Родѣнъ нашъ старшій братъ—
Какъ человѣку нужному,
Услуживать всякъ радъ.
То диво-ль, что полицію,
Имущество, удѣлъ,
Финансы и юстицію
Дѣдъ все къ себѣ поддѣлъ?
— И въ сущности, трещеточки,
Къ несчастью, это такъ.
Давно ужъ всю губернію
Зажалъ онъ въ свой кулакъ.
Преслѣдовать виновное
Куда-бы ужъ ни шло.
Въ томъ право есть законное.
Но истинное зло
И цѣль безчеловѣчная
Всѣхъ лучшихъ мѣстъ лишать—
Есть то, что въ эти должности
Своихъ лишь насаждать!
— Да не вездѣ-ль, чечеточки,
Манера то одна?
Такимъ грѣхомъ начальничьимъ
Вселенная полна.
Полна иль нѣтъ—не знаемъ мы,
Но только деспотизмъ
Во всемъ употребителенъ,
А съ нимъ и népotisme [1])
Тяжелъ и отвратителенъ
И безна въ немъ вреда.
Для службы онъ губителенъ,
Для общества—бѣда.
— Вы, кажется, трещоточки,
Пустились разсуждать?

---

[1]) Népotisme—покровительство своимъ родственникамъ.—

Библиотека "Руниверс"

Къ лицу-ль вамъ философія,
Не лучше-ль продолжать?
Въ займы дѣдъ суммы страшныя
Когда-то захваталъ,
Но какъ нельзя удачнѣе
Долги свои сквиталъ:
Раздачею доходныхъ мѣстъ
За векселя платилъ,
И сверхъ того порядочно
Карманъ себѣ набилъ.
— Признайте-же, чечеточки,
Что это чистый вздоръ?
Такъ только можетъ дѣйствовать
Первостатейный.....
Толкуйте! Да, одинъ ли онъ?
Съ нимъ вмѣстѣ вся семья—
Берутъ, дерутъ со всѣхъ сторонъ.
Ужъ Богъ имъ всѣмъ судья!..
Лакеи, камердинеры
Хапаютъ въ свой чередъ
И правда, что гдѣ попъ каковъ,
Таковъ тамъ и приходъ.
— Однако же, трещеточки,
Чтобъ это доказать,
Не худо бы для вѣрности
На факты указать
И факты есть богатые!
Вотъ случай былъ какой:
Лакей взялъ роль ходатая,
Знать, малый продувной...
Слупилъ съ крестьянъ полсотенки,
Ручался за успѣхъ,
И ими-жъ во дворцѣ самомъ [1])
Изобличенъ на грѣхъ.
— Сомнѣнья нѣтъ, чечеточки,
Взбѣшонъ былъ Муравьевъ
И шельму камердинера
Прогналъ безъ дальнихъ словъ?

---

[1]) Т. е. въ губернаторскомъ домъ (въ кремлѣ), который въ Нижнемъ называютъ дворцомъ

Библиотека "Руниверс"

Да, какъ же?.. угадали вы!
Лакей то не глупецъ;
Плутъ заперся догадливый
И розыскамъ конецъ.
На этомъ основаніи
Мошенникъ былъ прощенъ,
Избавленъ наказанія
И случай тотъ рѣшенъ.
—Уймитесь врать трещеточки!
У всѣхъ въ ушахъ звенитъ
Отъ вашихъ вздорныхъ росказней
И въ головѣ трещитъ.
Не вѣрите?.. не нравится?..
Вы думаете—времъ?..
А это какъ покажется—
За истину умремъ.
Для бѣдныхъ представленія,
Концерты, вечера—
Такое разореніе,
Но умолчать нельзя!
—Шалите вы, чечеточки!
Не кстати-ль замолчать,
Когда лишь только начали
Ходъ дѣлъ разоблачать.
Когда здѣсь затѣвается
Для бѣдныхъ что-нибудь,
Билеты разсылаются,
Тутъ трудно улизнуть.
Цѣна хоть и безбожная,
Но денежки подай.
Отказъ—вещь невозможная,
Не то ужъ не пеняй!
—Дурнаго въ томъ, трещеточки,
Ни сколько не видать.
Всякъ отъ избытка ближнему,
Что можетъ воленъ дать.
Да, если-бъ приношенія
На бѣдныхъ круглый годъ
Сбирались безъ стѣсненія
И былъ бы въ нихъ отчетъ,
Ни кто-бъ по справедливости
На способъ не роптalъ,

Библиотека "Руниверс"

Не видѣлъ бы въ немъ лживости
И рта не разѣвалъ...
— А способъ-то, чечеточки,
Извѣстенъ вамъ, иль нѣтъ?
Не желчно ли вы смотрите
На этотъ то предметъ?
Какъ пустятся квартальные
Билетики втирать
Бываютъ сцены сальные
Кто смѣетъ отказать?
Съ иныхъ безъ церемоніи
И подать то возьмутъ,
И въ видѣ экономіи
Билетовъ не дадутъ.
— Разсказъ-то вашъ трещеточки,
На дѣло не похожъ;
А впрочемъ, будь по вашему!
Но далѣе то что-жъ?..
Три заведенія въ ярмаркѣ
Имѣлъ нашъ пивоваръ,
За каждое по красненькой
Принесъ онъ бѣднымъ въ даръ.
Но вмѣсто трехъ билетиковъ,
Лишь кукишь получилъ,—
А жаловаться некому...
Языкъ онъ прикусилъ.
— Не самъ ли онъ, чечеточки,
Вамъ это разсказалъ.
Иль, можетъ быть, вы видѣли,
Какъ онъ языкъ кусалъ?
Купцы иногородніе
Роптали въ слухъ вездѣ,
Что сборовъ беззаконнѣе
Не сходитъ съ нихъ ни гдѣ;
Что силой и неправдою
Теребятъ съ богачей
За кресло театральное
По сотенкѣ рублей.
— Стѣсняются, трещеточки,
Не этимъ богачи,
Безстыдствомъ одолѣли ихъ
Попы и трубачи.

Библиотека "Руниверс"

Когда всѣмъ представленіямъ
Окончился сезонъ,
Внезапнымъ объявленіемъ
Префектъ издалъ законъ:
«Не смѣли бъ полицейскіе
«Билетовъ раздавать»;
Кто жъ будетъ поздней осенью
Малину собирать!..
— Нельзя жъ ему, чечеточки,
Себя не ограждать,—
Вездѣ себѣ лазеечки
Онъ мастеръ оставлять.
А суммы, слышно, крупныя
На бѣдныхъ собраны,
Но имъ онѣ доступны-ли,
Иль всѣ истреблены?..
Кассиры филантропіи
Скрываютъ свой бюджетъ,
И тонетъ въ мракъ утопіи
Общественный предметъ.
— Скажите же, трещеточки,
Кто злу всему виной?
Чья воля и чья выгода
Дать дѣлу ходъ иной?
Дѣвица есть дебелая,
Собой не хороша,
Лѣтами перезрѣлая,
А въ обществѣ—душа.
Для бѣдныхъ распинается,
И пляшетъ и поетъ
Во всѣ дѣла мѣшается,
Вездѣ вотъ такъ и льнетъ.
— Затѣяли, чечеточки,
Портреты вы писать,
Да хватитъ ли умѣнія
Натурѣ потрафлять.
Охотница посплетничать,
Вездѣ первенствовать,
Не прочь и пококетничать
И тоны задавать.
Просители являются
Къ ней съ задняго крыльца,

Библиотека "Руниверс"

Дѣлишки тутъ рѣшаются
Безъ главнаго лица!..
— Все для того, трещеточки,
Чтобъ дядѣ помогать,
Да и себя отъ праздности,
Хоть чѣмъ нибудь занять.
Берется протежировать
Дворцовыхъ отставныхъ
И любитъ дирижировать
Мѣстами становыхъ.
Всѣ клеветы, всѣ ябеды
Сбираетъ отъ людей...
Ну, подлинно ужъ ягода, —
Сидитъ самъ дьяволъ въ ней!..
— Не даромъ же, чечеточки,
Всѣ видятъ въ томъ бѣду,
Что юбки государствуютъ
Здѣсь къ общему стыду.
Франтитъ какъ и какъ рядится
Богиней въ сорокъ лѣтъ,
Въ ней плохо что-то ладится
Изящный туалетъ.
Гирляндами опутана
Отъ головы до ногъ,
Вся газами закутана,
А за спиной пирогъ.
— И въ Нижній-то, трещеточки,
Пріѣхала ни съ чѣмъ,
Но гардеробъ свой въ скорости
Обогатила всѣмъ.
Наряды хоть роскошные,
Все ярко, все пестро,
И жесты грандіозные,
Но рожество старо.
И на плечѣ придворный знакъ
Красы не придаетъ:
Онъ важенъ для однихъ зѣвакъ,
И вовсе къ ней нейдетъ.
— Не про нее ль, чечеточки,
Сказалъ одинъ острякъ:
«Нельзя-де даму въ фрейлину
Преобразить никакъ».

Библиотека "Руниверс"

Разъ какъ-то къ одной барынѣ
Подсыпалась она:
«Сынокъ-де вашъ, сударыня,
«Сказать я вамъ должна,
«Неопытную дѣвушку
«Невинности лишилъ,
«Такъ пусть на ней онъ женится,—
«Такъ дядя мой рѣшилъ».
— И сватовство, трещеточки,
Окончилось вѣнцомъ?
Старушка перетрусила,—
Увѣрены мы въ томъ.
Нѣтъ! свахѣ поучительный
Отпоръ она дала:
«Входить-де соблазнительно
«Въ такія вамъ дѣла.
«Про связи про любовныя
«Дѣвицѣ стыдно знать...
«Интригу эту темную
«Мнѣ нужно доказать!..»
— Вотъ этакъ бы, чечеточки,
Всѣмъ должно поступать,
Такъ носъ она не стала бы
Высоко поднимать.
А въ церкви разъ средь публики,—
Вотъ такъ ужъ былъ скандалъ
Какъ М... въ «губоньки»
Ее расцѣловалъ.
Впился, вцѣпился, врѣзался,—
Насилу развели...
Проказникъ не отдѣлался:
Въ безумный домъ свели.
— Всѣ говорятъ, трещеточки,
Онъ былъ въ нее влюбленъ.
Но странно инымъ кажется —
Во что влюбился онъ?!
На цѣлые два мѣсяца
Скрывалась разъ мамзель.
Шли толки, разумѣется:
«Куда? гдѣ? что за цѣль!»
Покудова отъ времени
Развязки городъ ждалъ,

Библиотека "Руниверс"

У нѣмца, у кондитера
Подкидышъ запищалъ...
— Чего-то вамъ, чечеточки,
На умъ ужъ не придетъ?
Даете вы злословію
Широкій слишкомъ ходъ!
Вы помните навѣрное
Въ собраніи тотъ балъ,
Какъ ловкій Лаппа съ фрелиной
Мазурку танцовалъ,
Какъ зрители захлопали,
Пришли въ большой экстазъ
И фрейлину отхлопали,
Конечно, изъ проказъ...
— За шалость ту, трещеточки,
Одинъ и пострадалъ,
Былъ изъ собранья выведенъ
И въ будкѣ ночевалъ.
Да мало-ль было случаевъ—
Ихъ всѣхъ не перечесть;
Концерты, балы, пиршества
Давались въ ея честь.
Пикники съ кавалькадами,
Катанья на водѣ
Съ сюрпизами, съ подарками
И съ музыкой вездѣ.
— Подслуживать, чечеточки,
Для многихъ ремесло;
Племянницѣ начальника
Везло все и несло.
Въ дни табельные выходы
И здѣсь заведены.
Въ нихъ никому нѣтъ выгоды,
Но быть тамъ всѣ должны.
Съ подпискою жидъ будочникъ [1])
Снуетъ по всѣмъ домамъ
И на поклонъ ко фрейлинѣ
Сзываетъ даже дамъ.
— Вольно же вамъ, трещеточки,
Себя такъ унижать.

---

[1]) Нижегородскій полиціймейстеръ.

Библиотека "Руниверс"

Не въ запуски-ль стремились вы
Ей льстить и угождать.
Хоть съ цѣлью благодѣтельной
Ей данъ авторитетъ,
Но странно, что владѣтельный
Введенъ здѣсь этикетъ:
Пріюты и тюремные
И женскій институтъ—
Всѣ фрейлину надменную
Чуть не принцессой чтутъ.
— Поэтому, чечеточки,
Ужъ какъ ни хлопочи,
Отъ кассы вспомогательной
У ней одной ключи.
Вотъ видите!..Напрасно ль мы?...
Какой же тутъ прогрессъ,
Когда ужъ даже дамами
Владѣетъ интересъ?
Не трудно будетъ фрейлинѣ
Деньжонокъ накопить,
Контроля, кстати, нѣтъ надъ ней...
Такъ какъ тутъ не скопить?...
— Все въ мирѣ семъ, трещеточки,
Пройдетъ своей чредой...
Ничто, какъ прежде сказано,
Не прочно подъ луной.
Когда рѣчь о непрочности
Теперь у насъ зашла,
Позвольте, хоть не въ точности,
Сказать намъ слова два
О новомъ странномъ зданіи,
Что Нижній пріобрѣлъ,
Затѣялъ какъ профектъ его
И какъ онъ дѣло велъ. [1]).

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о громадной каменной башнѣ, выстроенной Муравьевымъ на крутомъ берегу р. Оки, противъ ярмарочныхъ помѣщеній, съ цѣлью, чтобы поставленные на этой башнѣ часы могли указывать время всѣмъ пріѣзжающимъ на ярмарку и были бы видны съ противоположной стороны. Сколько она поглотила денегъ—неизвѣстно, но уже во время управленія Муравьевымъ дала трещину и стала приходить въ разрушеніе, такъ что въ 80-хъ годахъ ее пришлось ломать, и на одну ломку было затрачено 7.000 р. Теперь остался только одинъ остовъ, который народъ называетъ попрежнему «Муравьевской дылдой.

Библиотека "Руниверс"

— Про это все, чечеточки,
Прелюбопытно знать.
И такъ мы всѣ васъ слушаемъ
И просимъ разсказать.
Лелѣялъ мысль сердечную
Давно нашъ Муравей—
Себѣ на память вѣчную
Воздвигнуть мавзолей,
Чтобъ ближе лазить на небо
Безъ лѣстницъ, безъ хлопотъ,
Построилъ онъ всѣмъ на диво
Свой вавилонскій столбъ.
— Надъ башней той, трещеточки,
Народъ умно острилъ
И «Дылдой Муравьевскою»
На вѣки окрестилъ.
Постройка неуклюжая,
Съ часами съ трехъ сторонъ,
Какъ бабелина дюжая,
Пристанище воронъ.
Красы и пользы городу
Нискольно не даетъ.
Надѣются, что подъ гору
Со временемъ сползетъ.
— Смѣшнѣй всего, чечеточки,
Верхушки странный видъ:
Фигура непристойная,
Какъ гречневикъ стоитъ.
Ужъ трещину огромную
Стѣна одна дала.
Постройку незаконную
Земля не приняла.
И сбудется сказаніе
Въ урокъ гордынѣ, въ страхъ,
Что всякое созданіе
Неправедное — прахъ.
— Порадуйтесь, трещеточки,
Примѣта не дурна!
Быть можетъ, избавленіе
Пророчитъ намъ она.
Хотъ виденъ съ того берега
Огромный циферблатъ;

Библиотека "Руниверс"

«Не стоитъ онъ ни шиллинга»,
Купцы всѣ говорятъ:
«Что стрѣлки чуть виднѣются
«Изъ-за Оки вдали,
«Къ тому жъ, дескать, имѣются
«У всѣхъ часы свои».
— О пользѣ-то, чечеточки,
Префектъ не хлопоталъ.
Часы тутъ былъ предлогъ одинъ,
Въ предметѣ жъ капиталъ.
Да, онъ до денегъ лакомка!
Для выдумки своей
Взялъ съ каждой лавки въ ярмаркѣ
По десяти рублей.
Бугрову [1]) часть лишь пятую
На стройку отдѣлилъ,
Зато себѣ богатую
Наживу зацѣпилъ.
— Не промахъ онъ, трещеточки,
Во всѣхъ такихъ дѣлахъ:
Хоть корчитъ безкорыстнаго,
А деньгу любитъ страхъ!
Окончивъ давъ строеніе
Чевкинъ его спросилъ:
«Съ чьего онъ разрѣшенія
«Свой столбъ соорудилъ?
«Гдѣ смѣта? гдѣ фасадъ? гдѣ планъ?
«И деньги гдѣ взяты?
«И на предметъ какой созданъ
«Образчикъ суеты?»
— Въ запросѣ томъ, чечеточки,
Не видимъ мы бѣды:
Извѣстно, префектъ вынырнетъ
Сухимъ и изъ воды.
Градскаго, какъ-то, голову
Призвалъ онъ въ одинъ день.

---

[1]) Бугровъ былъ простой мужикъ, но благодаря выгоднымъ подрядамъ и затѣмъ поддѣлкѣ и сбыту фальшивыхъ ассигнацій во времена Муравьева сдѣлался такимъ милліонеромъ, что въ его рукахъ сосредоточилась почти вся поволжская хлѣбная торговля. Потомъ чрезъ посредство его управляющіе нижегородской казенной палатой сбывали казенную соль.

Библиотека "Руниверс"

«Жду исполненья скораго»,
Сказалъ ему Родéнъ.
«Нуждаюся я въ малости,
«Въ двухъ тысячахъ рубляхъ.
«Такъ деньги тѣ пожалуйста
«Доставьте мнѣ на дняхъ».
— Двѣ тысячи, трещеточки,
Не малый капиталъ!
Ну-съ, голова сконфуженный
Какой-же отзывъ далъ?
«Изъ суммъ какихъ-де именно,
«Осмѣлюся узнать,
«Расходъ сей непредвидѣнный
«Долженъ я показать?»
Безсребренникъ прославленный,
Осѣкся, замолчалъ.
А тотъ, въ тупикъ поставленный,
Рѣшенья робко ждалъ.
— Ужъ подлинно чечеточки,
Не префектъ, а отецъ
Родной; администраціи
Вотъ вѣрный образецъ.
Вдругъ изъ-за ширмъ племянница
Откуда ни взялась,
Юркнула, какъ пѣявица,
И въ «г о л о в у» впилась.
«Такъ эдакъ-то вы дядинькѣ
«Готовы помогать!?
«Въ такой услугѣ маленькой,
«Какъ смѣть намъ отказать?»...
— Да это ужъ, трещеточки,
Не хуже грабежа!
Прижали они голову,
Какъ вилами ужа.
Прислуга-ль нанимается
Къ префекту во дворецъ,
Такъ Дума отдувается
И на этотъ конецъ.
Особенный расходъ идетъ
На полотеровъ въ ней.
Онъ въ мѣсяцъ только рубль даетъ,
А Дума семь рублей.

Библиотека "Руниверс"

— Какой пустякъ, чечеточки,
Вамъ въ голову плыветъ!
Ну, станетъ ли префектъ вести
Столь мелочной расходъ?
Въ Губернское правленіе
Ланской прислалъ ему жъ
За службу въ награжденіе
Изрядный такп кушъ. [1])
Другому бы изъ денегъ тѣхъ
Не увидать ни зги;
Пошли бы на уплату всѣ
За старые долги...
— Кому печаль, трещеточки,
А Муравьеву смѣхъ:
Пятнадцать тысячъ рубликовъ
Вѣдь это не орѣхъ.
На выручку Г—ая
Тотчасъ въ протестъ вошла,
Съ сохранною росписко́ю
Прошенье подала.
И гдѣ же это видано,
Стыдъ, срамъ, какъ поглядишь...
Тѣ деньги ей всѣ выданы,
А кредиторамъ шишь...
— И шутка то, чечеточка,
Придумана хитро.
Росписка, вишь, лѣтъ за двадцать...
Хоть лживо, да старо!
А—нъ нѣкто въ должности
Проситься лично сталъ.
«На это нѣтъ возможности»,
Префектъ ему сказалъ:
«Нельзя мнѣ тѣмъ мѣста давать,
«Въ острогѣ кто сидѣлъ;
«И вамъ ли въ службу носъ совать,—
«За вами столько дѣлъ!..»
— И что жъ на то, трещеточки,
Проситель замочалъ?

---

[1]) Дѣйствительно, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ Муравьеву было выдано сначала пять тысячъ руб. (28 декабря 1858 г.) и затѣмъ, въ поощреніе успѣшнаго окончанія дѣла объ истребленіи лѣсовъ (?) въ Макарьевскомъ уѣздѣ еще 10 тыс. руб. (12 января 1859 г.).

Библиотека "Руниверс"

— Ему ль было резониться,
Ужъ вѣрно хвостъ поджалъ?
Вы судите по Нижнему!
Нѣтъ, этотъ отхваталъ.
«Ужь какъ вы строги къ ближнему
«Дивлюсь я, генералъ.
«Покойнымъ императоромъ
«Бывъ сосланы въ Сибирь,
«Теперь вы губернаторомъ
«И въ Нижнемъ, какъ визирь».
— Поморщился, чечеточки,
Конечно, Муравьевъ,
Такихъ ему приходится
Не часто слышать словъ?
Подумаешь, всѣ пакости
Ему сходили съ рукъ!
Не выдохся и въ старости
Въ немъ якобинскій духъ.
Отъ самаго младенчества
Въ немъ коренилось зло
И ко вреду отечества
Съ нимъ вмѣстѣ возросло.
— Вы подняли, трещеточки,
Дѣла минувшихъ лѣтъ,
Преданья старины такой,
Что ужъ простылъ и слѣдъ.
Нѣтъ, не простылъ! Не бойтеся
Концы то мы найдемъ
Есть книжечки,—поройтеся,—
Въ нихъ сказано о немъ.
Докажемъ вамъ фактически
Тогдашній ходъ вещей,
Что онъ есть историческій,
А не простой.....
— А помните, чечеточки,
Что говорилъ пророкъ?
«Грѣхъ юности, не зрѣлости,
«Не будетъ намъ въ упрекъ!»
За грѣхъ того нельзя признать,
Творилъ что Муравьевъ,
Его дѣламъ названья дать
На языкѣ нѣтъ словъ!

Библиотека "Руниверс"

Ядромъ онъ, сердцевиною,
Всѣхъ заговоровъ былъ
И тайнымъ у насъ обществамъ
Начало положилъ.
— Свободы духъ, трещеточки,
Тогда всѣхъ обуялъ,
Умы пришли въ броженіе,
Прогрессъ всѣхъ соблазнялъ.
Врагомъ своей онъ націи
Въ пятнадцатомъ году
На родину изъ Франціи
Вернулся на бѣду.
Уставы либеральные
Сталъ первый сочинять,
Чтобъ въ цѣпи соціальныя
Россію заковать.
— Увлекся онъ, чечеточки,
Кто, что ни говори,
Тогда махнули бъ многіе
Изъ мичмановъ въ цари.

.

Однако же.....
Какъ всѣ, былъ осужденъ.
Верховный уголовный судъ
Вотъ какъ рѣшилъ о немъ:
«Отнявъ чины и званіе,
«Въ шестой разрядъ вписать,
«Лишить правъ состоянія
« И въ каторгу сослать». [1])
— Но государь, чечеточки,
Сентенцію смягчилъ
И въ видѣ наказанія,
Въ Камчатку удалилъ.
Лѣтъ тридцать пять промчалося
Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ Родѣнъ
Измѣнникомъ ославился
И всѣми былъ презрѣнъ.

---

[1]) По 6-му разряду—ссылка въ каторжныя работы на 6-ть лѣтъ и на поселеніе („Русская Старина", 1897, III, 484).

Библиотека "Руниверс"

Съ тѣхъ поръ все измѣнилося:
За что онъ погибалъ,
За то теперь возвысился,
Въ чести и въ силѣ сталъ!..
— Къ несчастію, трещеточки,
Теперь—его взяла [1]).
Ему фортуна въ старости
Отлично повезла!

[1]) Т. е., что онъ выигралъ.

Библиотека "Руниверс"

Записка что исхарчено на рекрута.

13-го сентября 1770 г.

В Коротояке дано подъячему за росписку	— р. 15 к.
Солдатамъ за вылазное (?) дано .	— » 20 »
В Воронеже лекарю сахару на	2 » 20 »
Повытчику сахару голова, цена	— » 85 »
Деньгами ему жъ, повытчику	— » 60 »
За жалованья отдано	3 » 10 »
За провьянтъ .	1 » 80 »
За брейку лоба дано	— » 5 »
За присягу дано .	— » 5 »
На команду в губернской солдатамъ	— » 20 »
За даношеніе .	— » 30 »
Овса 3 мешка, цена	— » 38 »
Еще овса 1 четверикъ, цена .	— » 9 »
Сена на	— » 35 »
Маору дано вскладку	— » 5 »
За удовольствіе дано сержанту да капралу	1 » — »
Рекруту на отправку дано	9 » — »
За постоялое	— » 12 »
А того	20 р. 49 к.

Сообщ. Л. М. Савеловъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ III [1]).

ГЛАВА I.

Мое прибытіе въ Тифлисъ.—Лучшій нумеръ лучшей гостиницы.—Тифлисскіе бани.—Приготовленная для меня квартира.—Дурныя предзнаменованія.—Мое отчаяніе.—Представленіе князю Барятинскому.—Перемѣна князя въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ.—Свиданіе съ С—цкимъ и его неудачи на Кавказѣ.—Обѣдъ у намѣстника.—Знакомство мое съ знаменитыми плѣнницами Шамиля: княгинею Чавчавадзе и княгинею Орбеліани.

Первое, что встрѣтило насъ при приближеніи къ городу, были толпы маленькихъ муловъ или, по-туземному, «ешаковъ» съ вьюками и безъ вьюковъ, сопровождаемыя оборванными погонщиками, и скрыпучія грузинскія арбы, влекомыя шагъ за шагомъ лѣнивыми и какъ бы сонными буйволами. Все это страшно мѣсило грязь и издавало многоразличные звуки, непривычные для русскаго уха. На вопросъ ямщиковъ: гдѣ я остановлюсь? я, разумѣется, приказалъ вести меня въ лучшую гостиницу.

Я съ удовольствіемъ представлялъ себѣ, что страшно-усталые и прозябшіе, мы выберемся наконецъ на сухую мостовую и въ хорошей гостиницѣ предадимся всевозможному комфорту. Къ несказанному моему удивленію, едва протащившись нѣсколько саженъ по той же, если не

[1]) См. «Русскую Старину» 1895 г. № 9, сентябрь.

Библиотека "Руниверс"

бо́льшей, грязи, между неказистыми и безпорядочными постройками, мы остановились: оказалось, что мы на Головинскомъ проспектѣ, лучшей улицѣ въ Тифлисѣ и предъ «Парижемъ», лучшей гостиницей Тифлиса. Все это были такіе сюрпризы, которые въ состояніи были ошеломить и не такого господина, который пріѣхалъ изъ Почтамтской улицы Петербурга. Я, разумѣется, потребовалъ лучшій нумеръ, и когда вошелъ въ него, «ужасъ объялъ меня». Это была большая, холодная, сырая и страшно грязная комната. Я тотчасъ обратился къ изслѣдованіямъ, нѣтъ ли въ городѣ гостиницъ получше и почище, но изслѣдованія эти дали результатъ совершенно отрицательный. Тогда, пожалѣвъ искренно о моей уютной, покойной, чистой каретѣ, которую только что оставилъ, я рѣшился вступить «въ борьбу съ дѣйствительностью». Прежде всего я приказалъ мыть и топить комнату. Явились два грязнѣйшіе-грузина, одно присутствіе которыхъ уничтожало всякую идею о возможности какой-либо чистоты, такъ что убранство комнаты я тотчасъ отмѣнилъ, не ожидая отъ участія этихъ милыхъ туземцевъ ничего хорошаго, и ограничился настояніемъ вытопить комнату. Одинъ изъ этихъ грузиновъ принесъ вязанку дровъ и комья грязи на босыхъ ногахъ. Огонь дѣйствительно явился, но увы! онъ веселилъ только взоръ, но не давалъ прочнаго тепла, потому что дѣйствовалъ не въ русской капитальной печи, а въ огромномъ грузинскомъ каминѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ огнемъ все исчезало. Сырость, грязь, въ связи съ дурными моральными впечатлѣніями, дурно подѣйствовали на меня; я почувствовалъ лихорадочную дрожь и приготовился войти въ ближайшее знакомство съ кавказскою лихорадкою, которою еще въ Петербургѣ пугали меня мои пріятели.

Русскій человѣкъ, въ подобныхъ случаяхъ, всегда разсчитываетъ на баню; въ баню я и отправился вмѣстѣ съ Анатоліемъ. Тифлисскія бани имѣютъ свое, совершенно отличное отъ русскихъ, устройство. Прислоненныя къ горѣ, богатой минеральными источниками, горячими и холодными, они не отапливаются, а нагрѣваются этими же источниками и дѣйствуютъ безпрерывно. Въ каждой банѣ есть непремѣнно двѣ, а въ нѣкоторыхъ и три ванны, въ которыя, посредствомъ особыхъ проводниковъ, подобно нашимъ газовымъ проводникамъ, постоянно льется прямо изъ горъ минеральная вода различныхъ температуръ. Само собою разумѣется, главнѣйшая изъ этихъ ваннъ — самая горячая, которая быстро и сильнѣйшимъ образомъ распариваетъ человѣка. Во всѣ эти ванны входятъ посѣтители одинъ за другимъ, безъ всякаго освѣженія воды, такъ что вамъ предстоитъ идти въ ту же воду, въ которой быть можетъ были уже сотни другихъ грязныхъ и больныхъ людей. Спускъ и наполненіе ванны требуютъ очень продолжительнаго времени, и этою роскошью могутъ пользоваться только очень зажиточныя или

Библиотека "Руниверс"

очень значительныя лица, откупающія баню на нѣсколько извѣстныхъ часовъ. Впослѣдствіи я такъ и дѣлалъ, хотя никогда не былъ увѣренъ, что вхожу въ свѣжую ванну, потому что всегда находилъ уже ее наполненною. На первыхъ порахъ все это мнѣ было неизвѣстно, и понятно то омерзѣніе, съ которымъ я долженъ былъ лѣзть въ ванну, въ которой, какъ мнѣ очень равнодушно подтвердили, было уже множество другихъ.

Въ то время, какъ я ѣздилъ въ баню, мой распорядительный слуга обѣщалъ убрать мою комнату на свой ладъ, и вполнѣ сдержалъ слово. Возвратившись домой, я тотчасъ сѣлъ писать письмо женѣ и передавать ей первоначальныя мои впечатлѣнія. Во время этого занятія мнѣ доложили, что пришелъ частный приставъ полиціи. Я тотчасъ принялъ его. Это оказался какой-то баронъ-де-Монфоръ, неисповѣдимыми судьбами занесенный въ Грузію, да еще въ составъ туземной полиціи. Впослѣдствіи и скоро я узналъ, что хотя онъ и баронъ, но весьма дрянная личность. Его скоро выгнали даже и изъ полиціи, и онъ постоянно надоѣдалъ мнѣ различными просьбами на томъ только основаніи, что первый сдѣлался мнѣ извѣстнымъ въ Тифлисѣ. Баронъ явился ко мнѣ доложить, что по приказанію намѣстника для меня давно уже нанята и приготовлена квартира. Признаюсь, что это заявленіе сильно меня порадовало; тѣмъ не менѣе я замѣтилъ, что за неимѣніемъ у меня никакихъ хозяйственныхъ принадлежностей я не могу тотчасъ воспользоваться ею. Баронъ-де-Монфоръ бойко отвѣчалъ: «квартира меблирована!» Эти извѣстія до такой степени были отрадны, что я мгновенно забылъ всѣ непріятныя и тревожныя впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ находился, и вообразилъ уже себя самымъ счастливымъ человѣкомъ. Я зналъ роскошь и удобства, съ которыми князь жилъ въ Петербургѣ; я зналъ, что даже камердинеры его, англичане и т. п. обставлены были такъ комфортабельно, что имъ могъ позавидовать каждый порядочный человѣкъ. Основываясь на этомъ знаніи, я и минуты не сомнѣвался, что и моя квартира прелесть прелестей. Я упустилъ только изъ виду, во-первыхъ, что Тифлисъ не Петербургъ, во-вторыхъ, что князь, въ новомъ его высокомъ положеніи, не только не могъ самъ лично заниматься отдѣлкою и приготовленіемъ для меня квартиры, но даже и мимоходомъ взглянуть на нее, и что все это дѣло, вѣроятно, было поручено кому-нибудь, а отъ этого кого-нибудь перешло въ руки полиціи, представители которой, большею частію туземцы, могли находить хорошимъ то, что въ дѣйствительности, и особенно для петербуржца, весьма скверно.

Какъ бы то ни было, я заснулъ съ розовыми мечтами, а на другой день рано утромъ приказалъ моему человѣку распорядиться переѣздомъ. Когда экипажи и другія вещи были передвинуты туда—вслѣдъ за ними

Библиотека "Руниверс"

явился и я на новую квартиру. Я истинно затрудняюсь передать рядъ впечатлѣній, которыя снова погрузили меня въ пучину горестей. Прежде всего мнѣ представилась погребальная церемонія, наполнявшая весь дворъ, съ котораго былъ входъ въ мою квартиру. Толпы поповъ и всякаго сброда собрались на похороны хозяйки этого дома, какого-то армянина Агамжанова, богатаго скряги. Я былъ далекъ отъ того, чтобы придавать какой-либо роковой и зловѣщій смыслъ этому обстоятельству, тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, на порогѣ новаго моего жилища, не могло быть пріятно. Затѣмъ, при входѣ въ квартиру, меня обдало какимъ-то затхлымъ воздухомъ, которымъ были наполнены комнаты. Впрочемъ, ихъ и комнатами назвать нельзя; это были смрадные, нежилые сараи, холодные и сырые. Оказалось, что здѣсь помѣщался года два тому назадъ приказъ общественнаго призрѣнія, и съ тѣхъ поръ никто уже не жилъ. Грязь, оставленная приказомъ, умноженная пылью и сыростью, превосходила всякое вѣроятіе. Наконецъ, во всѣхъ этихъ сараяхъ разбросано было нѣсколько стульевъ съ черновой обивкой—и это называлось меблировкою квартиры.

Я просто не зналъ, что дѣлать, до такой степени положеніе, въ какомъ я находился, казалось мнѣ отвратительнымъ. Способный лично переносить всевозможныя лишенія, я ужасался за мое семейство, которое должно прибыть, и въ особенности за жену, въ которой стремленіе къ чистотѣ развито было до сумасшествія. Я припоминалъ, какъ во время нашихъ путешествій она съ приближеніемъ къ какому-нибудь городу начинала плакать отъ необходимости ночевать въ грязной гостиницѣ. Случалось такъ, что она нагромоздитъ ящики, взятые изъ кареты, и расположится на нихъ, никакъ не рѣшаясь прикоснуться къ стульямъ, креслamъ, а наипаче кроватямъ, украшающимъ гостиницу. Нравственное мое состояніе, въ эти моменты, было таково, что я съ радостью отдалъ бы десять лѣтъ жизни, если бы какой-нибудь благодѣтельный волшебникъ перенесъ меня изъ этого грязнаго міра въ мою уютную квартиру въ прекрасной Почтамтской улицѣ. Эту мысль впослѣдствіи, когда укрѣпился я на Кавказѣ, я повторялъ много разъ въ кругу пріятелей; но въ тотъ моментъ я хорошо понималъ, что какъ ни тяжело мое положеніе, я долженъ былъ сдерживать выраженіе моихъ сѣтованій, чтобъ не нажить на первыхъ же порахъ чего-нибудь худшаго. Изъ десяти огромныхъ сараевъ, составлявшихъ эту ужасную квартиру, мы отдѣлили двѣ маленькія комнаты и старались привести ихъ въ возможный порядокъ съ помощью нѣкоторыхъ хозяйственныхъ вещей, привезенныхъ изъ Петербурга. Думать о будущемъ прочномъ устройствѣ моего хозяйственнаго, семейнаго быта было некогда; надобно было думать о представленіи моемъ придержащимъ властямъ, которыя, конечно, тотчасъ узнали уже о моемъ прибытіи.

Библиотека "Руниверс"

На другой день я вырядился въ форменное платье, разумѣется изготовленное въ Петербургѣ съ особеннымъ шикомъ, у знаменитаго Сарра. Сравнивая свой столичный нарядъ съ грязью, которая меня ожидала на улицѣ, и отвратительными дрожками, въ которыхъ я долженъ былъ прорѣзывать эту грязь, я думалъ, какъ бы изумились мои петербургскіе пріятели, если бы видѣли меня въ этомъ оригинальномъ положеніи. Объ извозчичьихъ каретахъ тогда и помину не было. Дѣлать было, однако же, нечего и, соблюдая оффиціальный порядокъ, я направился прежде всего къ Крузенштерну, директору канцеляріи намѣстника, слѣдовательно главному центру всего гражданскаго міра. Въ Крузенштернѣ я нашелъ самую милую, симпатичную личность, совершенно чуждую всякой оффиціальности и формальности. Онъ встрѣтилъ меня милѣйшимъ образомъ, и хотя я предполагалъ мое представленіе князю отложить до слѣдующаго дня, но онъ тутъ же уговорилъ меня ѣхать къ нему вмѣстѣ съ нимъ, утверждая, что князь знаетъ уже о моемъ пріѣздѣ и желаетъ меня видѣть.

Когда мы приблизились къ дому намѣстника, величаемому дворцомъ, я снова былъ изумленъ бѣдностью этого зданія и простотою его обстановки. Простыя досчатыя ступени, вытоптанныя и загрязненныя, вели отъ подъѣзда вверхъ. О внутреннемъ расположеніи и убранствѣ этого «дворца» я буду имѣть случай говорить впослѣдствіи. Когда мы поднялись наверхъ, Крузенштернъ повелъ меня чрезъ рядъ комнатъ, уставленныхъ старѣйшею, дрянною мебелью, къ кабинету князя. Мы тотчасъ были приняты. При первомъ взглядѣ на князя, я тотчасъ замѣтилъ въ немъ значительную внѣшнюю перемѣну, тѣмъ болѣе меня поразившую, что она произошла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отъ октября 1856 г., когда онъ уѣхалъ изъ Москвы, до марта 1857 года, когда я пріѣхалъ въ Тифлисъ. До тѣхъ поръ я постоянно видѣлъ въ немъ великаго красавца, совершенно свѣжаго, какъ ни старался князь напустить на себя искусственную старость заслуженнаго, раненаго генерала, вслѣдствіе чего онъ и ходилъ почти всегда съ палкой, постоянно прихрамывая. Тутъ же я видѣлъ, что князь тотъ же, да не тотъ. Черта какой-то обрюзглости, дѣйствительной старости, черта, почти неуловимая, замѣтная единственно для моего опытнаго и привычнаго глаза, явилась въ немъ. Принялъ онъ меня чрезвычайно ласково и внимательно, но уже съ оттѣнкомъ властителя. Когда я сказалъ ему, что отъ многихъ изъ Петербурга имѣлъ порученіе передать ему почтеніе, онъ замѣтилъ:

— Ну объ этомъ, любезный Василій Антоновичъ, мы поговоримъ послѣ... Приходите завтра ко мнѣ обѣдать.

Такъ долго находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ княземъ, я, конечно, не могъ не изучить его. Самою собою разумѣется, что тотъ же

Библиотека "Руниверс"

инструментъ, при содѣйствіи котораго я умѣлъ схватывать идеи князя, помогалъ мнѣ понимать и собственную его личность. Такимъ образомъ мнѣ не трудно было сообразить, что, при первомъ моемъ представленіи, князь желалъ уже внушить мнѣ: «не смѣшивай, дескать, любезный, прежняго Барятинскаго съ кавказскимъ намѣстникомъ». Справедливость этого соображенія оправдывалась и послѣдующими обстоятельствами...

Здѣсь надо сказать, что въ то время, когда князь, предъ назначеніемъ его намѣстникомъ, командовалъ резервнымъ гвардейскимъ корпусомъ, къ нему приблизился дежурный штабъ-офицеръ этого корпуса полковникъ С—цкій. Занимаясь обработываніемъ разныхъ кавказскихъ вопросовъ, князь употреблялъ иногда для этихъ занятій и С—цкаго. Часто передавая мнѣ какое-нибудь произведеніе совершенно неизвѣстнаго автора, князь спрашивалъ моего мнѣнія о достоинствѣ этого произведенія. Я, по своему обычаю, всегда подхваливалъ, и эти ли похвалы или невозможность въ короткій срокъ командованія князя корпусомъ изучить ближе эту личность, были тому причиною—я не знаю; только князь, можно сказать, сдѣлалъ большую неосторожность, пригласивъ С—цкаго на службу на Кавказъ. Назначивъ его въ должность директора походной канцеляріи, должность, уничтоженную суровымъ Муравьевымъ, а княземъ вновь возстановленную, князь имѣлъ вящшую неосторожность прибавить, вѣроятно подъ вліяніемъ первыхъ ощущеній своего могущества, что на Кавказѣ мѣстъ много и что отъ него зависитъ назначеніе на нихъ. С—цкій понялъ это такъ, что должность директора походной канцеляріи ему дана на первый только разъ и что ему стоитъ только выбрать какое угодно мѣсто, чтобъ тотчасъ его получить. Послѣдствія скоро доказали, что онъ глубоко ошибался и что князь любилъ обольщать людей неопредѣленными обѣщаніями, о которыхъ скоро забывалъ.

Какъ бы то ни было, С—цкій скоро собрался и вслѣдъ за княземъ улетѣлъ на Кавказъ съ розовыми мечтами, разоривъ окончательно свое петербургское гнѣздо. Случилось такъ, что при моемъ прибытіи въ Тифлисъ, я какъ-то тотчасъ встрѣтилъ С—цкаго и обѣщался быть у него, чтобъ потолковать о различныхъ явленіяхъ новаго міра, въ который мы попали. Поэтому, кончивъ свое оффиціальное представленіе князю, я въ тотъ же вечеръ отправился къ С—цкому. Увы! разсказы его были вовсе неутѣшительны и дышали величайшею раздражительностью. На Тифлисъ онъ смотрѣлъ точно такъ же, какимъ онъ представлялся мнѣ въ первые моменты, хотя онъ имѣлъ уже возможность подробнѣе познакомиться съ нимъ. Въ то же время замѣтно было, что и розовыя мечты начинали разлетаться, и что князь въ Тифлисѣ вовсе не то, что князь въ Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

И дѣйствительно, для С—цкаго Тифлисъ не представилъ ничего пріятнаго и выгоднаго. Натура обыкновенная и въ то же время пропитанная насквозь петербургскими формализмами, онъ не могъ ни проявить на дѣлѣ замѣчательныхъ способностей, ни образовать въ частномъ быту хорошихъ отношеній, въ особенности съ свитой намѣстника, которая въ цѣлой массѣ имѣла на князя значительное вліяніе. Да оно и не могло быть иначе: кто хорошъ и друженъ съ этою пустою, но блестящею толпою, тотъ и князю пріятенъ; на того, съ кѣмъ она враждуетъ или надъ кѣмъ смѣется, и князь смотритъ другими глазами. Шалуны эти, сильные своими аристократическими именами, тотчасъ подняли на смѣхъ бѣднаго С—цкаго и навсегда запечатлѣли его названіемъ № 3-го. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Князь, еще до моего прибытія, предпринялъ какую-то поѣздку. Часть свиты слѣдовала съ нимъ. С—цкій возымѣлъ несчастную мысль тутъ же проявить свою важность и требовать, чтобы это путешествіе подчинено было всѣмъ правиламъ высочайшихъ путешествій и, главное, чтобы экипажи слѣдовали одинъ за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ. Шалуны, замѣтивъ эту несчастную претензію, стали постоянно нарушать установленный порядокъ и, главное, объѣзжать на каждой станціи самого С — цкаго, слѣдовавшаго подъ № 3-мъ. Возникли столкновенія, споры, и послѣдствіемъ ихъ было то, что этотъ роковой нумеръ перешелъ съ экипажа С—цкаго на личность его, такъ что его уже не называли С—цкимъ, а большею частью нумеромъ третьимъ. Затѣмъ все шло дальше и хуже. С—цкій постоянно ныль и жаловался. Князь постоянно охладѣвалъ къ нему болѣе и болѣе. Дошло наконецъ до того, что С—цкій не могъ безъ слезъ говорить ни о своемъ положеніи, ни о вѣроломствѣ князя, обѣщавшаго ему золотыя горы, а теперь не обращавшаго на него вниманія. Князь видимо тяготился имъ и, какъ самъ говорилъ мнѣ, придумывалъ, какъ безобидно сбыть его съ рукъ. Черезъ нѣкоторое время С—цкій сдѣланъ былъ инспекторомъ линейныхъ баталіоновъ, но этимъ, кажется, остался еще болѣе недоволенъ. Впослѣдствіи онъ отправился съ рекомендательнымъ письмомъ князя въ Петербургъ и получилъ мѣсто окружнаго генерала внутренней стражи. Наконецъ ему удалось примкнуть къ толпѣ генераловъ, состоящихъ при командующемъ войсками Московскаго округа, и въ этомъ положеніи, чрезъ много лѣтъ, я встрѣтилъ его въ Москвѣ.

У этого-то С—цкаго я провелъ первый мой тифлисскій вечеръ и жадно прислушивался къ многоразличнымъ разсказамъ какъ его лично, такъ и нѣкоторыхъ его знакомыхъ, у него бывшихъ, о Тифлисѣ и о всевозможныхъ отношеніяхъ какъ частныхъ, такъ и служебныхъ, въ немъ существующихъ. Предварительныя эти свѣдѣнія были для меня въ высшей степени полезны и необходимы, давая путеводную нить, кото-

Библиотека "Руниверс"

рой я долженъ держаться при первыхъ моихъ шагахъ по новой и совершенно мнѣ неизвѣстной почвѣ.

Запахъ интригъ и козней кавказскихъ, о которыхъ я слышалъ еще въ Петербургѣ самые рѣзкіе отзывы, замѣтно проявлялись во всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ. Живо помнилъ разговоръ, который я имѣлъ предъ отъѣздомъ изъ Петербурга съ Бутурлинымъ, бывшимъ тогда адъютантомъ главноуправляющаго путями сообщеній, человѣкомъ умнымъ и серьезнаго направленія. Онъ рѣзко спросилъ меня:

— Что вамъ за охота ѣхать на Кавказъ?

— Отчего же не ѣхать,— возразилъ я,— при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я нахожусь къ намѣстнику?

— Да вѣдь это омутъ грязныхъ интригъ, — сказалъ Бутурлинъ,— а для васъ, не думаю, чтобы было пріятно купаться въ этомъ омутѣ.

Но мнѣ уже ничего не оставалось, какъ слушать, смекать и ждать, что дальше будетъ...

На другой день я обѣдалъ у намѣстника. Чуждый всякаго знакомства съ туземными обычаями и церемоніями, я держалъ себя такъ свободно, что скоро сдѣлался предметомъ толковъ. Недолго, впрочемъ, я оставался въ этомъ невѣдѣніи. Оказалось, что обѣдать у намѣстника составляетъ величайшую честь для каждаго, и кто удостоится этой чести, дѣлается счастливымъ на нѣсколько недѣль, и что весь Тифлисъ постоянно слѣдитъ, кто приглашенъ сегодня, кто завтра, и сообразно тому опредѣляетъ политическіе фонды каждаго. Я этого ничего не зналъ, и первый обѣдъ мой у намѣстника замѣчателенъ былъ для меня только знакомствомъ съ знаменитыми плѣнницами Шамиля: княгинею Варварою Орбеліани и княгинею Анною Чавчавадзе, между которыми я былъ помѣщенъ за обѣдомъ. Я не могъ опомниться отъ удивленія, что нахожусь подлѣ дамъ, замѣчательная участь которыхъ возбуждала живѣйшее сочувствіе всей Россіи. Участь эта представлялась особенно поразительною при личномъ взглядѣ на этихъ прелестныхъ женщинъ, дышащихъ красотою и истинно женственною нѣжностью. Увлеченный этими впечатлѣніями, я проговорилъ съ ними весь обѣдъ, тогда какъ по церемоніальнымъ уставамъ слѣдовало молчать, смотрѣть на намѣстника и съ благоговѣніемъ внимать, что благоугодно будетъ ему изречь. Впрочемъ, какъ объ этихъ обѣдахъ, такъ и вообще объ обстановкѣ намѣстника на Кавказѣ и преимущественно о благоговѣніи, какое личность его внушаетъ всему окружающему, я буду имѣть много случаевъ говорить впослѣдствіи, а теперь постараюсь обрисовать, прежде всего, мое вступленіе въ кавказскій міръ и выдвинуть впередъ личности, которыя считались тамъ главными дѣятелями. Само собою разумѣется, что я не замедлилъ отдать всѣмъ этимъ личностямъ визиты и положить начало личному моему съ ними знакомству.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА II.

Главные дѣятели гражданскаго міра.—Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, начальникъ гражданскаго управленія и предсѣдатель совѣта намѣстника.—Дюкруаси, членъ совѣта и завѣдующій таможенною частію на Кавказѣ.—Баронъ Николаи, членъ совѣта, завѣдующій учебною частію.—К—бу, членъ совѣта, завѣдующій почтовою частію.—Фадѣевъ, членъ совѣта, завѣдующій государственными имуществами.—Витте его помощникъ.—Замѣчательный сынъ Фадѣева, авторъ многихъ военныхъ сочиненій.—Князь Георгій Багратіонъ Мухранскій, членъ совѣта, вліявшій на судебную часть края.—Правитель дѣлъ совѣта Киніани.—Тифлисскіе губернаторы.

Первое мѣсто въ ряду этихъ личностей безспорно принадлежало князю Василію Осиповичу Бебутову, имя котораго, столь громкое на Кавказѣ, имѣетъ значительную извѣстность и въ Россіи. Я не имѣю достаточныхъ данныхъ о первоначальной его карьерѣ, да это и не совсѣмъ входитъ въ рамки моихъ записокъ, изображающихъ только то, что я самъ видѣлъ и слышалъ. Предъ наступленіемъ Восточной войны онъ былъ вызванъ въ Петербургъ именно съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать его, въ случаѣ надобности, главнымъ дѣятелемъ по защитѣ нашихъ кавказскихъ владѣній. Полагали, что ему, какъ туземцу и туземцу умному, ближе извѣстны и духъ народа и мѣстныя условія обороны. Было ли въ этомъ планѣ какое либо участіе самого князя Воронцова, бывшаго тогда намѣстникомъ и главнокомандующимъ, я не знаю; извѣстно только, что въ это время князь Воронцовъ, подъ вліяніемъ лѣтъ и болѣзней, видимо уже слабѣлъ и не имѣлъ силъ къ большимъ подвигамъ, которыя могла потребовать предстоящая война; кромѣ того, вѣроятно подъ тѣмъ же вліяніемъ, князь Воронцовъ, никакъ не хотѣлъ и вѣрить, чтобъ самая война открылась. Какъ бы то ни было, князь Бебутовъ былъ осыпанъ въ Петербургѣ величайшими любезностями и, какъ князь Александръ Ивановичъ говорилъ мнѣ потомъ, произвелъ тамъ прекрасное впечатлѣніе своимъ умомъ, любезностью и особенно тѣми немножко устарѣвшими манерами, которыхъ онъ держался, не зная, быть можетъ, что они уже устарѣли. Такъ, напримѣръ, когда онъ игралъ въ одной партіи съ государемъ въ вистъ, онъ при первоначальной сдачѣ картъ, каждому кланялся и говорилъ: «желаю веселиться» или «желаю счастья» и дѣлалъ это такъ хорошо, что всѣмъ нравилось. Когда, вопреки убѣжденію князя Воронцова, война загорѣлась, онъ, какъ разсказывали мнѣ кавказцы, совершенно растерялся, и князь Бебутовъ, ставъ во главѣ дѣйствовавшаго на кавказско-турецкой границѣ корпуса, совершилъ великія дѣла, которыя возвысили его славу.

По окончаніи войны онъ обратился къ мирнымъ своимъ занятіямъ, по званію начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ и предсѣ-

Библиотека "Руниверс"

дателя совѣта намѣстника. По закону, значеніе и предѣлы власти начальника гражданскаго управленія были довольно значительны, но на самомъ дѣлѣ они были очень урѣзаны. Начало этому ограниченію положено было, кажется, еще княземъ Воронцовымъ; князь Барятинскій довершилъ его, сосредоточивъ рѣшительно всѣ дѣла въ своей канцеляріи, такъ что въ моментъ моего пріѣзда князь Бебутовъ, хотя носилъ еще это званіе, но не исполнялъ уже никакихъ обязанностей, съ нимъ связанныхъ, и удерживалъ за собою единственно почетную должность предсѣдателя совѣта намѣстника.

Князь Бебутовъ въ личныхъ отношеніяхъ былъ человѣкъ истинно обольстительный—умный, любезный, добрый, ласковый, онъ рѣшительно очаровывалъ всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло и знакомство. Меня принялъ онъ самымъ плѣнительнымъ образомъ и при первомъ же знакомствѣ со мною, не оставилъ пустить нѣсколько самыхъ тончайшихъ булавочекъ въ князя Александра Ивановича по поводу вступленія его на кавказскіе берега въ сопровожденіи прекраснаго пола, и пальбы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исключительно въ честь или для потѣхи этого пола производимой.—Чуть-чуть замѣтно было, что онъ не совсѣмъ принадлежитъ въ восторженнымъ почитателямъ князя. Послѣдующее мое знакомство съ Бебутовымъ исполнено было самыхъ пріятнѣйшихъ для меня впечатлѣній, и я искренно полюбилъ его, какъ человѣка умнаго въ дѣловомъ значеніи и пріятнѣйшаго въ частномъ быту.

На Кавказѣ существовало, такъ называемое, особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе, образуемое изъ нѣсколькихъ высшихъ лицъ гражданскаго управленія подъ вѣдѣніемъ предсѣдателя совѣта. Вице-директоръ канцеляріи намѣстника, по уставу, имѣлъ обязанность быть членомъ этого присутствія и имѣть высшій надзоръ за его дѣлопроизводствомъ. Понятно, что въ этомъ положеніи я имѣлъ постоянныя дѣловыя сношенія съ княземъ Бебутовымъ, которыя и дали мнѣ полную возможность видѣть и его свѣтлый умъ, и его гражданскую опытность. Въ частномъ быту сближеніе это было еще сильнѣе: въ то же лѣто 1857 года случилось такъ, что мы поселились въ Каджорахъ (12 верстъ отъ Тифлиса) на одной дачѣ; онъ занималъ большой домъ, а я жилъ въ одномъ изъ флигелей, такъ что свиданія наши были ежедневны, и большую часть вечеровъ я проводилъ у него. У князя была манера: съ людьми, которыхъ онъ любилъ, переходить на дружеское «ты». Точно такъ и мнѣ онъ говорилъ «ты», хотя само собою разумѣется, что я изъ уваженія къ его лѣтамъ, славѣ и заслугамъ, держался на почтительномъ «вы». На разныхъ пирахъ, которыми было богато лѣто 1857 г. и которыя, разумѣется, отличались кавказскою простотою, князь Бебутовъ любилъ становиться подлѣ меня, когда затѣвался хоръ и слабымъ голосомъ тянулъ какую нибудь русскую пѣсню.

Библиотека "Руниверс"

Надобно замѣтить, что у князя была жена—женщина, истинно замѣчательная въ своемъ родѣ. По разсказамъ она была когда-то очень хороша, но я засталъ уже ее въ довольно преклонныхъ лѣтахъ, значительно пополнѣвшею; прекрасныя черныя глаза, какъ у большей части туземокъ, говорили впрочемъ, что страсть еще не совсѣмъ затихла въ ней.

Къ сожалѣнію дни князя Бебутова были уже сочтены, хотя ни для кого это не было замѣтно. На одномъ изъ обѣдовъ у князя намѣстника на Каджорахъ съ Бебутовымъ сдѣлалась рвота и какое-то стѣсненіе въ горлѣ. Припадокъ этотъ впрочемъ не обратилъ на себя никакого вниманія, потому что князь на другой день выходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало и не чувствовалъ ничего особеннаго. Скоро послѣ этого я уѣхалъ изъ Каджоръ въ Тифлисъ, а потомъ въ Баку для встрѣчи моего семейства, а когда возвратился въ Тифлисъ, то нашелъ уже князя Бебутова очень больнымъ. Мнѣ разсказали, что припадки съ горломъ повторяются съ большей силой и что на выздоровленіе его почти нѣтъ никакой надежды. Болѣзнь его длилась, впрочемъ, довольно долго, и между тѣмъ князь Александръ Ивановичъ, погруженный въ различныя гражданскія преобразованія, имѣлъ большую надобность для своихъ видовъ очистить мѣсто предсѣдателя совѣта, и, всегда нетерпѣливый въ своихъ намѣреніяхъ, не могъ дождаться кончины князя Бебутова, поѣхалъ къ нему, объяснилъ свои виды и предложилъ ему званіе члена Государственнаго Совѣта. Полуживой князь Бебутовъ, разумѣется, на все согласился и моимъ перомъ написано было представленіе о зачисленіи его въ Государственный Совѣтъ съ сохраненіемъ того содержанія, какое онъ дотолѣ получалъ.

Князь положительно требовалъ, чтобы, для отвращенія всякихъ возраженій въ этомъ отношеніи, было выражено, что князь Бебутовъ никакъ не можетъ прожить болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и что правительство поэтому не будетъ обременено его содержаніемъ. Какъ я ни доказывалъ, что такое изъясненіе вообще не удобно, что за достовѣрность его ручаться нельзя и что, наконецъ, сдѣлавшись какъ нибудь извѣстнымъ самому князю Бебутову, оно дѣйствительно можетъ, прежде срока, отправить его въ могилу,—князь остался при своемъ, и представленіе пошло съ этимъ оригинальнымъ объясненіемъ.

Но я не знаю, когда бы подобная странная увѣренность князя обманывала его. Я привелъ уже выше, какъ онъ, отправляясь въ походъ противъ Шамиля, разсказывалъ государю, что онъ пришлетъ этого Шамиля въ Петербургъ съ Трамповскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же выпросилъ Трамповскому награду за это доставленіе. Такъ точно было и здѣсь: когда получено было высочайшее согласіе на это представленіе, князь Бебутовъ мучительно переживалъ послѣдніе дни. Мнѣ пріі-

Библиотека "Руниверс"

ятно вспомнить, что почти предъ самой кончиной онъ потребовалъ меня къ себѣ и съ трудомъ, прерывающимся голосомъ, передалъ мнѣ нѣкоторыя предсмертныя просьбы относительно его семейства, для представленія князю. Получивъ согласіе на нихъ князя, я имѣлъ еще утѣшеніе лично передать умирающему князю Бебутову это извѣстіе. Онъ обнялъ меня холодѣющими руками и сказалъ: «теперь умру спокойно». Дѣйствительно, скоро послѣ того онъ скончался.

Въ то время, за отсутствіемъ Крузенштерна, я управлялъ канцеляріею намѣстника и слѣдовательно былъ центромъ, куда стекались всѣ извѣстія, подлежащія свѣдѣнію намѣстника. Помню, однажды вечеромъ пріѣзжаетъ ко мнѣ правитель дѣлъ совѣта Кипіани, съ кѣмъ-то изъ приближенныхъ къ князю Бебутову, и увѣдомивъ о кончинѣ его, они испрашивали высшихъ распоряженій относительно его погребенія. Набросавъ церемоніалъ этого погребенія, я тотчасъ отправился къ князю-намѣстнику. Къ удивленію моему извѣстіе о кончинѣ этого замѣчательнаго человѣка князь принялъ совершенно равнодушно, а относительно погребенія его сказалъ, что тутъ никакого особаго церемоніала не нужно, и что оно должно быть исполнено по воинскому уставу. Этотъ отзывъ, разумѣется, я передалъ по принадлежности, а князь Александръ Ивановичъ на другой день углубился со мною въ соображенія: какъ онъ долженъ поступить лично при этомъ погребеніи, т. е. пріѣхать-ли въ церковь или въ домъ Бебутова? Подобные вопросы, какъ ни странно это, всегда сильно занимали князя, и къ настоящему вопросу мы обращались нѣсколько разъ и съ различныхъ сторонъ. Я доказывалъ, что князю слѣдуетъ пріѣхать въ домъ, потомъ проводить покойнаго нѣкоторое разстояніе и затѣмъ при одномъ изъ поворотовъ сѣсть въ карету и уѣхать. Это мнѣніе я основывалъ на томъ, что такимъ образомъ князь окажетъ большое вниманіе не только семейству и родству покойнаго, но и всему народу, который такъ высоко ставилъ Бебутова и вѣроятно наполнитъ всѣ улицы, а въ то же время и для князя будетъ покойнѣе пройти за гробомъ нѣкоторое разстояніе, нежели стоять продолжительное время въ душной армянской церкви. Мнѣніе это, хотя не съ разу, восторжествовало.

Похороны князя Бебутова были великолѣпны, по-туземному. День былъ восхитительный, даже нѣсколько жаркій; волны народа запрудили улицы; всѣ крыши были также покрыты ими. Всѣ чины, гражданскіе и военные, въ парадной формѣ, присутствовали тутъ; ихъ золотыя мундиры перемѣшивались съ торжественнымъ одѣяніемъ многочисленнаго духовенства. Когда гробъ вынесли изъ дома, то народъ не допустилъ поставить его на приготовленную колесницу и несъ его на рукахъ до церкви, а потомъ оттуда до кладбища. Странно было видѣть огромныя массы народа, отбивающія другъ у друга честь нести гробъ,

Библиотека "Руниверс"

и поверхъ этихъ массъ—качающійся гробъ, а въ немъ открытое умное лицо покойника, освѣщенное яркимъ солнцемъ и какъ бы смотрящее на небо...

Князь Бебутовъ оставилъ жену, дочь въ замужествѣ, кажется, за княземъ Гуріели, Кутаисскимъ помѣщикомъ, и сына въ Пажескомъ корпусѣ. Дочь хотя я видѣлъ много разъ, но былъ мало съ нею знакомъ, съ сыномъ же, сдѣланнымъ потомъ адъютантомъ намѣстника, я долженъ былъ сблизиться, находясь всегда въ дружбѣ со всею свитою.

Смерть князя Бебутова обнаружила неожиданное обстоятельство: никакого особеннаго богатства не оказалось, и пенсія, кажется, въ 5.000 руб. сер., выпрошенная княземъ, составила основной и главный источникъ какъ для вдовы покойнаго князя, такъ и для его сына.

Теперь предстоитъ перейти къ обозрѣнію личностей, составлявшихъ совѣтъ намѣстника, на томъ основаніи, что этотъ совѣтъ, до крайности малополезный, какъ и всѣ совѣты, считался все-таки высшимъ и почетнымъ учрежденіемъ въ краѣ. По прежнему порядку нѣкоторые изъ этихъ членовъ завѣдывали отдѣльными частями: учебною, таможенною, почтовою, государственныхъ имуществъ и проч. Само собою разумѣется, эти члены, имѣющіе положительную власть въ рукахъ и множество различныхъ мѣстъ въ своемъ распоряженіи, были самыми знатными господами и пользовались дѣйствительнымъ вліяніемъ. Остальные составляли нѣчто въ родѣ балласта, проводя дни старости въ покоѣ и на хорошемъ жалованьи.

Начну съ Дюкруаси, члена совѣта и управляющаго таможенною частію на Кавказѣ. Еще въ Петербургѣ, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ княземъ, я слышалъ уже, мелькомъ, весьма выгодные отзывы о Дюкруаси, хотя не зналъ, кто онъ и какое его положеніе на Кавказѣ. Въ Москвѣ, во время коронаціи, когда я рѣшился перейти на Кавказъ, я счелъ полезнымъ сблизиться съ Гулькевичемъ, который служилъ тамъ и зналъ всѣ тамошнія личности, и который поэтому могъ снабдить меня драгоцѣнными свѣдѣніями. Изъ отзывовъ его я тоже узналъ, что Дюкруаси считается на Кавказѣ звѣздою первой величины и что по соглашенію князя съ Бутковымъ, онъ будто уже предназначенъ на позицію будущаго начальника гражданскаго управленія. По прибытіи на Кавказъ я тоже слышалъ отъ мѣстныхъ лицъ, что это самая капитальная личность.

При личномъ свиданіи съ нимъ я нашелъ въ немъ благовоспитаннаго господина съ весьма почтенною и представительною наружностью. Мнѣ разказывали, что отецъ его былъ французскимъ актеромъ на Петербургской сценѣ; самъ Дюкруаси первоначально жилъ гувернеромъ въ нѣкоторыхъ знатныхъ домахъ, потомъ служилъ въ департаментѣ внѣшней торговли, и наконецъ перешелъ на Кавказъ. Непредвидѣн-

Библиотека "Руниверс"

ныя совершенно обстоятельства подвергли скоро дѣловитость Дюкруаси сильному испытанію.

Въ теченіе того же лѣта 1857 года, когда я пріѣхалъ на Кавказъ, въ Мингреліи вспыхнуло возмущеніе. Надобно замѣтить, что Мингрелія оставалась, подобно Абхазіи, Сванетіи, на своихъ исключительныхъ правахъ и съ своимъ отдѣльнымъ владѣтелемъ, который хотя считался въ подчиненіи русскому правительству, но внутри своей страны дѣйствовалъ безконтрольно и непосредственно располагалъ имуществомъ, правами и чуть ли не самою жизнію своихъ подвластныхъ. Послѣднимъ владѣтелемъ былъ князь Дадьянъ. По смерти его остался малолѣтній наслѣдникъ, который не могъ вступить самъ въ управленіе, и потому, на время его малолѣтства, еще при князѣ Воронцовѣ, образованъ былъ особый совѣтъ изъ матери наслѣдника, княгини Екатерины Дадьянъ, урожденной княжны Чавчавадзе, мингрельскаго архіерея и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Управленіе, разумѣется, было дикое, направленное преимущественно къ тому, чтобы выжимать какъ можно больше соковъ изъ подвластнаго народа. Мингрельцы, видя въ сосѣдствѣ русское спокойное, справедливое управленіе, взбунтовались противъ Дадьяновой власти и требовали, чтобы ихъ взяли тоже подъ общее русское управленіе. Мятежъ, подавленный введенными войсками, скоро потухъ; но прозорливый князь Александръ Ивановичъ рѣшился воспользоваться этимъ событіемъ, чтобъ подчинить Мингрелію общему русскому управленію. Какими путями и средствами достигалъ онъ этой цѣли, я разкажу въ своемъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что Мингрельское дѣло, своими колебаніями и личными интригами, имъ возбужденными, пріобрѣло особенное значеніе въ періодъ управленія князя Кавказомъ. Здѣсь же, обращаясь собственно къ изображенію доблестей Дюкруаси, должно сказать, что такъ какъ въ задуманномъ переворотѣ управленія играла значительную роль политическая часть, то часть эта ввѣрена была мудрости и опытности Дюкруаси.

Онъ долженъ былъ вести тончайшіе дипломатическіе переговоры съ матерью владѣтеля княгинею Дадьянъ, умною и упрямою женщиною, войти въ соглашеніе съ мингрельскими князьями и дворянами, воспользоваться партіями, враждебными владѣтельному дому, однимъ словомъ ловко, мирно и прочно осуществить замысловатыя цѣли князя. Увы! дѣло это оказалось не по силамъ Дюкруаси и оно совершенно погубило его репутацію. Онъ началъ писать какія-то дикія воззванія къ самой Дадьяншѣ, мингрельскому дворянству и вообще народу и рѣшительно провалился, озлобивъ высшихъ и низшихъ представителей народа. Князь Александръ Ивановичъ былъ въ величайшемъ негодованіи и сначала, чрезъ Крузенштерна посылалъ ему строгія внушенія, а по-

Библиотека "Руниверс"

томъ и совершенно отозвалъ его, какъ не понявшаго рѣшительно данной ему задачи.

Съ тѣхъ поръ всякое значеніе его въ глазахъ князя было утрачено. Когда, скоро послѣ того предстояло преобразовать высшее гражданское управленіе и прежде всего поставить во главѣ его довѣренную личность съ званіемъ «начальника главнаго гражданскаго управленія намѣстника», князь Александръ Ивановичъ, въ одно прекрасное утро, предложилъ мнѣ вопросъ: кого именно я полагаю поставить на это мѣсто изъ тифлисскихъ господъ? Въ то время Крузенштернъ былъ въ отпуску, и я исправлялъ должность директора канцеляріи. Руководствуясь петербургскими свѣдѣніями о сильной репутаціи Дюкруаси и думая угадать мысли князя, я сказалъ: «сколько мнѣ извѣстно ваше сіятельство имѣли предположеніе назначить на это мѣсто Дюкруаси». Князь быстро и съ неудовольствіемъ прервалъ меня: «что вы это? Развѣ вы не видѣли, какъ онъ напуталъ въ Мингреліи? Нѣтъ. Я думаю назначить Крузенштерна. Какъ вы полагаете?

Объ этомъ назначеніи, равно какъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ преобразованіе главнаго управленія, я поведу рѣчь впослѣдствіи, а здѣсь скажу только, что назначеніе Крузенштерна, бывшаго едва-ли не самымъ младшимъ въ числѣ лицъ этого управленія, ни для кого однако не представляло такого позора, какъ для Дюкруаси, такъ какъ не только онъ самъ, но и общее мнѣніе приписывали ему неотъемлемыя права на это мѣсто. Вслѣдъ затѣмъ онъ отправился за границу, гдѣ и жилъ, кажется, около года; потомъ искалъ мѣсто въ Петербургѣ, потомъ желалъ выйти въ отставку, однимъ словомъ, колебался, не имѣя уже твердой почвы. Наконецъ, въ 1861 году, когда князь, больной, отправился изъ Тифлиса, намѣреваясь посѣтить прежде Петербургъ, а потомъ уже ѣхать за границу лѣчиться, Дюкруаси просилъ устроить его какъ нибудь въ Петербургѣ, указывая преимущественно на мѣсто члена совѣта министерства финансовъ. Князь въ Петербургъ не попалъ, а засѣлъ въ Дрезденѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ засѣли и ходатайства различныхъ личностей, въ томъ числѣ и просьба Дюкруаси.

Когда въ томъ же году я былъ вытребованъ княземъ въ Дрезденъ, мнѣ поручено было разобрать всѣ эти просьбы и направить ихъ по принадлежности къ Буткову или Д. А. Милютину, который въ то время управлялъ уже военнымъ министерствомъ. Въ заготовленномъ мною письмѣ Буткову просьба Дюкруаси изложена была самымъ краснорѣчивымъ образомъ, однако осталась совершенно безъ послѣдствій. Въ этотъ періодъ могущество князя, какъ и здоровье его, было въ разслабленномъ состояніи. Его считали умирающимъ и на представленія его мало обращали вниманія. Потомъ Дюкруаси дѣйствительно вышелъ въ от-

Библиотека "Руниверс"

ставку и большею частью жилъ за границею, изрѣдка пріѣзжая въ Тифлисъ, гдѣ мать покойной жены его, вдова генерала Книпера, была начальницей закавказскаго дѣвичьяго института.

По степени личнаго значенія, вслѣдъ за Дюкруаси, надобно поставить барона Николаи, который независимо отъ званія члена совѣта, управлялъ учебною частію на Кавказѣ, на правахъ попечителя. Онъ, какъ мнѣ говорили, появился на Кавказѣ вмѣстѣ съ княземъ Воронцовымъ и считался однимъ изъ близкихъ къ нему людей. Баронъ Николаи былъ олицетвореніемъ порядочности. Всегда ровный, онъ имѣлъ видъ весьма умнаго человѣка. Князь зналъ, что на предпринимаемыя имъ преобразованія всѣ смотрятъ недовѣрчиво, недоброжелательно и что назначеніе Крузенштерна, считавшагося добрымъ человѣкомъ, принято просто съ насмѣшками... Независимо отъ этого, преобразованіе главнаго управленія тѣмъ болѣе раздражало многихъ, что съ учрежденіемъ спеціальныхъ департаментовъ, которые должны имѣть ближайшее наблюденіе за своими частями, отдѣльные округа: таможенный, учебный и почтовый, предназначались къ уничтоженію и слѣдовательно у этихъ господъ отнималось самое существенное ихъ значеніе, связанное съ положительною властью. Мысль эта, встрѣченная воплями, хотя была пріостановлена, но князь признавалъ ее дѣльною и рѣшился непремѣнно осуществить при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

И дѣйствительно, въ то время, когда баронъ Николаи продолжалъ вводить разныя учебныя программы, князь Александръ Ивановичъ, въ бытность въ Петербургѣ въ 1859 году, послѣ покоренія Восточнаго Кавказа, испросилъ соизволенія государя на уничтоженіе округовъ. Когда мы возвратились на Кавказъ, князь-намѣстникъ возложилъ на меня приготовить всѣ нужныя распоряженія къ уничтоженію учебнаго округа и къ установленію учебной части на новыхъ основаніяхъ.

Князь А. И. Барятинскій былъ безспорно хитрѣйшій человѣкъ. Въ подобномъ щекотливомъ дѣлѣ онъ долго затруднялся, но наконецъ рѣшился предупредить барона Николаи, что государь желаетъ уничтоженія округовъ, и что эту высочайшую волю надо исполнить. Князь вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ барону принять управленіе сельскимъ хозяйствомъ края и сдѣлать этимъ, не только ему лично, но и всему государству одолженіе, такъ какъ только при его сельско-хозяйственной опытности, и просвѣщенномъ взглядѣ можно вызвать и развить матеріальныя богатства края. Баронъ Николаи согласился временно принять это предложеніе, но въ дѣйствительности рѣшился распроститься съ Кавказомъ. Въ одно прекрасное утро, вскрывая сотни пакетовъ, поступившихъ въ наше управленіе (тогда а былъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ), я былъ удивленъ письмомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, въ которомъ онъ спраши-

Библиотека "Руниверс"

валъ князя-намѣстника: можетъ ли онъ разсчитывать на пріобрѣтеніе для службы по ввѣренному ему министерству барона Николаи, какъ человѣка, спеціально знакомаго уже съ этою службою? Письмо это я тотчасъ послалъ князю и получилъ приказаніе отвѣчать, что препятствій нѣтъ. Скоро послѣ того послѣдовало уже оффиціальнее сношеніе о назначеніи барона Николаи попечителемъ кіевскаго учебнаго округа.

Между тѣмъ Крузенштернъ довно уже отказывался отъ должности начальника гражданскаго управленія, и князю Александру Ивановичу предстояло пріискать на мѣсто его другую личность. Во время послѣдняго пребыванія его въ Петербургѣ, въ 1862 году, онъ вошелъ въ ближайшія сношенія съ барономъ Николаи и убѣдилъ его принять званіе начальника главнаго управленія.

Третій изъ членовъ совѣта, имѣвшихъ отдѣльныя вѣдомства, былъ завѣдующій почтовою частію К—бу. Онъ появился на Кавказѣ съ учрежденіемъ тамъ особаго управленія государственными имуществами и первоначально былъ, если не ошибаюсь, управляющимъ шемахинскою палатою государственныхъ имуществъ. Съ уничтоженіемъ этихъ палатъ, онъ попалъ въ совѣтъ. Какимъ образомъ онъ завладѣлъ почтовою частію, мнѣ неизвѣстно; извѣстно только, что часть эта, при моемъ прибытіи, находилось въ незавидномъ положеніи, и особенно военно-грузинскій трактъ, который князь и поручилъ обревизовать состоявшему при немъ полковнику Коханову. Огромное донесеніе Коханова князь прислалъ ко мнѣ на мое разсмотрѣніе, вѣроятно въ томъ вниманіи, что я служитъ по почтовой части. Это было скоро послѣ моего пріѣзда, когда я, отъ непріятныхъ впечатлѣній, грязи и сырости моей квартиры, лежалъ больной. Мнѣ было не до дѣлъ и я, едва пробѣжавъ донесенія Коханова, написалъ на нихъ: «отлично» и отослалъ ихъ Крузенштерну.

Въ слѣдъ за тѣмъ, князь, пригласивъ К—бу обѣдать, взялъ его послѣ обѣда подъ руку, отвелъ въ сторону и равнодушно объявилъ ему, что такъ какъ почтовая часть сопряжена съ различными хлопотами, которыя безъ сомнѣнія его отягощаютъ, то онъ освобождаетъ его отъ этой обузы и передаетъ ее Коханову. Смущенному такою неожиданностію К — бу ничего не оставалось, какъ кланяться и благодаритъ. Лишившись почтовой власти, онъ сохранилъ однако огромное вліяніе въ совѣтѣ, не уступавшее вліянію Дюкруаси. Съ несомнѣннымъ природнымъ умомъ, съ живымъ и бойкимъ даромъ слова, онъ былъ грозою всѣхъ и вообще имѣлъ сильную репутацію говоруна и дѣльца. Увы! и это репутація разбилась скоро въ пухъ и прахъ.

При вступленіи въ управленіе краемъ князь имѣлъ великолѣпную мысль составить, какъ тогда выражались, «картину края», которая должна была изобразить настоящее его положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ обличить всѣ неустройства и недостатки, которыя надо было исправить.

Библиотека "Руниверс"

О томъ, какъ подступали къ этому дѣлу, я скажу впослѣдствіи; теперь же достаточно упомянуть, что «составленіе картины» преназначалось возложить на членовъ совѣта. Взялп знаменитаго изъ нихъ К — бу, снабдили его инструкціями, чиновниками и деньгами и отправили въ Эривань. Болѣе полугода онъ жилъ тамъ, и всѣ ожидали отъ него чего нибудь необычайнаго и образцоваго. Наконецъ толстѣйшія произведенія его представлены были въ главное управленіе. Это было въ 1858 г., когда я управлялъ канцеляріею намѣстника.

Отчетъ К—бу поразилъ меня безсодержательностію, и я отправилъ его тотчасъ Крузенштерну для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій.

Отчетъ этотъ лежалъ безъ движенія, хотя князю тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ истинное положеніе дѣла. Но съ одной стороны, непостоянный въ своихъ стремленіяхъ, а съ другой—занятый приготовленіями къ знаменитому походу 1859 года противъ Шамиля, князь охладѣлъ къ этой блестящей идеѣ, такъ что во все время дальнѣйшаго его властвованія на Кавказѣ не было уже ничего сдѣлано для ея осуществленія.

Всю эту исторію, съ такимъ шумомъ начавшуюся и такимъ образомъ кончившуюся, я много разъ и во всеуслышаніе приводилъ въ примѣръ и доказательство, какъ самыя великолѣпныя предначертанія погибаютъ отъ дурнаго исполненія.

Прежняя репутація К—бу какъ умнаго и дѣловаго человѣка страшно поколебалась. Вскорѣ послѣ того онъ вышелъ въ отставку, выпросилъ у князя участокъ земли въ Кубанскомъ уѣздѣ, славившимся производствомъ марены, куда и самъ переселился.

Четвертый членъ совѣта, имѣвшій отдѣльную часть, былъ Фадѣевъ. Послѣ упраздненій въ Закавказскомъ краѣ палатъ государственныхъ имуществъ, которыя открыты были тамъ вслѣдъ за учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, образована была въ Тифлисѣ особая экспедиція для завѣдыванія этою частію, нѣчто въ родѣ департамента, отдѣльнаго и независимаго отъ общей канцеляріи намѣстника. Этою-то экспедиціею, а черезъ нее всѣми государственными имуществами въ Закавказкомъ краѣ, и завѣдывалъ Фадѣевъ.

Фадѣевъ былъ очень умный и чрезвычайно опытный старикъ. Я его помнилъ съ 1837 года, когда, предъ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, находился въ V отдѣленіи «Собственной его величества канцеляріи». Въ числѣ различныхъ и многихъ личностей, толкавшихся тогда въ V отдѣленіи, его сухая фигура съ поднятыми вверхъ волосами обращала на себя особенное наше вниманіе. Въ то время онъ былъ попечителемъ калмыцкаго народа въ Астрахани и въ этой должности, кажется, успѣлъ уже пріобрѣсть отличную репутацію, вслѣдствіе которой онъ скоро былъ назначенъ управляющимъ саратовскою палатою государственныхъ имуществъ. Когда же въ этой губерніи

Библиотека "Руниверс"

новалилось, одинъ за другимъ, нѣсколько губернаторовъ, неспособныхъ или неблагонадежныхъ, и когда министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ Киселева указать ему кого нибудь изъ своихъ чиновниковъ на эту должность, Киселевъ указалъ на Фадѣева, который, нежданно-негаданно, безъ всякаго съ своей стороны искательства и ходатайства, въ одно прекрасное утро и назначенъ былъ саратовскимъ губернаторомъ. Дурно ли, хорошо ли онъ губернаторствовалъ—я не знаю; извѣстно только, что съ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Бибиковымъ пошли у него сильные нелады, вслѣдствіе которыхъ онъ долженъ былъ оставить мѣсто. Тогда онъ обратился къ князю Воронцову, знавшему его по прежней службѣ въ Новороссійскомъ краѣ, съ просьбою пріютить его на Кавказѣ, вслѣдствіе чего и былъ сдѣланъ членомъ совѣта и управляющимъ экспедиціею государственныхъ имуществъ.

Когда я пріѣхалъ къ нему съ обычнымъ визитомъ, меня встрѣтилъ толстый господинъ, тотчасъ атаковавшій меня укорами, что я не узнаю въ немъ стараго знакомаго. При всемъ усиліи моей памяти, я никакъ не могъ разрѣшить вопроса: кто бы могъ это быть? Надобно сказать, что еще въ сороковыхъ годахъ, когда я былъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ, при мнѣ возвратились изъ заграницы нѣсколько молодыхъ людей, отправленныхъ туда для спеціальнаго образованія по части сельскаго хозяйства. Въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ нѣкто Витте, очень умный, добрый и милый малый. Такъ какъ еще до прибытія этихъ господъ вся Русская земля раздѣлена уже была на агрономическія полосы съ предположеніемъ учредить въ каждой полосѣ образцовую ферму, то и на долю Витте досталось устройство такъ называемой Юго-восточной фермы, въ предѣлахъ Саратовской губерніи. Въ этихъ именно предѣлахъ и послѣдовало сближеніе Витте съ семействомъ Фадѣева, самымъ существеннымъ проявленіемъ котораго было женитьба Витте на одной изъ дочерей Фадѣева. Когда самъ Фадѣевъ вынужденъ былъ переселиться на Кавказъ, за нимъ послѣдовалъ и Витте, тѣмъ болѣе, что устройство и управленіе Юго-восточною фермою сопряжено было съ величайшими для него непріятностями. Получивъ въ управленіе экспедицію государственныхъ имуществъ, Фадѣевъ устроилъ въ ней Витте начальникомъ отдѣленія. Этотъ-то именно Витте, жившій въ одной семьѣ съ Фадѣевымъ, и встрѣтилъ меня.

Я истинно радъ былъ найти въ совершенно новомъ для меня мірѣ Кавказа какую нибудь точку; Витте же былъ по прежнему милый, добрый и умный малый и тотчасъ свелъ меня на самую короткую ногу со всею своею семьею, такъ что она, радушная, привѣтливая, хлѣбосольная, сдѣлалась и моей семьей, въ которой я проводилъ всѣ дни и съ которой даже и въ сію минуту нахожусь въ самыхъ друже-

*

Библиотека "Руниверс"

скихъ отношеніяхъ; но прежде, нежели говорить о частномъ бытѣ этой дорогой для меня семьи, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ оффиціальномъ положеніи какъ самого Фадѣева, такъ и зятя его Витте.

Надобно, прежде всего, замѣтить, что старикъ Фадѣевъ, при всемъ своемъ умѣ и опытности, былъ уже крайне «вѣтхъ деньми» и не имѣлъ физической возможности заниматься лично столько, сколько долженъ заниматься директоръ департамента. Поэтому Витте скоро былъ облеченъ званіемъ помощника управляющаго экспедиціею государственныхъ имуществъ. Вслѣдъ за тѣмъ, когда преобразовано было все главное управленіе намѣстника, то департаментъ государственныхъ имуществъ отданъ былъ, вмѣстѣ съ званіемъ директора, Витте, согласно собственному желанію Фадѣева; а самъ Фадѣевъ остался членомъ совѣта, состоящимъ сверхъ того при намѣстникѣ.

Что касается до семейнаго положенія Фадѣева, то въ немъ было очень много весьма оригинальныхъ явленій. Начать съ того, что жена Фадѣева, урожденная княжна Долгорукова, которую я засталъ уже при концѣ жизни, обремененную годами и болѣзнями, славилась обширнымъ многостороннимъ образованіемъ. Вѣроятно отъ нея по наслѣдству перешла и къ дѣтямъ неодолимая страсть къ знаніямъ.

Сынъ ихъ, впослѣдствіи генералъ, извѣстный многими сочиненіями о Кавказѣ, былъ человѣкъ истинно замѣчательный по своимъ обширнымъ знаніямъ; казалось не было предмета, котораго бы онъ не зналъ болѣе или менѣе спеціально. Князь Александръ Ивановичъ, при которомъ онъ состоялъ, весьма цѣнилъ его и съ пользою употреблялъ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ требовались напр. историческія или какія либо другія спеціальныя знанія. Къ сожалѣнію, личный его характеръ далеко не соотвѣтствовалъ его даровитости и значительно препятствовалъ его служебнымъ успѣхамъ. Безпорядочный, взбалмошный, онъ былъ рѣшительно неспособенъ управлять какою либо частью, въ то же время до крайности рѣзкій, даже грубый въ своихъ манерахъ говорить и дѣйствовать, онъ естественно не возбуждалъ къ себѣ большой симпатіи. Самъ князь не имѣлъ къ нему личнаго расположенія и держалъ его при себѣ, какъ полезнаго въ извѣстныхъ случаяхъ человѣка.

Забавно было видѣть взаимныя отношенія этого мудреца съ княземъ. Самолюбивый, заносчивый Фадѣевъ имѣлъ претензію думать и вѣрить, что его отношенія къ князю совершенно исключительныя и вовсе не похожи на тѣ, въ которыхъ князь находится къ остальной свитѣ. Надобно было видѣть, какъ превосходно князь умѣлъ играть на этомъ инструментѣ. Когда Фадѣевъ дѣлался нуженъ князю для какой нибудь работы, тогда онъ обращался къ нему съ словами: «мы давно не обѣдали съ вами, Фадѣевъ; приходите завтра. Какое шампанское приготовить?» Счастливый и восхищенный Фадѣевъ начиналъ поднимать носъ, носиться

Библиотека "Руниверс"

пѣтухомъ и гордо всѣмъ объявлять, что завтра онъ обѣдаетъ у князя. Не менѣе восторженное состояніе продолжается долго и послѣ этого обѣда и во всякомъ случаѣ въ теченіе всего того времени, какое продолжается заданная ему работа. По окончаніи этой работы князь начинаетъ вдвигать его въ обыкновенные и многочисленные ряды свиты, постепенно доводитъ до того, что гордый Фадѣевъ остается рѣшительно незамѣчаемымъ въ этихъ рядахъ. Понятно, что такое перехожденіе изъ одного состоянія въ другое, совершенно противоположное, не можетъ не тревожить Фадѣева. Онъ начинаетъ волноваться, поругивать князя, угрожать даже всѣмъ и каждому, что онъ рѣшается оставить Кавказъ, и когда гнѣвное расположеніе его достигаетъ крайней степени, на него упадаютъ вдругъ привѣтливыя слова князя: «что васъ невидать Фадѣевъ? Приходите обѣдать», и Фадѣевъ, снова счастливый и довольный, возрождается и опять важничаетъ.

Старшая изъ дочерей Фадѣева, Елена, бывшая замужемъ за Ганомъ, имѣетъ значительную извѣстность въ нашей литературѣ, и потому говорить о ней я не буду, тѣмъ болѣе, что лично ее не зналъ. Напротивъ, двухъ оставшихся послѣ нея дочерей, воспитывавшихся въ дѣтствѣ въ домѣ Фадѣевыхъ, я зналъ очень хорошо. Съ меньшею изъ нихъ «Вѣрою» я познакомился прежде, во время моего пребыванія въ Каджорахъ, въ первый годъ моего прибытія на Кавказъ. Она была отдана замужъ за псковскаго помѣщика Яхонтова и въ это лѣто посѣтила, вмѣстѣ съ нимъ, стариковъ Фадѣевыхъ, которые также жили на Каджорахъ.

Что касается до старшей дочери, покойной Елены Ганъ, тоже Елены, то это уже было просто какое то чудовище. Во время моего пріѣзда въ Тифлисъ и долго послѣ того никто изъ ея родныхъ не зналъ, на какой точкѣ земнаго шара она находилась. Много-различныя же разсказы о ней казались просто навѣроятными.

По словамъ ея родныхъ, таланты ея, остроуміе, начитанность и даровитость во всѣхъ видахъ были изумительны. Когда она достигла того возраста, когда выходятъ замужъ, то не стала, какъ другія ожидать различныхъ предложеній, но чтобъ скорѣе избавиться отъ надзора и укоровъ за ея эксцентричности, однимъ словомъ, чтобъ скорѣе вырваться на свободу и развернуться во всю ширину своей оригинальной натуры, она сама предложила одному изъ окружающихъ взять ее замужъ. Нѣкто Блаватскій согласился и обвѣнчался съ нею. Въ одинъ прекрасный день она вовсе исчезла не только изъ дома, но изъ края. Долго не знали, куда она направила свой путь, но впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ по газетнымъ свѣдѣніямъ стало извѣстнымъ, что она колесила по всему земному шару и, придерживаясь сначала Парижа и Лондона, уѣхала потомъ въ Америку. Наконецъ мнѣ

Библиотека "Руниверс"

суждено было узрѣть эту достопримѣчательную женщину въ оригиналѣ: она возвратилась въ Россію и пріѣхала въ Тифлисъ.

По разсказамъ я представлялъ себѣ личность эту довольно интересною, чѣмъ то въ родѣ знаменитой Лолы Монтесъ; но при взглядѣ на ея подлинникъ разочарованіе было полнѣйшее. Чтобъ придать себѣ какой нибудь интересъ, она, по возвращеніи своемъ, старалась изобразить изъ себя спиритку и на первый разъ, къ удивленію, имѣла нѣкоторый успѣхъ въ своихъ продѣлкахъ; но мнѣ суждено было разбить и уничтожить грубую искусственность и поддѣльность этихъ продѣлокъ.

Въ составѣ совѣта былъ еще одинъ членъ, хотя не завѣдующій отдѣльною частью, но имѣвшій на нее сильное вліяніе. Еще при князѣ Воронцовѣ въ составѣ главнаго его управленія былъ чиновникъ, спеціально приставленный, такъ сказать, къ судебной части. Чиновникъ этотъ былъ—князь Георгій Багратіонъ-Мухранскій, получившій образованіе въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія, потомъ служившій въ Сенатѣ, и затѣмъ перешедшій на службу на свою родину. Впослѣдствіи онъ сдѣланъ былъ членомъ совѣта намѣстника, оставаясь спеціальнымъ юристомъ и потому имѣя громадный авторитетъ во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ Кавказа. Князь Мухранскій принадлежалъ къ древнѣйшей изъ грузинскихъ фамилій, которая считала свое происхожденіе прямо отъ царь Давида и потому имѣла въ своемъ гербѣ пращу, которою былъ побитъ Голіафъ. Мои личныя отношенія къ князю Мухранскому представляли много оригинальнаго; но какъ они преимущественно относятся къ дѣловому міру, то подробное ихъ разъясненіе сдѣлано будетъ въ своемъ мѣстѣ, когда дойдетъ дѣло до моихъ дѣйствій въ правительственномъ мірѣ Кавказа; здѣсь достаточно сказать, что первыя наши ошибки въ этомъ мірѣ отличались крайнею непріязненностью, такъ что весьма естественно было ожидать, что я наживу себѣ въ немъ самаго ожесточеннаго врага. Между тѣмъ можно сказать положительно, что никто такъ хорошо не понялъ и не оцѣнилъ моего характера и моихъ правилъ, какъ мудрый и благородный князь Мухранскій, такъ что и въ настоящую минуту, когда пишу эти строки, я истинно горжусь его дружбою.

Въ совѣтѣ было еще нѣсколько членовъ, но не имѣвшихъ уже ровно никакого значенія. Былъ нѣкто Десимонъ, замѣчательный тѣмъ только, что онъ едва-ли не первый появился изъ гражданскихъ чиновниковъ на Кавказѣ; былъ графъ Штейнбокъ, который скоро послѣ моего пріѣзда поѣхалъ за границу лѣчиться и тамъ умеръ. Былъ еще кто то; но все это были уже личности, совершенно незначительныя, которыхъ я плохо помню и о которыхъ говорить не стоитъ.

Напротивъ, о правителѣ дѣлъ совѣта необходимо сказать нѣсколько словъ. Этимъ правителемъ былъ тотъ самый Кипіани, котораго, какъ я

Библиотека "Руниверс"

выше сказалъ, Муравьевъ хотѣлъ сдѣлать правителемъ своей канцеляріи, Кипіани былъ завзятый грузинъ отъ головы до пятокъ. Въ Тифлисѣ когда-то былъ какой-то заговоръ объ отложеніи Грузіи отъ Россіи, и въ этомъ заговорѣ Кипіани игралъ очень видную роль, за что и выжилъ потомъ нѣсколько лѣтъ въ одной изъ внутреннихъ нашихъ губерній. Развившись значительно вслѣдствіе знакомства съ русскою жизнью, нахватавшись пріемовъ нашей администраціи, Кипіани, между грузинами, былъ звѣздою первой величины. И дѣйствительно, съ одной стороны знакомый съ мѣстными обстоятельствами края, а съ другой—съ нашими законами, онъ вообще былъ личностью, весьма необходимою въ гражданскомъ мірѣ Кавказа. Къ тѣмъ свойствамъ, о которыхъ я упомянулъ выше, онъ присоединялъ даръ слова и несомнѣнное искусство владѣть, какъ говорится, перомъ, искусство, въ которомъ былъ одинъ только недостатокъ: стремленіе къ трескучимъ фразамъ. Въ силу всѣхъ этихъ достоинствъ онъ и былъ предназначенъ Муравьевымъ, какъ я выше говорилъ, на должность правителя или директора канцеляріи намѣстника, должность, имѣвшую въ то время необъятное значеніе. Князь Александръ Ивановичъ, оттершій, такъ сказать, съ Бутковымъ, Кипіани отъ этого мѣста, какъ только пріѣхалъ на Кавказъ, старался, по обычаю своему, вознаградить его за это лишеніе. Онъ тотчасъ сдѣлалъ его членомъ совѣта и далъ ему звѣзду Станислава, тогда какъ изъ членовъ совѣта одинъ только старикъ Фадѣевъ имѣлъ ту же звѣзду, а всѣ другіе ходили съ Владимірами и Аннами на шеѣ. Затѣмъ, во все время пребыванія князя на Кавказѣ, Кипіани пользовался съ его стороны значительнымъ почетомъ и вниманіемъ, и только Мингрельское дѣло разрушило это видное положеніе и даже лишило Кипіани мѣста. Какъ это случилось—изложено будетъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ Мингрельскимъ дѣломъ, которое производило въ свое время большой шумъ и вообще въ гражданской дѣятельности князя занимало большое мѣсто.

Чтобъ обрисовать подробнѣе гражданскій міръ Кавказа, надобно сказать кое-что о губернаторахъ. При моемъ прибытіи на Кавказъ губернаторомъ въ Тифлисѣ былъ старикъ Лу—ашъ, какой-то старый пріятель Муравьева, которымъ онъ и замѣстилъ знаменитаго героя Ивана Малхазовича Андроникова. Онъ былъ сколько храбръ, столько же и ограниченъ. Относительно его гражданской администраціи ходили тысячи самыхъ уморительныхъ анекдотовъ, которыхъ конечно повторять не буду. Рельефнѣйшимъ изъ нихъ, однако, считался тотъ, гдѣ онъ, при какомъ то случаѣ, исчисливъ пространство, на которое простирается его начальственное вліяніе, заключилъ: «власть моя дѣйствуетъ отсюда и до туда и обратно».

Лу—ашъ быстро составилъ себѣ самую плохую репутацію: взяточничество при немъ приняло самыя громаднѣйшіе размѣры; защитники

Библиотека "Руниверс"

его, не отвергая собственно взяточничества, говорили только, что взяточникъ не самъ онъ, а жена его. Разсказывались подробности, неподлежавшія никакому сомнѣнію. Меня удивляло только то, что всѣ выражали справедливое негодованіе, а между тѣмъ никто не рѣшался довести сущность дѣла до свѣдѣнія намѣстника. Подбиваемый энергическою семьею Фадѣевыхъ, я принялъ это на себя. Помню, какъ теперь, однажды въ Каджорахъ, послѣ обѣда, когда князь вмѣстѣ со мною, вышелъ на площадку, устроенную за его домомъ, куда приносили кофе, я сказалъ князю.

— Извѣстны-ли вашему сіятельству дурные слухи, которые ходятъ насчетъ губернатора.

— Да, я слышалъ кое-что, отвѣчалъ князь.

— Не изволите-ли признать нужнымъ приказать повѣрить эти слухи, потому что все дурное и хорошее въ управленіи относится къ намѣстнику.

— Это правда, сказалъ князь, надо этимъ заняться, хотя мнѣ очень непріятно было бы удалить этого старика, если бы оказалось нужнымъ. Подумаютъ, особенно въ Петербургѣ, что я мщу Муравьеву.

Вслѣдъ затѣмъ стали разноситься слухи, что Лу—ашъ непроченъ, а къ осени промелькнулъ слухъ, что генералъ Ка—ръ, какой-то начальникъ штаба въ Ставрополѣ, будетъ назначенъ Тифлисскимъ губернаторомъ на мѣсто Лу—аша. Все это скоро оправдалось на самомъ дѣлѣ. Лу—ашъ отправился въ Петербургъ и тамъ какими-то средствами, вѣроятно тоже Муравьевскими, пробился впослѣдствіи въ сенаторы. Ка—ръ водворился въ Тифлисѣ губернаторомъ и предался не столько заботамъ о благоустройствѣ ввѣренной ему губерніи, сколько удовольствіямъ.

Все это тоже продолжалось недолго; Ка—ръ былъ милый человѣкъ, но плохой губернаторъ; къ тому же имѣлъ неосторожность закуривать папиросу въ присутствіи князя, садиться съ нимъ на одинъ диванъ и т. п. Само собою разумѣется, что такой губернаторъ не могъ быть терпимъ и потому также сданъ въ общій сенаторскій архивъ.

Пока все это происходило, къ губернаторскому мѣсту въ Тифлисѣ подползалъ змѣею тончайшій изъ поляковъ, Ор—скій. О прошедшемъ его ходили разные слухи. Переселившись на Кавказъ, онъ очутился управляющимъ дѣлами какого то закавказскаго общества шелководства и торговли, составленнаго изъ богатыхъ петербургскихъ баръ, разумѣется ничего непонимающихъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ службу. При назначеніи князя Воронцова Кавказскимъ намѣстникомъ его предупредили что Ор—скій не надеженъ. И дѣйствительно, князь Воронцовъ давилъ его всѣми мѣрами. Ор—скій, съ которымъ я очень со-

Библиотека "Руниверс"

шелся, какъ съ человѣкомъ, истинно замѣчательнымъ по уму и дарованіямъ, самъ разсказывалъ мнѣ свое прошедшее. По его словамъ, однажды князь Воронцовъ сказалъ ему:

— Напрасно вы остаетесь въ краѣ; пока я здѣсь, вы ничего не получите.

— Я буду ожидать... ваше сіятельство, отвѣчалъ Ор—скій.

При моемъ прибытіи въ край онъ былъ предсѣдателемъ Эриванскаго губернскаго суда—мѣсто, довольно солидное, но далеко неудовлетворявшее его честолюбивымъ замысламъ. Съ назначеніемъ Барятинскаго намѣстникомъ, а спустя немного Крузенштерна начальникомъ главнаго управленія, Ор—скій понялъ, что замыслы его могутъ осуществиться. Надо замѣтить, что къ Крузенштерну, когда онъ еще былъ незначительнымъ чиновникомъ, прилѣпился другой полякъ, Хри—ничъ по прозванію, бывшій чиновникомъ государственнаго контроля, такъ что они и жили вмѣстѣ, и это сожительство продолжалось и въ то время, когда Крузенштернъ, волею Барятинскаго, быстро поднялся въ гору. Сожительство представляло этимъ господамъ обоюдную выгоду: Хри—ничъ понемногу тащился за Крузенштерномъ и вытянутъ имъ наконецъ въ директоры департамента, нарочно для него сочиненнаго, подъ названіемъ контрольнаго и учрежденнаго послѣ всѣхъ другихъ департаментовъ, что и самъ Барятинскій хорошо зналъ и понималъ. Однажды, послѣ учрежденія этого департамента, князь спросилъ меня:

— Скажите, нуженъ былъ этотъ департаментъ?

— Не полагаю, отвѣчалъ я...

— Это Крузенштернъ сочинилъ для своего пріятеля Хри—нича, прибавилъ князь.

Для лѣниваго Крузенштерна, Хри—ничъ, въ сущности пустѣйшій господинъ, но надѣленный присущимъ каждому поляку даромъ влѣзать въ душу и дѣлаться необходимымъ, тоже сдѣлался необходимымъ, завѣдуя общимъ хозяйствомъ, покупая провизію, фуражъ и т. п. и ведя счетоводство. Но Хри—ничъ былъ ничтожество предъ Ор—скимъ, который, подъ видомъ дружбы, общей національности, единовѣрія и т. п., тотчасъ обратилъ его въ мостъ, для того, чтобы подойти чрезъ него къ Крузенштерну и въ свою очередь тоже влѣзть къ нему въ душу, но уже не въ смыслѣ овса и сѣна, но въ смыслѣ дѣловомъ, административномъ.

Слабый характеромъ, Крузенштернъ радъ былъ найти въ Ор—скомъ дѣловаго совѣтника, точно также, какъ радъ былъ видѣть въ Хри—ничѣ опытнаго эконома. Все это выразилось тѣмъ, что Ор—скій скоро переведенъ былъ въ Тифлисъ вице-губернаторомъ, гдѣ бездѣятельность Ка—ра выдвинула его на первый планъ, а когда затѣмъ явилась мысль спустить Ка—ра, то Ор—скій занялъ его мѣсто.

Библиотека "Руниверс"

Справедливость требуетъ сказать, что, устраняя его сомнительную репутацію, это—человѣкъ, въ высшей степени замѣчательный и даровитый. Такого дѣльнаго и распорядительнаго губернатора, безспорно, никогда не было въ Тифлисѣ, а быть можетъ, и во всѣхъ другихъ губерніяхъ. Съ безпримѣрною опытностью въ дѣлахъ, съ самымъ точнымъ знаніемъ края во всѣхъ его отношеніяхъ, онъ соединялъ обольстительное, какое-то чарующее обращеніе. За глаза его можно бранить сколько хотите; но когда онъ говоритъ съ вами, нѣтъ возможности не поддаться его вліянію, не стать на его сторону и въ этомъ безспорно заключается сила, которою онъ разбивалъ всѣ интриги, всѣ навѣты, направленныя противъ него, и кончалъ всегда тѣмъ, что самаго предубѣжденнаго человѣка поворачивалъ въ свою пользу.

ГЛАВА III.

Главные дѣятели военнаго міра.—Д. А. Милютинъ, начальникъ главнаго штаба.—Ольшевскій, дежурный генералъ. М—ръ, начальникъ артиллеріи и начальники инженеровъ: Г—нъ и К—ръ.—Кол—скій, генералъ-интендантъ. М—ицъ, начальникъ жандармскаго округа.—Тифлисскіе коменданты: Ротъ и Опочининъ.

Понятно само собою, что, не принадлежа къ военному міру, я не могу относительно личностей этого міра представить такія же положительныя данныя, какъ о личностяхъ гражданскихъ. Тѣмъ не менѣе считаю небезполезнымъ сказать, что знаю.

Разумѣется, на первомъ планѣ, въ ряду военныхъ дѣятелей, стоялъ Д. А. Милютинъ. Его семейство держалось патріархальной простоты, которой оно не измѣнило и впослѣдствіи въ другомъ, несравненно высшемъ, положеніи. Можно безъ преувеличеній сказать, что изъ всѣхъ страстей человѣческихъ Д. А. Милютинъ имѣлъ одну страсть—трудиться. Такъ точно и на Кавказѣ онъ вѣчно былъ занятъ дѣлами и велъ трудовую жизнь. Всѣмъ извѣстно, что такую же жизнь онъ велъ и въ должности военнаго министра, устраняя всякія наслажденія, тщеславія, честолюбія и т. п.

Относительно дѣйствій и значенія его на Кавказѣ мнѣ, вѣроятно, придется много говорить; но и здѣсь неизлишне заявить тотъ несомнѣнный и замѣчательный фактъ, что князь Барятинскій высоко цѣнилъ его спеціальныя знанія.

Дежурнымъ генераломъ кавказской арміи былъ генералъ Ольшевскій, съ которымъ я былъ также въ дружескихъ отношеніяхъ, но о

Библиотека "Руниверс"

которомъ рѣшительно не знаю, что сказать. Человѣкъ добрый, но проникнутый формами и пріемами предшествовавшаго царствованія. Отъ этого происходило много странныхъ столкновеній. Онъ хотѣлъ напр., чтобы блестящая свита намѣстника, составленная изъ чистѣйшихъ аристократовъ, находилась въ отношеніи къ нему, какъ дежурному генералу, въ должномъ чинопочитаніи. Свита, разумѣется, дѣлала все возможное, чтобъ приводить его въ раздраженіе. Такъ, напримѣръ, когда намѣстника не было въ театрѣ, свита его наполнитъ ближайшія къ сценѣ ложи театра, натаскаетъ туда возы букетовъ и начнетъ ими перекрестный огонь съ неистовыми рукоплесканіями и криками. Весь театръ весело смотрѣлъ на эти затѣи молодежи, зная существенную цѣль ихъ. Ольшевскій, видя въ этомъ неуваженіе къ нему и другимъ старымъ генераламъ, возсѣдавшимъ въ первыхъ рядахъ креселъ, волновался страшно, и когда раздраженіе его достигало сильнѣйшей степени, торжественно удалялся изъ театра съ угрозами завтра объяснить намѣстнику все неприличіе поведенія его свиты. Мнѣ, находившемуся въ дружескихъ отношеніяхъ съ обѣими сторонами, съ трудомъ удавалось отклонять болѣе серьезныя ихъ столкновенія.

Начальникомъ артиллеріи былъ старый нѣмецъ генералъ М—еръ, котораго постоянно старались сбыть, но который съ нѣмецкимъ искусствомъ держался на своемъ мѣстѣ. Начальникомъ инженеровъ былъ другой нѣмецъ Г—нъ, который, однако-же, въ слѣдъ за моимъ пріѣздомъ въ Тифлисъ, былъ переведенъ куда то, такъ что мнѣ пришлось купить у него нѣкоторую часть мебели. Онъ былъ до такой степени нѣмецъ, что даже говорять по-русски не умѣлъ, и по этой части ходило много уморительныхъ анекдотовъ: такъ, напр., во время Восточной войны онъ утверждалъ, что всѣ мы должны «положить животъ свой на отечество» и т. д.

Этотъ нѣмецъ при мнѣ уже замѣненъ былъ другимъ нѣмцемъ генераломъ К—ромъ, который говорилъ по-русски немного лучше Г—на, но ничего замѣчательнаго, сколько мнѣ извѣстно, не произвелъ. Подъ Гунибомъ представился было ему случай показать свои таланты и знанія, и увѣривъ князя, что правильная осада сей высокой горы потребуетъ по крайней мѣрѣ два мѣсяца времени, онъ хотѣлъ было открыть свои учено-нѣмецкія работы, но коварные и ловкіе кавказскіе солдатики на другой или третій день втихомолку влѣзли на сію, гору и взяли ее вмѣстѣ съ Шамилемъ и его отчаянными мюридами. Такимъ образомъ К—ръ лишенъ былъ инженерной славы, которая могла бы спорить со славою Тотлебена.

Генералъ интендантомъ кавказской арміи былъ знаменитый Кол—скій. Знаменитъ онъ потому, что былъ безспорно даровитый человѣкъ.

Кол—скій былъ, такъ сказать, мѣстнымъ произведеніемъ. Съ юнкер-

Библиотека "Руниверс"

ства онъ началъ кавказскую службу, шелъ, шелъ потихоньку и дошелъ до положенія генералъ-интенданта. Особенное счастіе его заключалось въ томъ, что при назначеніи князя Барятинскаго начальникомъ главнаго штаба онъ былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, что соотвѣтствовало нынѣшнему дежурному генералу. Лѣнивый и неопытный въ письменныхъ дѣлахъ князь не могъ не оцѣнить опытности, письменности и вообще даровитости Кол—скаго. Тутъ именно положены были прочныя основанія для будущности его. Я помню, когда князь, предъ назначеніемъ его намѣстникомъ, жилъ въ Петербургѣ и часто просилъ меня разобрать и привести въ порядокъ его бумаги. я постоянно видѣлъ въ нихъ множество полновѣсныхъ писемъ Кол—скаго, въ то время, конечно, мнѣ неизвѣстнаго. Изъ этихъ писемъ видно было. что послѣ отъѣзда князя съ Кавказа, Кол—скому при Муравьевѣ приходилось очень плохо и онъ пространно излагалъ и свои сѣтованія, и свои надежды на возвращеніе князя.

Понятно, что, надѣясь на извѣданное благоволеніе князя, Кол—скій въ должности генералъ-интенданта далъ поводъ къ неблагопріятнымъ для него слухамъ, такъ что даже самъ князь встревожился. Я помню однажды князь лежалъ больной въ своемъ кабинетѣ; я сидѣлъ предъ нимъ. Послѣ различныхъ разговоровъ, князь вдругъ спросилъ меня:

— Слышали, что говорятъ о Кол—скомъ?

Я отвѣчалъ, что слышалъ.

— Жаль,— продолжалъ князь,— если правда; онъ очень способный человѣкъ. Впрочемъ, я думаю преувеличиваютъ изъ зависти. Кажется, при поставкахъ есть какой-то процентъ, который считается почти законнымъ.

— Я не знаю, ваше сіятельство;— отвѣчалъ я,—но думаю, что размѣръ этого процента зависитъ отъ произвола каждаго.

— И это правда,—замѣтилъ князь,—однако надо что нибудь сдѣлать.

— Ваше сіятельство такъ много сдѣлали для Кол—скаго,— сказалъ я,— что мнѣ кажется самымъ лучшимъ средствамъ спросить его самого, существуютъ ли какія либо побочныя благопріобрѣтенія и какими размѣрами онъ довольствуется?

Князь сильно усмѣхнулся моему наивному предложенію и прекратилъ этотъ разговоръ. Однако же впослѣдствіи оказалось, что онъ примѣнилъ этотъ способъ къ дѣлу. Князь дѣйствительно сдѣлалъ Кол—скому этотъ роковой вопросъ и такъ внезапно, что произошла сцена. Кол—скій, сшеломленный врасплохъ этимъ вопросомъ, сконфузился, смѣшался и не зналъ, что отвѣчать и сослался на дурноту, которая мѣшаетъ ему собрать мысли. Впрочемъ для князя, владѣвшаго особеннымъ искусствомъ читать по лицамъ, этого было

Библиотека "Руниверс"

достаточно; воспользовавшись ссылкою Кол—скаго на дурноту, князь тотчасъ его отпустилъ. Кол—скій, вѣроятно образумившись дома и составивъ планъ защиты, прислалъ вслѣдъ затѣмъ князю письмо, которымъ просилъ дать ему особую аудіенцію для представленія подробныхъ объясненій. Князь нашелъ это ненужнымъ и отказалъ, считая, вѣроятно, достаточнымъ нравственное впечатлѣніе, произведенное имъ на Кол—скаго, который, кажется, представилъ потомъ свои объясненія письменно; но никакихъ фактическихъ послѣдствій изъ этого не вышло. Стали только говорить, что Кол—скій вдругъ сократилъ размѣры своей роскошной жизни, распродалъ рысаковъ, ищетъ другой, болѣе скромной, квартиры и т. п., и едва ли не мы только трое: князь, Крузенштернъ и я знали истинныя причины этихъ скромныхъ стремленій. Но стремленія эти и остались одними стремленіями и даже продолжались весьма недолго, потомъ все пошло попрежнему, попрежнему стали кричать о роскоши въ его жизни, о брильянтахъ его жены и т. п.

Чтобы быть уже совершенно отчетливымъ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о начальникѣ жандармскаго округа и комендантахъ, имѣющихъ въ Тифлисѣ весьма видное значеніе.

Начальникомъ жандармовъ въ мое время былъ М—ицъ, вообще, въ смыслѣ дѣловомъ, весьма ограниченный нѣмецъ, но въ частномъ быту милѣйшій господинъ, съ замѣтною наклонностью при случаѣ хорошо выпить и вообще кутнуть на русскій ладъ. Смѣшно было смотрѣть, на нашихъ пирахъ, какъ эта наклонность постоянно боролась въ немъ съ страхомъ, который онъ чувствовалъ къ отношеніи своей жены, всегда зорко слѣдящей за нимъ въ подобныхъ случаяхъ, высокой, сухой барыни изъ рода бароновъ Мей—въ, чѣмъ какъ самъ М—ицъ, такъ и жена его замѣтно гордились. Несмотря на то, что онъ плохо говорилъ по-русски, онъ на подобныхъ пирахъ большею частію выбирался «толумбашемъ», обязанность котораго, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы руководить пиромъ, произносить тосты и вообще поддерживать веселье, для чего и надѣлялся онъ неограниченною властью. Одаренный величайшимъ остроуміемъ, М—ицъ просто сыпалъ остротами, которымъ нѣмецкое коверканіе русскихъ словъ придавало какую-то особую прелесть.

Въ обыкновенное время, М—ицъ былъ благовоспитанный и чопорный генералъ, какъ и подобаетъ нѣмцу, чопорный тѣмъ болѣе, что онъ, ужъ не знаю почему и для чего, пріобрѣлъ громаднѣйшія геральдическія знанія и въ этомъ отношеніи имѣлъ большое значеніе въ глазахъ князя, тоже сильно хромавшаго, какъ говорится, на эту ногу. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовались эти знанія, М—ицъ считался авторитетомъ и признавалъ великимъ преступленіемъ малѣйшее отступленіе отъ правилъ, существующихъ или принятыхъ по этой части.

Библиотека "Руниверс"

Какъ теперь помню, однажды, при входѣ моемъ въ кабинетъ князя я былъ встрѣченъ словами:

— Представьте, что случилось? Ахъ! какая досада! Этотъ глупый Поп—пуло ничего не понимаетъ, а я самъ не досмотрѣлъ. Согласитесь, однако, что когда у меня обѣдаютъ по пятидесяти человѣкъ, мнѣ простительно и допустить ошибку. Надобно, чтобы мнѣ помогали. Нѣтъ! мнѣ надобно надежнаго помощника. Поп—пуло вѣтренъ. Съ нимъ надѣлаешь непростительныхъ промаховъ.

Само ссбою разумѣется, что я никакъ не могъ изъ этихъ словъ понять истинной причины волненія и отчаянія князя. И что же оказалось? На вчерашнемъ обѣдѣ, для котораго, по обычаю, составлено было совокупными трудами князя и состоявшаго при немъ собственно по гофмаршальской части Поп—пуло, чиновника изъ грековъ, подробное росписаніе, кто кого долженъ вести къ столу, кто за кѣмъ долженъ былъ идти и наконецъ кто гдѣ долженъ сидѣть. И вдругъ, жена М—ица шла и сидѣла ниже другой барыни, слабѣйшей по рангу, по чину и чортъ знаетъ по чему! М—ицъ не только обратилъ вниманіе, но на другой день пріѣхалъ во дворецъ намѣстника, вступилъ съ Поп—пуло въ жаркія пренія, и когда тотъ, подъ ударами, наносимыми ему ученымъ и самолюбивымъ М—ицемъ, старался укрыться именемъ князя, тотъ настоятельно требовалъ, чтобы объ этомъ скандалѣ доложено было самому князю. Само собою разумѣется, что все это могло происходить только между такими чудаками, какъ М—ицъ и князь. Одинъ считаетъ необходимымъ такой вздоръ доводить до свѣдѣнія намѣстника, а другой принимаетъ этотъ вздоръ къ сердцу и волнуется такъ, какъ будто бы десять его отрядовъ были разбиты горцами.

Другая замѣчательная черта М—ица состояла въ постоянномъ стремленіи получить баронское достоинство.

Мѣстныя власти горячо содѣйствовали исполненію этого завѣтнаго желанія М—ица; я въ особенности усердно хлопоталъ и не только по своей должности директора общихъ дѣлъ краснорѣчиво доказывалъ, въ различныхъ бумагахъ, справедливость этой претензіи, но при своихъ поѣздкахъ въ Петербургъ, лично просилъ всѣхъ кого нужно было объ ея удовлетвореніи. Результатъ вышелъ, однако, плачевный и М—ицъ баронства не получилъ.

Что касается до тифлисскихъ комендантовъ, то въ этомъ званіи, по пріѣздѣ моемъ въ край, я засталъ знаменитаго защитника Ахты генерала Рота. Онъ считалъ себя, и быть можетъ справедливо, отличнымъ садоводомъ и отличнымъ кавалеристомъ и слѣдовательно знатокомъ лошадей. Изъ этихъ свойствъ сего генерала возникла у князя мысль назначить его начальникомъ управленія сельскаго хозяйства.

На мѣсто его тифлисскимъ комендантомъ назначенъ былъ Опочи-

Библиотека "Руниверс"

нинъ, женатый на одной изъ дочерей кн. Орбеліяни, которую звали Варварою, а по туземному Бабаля.

Надобно замѣтить, однако, что Бабаля вообще была доброе, милое и потому всѣми любимое существо. Она отлично танцовала лезгинку, любила окружать себя толпами молодежи и вообще была, какъ говорится, веселая барыня. Отъ этого ея салоны, если только можно назвать салонами невзрачныя комнаты казеннаго дома, уставленныя плохою мебелью,—были самымъ привлекательнымъ мѣстомъ въ Тифлисѣ и постоянно были набиты народомъ.

Сестра «Бабали», кажется старшая, жила также въ Тифлисѣ, имѣя мужемъ какого-то стараго и болѣзненнаго генерала Санковскаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Запрещеніе азартной карточной игры.

Указъ императора Александра I с.-петербургскому военному губернатору генералъ-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову.

11-го іюля 1801 г.

Съ крайнимъ неудовольствіемъ доходитъ до свѣдѣнія моего, что карточная азартная игра, многими законами запрещенная и никакимъ благоучрежденнымъ правительствомъ нетерпимая, производится въ здѣшней столицѣ безъ зазору и безъ страха. Признавая зло сіе вреднѣйшимъ въ своихъ послѣдствіяхъ, нежели самое открытое грабительство, коего оно есть благовидная отрасль, и зная сколько глубоко, при малѣйшемъ попущеніи, можетъ оно пустить свои корни въ сихъ скопищахъ разврата, гдѣ толпа безчестныхъ хищниковъ, съ хладнокровіемъ обдумавъ разореніе цѣлыхъ фамилій, изъ рукъ неопытнаго юношества, или неразсчетливой алчности, однимъ ударомъ исторгаютъ достояніе предковъ, вѣками службы и трудовъ уготованное, и ниспровергая всѣ законы чести и человѣчества, безъ угрызенія совѣсти и съ челомъ безстыднымъ, нерѣдко поглощаютъ даже до послѣдняго пропитанія семействъ невинныхъ. Я признаю справедливымъ обратить всю строгость закона на сіе преступленіе и, дабы остановить въ самомъ началѣ гибельныя его (зла) дѣйствія,—повелѣваю вамъ неослабное имѣть бдѣніе и наблюденіе, дабы запрещенныя игры отнюдь и нигдѣ не были производимы и чтобъ вы, принявъ всѣ мѣры къ открытію таковаго дѣйствія, гдѣ бы оно ни таилось, виновныхъ въ ономъ безъ всякаго различія мѣстъ и лицъ приказали брать подъ стражу и отсылать къ суду, донося мнѣ въ то же время о именахъ ихъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ.

Сообщ. Л. М—чъ.

Библиотека "Руниверс"

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

X [1]).

Учитель музыки Мадвейсъ.—Красавица англичанка и ея мнимый кузенъ.—Праздники въ Огаревѣ. — Святки, капитанъ Тетеревъ. — Гаданія, елка. — Пасха. — Чуркина барыня.

Мятель въ полномъ разгарѣ, вѣтеръ такъ и завываетъ свою грустную пѣсню... Но намъ, дѣтямъ, не холодно, не скучно и мы сидимъ у камина въ четырехъ-аршинной комнаткѣ, около любящей насъ матери! Слышимъ шумъ въ передней и незнакомый голосъ... входитъ человѣкъ и докладываетъ, что пріѣхалъ какой-то господинъ и ужасно бранится. Мама идетъ сама узнать, въ чемъ дѣло, мы также за ней побѣжали и, остановившись въ дверяхъ, услышали ломанный французскій языкъ и объясненіе, что онъ Madveiss: «perdu, retrouvé et envoyé par le prince Goerges». За чаемъ, онъ разсказалъ намъ исторію своего исчезновенія изъ кареты. Отецъ, заснувши крѣпко, такъ придавилъ его, что ему очень неудобно было сидѣть, и когда ѣхали лѣсомъ, шагомъ, онъ выскочилъ изъ кареты, расправить свои уставшіе члены, но кучеръ, не замѣтивъ этого, погналъ лошадей и онъ остался въ лѣсу; не зная, куда ему идти дальше, онъ рѣшилъ возвратиться назадъ. Уставши идти пѣшкомъ по песку, онъ радъ былъ увидѣть обозъ, приближающійся къ нему, и желая сказать мужикамъ нѣсколько любезныхъ словъ, онъ началъ гово-

[1]) См. «Рус. Стар.», 1897 г., май, стр. 357.

Библиотека "Руниверс"

рить имъ: «Эта рѣка широка, какъ Ока; какъ, какъ Ока? такъ, какъ Ока!» Мужики расхохотались, принимая его вѣроятно за дурачка, а онъ, видя ихъ веселое расположеніе духа, пустился съ ними въ разговоръ и умильнымъ тономъ заговорилъ по-русски, думая, что одна изъ фразъ его русскаго репертуара, попадетъ на просьбу довезти его. Но, о ужасъ! Оказалось, что репертуаръ его состоялъ изъ однихъ бранныхъ словъ! Мужики, прежде хохотавшіе, разсердились и чуть не прибили его.

Его преподаватель русскаго языка былъ мой отецъ; онъ не забылъ свои шалости юности и потѣшался надъ нѣмцемъ, заставляя его говорить на разные нѣжные тоны—бранныя слова!

Услыхавъ разсказъ Madveiss'a, мама конечно догадалась, почему онъ, войдя къ намъ, встрѣтилъ лакея такими комплиментами. Но Madveiss хотѣлъ увѣрить мама, что теперь князь перемѣнилъ ему репертуаръ русскихъ словъ и онъ можетъ безъ страха говорить что нибудь любезное. Мама же, изъ страха услышать его репертуаръ, поспѣшила его разочаровать и увѣрить, что проказникъ ея мужъ, любившій посмѣяться, повторилъ съ нимъ ту же шутку, и что въ Огаревѣ онъ долженъ забыть свой русскій языкъ. Madveiss оказался милѣйшимъ человѣкомъ, серьезнымъ и великолѣпнымъ музыкантомъ. Онъ исключительно игралъ классическую музыку: Баха, Моцарта, Бетховена, Генделя и т. п. Съ ранняго дѣтства слушая классиковъ, я полюбила эту музыку и только она можетъ на меня сдѣлать сильное впечатлѣніе. Самъ Madveiss очень не дурно сочинялъ. Таня, тогда еще не начинала учиться, но когда онъ игралъ, она часто приходила его пугать, изображая изъ себя «волка» крадучись къ нему она завывала: «у-у-у!» Онъ написалъ для нея пьеску подъ заглавіемъ: «Tanischka est loup». Madveiss побылъ у насъ не долго, кажется съ годъ. Впослѣдствіи я часто жалѣла о краткомъ его пребываніи; такъ какъ мы всѣ имѣли хорошія способности къ музыкѣ, онъ могъ бы сдѣлать изъ насъ пьянистокъ. Мама познакомилась съ однимъ изъ своихъ родственниковъ А. Я. Потемкинымъ, который воспитывалъ у себя двухъ племянницъ. Пріѣхавъ разъ къ намъ, онъ пришелъ въ такой восторгъ отъ Madveiss'a, приставъ къ мама, чтобы она ему уступила его, увѣрилъ, что мы еще малы для такого учителя, а племянницы очень нуждаются въ хорошемъ преподавателѣ музыки; обѣщался ему прибавить 200 р., и мама по своему великодушію уступила Madveiss'a.

Съ отъѣздомъ его у насъ никого не было, кто игралъ бы на фортепіано, а залъ манилъ насъ танцовать, тогда мама съ m-me de Laveau играли намъ на гребешкахъ и подъ эту музыку мы танцовали. Большое удовольствіе для насъ было, когда пріѣзжалъ настройщикъ, тогда балъ бывалъ въ полномъ разгарѣ и по тогдашнимъ нашимъ понятіямъ съ настоящей музыкой. Впрочемъ, не долго оставались мы безъ преподава-

Библиотека "Руниверс"

тельницы музыки. Мама пригласила къ намъ 18-ти лѣтнюю очень красивую англичанку (по матери русскую) хорошую музыкантшу съ спокойнымъ и симпатичнымъ характеромъ. Но гувернантки съ романами насъ не покидали. Проживши нѣсколько мѣсяцевъ, miss J*** попросила позволенія у мамà принять своего двоюроднаго брата, на что, конечно, получила разрѣшеніе. Разъ, за урокомъ, дѣвушка подаетъ ей записочку, прочитавъ ее, miss вся измѣнилась въ лицѣ и выскочила изъ классной; мы за нею. Оказалось, что ея кузенъ пріѣхалъ и проситъ позволенія явиться въ домъ. За нимъ послали, и она представила его: «мой кузенъ Н. Н. Чернопятовъ». Уроки шли своимъ порядкомъ, несмотря на то, что мамà предлагала ей оставить ихъ на время визита кузена, но она, какъ очень исполнительная, не захотѣла этого. Когда она бывала занята съ нами, онъ громко читалъ мамà «Чужое имя» романъ соч. Ахшарумова, который печатался въ «Русскомъ Вѣстникѣ». M-me de Laveau не вѣрила, что Чернопятовъ—кузенъ miss J*** и хотѣла увѣрить въ томъ же и мамà, но она, по своей душевной чистотѣ, даже сердилась на m-me de Laveau за подобное подозрѣніе. Послѣ отъѣзда кузена, недолго и miss оставалась у насъ. M-me de Laveau была права. Оказалось, что г. Чернопятовъ былъ мнимый кузенъ и былъ никто другой, какъ женихъ нашей красивой англичанки, и подъ чужимъ именемъ—настоящее его имя было Д—въ. Странное стеченіе обстоятельствъ! Читать романъ «Чужое имя» въ томъ домѣ, гдѣ самъ былъ подъ чужимъ именемъ. Разъиграли они этотъ романъ у насъ, потому что родные его, не позволяли жениться на ней, и онъ скрывалъ, что ѣздилъ ее навѣщать.

Наканунѣ именинъ мамà мы праздновали и проводили весь день у нашего законоучителя, отца Александра; это былъ день его ангела.

Мы очень любили и уважали нашего батюшку, онъ былъ прекрасный священникъ и отличной души человѣкъ. Въ годъ нашего пріѣзда въ Огарево, онъ овдовѣлъ и у него остались на рукахъ двѣ маленькія дѣвочки и сынъ. Мамà приняла большое участіе въ его горѣ. Дѣвочки его приходили къ намъ учиться и праздники проводили съ нами, играя въ «волки» съ такимъ же увлеченіемъ какъ и мы. Въ гостяхъ у батюшки, мы играли въ разныя игры, весь день грызли орѣхи, кушали карамель и пряники, которыми насъ угощали, и какъ все это казалось тогда вкуснымъ! Въ семь часовъ мамà присылала наши любимыя санирозвальни и мы всей компаніей ѣхали домой. Тамъ насъ ждалъ освѣщенный домъ, убранный къ празднику, накрытый столъ съ образами, зажженныя лампадки, и мамà, одѣтая по праздничному. Всѣ становились по мѣстамъ, и всенощная начиналась. Какое-то радостное чувство охватывало меня при мысли, что завтра—день ангела дорогой мамà, а въ особенности радостно бывало на душѣ, когда былъ приготовленъ какой

*

Библиотека "Руниверс"

нибудь хорошій сюрпризъ; Катенька была мастерица ихъ дѣлать. Батюшка служилъ очень торжественно и хорошо.

Обыкновенно бывало, что во время всенощной въ передней слышался шумъ, Евграфъ пробѣгалъ черезъ зало, и мы ужъ знали навѣрное, что кто нибудь пріѣхалъ изъ нашихъ друзей. И вслѣдъ за этимъ изъ дверей или выглядывала красивая бѣлокурая головка Вѣры Юрловой, или съ нею вмѣстѣ потихоньку входили въ зало кузины наши Потемкины, и мы всѣ, привѣтствуя другъ друга взглядами, не сходили съ своихъ мѣстъ, а продолжали молиться! Послѣ всенощной, всѣ подходили къ мамà поздравить ее съ наступающимъ праздникомъ, а потомъ уже раздавались наши поцѣлуи съ друзьями.

Святки мы проводили очень весело; несмотря на то, что у насъ ни гостей, ни кавалеровъ не было, но мы умѣли веселиться однѣ. Всю недѣлю наряжались и плясали. Я была мастерица придумывать и устраивать разные костюмы, и всѣ отплясывали подъ звуки гармоніи до упада.

Одно время у насъ была гувернантка очень высокая и любившая наряжаться мужчиною, но мужскаго костюма по ея росту не оказалось, и мамà взялась скроить ей его по ея мѣркѣ; разложила выкройки на столѣ въ залѣ и занялась кройкой. Вдругъ, дверь отворилась и появился на порогѣ какой-то господинъ въ военномъ мундирѣ. Мама испугалась при видѣ мужчины (отъ нихъ огаревскія жительницы отвыкли), застающаго ее за такой нескромной работой, и не узнавши незваннаго гостя, замахала руками и закричала: «уходите, уходите!» Господинъ этотъ былъ становой Несмѣловъ, носящій удачно свою фамилію. Онъ такъ испугался и сконфузился, что, закрывъ за собою поспѣшно дверь, хотѣлъ ретироваться, но наши барышни, увидя кавалера, хотя и жалкаго, но все же кавалера, упавшаго какъ съ неба, поспѣшили убрать со стола нескромныя принадлежности туалета и попросили войдти г. Несмѣлова.

Любили мы наряжаться въ героинь Гоголевскихъ, Фонвизина и т. п. и являясь къ мамà, представляли разныя сцены, изображая Коробочку, Пульхерію Ивановну, Матрофанушку и т. п. Иногда наряжали горничныхъ и предварительно учили ихъ тѣмъ ролямъ, въ которыхъ онѣ должны были явиться къ княгинѣ. Только пріѣхалъ разъ вечеромъ какой-то капитанъ Тетеревъ съ женой. Евграфъ пришелъ доложить. Мамà, привыкшая къ нашимъ шуткамъ, была въ полной увѣренности, что это кто-нибудь изъ ряженыхъ. Входитъ капитанъ съ супругою и подходя къ мамà, говоритъ: «Позвольте, ваше сіятельство, представиться, я—капитанъ Тетеревъ, человѣкъ бѣдный, слышавъ такъ много о вашей добротѣ» и т. д... Мамà, увѣренная, что это ряженые, смотритъ во всѣ глаза, и не вставая съ дивана, разсматриваетъ капитана кругомъ, стараясь въ немъ узнать кого нибудь изъ своихъ, и говоритъ: «Да кто же это? Матреша? Агаша?» Мы, въ ужасѣ дѣлаемъ мамà знаки, но

Библиотека "Руниверс"

она ихъ не замѣчаетъ и продолжаетъ стараться кого нибудь узнать, говоря: «Нѣтъ не узнаю!» Капитанъ Тетеревъ въ недоумѣніи отвѣчаетъ: «Я—капитанъ Тетеревъ, человѣкъ больной»... Мы продолжаемъ дѣлать знаки, а мама продолжаетъ разговоръ какъ съ ряженными: «Какъ мнѣ васъ жаль! Что же у васъ болитъ? И какая у васъ странная фамилія... Да кто же это наконецъ? Груша?» Хохотъ душилъ насъ, и мы уже закричали: «mais, maman, ce sont de vrais personnages c'est un vrai capitaine!» [1]).

Есть ли одна русская деревенская барышня, которая не гадала бы!?.. Я думаю, такой не найдется. Да и какъ не увлечься русскими преданіями, не вспомнить, какъ въ старину боярышни гадали. Все располагаетъ и манитъ въ тихій, свѣтлый, морозный зимній вечеръ выйдти на дворъ, пробѣжать по скрипучему снѣгу къ воротамъ, бросить башмачекъ, лечь на бѣлый снѣгъ, взять его въ руку и бѣжать опять въ домъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли волоса въ растаенномъ снѣгѣ и какого онъ цвѣта? Такъ и мы, когда сдѣлались дѣвицами, и когда въ голову стали закрадываться мысли о невѣдомомъ суженомъ, то всѣ эти гаданья заинтересовали насъ. Приносили также пѣтуха, пѣвали подблюдныя пѣсни; тогда еще оставшіяся изъ крѣпостныхъ горничныя все это знали до тонкости; пѣли намъ пѣсни; каждая своей любимой княжнѣ мостила мостики и клала королей подъ подушку, а на другой день, улыбаясь, освѣдомлялась, что видѣла княжна, кто черезъ мостикъ ее переводилъ?

Когда къ намъ во время святокъ съѣзжались нѣсколько барышень и молодыхъ людей, намъ подавали нѣсколько розвальней (онѣ остались наши любимые сани), и усѣвшись въ нихъ, отправлялись въ село подслушивать подъ окна и спрашивать имена прохожихъ, которые бывали рѣдки, такъ какъ деревенскій людъ рано отправлялся на отдыхъ, и однѣ собаки, перепуганныя и недовольныя нашимъ появленіемъ не въ урочный часъ, лаяли, бросаясь издали на насъ... Конечно, не вѣра въ гаданье увлекала насъ, а увлекала молодость, жаждущая веселья и хватающаяся за все, лишь бы повеселиться и оживленнѣе провести время. Чѣмъ молодость не тѣшится!

При словѣ елка, возвращаюсь къ дѣтству и къ маленькому домику съ соломенной крышей.

Въ день, когда должна быть елка, насъ всегда отправляли къ батюшкѣ, чтобы мы не видѣли всѣ заготовленные сюрпризы. Какая радость охватывала насъ, когда за нами присылали! Мы знали, что все готово, все горитъ огнями, и подарки насъ ждутъ! Подъѣзжая къ дому въ окна уже видны были мелькающіе огоньки... Мама насъ встрѣчала сіяющая, и мы не знали куда намъ бѣжать, когда растворялись

[1]) «Мама! Это настоящій капитанъ».

Библиотека "Руниверс"

двери—цѣловать-ли дорогую мамочку, бѣжать ли искать подарки или остановиться, любоваться на чудную елку?!... Увидя три домика для куколъ, нашему восторгу не было конца! они такъ-же были освѣщены какъ и нашъ домикъ, тамъ была не только разная мебель, но и фортепіано, и люстра, зажженая разноцвѣтными свѣчами и даже клѣтки съ птицами, а куклы преважно сидѣли разодѣтыя на диванѣ, ожидая своихъ маленькихъ хозяекъ. Когда куклы перестали насъ занимать, мать намъ дарила много хорошихъ книгъ, и у насъ составилась очень хорошая библіотека, дарила намъ также свои вещи, напримѣръ: въ 13 лѣтъ я получила часы съ брильянтами, и m-me de Laveau приходила въ ужасъ, говоря:

— Mais, chère princesse qu' allez-vous donc donner à vos filles, quand elles auront 17 ans?

— Eh! M-me de Laveau,—отвѣчала мама, si j'aurai quelque chose de mieux, je le leur donnerai, si non, elles s'en passeront [1]).

Она такъ любила дѣлать удовольствія, что ей хотѣлось все отдать поскорѣе, что имѣла. Передъ рожденіемъ или именинами которой-нибудь изъ насъ, готовились столики съ подарками и ставились самой мамѣ, когда виновница праздника спала, около ея кровати. И чего, чего не было на этомъ столикѣ, который отнималъ у меня сонъ и какъ магнитъ притягивалъ къ себѣ. Проснешься бывало, темно еще, и начнешь рукой потихоньку щупать всѣ вещи и разгадывать, что бы это такое было?

Какъ рождественскіе праздники ни радовали насъ, какъ ни веселились мы на святкахъ, а приближеніе Великаго, Свѣтлаго праздника—нельзя было сравнить ни съ какой радостью, ни съ какимъ весельемъ; что-то небесное, святое—ощущала душа въ ночь Свѣтло-Христова Воскресенія!.. Весь великій постъ, въ свободное отъ уроковъ время, мы работали на бѣдныхъ, на церковь и готовили подарки матери; а въ это время Катенька читала намъ евангеліе. Это были счастливѣйшіе минуты нашей жизни, когда мы около дорогой матери, въ ея маленькомъ кабинетѣ слушали слово Божіе. Начиная съ пятницы Страстной недѣли мы готовились къ свѣтлому празднику и съ нетерпѣніемъ ожидали его.—Передъ заутренею мы одѣвались во все бѣлое, шли въ церковь и съ особеннымъ благоговѣніемъ ожидали пѣнія «Христосъ Воскресе». Похристосовавшись съ священникомъ и матерью, мы радостные и веселые возвращались домой. Тамъ, первый встрѣчалъ насъ Евграфъ, въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ; такъ было весело, что и Евграфъ, казался не такимъ, какъ обыкновенно, и съ нимъ христосовались, съ

[1]) „Но, дорогая княгиня, что же вы подарите своимъ дочерямъ, когда имъ будетъ по 17-ти лѣтъ?“

— „Если у меня будетъ что нибудь лучшее, я то имъ подарю, а если нѣтъ то онѣ обойдутся и безъ подарка“.

Библиотека "Руниверс"

особеннымъ чувствомъ. Потомъ бѣжали въ столовую, гдѣ громадный столъ былъ уставленъ разными блюдами, и по прибытіи священника разговлялись.

Въ этотъ день всегда пріѣзжала къ намъ одна бѣдная дама, извѣстная надъ именемъ «Чуркиной барыни». Она бѣдненькая, на одной лошадкѣ, подъѣзжала къ дѣвичьему крыльцу; поднималась въ дѣвичью, усиживалась и, кушала съ аппетитомъ все, что ей приносили, и получивъ отъ мамá помощь, уѣзжала. Похожа она была на сову, въ своемъ бѣломъ чепчикѣ съ оборками, и страшные глаза ея на выкатѣ пугали насъ. Она была дворянка и интересна только тѣмъ, что имѣла лишь одного крѣпостнаго мужика, Чуркина, который служилъ ей во всемъ и даже своимъ именемъ, такъ какъ ея фамилію мало кто зналъ, а всѣ знали ее подъ именемъ «Чуркина барыня».

Разсказываютъ, что она въ молодости вышла замужъ, противъ желанія родныхъ, которые ей ничего не дали, исключая одного только Чуркина, и похоронивъ мужа, она стала окончательно бѣдствовать и даже съ горя стала попивать. Крѣпостной ея человѣкъ остался ей вѣрнымъ слугой и кормилъ ее до конца ея жизни. Онъ развозилъ свою барыню по сосѣднимъ помѣщикамъ, которые ей помогали.

XI.

Жизнь наша въ Огаревѣ.—Пріѣздъ брата и его характеристика. — Отъѣздъ отца заграницу.—Возвращеніе его въ Россію и пріѣздъ въ Огарево. Отъѣздъ въ Москву.—Бабуша А. М. Павлова. — Пріѣздъ отца въ Петербургъ и жизнь въ Гостилицахъ.—Вторичный отъѣздъ заграницу. - Свиданіе съ А. И. Герценомъ.—Послѣдствія этого свиданія и изданіе брошюры дѣда.—Опала и жизнь отца въ Козловѣ.

Жизнь наша въ Огаревѣ, которую мать сравнивала съ жизнью женскаго монастыря, текла мирно, тихо, и казалось всѣ были довольны, всѣ счастливы; но сердце нашей матери не могло быть покойно, и часто я замѣчала въ глазахъ ея слезы. Тогда я робко подходила къ ней, желая приласкаться; она обнимала меня, и мы обѣ плакали. А когда бывало, сидя у окна въ своемъ крошечномъ кабинетѣ, мама потихоньку напѣвала:

Тяжело, не стало силы
Ноетъ грудь моя,
Злое горе до могилы
Дотащу ли я?..

мое маленькое сердечко тогда такъ больно сжималось, и я или убѣгала въ дѣтскую и тамъ, уткнувшись въ подушку, горько плакала, или подхо-

Библиотека "Руниверс"

дила къ кіоту, брала образъ Спасителя, крѣпко прижимала его къ груди и просила спасти маму и папу.

Самою большою радостью для Огарева былъ пріѣздъ брата Евгенія изъ Морскаго корпуса. Евгеній, получилъ спартанское воспитаніе. Пяти лѣтъ отецъ посадилъ его безъ сѣдла на лошадь и гоняя на кордѣ, выучилъ мальчика держаться, а вскорѣ и ѣздить самостоятельно верхомъ. Очень рано онъ выучилъ его плавать, приказывая бросаться съ trempliп, и самъ, плавая великолѣпно, подхватывалъ сына, когда видѣлъ, что онъ выбивался изъ силъ. Съ семи лѣтъ, онъ отданъ былъ въ Тамбовскій кадетскій корпусъ. Вотъ случай изъ того времени, когда онъ былъ кадетомъ. Мать какъ-то взяла его съ собою въ Петербургъ. Тамъ, гуляя съ нею каждый день въ Лѣтнемъ саду, маленькій кадетъ просилъ одѣть его по формѣ.

— Вотъ увидите. мамаша, говорилъ онъ, что я получу выговоръ отъ начальства и меня посадятъ въ карцеръ.

— Ну кто замѣтитъ такого маленькаго человѣчка, какъ ты?—отвѣчала мать.

Однако выговоръ не замедлилъ послѣдовать, хотя добрый и кроткій. Однажды Женя, отдалившись отъ матери, прибѣжалъ весь красный и запинаясь сказалъ:

— Вотъ видите мамаша, я говорилъ вамъ, что въ Петербургѣ нельзя быть кадету не по формѣ! Мнѣ самъ наслѣдникъ замѣтилъ это. Онъ спрашивалъ меня, съ кѣмъ я здѣсь? я отвѣтилъ—съ мамà. Такъ скажи твоей мамѣ, сказалъ онъ, что я прошу ее обмундировать тебя какъ слѣдуетъ, а то государь увидитъ тебя и будетъ очень недоволенъ.

— Зачѣмъ же ты побѣжалъ показываться наслѣднику, замѣтила мать,—я тебѣ говорила, чтобъ ты не смѣлъ уходить далеко отъ меня.

— Я увидѣлъ отвѣчалъ мальчикъ наслѣдника съ дѣтьми, съ которыми я игралъ у принца Ольденбургскаго, и мнѣ захотѣлось поздороваться съ ними.

Черезъ нѣсколько дней мамà утѣшила своего маленькаго кадета, обмундировала его по всѣмъ правиламъ и пошла съ нимъ опять въ Лѣтній садъ. Когда Женя увидѣлъ наслѣдника, онъ не вытерпѣлъ, забылъ приказаніе матери не удаляться отъ нее, опрометью бросился къ нему на встрѣчу и, ставъ во фронтъ, отдалъ ему честь. Наслѣдникъ, потрепавъ его по плечу, сказалъ: «Ну, теперь ты молодецъ».

Обращаясь къ отцу я должна сказать, что послѣ разлуки съ семьей онъ не могъ долго остаться въ Салтыкахъ и, поручивъ дѣло и хозяйство своему другу Р—ву, уѣхалъ заграницу. Передъ выѣздомъ изъ имѣнія онъ 3-го марта 1856 г. писалъ ему:

«Посылаю тебѣ, любезный другъ, образъ Святителя Николая, съ которымъ я еще никогда не разставался; прошу тебя его принять отъ

Библиотека "Руниверс"

меня, какъ доказательство неподдѣльной моей къ тебѣ любви и какъ залогъ вѣчной моей признательности! Быть можетъ, что наше вчерашнее прости—было послѣднее! Итакъ прости—прими этотъ образъ отъ друга твоего и моли Угодника подкрѣпить душу раба Юрія».

При этомъ письмѣ отецъ прислалъ въ Знаменскую церковь 200 руб. Въ письмѣ изъ Берлина онъ писалъ 29-го мая: «Я счастливъ, дорогой другъ, что могу доказать вамъ этимъ письмомъ, что ни разстоянія, ни ваши предположенія, никогда не измѣнятъ преданной любви Юрія Голицина къ семейству Р—выхъ.

«Сегодня, завтра и будущее воскресенье—знаменательные дни для Знаменскаго. Думаю, что сегодня пріѣхала мой другъ Юлія [1]) ваша дорогая дочь, и такъ примите мои искреннія поздравленія. Мое путешествіе очень интересно, но между тѣмъ и очень грустно.

«Я съ большимъ вниманіемъ все осматриваю, и нѣмцы народъ весьма дѣльный, и главное практичный; здѣсь даже собаки съ намордниками бѣгаютъ—Редутъ [2]) здѣсь не разгулялся-бы!

«Передайте Аркадію, что Мейерберъ, узнавъ о моемъ присутствіи въ Берлинѣ и о томъ, что я справлялся о немъ, пришелъ самъ ко мнѣ и цѣлый день мы пробыли вмѣстѣ. Онъ написалъ новую оперу и отправляется ее ставить въ Парижъ, гдѣ конечно мы будемъ часто съ нимъ бесѣдовать. Сегодня я выѣзжаю въ Дрезденъ. Сѣровъ со мною не поѣхалъ, обѣщалъ меня догнать. Журналъ я свой веду подробно [3]), Въ Штетинѣ пробылъ день и ѣздилъ за городъ осматривать поля. Конечно въ Россіи, въ самый урожайный годъ ни у кого я не видѣлъ такой ржи и пшеницы, какіе растутъ у нѣмцевъ на песчаномъ грунтѣ и на буграхъ. Лошади, на которыхъ пашутъ—не стыдно въ Пятерѣ по Невскому проѣхать! свиней моютъ ежедневно съ мыломъ, чуть не завиваютъ!

«Андрей потерялъ мои часы; для начала не дурно, что дальше будетъ! Надѣюсь, что путешествіе для ума будетъ полезно, но для сердца—пусто! Прощайте, друзья мои; не забывайте искренняго вашего друга Юрія Голицина».

Эта поѣздка князя послѣ разлуки съ семьей не была продолжительна, такъ какъ въ августѣ того-же года онъ былъ на коронаціи, о чемъ я уже говорила выше, въ своихъ воспоминаніяхъ. Послѣ коронаціонныхъ торжествъ онъ поѣхалъ въ Огарево съ цѣлью просить жену вернуться къ нему въ Салтыки, но не засталъ ея. Мать моя, также соскучившись по мужѣ, поѣхала сама къ нему и на пути у друзей своихъ Р—выхъ узнала,

[1]) Юлія Ар. Р—ва была тогда замужемъ и возвращалась изъ-за границы послѣ voyage de noce. Вышла замужъ она за З—та.

[2]) Собака-водолазъ.

[3]) Къ сожалѣнію журналъ этотъ не найденъ.

Библиотека "Руниверс"

что князь только что поѣхалъ къ ней. Она, переночевавъ у Р—выхъ, спѣшила вернуться назадъ, надѣясь застать его у себя.

Въ Огаревѣ-же отецъ остался очень не долго—все ему тамъ было не по вкусу и онъ постоянно восклицалъ: «Здѣсь настоящая Сибирь! какъ можно тутъ жить?» Въ особенности чувствовалъ онъ себя далеко не на просторѣ въ маленькомъ кабинетѣ жены своей: вошедши туда—онъ занялъ своей особой всю комнату и, задѣвъ плечомъ этажерку, поронялъ разныя фарфоровыя вещицы. Желая поддержать то, что падало—онъ взмахомъ руки уронилъ круглый столикъ, и все что было на немъ разбилось. Впослѣдствіи помѣщеніе наше было постепенно увеличено и каждый годъ къ дому что нибудь да пристраивалось: то спальни, то большое зало съ резонатомъ, однимъ словомъ, въ короткое время домъ въ Огаревѣ, имѣвшій 8 комнатъ, постепенно увеличился до 30, и соломенная крыша превратилась въ желѣзную.

Я обожала отца и радовалась, что вижу его, но все-таки испытывала невольный страхъ въ его присутствіи и какое-то чувство отчужденія, которое меня мучило. На другой день его пріѣзда мы нѣсколько попривыкли и даже рискнули спѣть ему хоромъ солдатскую пѣсню: «Солдатушки ребятушки!» Не умѣя правильно дѣлать ударепіе, мы пѣли: «солдатушки-ребятушки!»... Отецъ сейчасъ-же насъ остановилъ: поставилъ насъ передъ собою въ рядъ и велѣлъ пѣть за нимъ произнося, «солдатушки-ребятушки!»... и т. д. Потомъ пошли мы съ нимъ гулять, но прогулка ему еще менѣе понравилась, чѣмъ все остальное и даже разсердила его. На немъ былъ надѣтъ какой-то большой широкій плащъ; когда онъ вышелъ на улицу и подбоченясь сталъ оглядывать окрестности Огарева, то фигура его и безъ того большая, показалась еще больше, и ребятишки, высыпавшіе на улицу, такъ испугались внушительнаго вида отца, что моментально всѣ исчезли и попрятались за ворота. Привыкшій, что въ Салтыкахъ весь народъ, отъ мала до велика, встрѣчаетъ своего князя съ поклонами и привѣтами, онъ остался недоволенъ, что старшіе не внушаютъ дѣтямъ почтенія къ своимъ господамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дѣти не считали его пугаломъ, онъ послалъ за лакомствомъ, велѣлъ собрать всѣхъ ребятъ, и мы бросали имъ пряники.

На обратномъ пути въ Салтыки, онъ встрѣтилъ мама на почтовой станціи; но почему каждый изъ нихъ поѣхалъ своей дорогой—все это осталось тайной... Отецъ пріѣзжалъ въ Огарево осенью, а зиму того-же 1856 года мать моя со мною провела въ Петербургѣ, у бабушки Т. Б. Потемкиной, гдѣ я была больна безнадежно тифомъ, отецъ же въ то время находился въ Москвѣ, съ своимъ хоромъ, гдѣ давалъ концерты, серьезно занимался музыкой и предался окончательно музыкальному дѣлу. Онъ пріѣхалъ навѣстить насъ въ Петербургъ и привозилъ своихъ

Библиотека "Руниверс"

пѣвчихъ, которые пѣли въ большой залѣ дома Потемкиныхъ. Воодушевляясь музыкой, которая часто благотворно дѣйствуетъ и смягчаетъ душу человѣка, отецъ писалъ 13-го марта 1857 г. своему другу Р—ву, что онъ уѣзжалъ изъ Москвы на нѣсколько дней въ Петербургъ, чтобы «проводить свою жену, и очаровательную Лелю, которую Богъ милосердіемъ Своимъ возвратилъ къ жизни.

«Я такъ здѣсь (въ Москвѣ) занятъ, прибавлялъ онъ, музыкой и такъ работаю усердно и добросовѣстно, что рѣшительно могу сказать, что не имѣю четверти часа свободнаго. На 400 р. сер. выписалъ партитуръ изъ Германіи: всего Гайдна, Марчелло, Керубини, Палестрино и учусь оркестровкѣ Je voue décidément à présent toute mon existence à la musique; je renonce à tout et je me fais artiste [1]), Пока тебѣ пишу, Елагинъ съ Мальковымъ [2]) играютъ мнѣ увертюру Гайдна: «Judas Maccabée», c 'est sublime! Какое блаженство! Обнимаю тебя, моего искренняго друга; передай твоей женѣ, что на свѣтѣ я признаю и люблю свято только музыку, жену съ дѣтьми (мою) и всѣхъ васъ—Знаменскихъ друзей.

«Никогда, никогда васъ не забуду, до послѣдняго издыханія. Я надѣюсь, что жена твоя, а въ особенности моя добрая «Бабуша» me rendront justice (отдадутъ мнѣ справедливость). Пишу, а слезъ удержать не могу, вспомня всѣхъ васъ!.. Прощай!.. Другъ вашъ Юрій.

P. S. Ожидаю Катю [3]) для концерта въ воскресенье».

Посылая при этомъ свой портретъ А. А. Р—ву, князь написалъ на немъ:

Портретъ ты мой хотѣлъ имѣть,
Спѣшу тебѣ его представить!
А то, боюсь такъ растолстѣть,
Что на листѣ ужь не уставить!

А «Бабушѣ»—Аннѣ Михайловнѣ Павловой, отецъ прислалъ красивый футляръ для картъ, на крышкѣ котораго были эмалированныя карты, означающія въ гаданіи: исполненіе желанія, любовь, дружбу, и выбито слѣдующее стихотвореніе:

---

[1]) Я положительно посвящаю себя музыкѣ, отказываюсь отъ всего и дѣлаюсь артистомъ.

[2]) Мальковъ былъ взятъ отцомъ моимъ маленькимъ мальчикомъ изъ крестьянской семьи села Салтыковъ въ пѣвчіе; потомъ сдѣлался регентомъ и помощникомъ отца, выучился играть на фортепіано и впослѣдствіи давалъ уроки музыки.

[3]) Т. е. жену свою; а ей онъ написалъ слѣдующую телеграмму: „Концертъ въ пятницу, въ часъ; признаюсь, что твое отсутствіе меня огорчитъ. Отвѣть сейчасъ. Твой другъ Юрій“; и другую: „Выѣзжалъ тебя встрѣчать въ Тверь и съ грустью по ошибкѣ ночью поцѣловалъ какую-то рожу. Твой мужъ Голицинъ“. Безъ шутокъ отецъ не могъ жить.

Библиотека "Руниверс"

Бабуша! Вы въ памяти моей живете!
И карты мысль мою вамъ изъяснятъ.
Въ нихъ исполненіе желаній вы найдете,
Съ эмблемой вѣчной—васъ любить!

Анна Михайловна Павлова, рожденная Соковнина (Бабуша—какъ всѣ ее зва́ли), была большимъ другомъ нашего поэта Жуковскаго, который въ молодости былъ ея поклонникомъ; она любила поэзію, много знала наизусть стихотвореній и сама часто, обращаясь къ своимъ друзьямъ, говорила и писала стихами. Вотъ одно изъ ея стихотвореній, сказанное экспромптомъ, въ которомъ она рисуетъ такъ откровенно свой милый портретъ:

Все тотъ же капоръ обветшалый,
Все тотъ же чепчикъ на боку!
Все то же платье—„цвѣтъ увялый!"
Но въ томъ увѣрить васъ могу:
Все то же сердце неизмѣнно...

Въ 1856 году ей было 72 года, и она написала тогда слѣдующее стихотвореніе:

А мнѣ все не спится,
Куда какъ тяжело!
Въ умѣ все вертится
Одно, да одно!
Есть что-то такое,
Что спать не даетъ!
То горе лихое
Такъ сердце и жметъ.
Ужь это мнѣ горе!
Куда жь его сбыть?
Какъ бурное море,
Кипитъ и крутитъ.
И нѣтъ мнѣ покоя
Ни ночью, ни днемъ...
Всегда насъ съ нимъ двое,
Вдвоемъ и умремъ!

Лѣтомъ, въ 1857 году, отецъ продолжалъ усердно заниматься музыкой и готовилъ пѣвчихъ къ концертамъ, пріискивая возможность продать свой хоръ. Въ періодъ этого времени онъ хлопоталъ также о мѣстѣ директора пѣвческой капеллы или директора императорскихъ театровъ; были у него также дѣла и по имѣнію. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ онъ долженъ былъ побывать въ Петербургѣ. Мать моя, оставивъ насъ въ Огаревѣ съ m-me de Laveau, поѣхала также въ Петербургъ къ мужу, но большую часть времени гостила у Т. Б. Потемкиной, въ «Гостилицахъ», близъ Петергофа, куда и отецъ переѣхалъ со своимъ хоромъ. Передъ переѣздомъ туда, онъ писалъ женѣ:

Библиотека "Руниверс"

«Дорогой ангелъ! Издержки на содержаніе пѣвчихъ, которые необходимо должны остаться до 1-го августа, становятся слишкомъ велики, и я рѣшаюсь переселиться на лѣто въ «Гостилицы». Для исполненія этого намѣренія я посылаю Степана въ «Гостилицы», чтобъ найдти въ селѣ четыре избы для дѣтей (пѣвчихъ) и одну для меня, и сдѣлать заготовленіе провизіи. Прошу тебя поговорить объ этомъ съ тетушкой Потемкиной и особенно дать ей понять, что все это будетъ на мой счетъ, потому что я не хочу, чтобъ предположили во мнѣ желаніе «жить на хлѣбахъ» со всѣми пѣвчими; и потомъ, такъ какъ въ продолженіе лѣта я долженъ буду нѣсколько разъ бывать въ Петербургѣ съ моими пѣвчими, то удобнѣе въ одинъ разъ переселиться, чѣмъ дѣлать эти издержки. 15-го числа будущаго мѣсяца мы будемъ въ «Гостилицахъ» и въ продолженіе всего лѣта будемъ пѣть маленькимъ хоромъ всенощныя и обѣдни въ церкви «Гостилицы»; я надѣюсь этимъ сдѣлать удовольствіе тетушкѣ и дядѣ. Для себя я ничего не прошу: ни комнаты даже, въ виду того, что предстоитъ большая работа, и слѣдовательно, я буду жить на селѣ съ пѣвчими. Ко мнѣ придираются въ Салтыкахъ; я уѣзжаю завтра, чтобъ къ 10-му быть назадъ. О томъ, что касается нашихъ дѣлъ — помолись и пошли письмо къ государю. Цѣлую тебя съ безграничной любовью, которую къ тебѣ питаю. Твой другъ Юрій».

Мать, соскучившись по насъ, вернулась въ Огарево, отецъ оставался до осени въ Гостилицахъ; хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ: продажа хора не состоялась, мѣсто директора капеллы или театровъ онъ не получилъ, хоръ распустилъ, и разстроенный и недовольный уѣхалъ опять за границу.

Тамъ, какъ я уже говорила [1]), онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Герценомъ и завелъ съ нимъ переписку, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе правительства. Почти одновременно съ этимъ дѣдушка мой, князь Николай Борисовичъ Голицинъ, воспитанный іезуитами, былъ въ душѣ католикъ и написалъ статью противъ православія. Онъ прочиталъ ее Андрею Николаевичу Муравьеву, который, возмущенный ею, сказалъ дѣдушкѣ:

— Писать вамъ, князь, никто запретить не можетъ, но знайте, что если вы напечатаете эту статью—я васъ выдамъ.

Когда отецъ мой уѣзжалъ въ Лейпцигъ, дѣдушка далъ ему свою статью, прося отдать тамъ ее напечатать. Будучи человѣкомъ очень религіознымъ, князь Юрій Николаевичъ никогда бы не напечаталъ подобной статьи, но, не поинтересовавшись ея содержаніемъ, онъ исполнилъ просьбу своего отца. Когда статья эта появилась и произвела боль-

[1]) См. «Рус. Стар.» 1897 г., № 4, стр. 177.

Библиотека "Руниверс"

шое впечатлѣніе въ Петербургѣ, Андрей Николаевичъ Муравьевъ исполнилъ свое слово и выдалъ автора! Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что виновникомъ ея появленія былъ князь Юрій Голицинъ, и императрица Марія Александровна приказала уволить его отъ службы по своему вѣдомству. Съ увольненіемъ въ отставку, отецъ мой лишился званія камергера, поселился въ г. Козловѣ, Тамбовской губерніи, и былъ отданъ подъ присмотръ полиціи. Въ Козловѣ онъ жилъ исключительно музыкою.

Воспользовавшись разлукой князя съ семьей и его опальнымъ положеніемъ, нашлись люди, которые, подъ личиной любви и преданности, вошли въ дружбу къ отцу моему и овладѣли его сердцемъ. Онъ же не умѣлъ любить тихо—буря поднялась снова, и угасшія увлеченія съ новой силой забушевали!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

«ı
хор

Библиотека "Руниверс"

ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

ОТЪ

Москвы до Красной Пахры.

IV [1]).

Значеніе лица въ общественной жизни народа, въ среду котораго еще поверхностно проникло образованіе, и который привыкъ къ правительственной опеки, — опредѣляется не столько его личными достоинствами и даже заслугами, сколько служебнымъ положеніемъ. Такое положеніе Барклая и Беннигсена естественно не оставляло ихъ одинокими соперниками и недоброжелателями князя Кутузова; но около нихъ пріютились еще многіе и тѣмъ содѣйствовали ихъ вліянію только на войска, потому именно, что Россія и не знала объ этихъ козняхъ. Одни связывались съ нимъ только личными отношеніями и, съ удаленіемъ своихъ покровителей изъ арміи, сами удалились вмѣстѣ съ ними, какъ Вольцогенъ и Закревскій; другіе, не соединявшіе личныхъ отношеній съ общимъ дѣломъ спасенія отечества, конечно, не оставили арміи, несмотря на двусмысленное положеніе, въ которое были поставлены своимъ служебнымъ значеніемъ. Самымъ виднымъ лицомъ, изъ числа послѣднихъ, былъ начальникъ штаба первой арміи генералъ Ермоловъ.

Онъ пользовался особымъ расположеніемъ и даже довѣріемъ государя, дружбою великаго князя Константина и уваженіемъ войскъ за свои военныя дарованія, храбрость и распорядительность. Онъ былъ

---

[1]) См. «Русскую Старину», августъ 1897 г.

Библиотека "Руниверс"

самолюбивъ, что весьма естественно, и это самолюбіе, при его благородствѣ, возвышенныхъ понятіяхъ, побуждали его къ блистательнымъ подвигамъ; но то двусмысленное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ, вводило его въ искушеніе.

Такое положеніе, начавшееся съ самаго назначенія его начальникомъ штаба при Барклаѣ и поставившее его въ странное положеніе къ князю Багратіону, не только не измѣнилось къ лучшему, съ назначеніемъ главнокомандующимъ всѣми войсками князя Кутузова, но еще ухудшилось. Соединеніе армій въ одну, послѣдовавшее во время отступленія отъ Москвы на Калужскую дорогу, было только послѣднимъ выраженіемъ давно уже совершившагося почти на самомъ дѣлѣ предначертанія, и, конечно, лишило прежняго значенія, какъ главнокомандующаго первою арміею, такъ и его начальника штаба.

А. П. Ермоловъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять своего положенія, и нѣсколько разъ просилъ его уволить отъ занимаемой должности. Но уволить отъ должности, къ исполненію которой онъ былъ назначенъ самимъ императоромъ, князь Кутузовъ не считалъ возможнымъ своею властію и, конечно, желалъ воспользоваться его дарованіями. Онъ постоянно обходился съ нимъ съ особенною ласкою; но эта ласка представлялась только хитростію недовольному своимъ положеніемъ Ермолову. Съ желаніемъ устранить вліяніе Беннигсена, обязанности начальника штаба, силою обстоятельствъ, сосредоточивались, въ собственномъ смыслѣ, у дежурнаго генерала Коновницына, и Ермоловъ превращался въ его сотрудника и даже помощника. «Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, говоритъ Ермоловъ [1]), въ новой своей должности встрѣтившись съ дѣлами, совершенно ему незнакомыми, затрудняющими его, нашелъ облегченіе въ томъ, что препровождалъ ихъ ко мнѣ огромными кучами, чтобы подъ ними подписывалъ я приличествующія разрѣшенія. Нѣкоторое время я это исполнялъ изъ уваженія къ нему, не взирая на чрезмѣрную ограниченность его способностей. Никогда самолюбіе его не воспрещало ему раздѣлить его труды со мною, и онъ думалъ продолжать мои занятія, для него весьма выгодныя; я объяснилъ ему, что не нахожу удовольствія изыскивать зависимости, когда могу ея избавиться. Не скрывалъ въ то же время сожалѣнія, что должности его обширной и многосложной онъ исправлять не въ состояніи». Уваженіе Ермолова къ Коновницину превратилось въ недоброжелательство къ нему, лишь только онъ по своему новому положенію долженъ былъ исполнять почти тѣ же обязанности, какъ и Ермоловъ. Говоря про Коновницына, что—«онъ справедливо пріобрѣлъ

---

[1]) Записки о 1812 г. Ермолова, ч. I, стр. 223.

Библиотека "Руниверс"

извѣстность отлично храбраго и твердаго въ опасности офицера», что онъ «человѣкъ очень умный», онъ почти вслѣдъ за тѣмъ называетъ его «съ чрезмѣрно ограниченными способностями». Такое противорѣчіе, сохранившееся въ запискахъ Ермолова, которыя такъ долго и такъ много разъ онъ передѣлывалъ и переписывалъ, невольно обличаетъ то неправильное положеніе, въ которое былъ поставленъ Ермоловъ. Всѣ современники отдаютъ справедливость какъ благородному характеру, такъ и военнымъ доблестямъ Коновницына, соединеннымъ съ замѣчательною скромностію. «Этотъ человѣкъ великихъ заслугъ, характера достойнаго уваженія и замѣчательный, по неустрашимой храбрости, и хладнокровію», писалъ о немъ графъ Воронцовъ въ частномъ письмѣ къ своему отцу въ Лондонъ [1]). Между тѣмъ Ермоловъ усматриваетъ въ немъ только хитрость, какъ и въ князѣ Кутузовѣ. «До сего времени, говоритъ онъ, дѣлалъ я доклады фельдмаршалу и приказанія его отдаваемы были мною; но при новомъ порядкѣ вещей, одни только чрезвычайные случаи объяснялъ я лично ему и замѣтилъ, на сколько много перемѣнилось его прежнее особенно благосклонное ко мнѣ расположеніе. Пронырствомъ не искалъ я обратить его къ себѣ милости и воспользовался возможностію переѣхать жить въ маленькую деревню, ближайшую отъ главной квартиры; къ фельдмаршалу являлся не иначе, какъ по приказанію, съ Коновницынымъ видался не рѣдко, но чаще переписывался, отталкивая его порученія, которыя я не имѣлъ обязанности исполнять, и въ перепискѣ со мною онъ, конечно, не выигрывалъ. Безъ ошибки могу предположить, что онъ вредилъ мнѣ втайнѣ». Едва ли однако же, не ошибался въ этомъ случаѣ Ермоловъ, но онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Коновницынъ возставилъ противъ него князя Кутузова и поссорилъ его съ Толемъ, «въ дружбѣ котораго до того времени онъ не имѣлъ причины сомнѣваться». «Природа мало создаетъ людей, прибавляетъ Ермоловъ, у которыхъ наружность всегда спокойная, неразгадываемая. Коновницынъ имѣетъ лицо ко всякаго рода впечатлѣнія одинаково составленное, на которомъ является равнодушіе, улыбка уловляющей простоты, располагающая къ откровенности. Одного не можетъ онъ покорить—чувства завистливости: оно обнаруживается блѣдностію, покрывающее лицо его!» [2]).

Это нелестное для Коновницына описаніе не оправдывается ни сказаніями современниковъ, ни обстоятельствами того времени. Изъ разсказовъ самого Ермолова ясно, что онъ не хотѣлъ заниматься дѣлами

---

[1]) Письмо 9-го января 1813 г. Помѣчено рукою Аркачеева: Калишъ 16-го марта. – Ср. Левенштерна Denkwürdigkeiten etc. Часть I, стр. 259-я.

[2]) Записки Ермолова, ч. 1-я, страницы 224 и 225-я.

Библиотека "Руниверс"

совокупно съ Коновницынымъ, отталкивая ихъ отъ себя, переѣхалъ нарочно за нѣсколько верстъ отъ главной квартиры и насмѣхался надъ нимъ какъ въ разговорахъ, такъ на письмѣ. Могло ли это быть пріятно Коновницыну и могъ ли онъ равнодушно относиться къ подобному поведенію съ нимъ? По отъѣздѣ Барклая изъ арміи фельдмаршалъ объявилъ въ приказѣ, что его обязанности, какъ главнокомандующаго первою арміею, принимаетъ на себя. Въ чьемъ непосредственномъ распоряженіи оставался начальникъ штаба этой арміи? Безъ сомнѣнія Коновницынъ не могъ лично по своей волѣ пересылать дѣла и сноситься съ Ермоловымъ, какъ начальникомъ штаба первой арміи, но дѣлалъ это по приказанію фельдмаршала, какъ состоявшій при немъ дежурный генералъ,— что очень ясно видѣлъ изъ переписки съ нимъ и самъ Ермоловъ. Если къ Ермолову нѣсколько перемѣнилось прежнее благосклонное отношеніе фельдмаршала, то потому, что онъ постоянно отклонялъ отъ себя участіе въ дѣлахъ, котораго очевидно желалъ князь Кутузовъ. Беннигсенъ еще находился при арміи и былъ начальникомъ его штаба; поэтому не удаливъ его нельзя было прямо возложить его обязанности на Ермолова. Между тѣмъ послѣ удаленія изъ арміи Барклая и принятія фельдмаршаломъ его обязанностей на себя, онъ очень могъ упразднить должность начальника штаба первой арміи и дать другое Ермолову назначеніе, какъ далъ онъ графу Сенъ-При, бывшему начальнику штаба второй арміи. Не давая-же ему другаго назначенія, едва ли онъ не имѣлъ въ виду замѣнить имъ со-временемъ Беннигсена.

Но дѣйствительное положеніе дѣлъ ускользнуло отъ вниманія лицъ, поставленныхъ въ ложное и неловкое положеніе, къ числу которыхъ принадлежалъ Ермоловъ. Онъ сталъ на сторону недоброжелателей князя Кутузова, началъ хвалить Барклая и Беннигсена въ ущербъ фельдмаршалу и приписывалъ имъ всѣ успѣхи, какіе были одержаны въ это время. Ермоловъ не упоминаетъ однако-же въ своихъ запискахъ объ одномъ обстоятельствѣ, довольно важномъ, которое было прямымъ послѣдствіемъ его враждебныхъ отношеній къ генералу Коновницыну.

4-го октября Ермоловъ пріѣхалъ въ главную квартиру, гдѣ увидалъ его Коновницынъ и предупредилъ, что на другой день фельдмаршалъ предполагаетъ сдѣлать нападеніе на авангарды Мюрата, что дислокація составлена и онъ немедленно ее получитъ для приведенія въ дѣйствіе. Отталкивая отъ себя дѣла, сообщаемыя ему Коновницынымъ, Ермоловъ отвѣчалъ, что ему некогда дожидаться, что онъ долженъ ѣхать къ Кикину, который устраиваетъ сегодня обѣдъ, и дѣйствительно—немедленно уѣхалъ изъ главной квартиры. Въ слѣдъ почти за нимъ посланъ былъ къ нему съ дислокаціею офицеръ кирасирскаго полка Павловъ; но ни его, ни Кикина онъ отыскать не могъ и передалъ пакетъ его правителю канцеляріи полковнику Эйхену, который не счелъ себя вправѣ его рас-

Библиотека "Руниверс"

печатать. Поэтому части войскъ, предназначенныя къ наступательнымъ дѣйствіямъ, не получили предписаній [1]).

Вечеромъ въ 8-мъ часу самъ фельдмаршалъ пріѣхалъ изъ Леташевки въ Тарутино, чтобы распорядиться наступательными дѣйствіями. «Но къ удивленію моему, говоритъ онъ, узналъ отъ корпусныхъ гг. начальниковъ тамъ собравшихся, что никто изъ нихъ приказа даже и въ 8-мь часовъ вечера не получалъ, кромѣ тѣхъ войскъ, къ коимъ самъ баронъ Беннигсенъ прибылъ, и имъ его объявилъ, а именно второму и четвертому корпусамъ. Къ тому же начальствующіе кавалеріею генералъ-лейтенанты Уваровъ и князь Голицынъ объявили, что, не получая заранѣе приказанія, много кавалеріи послали за фуражемъ, что и съ артиллеріею было, и я, ѣхавши въ Тарутино, повстрѣчалъ артиллерійскихъ лошадей, веденныхъ на водопой».—Это обстоятельство привело фельдмаршала въ такое раздраженіе, въ какомъ, говоритъ состоявшій безсмѣннымъ ординарцемъ князь Голицынъ, «никогда его не видѣлъ. Все оборвалось на бѣдномъ Эйхенѣ, который безъ вины сдѣлался виноватъ» [2]). Но безъ сомнѣнія князь Кутузовъ скоро узналъ, кто былъ дѣйствительно виноватъ. Мы привели выше начало изъ приказа генералу Ермолову, подписаннаго въ самый день Тарутинскаго сраженія. Этотъ приказъ заключался такъ: «сіи причины къ прискорбію моему понудили отложить намѣреніе наше атаковать сего числа непріятеля, что должно было быть произведено на разсвѣтѣ, и все сіе произошло отъ того, что приказъ весьма поздно доставленъ къ войскамъ. Ваше превосходительство раздѣляете со мною всю важность такого случая, и я не могу оставить безъ разслѣдованія причины сего. Каковое упущеніе вамъ изслѣдовать предписываю и буду ожидать немедленно вашего о семъ донесенія» [3]).

Удачный, хотя и не въ той мѣрѣ какъ могъ ожидать фельдмаршалъ, исходъ Тарутинскаго сраженія, нѣсколько его успокоилъ, но тѣмъ не

---

[1]) Bernhardi Denkwürdigkeiten aus dem Leben gr. Toll ч. II. стр. 216 и 217. Онъ говоритъ, что Павловъ отыскалъ его въ одной изъ деревень за лѣвымъ крыломъ лагеря, поздно вечеромъ, когда уже не было возможности сдѣлать необходимыя распоряженія. Но князь Голицынъ говоритъ, что Ермоловъ обѣдалъ у Шепелева, который съ первой бригадой гвардейскихъ кирасиръ стоялъ на правомъ флангѣ, и не отыскавъ его Павловъ передалъ пакетъ Эйхену (Записки князя А. Б. Голицына); точно также Бернарди говоритъ, что въ Тарутино пріѣхалъ фельдмаршалъ рано утромъ 5-го (17-го) октября, (стр. 217) князь же Голицынъ пишетъ, что вечеромъ 4-го, и это подтверждаетъ и приказъ самого князя Кутузова Ермолову. (Записки т. I, прилож. стр. 255-я). Всѣ эти разнорѣчія въ подробностяхъ не измѣняютъ главнаго обстоятельства, что приказъ не былъ полученъ войсками во-время. Левенштернъ Denwürdigkeiten etc. ч. 1-я, стр. 253-я.

[2]) Записки князя Голицына о войнѣ въ 1812 году.

[3]) Приказъ князя Кутузова октября 5-го дня 1812 г. № 22.

Библиотека "Руниверс"

менѣе не дозволилъ преслѣдовать отступающаго Мюрата. Несмотря на усиленныя просьбы окружавшихъ его генераловъ, онъ сказалъ: «коль скоро мы не успѣли вчера живымъ схватить и сегодня придти во-время (ибо нѣкоторые корпуса опоздали, дѣлая переходъ ночью), на тѣ мѣста, которыя были назначены, то преслѣдованіе не принесетъ пользы, и потому ненужно: это только отдалитъ насъ отъ позиціи и отъ операціонной нашей линіи» [1]).

Къ какимъ послѣдствіямъ привело порученное фельдмаршаломъ Ермолову изслѣдованіе? Безъ сомнѣнія, фельдмаршалъ узналъ настоящаго виновника! Нѣкоторые изъ современниковъ говорятъ, что онъ извинился передъ Эйхеномъ и хотѣлъ немедленно удалить Ермолова; но что именно Коновницынъ успѣлъ смягчить его справедливое раздраженіе противъ человѣка, къ которому прежде онъ питалъ особое расположеніе. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ обходился съ Ермоловымъ по-прежнему ласково, но не употреблялъ его по штабу.

Штабы армій составляютъ интеллигенцію войска, какъ-бы цвѣтъ военной образованности: къ нимъ примыкаютъ всѣ вліятельныя лица, въ войскахъ, они даютъ направленіе взглядамъ и сужденіямъ о ходѣ дѣлъ. Но мало того, что штабные руководятъ современными мнѣніями, они имѣютъ вліяніе на взгляды послѣдующихъ поколѣній. Кто же какъ не болѣе образованныя лица войскъ, записывая событія, оставляютъ потомкамъ свои воспоминанія, которыя и служатъ имъ, какъ показанія очевидцевъ и участниковъ, лучшими источниками для науки, исторіи. Характеръ штабовъ тѣхъ войскъ, которыми долженъ былъ предводительствовать князь Кутузовъ, кажется съ достаточною ясностію выступаетъ изъ тѣхъ условій, которыя мы изложили и объясняетъ цѣлый рядъ противорѣчащихъ мнѣній и сужденій объ однихъ и тѣхъ же происшествіяхъ, и о всей вообще кампаніи 1812 года. Наибольшая часть изъ нихъ сходятся въ одномъ—въ желаніи порицать всѣ дѣйствія князя Кутузова. Къ этой части штаба присоединился графъ Растопчинъ. При выѣздѣ изъ оставленной Москвы и послѣ неловкаго для обоихъ свиданія съ княземъ Кутузовымъ у Яузскаго моста 2-го сентября вечеромъ, графъ Растопчинъ присоединился къ свитѣ Барклая-де-Толли. Какъ ни тяжело ему было находиться въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ къ князю Кутузову, котораго онъ возненавидѣлъ съ этого времени, но онъ считалъ своею обязанностію какъ генералъ-губернаторъ Москвы, быть при войскахъ, пока они будутъ находиться въ предѣлахъ Московской губерніи.

«Графъ Растопчинъ, говоритъ Вольцогенъ, присоединился къ намъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Коломенской дороги мы замѣтили боль-

---

[1]) Bernhardi тамъ-же стр. 217 и 218; Записки кн. Голицына о войнѣ 1812.

Библиотека "Руниверс"

шой обозъ подводъ, сопровождаемыхъ солдатами, а когда они приблизились къ намъ, я замѣтилъ, что это были московскія пожарныя трубы. Удивленный, я спросилъ графа, съ какою цѣлію онъ велѣлъ вывезть ихъ.

— Я имѣлъ на это очень основательныя причины, отвѣчалъ онъ и поспѣшилъ прибавить: но что касается до меня лично, то я вывезъ изъ Москвы только лошадь, на которой сижу, и платье, въ которомъ одѣтъ.

Писатель-иностранецъ насмѣшливо замѣчаетъ, что, отъѣхавъ въ дурномъ расположеніи духа отъ князя Кутузова и присоединившись къ Барклаю, графъ Растопчинъ повидимому уже не считалъ его н ѣ м ц е м ъ или иностранцемъ, къ которому долженъ относиться съ недовѣріемъ истинный русскій сынъ православной церкви [1]).

Неудачная насмѣшка; не ко всякому нѣмцу или иностранцу, особенно русскому подданному, даже и въ это время, относится съ недовѣріемъ и русскій народъ, а тѣмъ болѣе графъ Растопчинъ; онъ дѣйствительно относился прежде съ недовѣріемъ къ воинскимъ дарованіямъ Барклая и не считалъ его способнымъ быть главнокомандующимъ русскими войсками, но не поддавался вліянію молвы, обвинявшей его въ измѣнѣ. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствительно относился нѣсколько недовѣрчиво къ Вольцогену, въ обществѣ котораго ему пришлось теперь находиться однако довольно долго. У него былъ поводъ присоединиться къ свитѣ Барклая, такъ какъ его сынъ находился при немъ въ качествѣ адъютанта. Но, конечно, другая причина привела его именно къ этому сопернику Кутузова. Возненавидѣвъ фельдмаршала, графъ Растопчинъ какъ истинно преданный человѣкъ императору Павлу, питалъ глубокое отвращеніе и къ Беннигсену; къ тому же кромѣ Барклая, котораго честность и благородство никогда не подвергались сомнѣнію, онъ въ то время къ другому и не могъ примкнуть. Этотъ поступокъ былъ только продолженіемъ тѣхъ откровенныхъ бесѣдъ, которыя онъ велъ съ нимъ на Поклонной горѣ, передъ военнымъ совѣтомъ въ Филяхъ, и которыя его сблизили съ нимъ въ общемъ нерасположеніи къ князю Кутузову. Это сближеніе не прекратилось и впослѣдствіи, когда, оставивъ главную квартиру, графъ Растопчинъ жилъ во Владимірѣ, и Барклай-де-Толли, удаляясь отъ арміи, посѣтилъ его тамъ. Онъ намѣревался пробыть у него не болѣе часу, но, увлеченный его бесѣдой, говоритъ А. Булгаковъ, пробылъ у него отъ 8 часовъ утра до 9 по полудни. Оба сіи знаменитые мужа имѣли свои доли заботъ, свои доли огорченій, своихъ недоброжелателей, и эти обстоятельства не мало способствовали къ сближенію ихъ и къ утвержденію между ними искренней пріязни. Растопчинъ всегда отдавалъ должную справедливость достоинствамъ Барклая-де-Толли, и въ то время, когда почти вся Россія единогласно

[1]) Шнитцлеръ Rostopchine et Kortousof. Т. III стр. 172—173.

Библиотека "Руниверс"

обвиняла его за отступленіе отъ границы имперіи до Можайска, безъ боя.

Въ то время, какъ въ огорченномъ отечествѣ нашемъ многіе даже осмѣливались подозрѣвать преданность его къ Россіи, Растопчинъ всегда защищалъ его [1]). Дѣйствительно, графъ Растопчинъ постоянно защищалъ Барклая какъ человѣка, но съ этого времени началъ защищать его и какъ главнокомандующаго, хотя и не безусловно, какъ это доказываютъ письма его къ императору, писанныя послѣ оставленія имъ Москвы и до пріѣзда его во Владиміръ. Эти письма составляютъ дополненіе и поясненіе тѣхъ извѣстій, которыя сообщаемы были государю Барклаемъ, Беннигсеномъ и Вильсономъ и которыя мы привели. Они сходны съ ними по направленію и содержанію и отличаются лишь еще большею жизнью и рѣзкостію и еще отчетливѣе изображаютъ общій характеръ главной квартиры дѣйствующихъ войскъ.

«Оставленіе Москвы поразило всѣхъ. писалъ Растопчинъ государю, черезъ нѣсколько дней послѣ выѣзда изъ Москвы.—Солдаты упали духомъ и потеряли надежду. Дѣйствительно странно, что послѣ такого постыднаго отступленія въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, непріятель, доведенный до крайности и потерпѣвшій пораженіе во всѣхъ сраженіяхъ, которыя ему давали, сдѣлался обладателемъ вашей столицы. Надо опасаться двухъ слуховъ, распространенныхъ въ войскахъ. Одинъ, что Кутузовъ, оставляя Москву непріятелю, исполнялъ только ваши повелѣнія; другой, что вы съ намѣреніемъ попускаете Бонапарта проникать въ ваши владѣнія, чтобы провозгласить въ нихъ свободу отъ вашего имени. Генералы ожесточены, офицеры громко говорятъ, что стыдно носить мундиръ, солдаты не составляютъ болѣе арміи, но шайку разбойниковъ и грабятъ въ виду своихъ начальниковъ. Въ это самое время, въ 50-ти верстахъ отсюда страна разорена совершенно и гвардія одинаково дѣйствуетъ съ другими. Разстрѣливать невозможно, потому что нельзя предавать смерти по нѣсколько тысячъ въ день. Все превратилось въ интригу. Беннигсенъ желаетъ быть главнокомандующимъ, онъ увѣряетъ, что только одинъ противился оставленію Москвы, и хочетъ написать объ этомъ сочиненіе. Онъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Панинымъ, который ѣздилъ повидаться съ нимъ въ армію, и съ Зубовымъ въ Петербургъ. Пообдумайте, государь, еще есть время. Эти три человѣка никогда вамъ не простятъ обманутой надежды—управлять имперіею и вами. Барклай настаивалъ, чтобы оставили Москву на жертву непріятелю, и тѣмъ хотѣлъ, можетъ быть, заставить забыть потерю Смоленска. Князь Кутузовъ не существуетъ болѣе, его никто не видитъ, онъ все

[1]) Разговоръ Неаполитанскаго короля Мюрата съ графомъ Милорадовичемъ. Статья А. Булгакова. «Москвитянинъ» 1843 г. т. I-й стр. 511-я.

Библиотека "Руниверс"

лежитъ, много спитъ, солдаты его презираютъ и ненавидятъ. Онъ ни на что не рѣшается. Его весьма занимаетъ молоденькая дѣвушка, переодѣтая казачкомъ. Оставивъ Москву, онъ направился по Коломенской дорогѣ, затѣмъ перешелъ на Тульскую и теперь не можетъ рѣшиться двинуть войска на Калужскую, чтобы перерѣзать сообщенія непріятеля съ Смоленскомъ и воспользоваться продовольствіемъ, заготовленнымъ въ Калугѣ и Орлѣ. Онъ даже разсчитываетъ дать сраженіе, на что никогда не рѣшится. Онъ оправдываетъ это тѣмъ, что надо сохранить армію. Но если она должна отступать постоянно, то онъ потеряетъ ее очень скоро. Я убѣжденъ, что Бонапартъ ускользнетъ отъ него въ то самое время, когда онъ наименѣе будетъ того ожидать; двинувшись на Тверь, гдѣ есть магазины, онъ произведетъ тревогу въ Петербургѣ, двинувшись на Порѣчье онъ достигнетъ Бѣлоруссіи, не встрѣтивъ никакого препятствія. Онъ можетъ остановиться тамъ на зимнія квартиры, возвратиться въ Парижъ, овладѣвъ Смоленскомъ и разрушивъ Москву, приготовиться къ новой кампаніи на будущій годъ. Безпорядокъ, господствующій въ вашихъ войскахъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Они загромождены багажемъ, есть даже солдаты, у которыхъ имѣются подводы съ проводниками крестьянами для добычи, награбленной въ своемъ же отечествѣ. Не знаютъ, гдѣ находятся генералы; однажды по диспозиціи князю Дмитрію Голицыну назначено было вести колонну кавалеріи и только на другой день замѣтили, что онъ находится въ 40 верстахъ въ аріергардѣ съ Милорадовичемъ. Кайсаровъ и Кудашевъ дѣлаютъ все и отъ нихъ зависитъ ваша судьба и вашей имперіи. Такъ какъ господствуетъ мнѣніе, что Кутузовъ дѣйствуетъ по вашимъ предписаніямъ, и взятіе Москвы безъ боя поразило всѣхъ ужасомъ, то необходимо для предупрежденія возстанія, чтобы этотъ старый, выжившій изъ ума и пошлый куртизанъ былъ отозванъ и наказанъ, или послѣдуютъ неисчислимыя несчастія. Вчера даже въ имѣніи Мамонова, недалеко отсюда, явились мародеры; ихъ выгнали, а двое крестьянъ проповѣдывали бунтъ, говоря, что они теперь принадлежатъ не графу Мамонову, не вамъ, потому что Бонапартъ въ Москвѣ, и слѣдовательно онъ государь. Ради Бога, не лишайте меня вашей довѣренности; я довольно сдѣлалъ, чтобы ее заслужить, и я вамъ вѣрный слуга. Назначьте немедленно людей съ именемъ, извѣстныхъ, дайте имъ полномочіе сообразно съ чрезвычайными обстоятельствами и пошлите ихъ по всѣмъ губерніямъ для наблюденія за спокойствіемъ и для поддержанія порядка. Бонапартъ нашелъ только развалины и пепелъ, онъ захочетъ отомстить за это и употребитъ все, чтобы этого достигнуть. Какъ бы ни окончилась война, вамъ придется кормить до трехъ милліоновъ человѣкъ, у которыхъ ничего нѣтъ и которые не успѣли произвести озимые посѣвы. Бросьте вы эти несчастныя финансовыя системы, внушенныя вашимъ

Библиотека "Руниверс"

врагомъ, и прикажите сдѣлать выпускъ ассигнацій. Это единственное средство выйти изъ затрудненій. Я нахожусь при арміи, неся смерть въ душѣ, вижу ее въ разстройствѣ, крестьянъ разоренными, сообщенія прерванными, нѣтъ предводителя и некѣмъ его замѣнить. Вотъ уже въ другой разъ общественное мнѣніе обманулось въ своемъ выборѣ. Каменскій—сумасшедшій, а Кутузовъ—старая баба сплетница, потерявшій голову и воображающій сдѣлать что-нибудь, ничего не дѣлая» [1]).

Графъ Растопчинъ, пріѣхавъ въ главную квартиру, сразу понялъ, что въ ней интрига широко свила свое гнѣздо и всѣхъ запутываетъ своими сѣтями; но какъ эта интрига главнѣйшимъ образомъ была направлена на князя Кутузова, противъ котораго онъ былъ раздраженъ, то онъ безотчетно подчинился не только ея вліянію, но сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ ея орудій. Оставленіе Москвы, съ которою, по его воззрѣнію, неразрывно соединялось существованіе Россіи и его личное значеніе, до такой степени потрясло его, что все представлялось ему въ мрачномъ видѣ и только предвѣщало бѣдствія. Каждый частный случай, иногда ничтожный безпорядокъ, онъ возводилъ въ общее правило и рисовалъ картину гораздо мрачнѣе даже той, которую начертило опечаленное воображеніе Барклая. Не считая нужнымъ опровергать подробно показанія графа Растопчина о разстройствѣ арміи и упадкѣ ея духа, потому что они исключительно принадлежатъ ему и ничѣмъ не подтверждаются, мы считаемъ однако нужнымъ привести нѣсколько выдержекъ изъ писемъ его поклонника, человѣка находившагося въ одномъ съ нимъ обществѣ въ это время,—сира Роберта Вильсона.

Прибывъ въ армію въ то время, когда она совершала фланговое движеніе съ Рязанской дороги на Калужскую, онъ писалъ государю: «Занявшись отправленіемъ депешъ къ англійскому послу въ Константинополь, съ цѣлью предупредить дѣйствіе ложныхъ разглашеній непріятеля, я не могъ обозрѣть, какъ бы мнѣ хотѣлось, состояніе арміи вашего величества; но съ особеннымъ удовольствіемъ могу васъ увѣрить, что духъ, ее оживляющій, и ежедневное приращеніе силъ дѣлаютъ ее способною ко всякому сраженію съ непріятелемъ, между тѣмъ какъ непріятельская переписка и разговоры съ плѣнными, почти ежедневно приводимыми, служатъ для меня неоспоримымъ доказательствомъ, какъ обмануты ихъ надежды по занятіи Москвы и до какой степени увеличилось ихъ затруднительное положеніе, чрезъ ослабленіе силъ отъ потери въ сраженіяхъ, болѣзней и дѣятельности нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ, нынѣ окружающихъ городъ и совершенно перервавшихъ ихъ сообщенія

[1]) Письмо графа Растопчина 8-го сентября 1812 г., изъ деревни Кутузовой, по Тульской дорогѣ, въ 34 верстахъ отъ Москвы.

Библиотека "Руниверс"

съ Польшею... Теперь нѣтъ ни одного офицера, ни солдата, которые бы не радовались тому, что непріятель занялъ Москву, будучи увѣрены въ томъ, что пожертвованіе этимъ городомъ будетъ имѣть послѣдствіемъ избавленіе вселенной отъ тиранской власти, столь долго продолжавшейся... По коммисаріату порядокъ чрезвычайный и пища солдатская какъ нельзя быть лучше. Памятуя, что было прежде (т. е. когда командовалъ арміею въ 1807 году Г. Беннигсенъ), нынѣ не могу довольно похвалить артельныхъ котловъ... Сдѣланное мною объявленіе о твердой рѣшимости вашего величества продолжать войну дотолѣ, пока хоть одинъ вооруженный непріятель останется въ вашихъ владѣніяхъ, принято было въ арміи съ такимъ удовольствіемъ, что одержанная побѣда, безъ потери друга или товарища, не произвела бы такого общаго удовольствія. Самые изгнанники изъ Москвы, несмотря на свои бѣдствія и горести, проливали слезы радости, услышавши о постоянномъ попеченіи вашимъ о славѣ Россійской имперіи» [1]).

Нѣсколько дней спустя, когда еще продолжалось фланговое движеніе, и Вильсонъ могъ больше ознакомиться съ состояніемъ войскъ, онъ писалъ императору: «Съ особеннымъ удовольствіемъ могу увѣрить ваше величество, что армія неослабно оживлена воинскимъ духомъ въ высочайшей степени, что подкрѣпленія къ ней подходятъ въ большомъ количествѣ, что она изобилуетъ хлѣбомъ, мясомъ и водкою» [2]). Тоже самое писалъ сиръ Р. Вильсонъ и къ лорду Каткарту. «Духъ арміи весьма хорошъ, всѣ съ нетерпѣніемъ желаютъ дѣйствовать наступательно» [3])

Сравнивая эти показанія съ тѣми, которыя изложены въ письмѣ къ императору графа Растопчина, могло бы невольно возникнуть сомнѣніе, относятся ли они къ одной и той же арміи и къ одному ли и тому же времени. Но подобное сомнѣніе невозможно и потому остается только пожалѣть о болѣзненномъ состояніи графа Растопчина, въ которомъ онъ дѣйствительно находился въ это время. Въ письмахъ Р. Вильсона не находится даже помину о дезертирахъ изъ русской арміи, а между тѣмъ они дѣйствительно были. Дезертирство началось въ довольно значительныхъ размѣрахъ, особенно послѣ отступленія нашихъ войскъ отъ Смоленска. Оно было прекращено мѣрами, принятыми княземъ Кутузовымъ, по прибытіи его къ войскамъ, и особенно тѣмъ новымъ духомъ, который оживилъ армію съ этого времени. Но послѣ оставленія Москвы, хотя признаки побѣговъ обнаружились снова, но очевидно въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ и такъ скоро прекратились, что даже сиръ Робертъ Вильсонъ, находившійся постоянно въ той сферѣ, куда стекались

[1]) Письмо с. Р. Вильсона императору 13-го (25-го) сентября 1812 г. Красная Пахра.

[2]) Его письмо императору 15-го (27-го) сентября.

[3]) Письмо с. Р. Вильсона лорду Каткарту 16-го (28-го) сентября.

Библиотека "Руниверс"

и гдѣ повторялись всѣ слухи, которые хотя сколько-нибудь могли быть употреблены ко вреду фельдмаршала, не говоритъ о нихъ ни слова ни въ донесеніяхъ императору, ни въ письмахъ къ лорду Каткарту, ни въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ.

Между тѣмъ Вильсонъ указываетъ въ письмахъ императору на другія замѣченныя имъ безпорядки въ войскахъ. «Съ грустью я считаю долгомъ сообщить вашему величеству, что то же нерадѣніе, которое отъ Смоленска подвергало вашу армію опасности, продолжается и до сихъ поръ. Когда я смотрю на это собранное ополченіе, построенное въ ордеръ баталіи, то не сомнѣваюсь въ побѣдѣ, но когда вижу его на походѣ, то смущаюсь духомъ и трепещу о его безопасности. Необходимо нужно, чтобы вы изволили предписать и строго подтвердить, чтобы при каждомъ предпринимаемомъ движеніи войскъ, составлялись бы особые отряды піонеровъ, которые должны находиться при каждомъ мосту. Такіе отряды могли бы составляться изъ піонеровъ разныхъ корпусовъ, по мѣрѣ того какъ они подходятъ; но необходимо, чтобы было сдѣлано объ этомъ распоряженіе и строго исполнялось».

Приведенная выписка изъ писемъ с. Р. Вильсона, писанныхъ одно черезъ шесть дней послѣ другого, уже показываетъ, до какой степени безпорядокъ, на который онъ указываетъ, былъ случайнымъ и кратковременнымъ. Указывая императору на такой безпорядокъ, могъ ли онъ умолчать о дезертирахъ, если бы они были въ значительномъ числѣ и притомъ грабили свою страну. Не знать объ этомъ обстоятельствѣ онъ не могъ: онъ получалъ свѣдѣнія изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и графъ Растопчинъ. Всѣ эти свѣдѣнія сосредоточивались въ кружкахъ барона Беннигсена и Барклай-де-Толли, въ которыхъ вращались и Р. Вильсонъ и графъ Растопчинъ. Есть извѣстія, весьма, впрочемъ, вѣроятныя, что при переходѣ войскъ черезъ Москву, въ ней затерялось нѣкоторое количество солдатъ. Можетъ быть побудительная причина заключалась и въ желаніи схватить на ходу что-нибудь изъ имущества, оставленнаго на жертву непріятеля, то и въ этомъ явленіи не было ничего особеннаго, а тѣмъ болѣе ужаснаго. Но если при этомъ обратить вниманіе на то, что многіе лавочники и торговцы сами зазывали солдатъ, предлагали имъ свои товары, чтобы только они не доставались непріятелю—то это явленіе представляется весьма естественнымъ и не можетъ быть названо грабежомъ. Притомъ же за нашими войсками по-пятамъ шелъ непріятель, а потому очень вѣроятно показаніе нѣкоторыхъ изъ современниковъ, что довольно значительное число солдатъ осталось въ Москвѣ въ то время, когда она была занята непріятелемъ. Безъ сомнѣнія, большая часть изъ нихъ, въ первые же дни занятія Москвы, вышла изъ столицы, какъ выходили многіе изъ ея обывателей.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Растопчинъ съ болѣзненно настроеннымъ воображеніемъ, придавалъ огромные размѣры этимъ частнымъ и неважнымъ явленіямъ, предусматривалъ возможность междоусобной войны и политическаго возмущенія и совѣтовалъ императору принять чрезвычайныя мѣры «для наблюденія повсюду за спокойствіемъ и для наблюденія за порядкомъ». Какъ бы болѣзненно ни отозвалось на душѣ графа Растопчина оставленіе Москвы, онъ не могъ бы придти къ подобнымъ мнѣніямъ и подозрѣніямъ, если бы и прежде, когда былъ здоровъ и душой и тѣломъ, онъ не питалъ такихъ же подозрѣній. Во время своего начальства въ Москвѣ, онъ не только постоянно опасался, что Наполеонъ можетъ возбудить народъ къ возстанію, объявивъ его свободнымъ отъ крѣпостной зависимости, но и преслѣдовалъ лицъ совершенно невинныхъ, воображаемый имъ заговоръ мартинистовъ. Не открывъ, конечно, несуществовавшаго заговора и принеся за эти неудачи кровавую жертву въ лицѣ Верещагина, онъ вообразилъ новый заговоръ, безъ сомнѣнія такъ же несуществовавшій, какъ и первый. Не временное и случайное настроеніе духа, вслѣдствіе чрезвычайнаго происшествія, какъ оставленіе Москвы на жертву непріятелю, послужило поводомъ къ тому, что онъ рѣшился сообщить императору подобныя извѣстія, но таково было постоянное направленіе мыслей у графа Растопчина, а въ это время только усиленное и раздраженное еще болѣе современными обстоятельствами. Какъ въ Москвѣ онъ безпрестанно наблюдалъ за направленіемъ умовъ, собиралъ даже выходки и слова какихъ-нибудь бродягъ въ отдаленныхъ харчевняхъ, сказанныхъ подъ пьяную руку, принималъ ихъ за признаки напередъ составленныхъ имъ понятій о настроеніи народа, такъ и въ это время разговоръ двухъ крестьянъ изъ деревни графа Мамонова можетъ быть и дѣйствительно происходилъ, но не имѣлъ ровно никакого значенія, а Растопчинъ возвелъ его въ признакъ возможнаго и вѣроятнаго бунта. На такомъ болѣзненномъ явленіи, конечно, не должно бы и останавливаться исторія, если бы это не была хроническая болѣзнь нашей администраціи; если бы это писалъ не московскій генералъ-губернаторъ и не къ императору.

Что такое настроеніе духа графа Растопчина было не временнымъ и случайнымъ, подтверждаютъ это и послѣдующія его письма къ государю. Нѣсколько дней спустя изъ Красной Пахры онъ писалъ ему: «Послѣ моего послѣдняго донесенія ничего не случилось новаго. Та же нерѣшительность и ничтожность главнаго начальника войскъ. Вчера хотѣли сдѣлать нападеніе на корпусъ въ 600 человѣкъ непріятелей, находившійся въ 13-ти верстахъ отсюда. Были въ тотъ же день даны приказанія, а въ 6 часовъ вечера отмѣнены. Около трехъ дней у войскъ почти нѣтъ продовольствія, потому что запасы,

Библиотека "Руниверс"

собранные въ Калугѣ, были направлены безъ вѣдома Ланскаго сначала на Владиміръ, потомъ на Рязань, а затѣмъ опять на Калугу. Эти распоряженія были сдѣланы 29-го, что служитъ доказательствомъ, что князь Кутузовъ тогда уже рѣшился оставить Москву. Я въ отчаяніи отъ того, что онъ такъ предательски дѣйствовалъ въ отношеніи меня; потому что, будучи лишенъ возможности сохранить городъ, я бы сжегъ его, чтобы не дать повода Бонапарту хвастаться, что онъ его взялъ, ограбилъ, а потомъ сжегъ. Я бы отнялъ у нихъ добычу всей ихъ кампаніи, а пепелъ столицы показалъ бы имъ, что всѣ сокровища міра были для нихъ потеряны; я заставилъ бы ихъ понять, съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло». Если бы князь Кутузовъ и дѣйствительно съ нимъ поступилъ предательски, какъ выражается графъ Растопчинъ, и скрылъ отъ него свое рѣшеніе оставить Москву безъ боя, то приведенныя строки совершенно оправдываютъ его образъ дѣйствій. Предупреди онъ его объ этомъ рѣшеніи—и русскія войска очутились бы между наступающею непріятельскою арміею и пылающею столицею. Могъ ли бы тогда такъ удачно совершить князь Кутузовъ отступленіе на Калужскую дорогу? Не преслѣдовалъ ли бы его непріятель со всѣми силами? Успѣли ли бы русскія войска преобразоваться и устроиться такъ, какъ они устроились въ продолжительную стоянку въ тарутинскомъ лагерѣ? Могъ ли бы тогда Наполеонъ питать надежду, что война окончена, что онъ заключитъ миръ и въ этомъ ожиданіи могъ ли бы онъ оставаться въ бездѣйствіи такъ долго? Трудно, конечно, предположить, какой оборотъ могла принять война въ этомъ случаѣ; но несомнѣнно то, что всѣ предположенія фельдмаршала и императора были бы совершенно разрушены. Такой образъ дѣйствій могъ доказать только глубокую способность князя Кутузова понимать людей, незнакомыхъ ему лично, какъ графъ Растопчинъ, но немногимъ ихъ словамъ и дѣйствіямъ. Конечно, поползновеніе сжечь Москву со стороны графа Растопчина было ему извѣстно изъ письма его къ князю Багратіону, о которомъ слухъ прошелъ по войскамъ; и онъ понялъ, что московскій главнокомандующій способенъ рѣшиться на эту мѣру, вовсе не принимая въ соображеніе, какое она можетъ оказать вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ какой мѣрѣ князь Кутузовъ желалъ предупредить возможность сожженія Москвы, пока еще ея не занялъ непріятель, въ такой же онъ радовался и гордился впослѣдствіи, когда ея пламя объяло Наполеона съ его войсками и лишило ихъ той добычи и удобной стоянки, которыхъ они съ нетерпѣніемъ ожидали.

Это обстоятельство подтверждаетъ и самъ графъ Растопчинъ въ томъ же самомъ письмѣ, говоря далѣе: «Перехваченныя письма съ однимъ французскимъ курьеромъ на Можайской дорогѣ доказываютъ, что непріятель потерялъ 30 тысячъ при Бородинѣ и 300 офицеровъ и гене-

Библиотека "Руниверс"

раловъ, выбывшихъ изъ строя; они жалуются, что найденная ими добыча въ Москвѣ была незначительна, что у нихъ только и есть продовольствія на десять дней, что они никакой уже не имѣютъ надежды на миръ, что русскіе хуже готтовъ и тому подобныхъ ихъ знаменитыхъ предковъ, что съ ними ничего не подѣлаешь, если они будутъ повиноваться своимъ сумасбродамъ и поджигателямъ, какъ Растопчинъ и ему подобные.

«Вотъ уже дня четыре Кайсаровъ подписываетъ всѣ бумаги, поддѣлывая подпись Кутузова, чтобы съ нимъ никто не могъ видѣться. Онъ только ѣстъ и спитъ цѣлый день. Беннигсенъ относится о немъ превнтельно. Барклая онъ не принимаетъ; что касается до меня, то я видѣлъ его только одинъ разъ, въ день оставленія Москвы. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что 31 (августа) велѣлъ помѣстить въ дневномъ приказѣ, что 2-го (сентября) онъ будетъ въ Москвѣ, и назначилъ полки, которые должны составлять его гвардію Здѣсь все разглашается, что бы ни дѣлалось, такъ что самому неважному шпіону очень легко узнать все. Демидовъ, который находится при Беннигсенѣ и его кормитъ, выпросилъ у французовъ охранную стражу для своего дома въ Москвѣ, который не былъ ни ограбленъ, ни сожженъ, и онъ обѣщалъ даже свое покровительство другимъ и получаетъ изъ Москвы письма; но какъ здѣсь ни на что не обращаютъ вниманія, то и оставляютъ въ покоѣ эту переписку.

«Ушаковъ привелъ изъ Калуги 6.000 прекраснаго войска и 1.200 конницы. Лобановъ прибудетъ сюда черезъ шесть дней съ восмью полками. Ополченіе шести губерній восходитъ до 80.000 человѣкъ. Въ Тульскомъ ополченіи находятся два великолѣпныхъ конныхъ полка, по 1.200 человѣкъ каждый, составленныхъ генералъ-майоромъ княземъ Щербатовымъ, и сверхъ того тульское дворянство для поддержанія этой конницы, по желанію князя Кутузова, пожертвовало еще 1.500 лошадей.

«Непріятель долженъ здѣсь погибнуть, но не Кутузовъ выроетъ ему могилу. Надѣйтесь, государь, на Бога, ваше дѣло правое, это дѣло отечества, но чтобы не было мира, это было бы смертельный приговоръ для насъ, и для васъ».

Ближе присмотрѣвшись къ тому состоянію войскъ, въ какомъ они находились въ это время, Растопчинъ не говоритъ уже болѣе о безпорядкахъ, угрожающихъ гибелью Россіи; но усматриваетъ возможность погибели французовъ, и, оставаясь вѣрнымъ въ своей ненависти къ Кутузову, полагаетъ, что не ему суждено вырыть имъ могилу. Полученное Растопчинымъ въ это время письмо отъ императора успокоило его еще болѣе. Не задолго до полученія отъ него извѣстія о сдачѣ Москвы, онъ писалъ ему: «Я вѣрно получилъ всѣ ваши письма, включительно съ письмомъ отъ 29 августа. Я не могу вамъ достаточно выразить мое удовольствіе къ тому способу, какъ вы исполняете ваши обязанности, я радуюсь болѣе, нежели когда нибудь, что мой выборъ палъ на васъ при

Библиотека "Руниверс"

назначеніи главнокомандующаго въ Москву. Вы оказываете мнѣ существенныя заслуги, которыя никогда забыты не будутъ. Вы можете себѣ представить, что я испытываю; но моя вѣра въ Божественное Провидѣніе, храбрость моихъ войскъ и мирное направленіе нашего достойнаго уваженія народа меня подкрѣпляютъ.—Съ непреклонной рѣшимостію и съ Божіею помощію, мы побѣдимъ это чудовище, которое приводитъ въ отчаяніе всю Европу. Сообщайте мнѣ обо всемъ, что дѣлается» [1]).

Одобреніе вообще его образа дѣйствій императоромъ, который впрочемъ не зналъ еще въ это время о многомъ случившемся въ послѣдніе дни, передъ оставленіемъ Москвы, напримѣръ объ участи Верещагина, конечно успокоило Растопчина и убѣдило еще болѣе, что онъ дѣйствовалъ какъ слѣдовало при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Но это убѣжденіе, которое впрочемъ никогда его не покидало, еще болѣе укрѣпило его ненависть къ Кутузову, котораго онъ считалъ главною причиною, воспрепятствовавшею ему блистательно завершить свой подвигъ служенія отечеству въ это время, т. е. сжечь Москву, прежде нежели прошли черезъ нее наши войска. На письмо императора графъ Растопчинъ отвѣчалъ: «Государь! я имѣлъ счастіе получить письмо вашего императорскаго величества отъ 5 числа этого мѣсяца. Чувство грусти, угнетающее меня въ виду несчастій, которыми наказываетъ насъ Провидѣніе, не препятствуетъ мнѣ однако же ощущать радость, убѣдившись, что моя служба заслужила ваше одобреніе. Признательность монарха составляетъ самую лучшую награду для вѣрноподданнаго, преданнаго своему государю. Князь Кутузовъ продолжаетъ ничего не дѣлать и мѣшаетъ другимъ дѣлать что нибудь. Войско вашего величества, состоящее изъ 100 тысячъ человѣкъ, продолжаетъ позорно отступать передъ небольшимъ отрядомъ фуражировъ. Вчера Милорадовичу данъ былъ приказъ атаковать, такъ называемую, непріятельскую армію, которая едва состоитъ изъ 8.000 человѣкъ, большею частію конницы и съ 5 пушками. Этотъ корпусъ отбросили, и Милорадовичъ, подвинувшись на 6 верстъ, расположилъ свои передовые ведеты на другомъ берегу Пахры. Взяли нѣсколько плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ Потоцкаго, адъютанта Понятовскаго, сына сенатора Ивана. Сегодня утромъ приказано было корпусу Остермана напасть на Мюрата, который находится противъ него съ ничтожными силами. Я не знаю, чѣмъ это кончится, но уже дано приказаніе обозамъ отойти къ Нарѣ, за 26 верстъ отсюда, куда мы двинемся вѣроятно завтра.

«Непріятель посылаетъ отряды во всѣ стороны, чтобы достать продовольствіе, и производитъ тревогу. Они говорятъ и пишутъ, что имъ нечего ѣсть, что они страдаютъ уже отъ холода и приходятъ въ ужасъ

---

[1]) Письмо императора графу Растопчину 5-го сентября 1812 года.

Библиотека "Руниверс"

отъ мысли о томъ, чего они должны ожидать еще въ будущемъ? Они разчитывали на миръ, и сердятся, что ихъ ожиданіе не сбылось.

«Духъ народа продолжаетъ быть очень хорошъ; мои здѣшніе крестьяне переловили и привели сюда до 50 мародеровъ, а перебили еще болѣе. Небогатый купецъ, котораго непріятели хотѣли употребить какъ шпіона и оставили въ залогѣ его жену и дѣтей въ Москвѣ, самъ явился въ нашу главную квартиру, разсказалъ все, что зналъ, и отдалъ деньги, которые дали ему французы, обѣщавъ еще 1.000 золотыхъ дукатовъ, если онъ хорошо исполнитъ ихъ порученіе. Двое изъ ополченцевъ, взятые въ плѣнъ французами и черезъ три дня отпущенные на свободу, также явились къ своему генералу и отдали по 50 рублей, которые получены ими отъ французовъ. Но съ другой стороны, я опасаюсь, чтобы эти добрые люди не пришли въ отчаяніе отъ разбойничества нашихъ войскъ, которыя грабятъ все и употребляютъ всякіе для того способы. Мнѣ уже донесли, что жители двухъ деревень, занятыхъ французами, возвратились въ свои дома. Злоупотребленія, допускаемыя въ нашихъ войскахъ, доходятъ до такой степени, что здѣшній священникъ не хотѣлъ служить обѣдню 15 числа потому, что два дня тому назадъ въ то время, когда онъ отправлялъ богослуженіе, до 20 солдатъ явились грабить церковь. Если дойдетъ до того, а я этого ожидаю, что наши крестьяне начнутъ драться съ солдатами, то надо будетъ ожидать возмущенія, которое неминуемо распространится по сосѣднимъ губерніямъ, гдѣ раненые, бѣглецы и вновь образуемые полки непремѣнно примутъ участіе.

«Беннигсенъ все грозитъ оставить армію и употребляетъ всѣ способы, чтобы добиться главнаго начальства. Онъ ежедневно требуетъ, чтобы дѣйствовали наступательно, и постоянно находитъ препятствіе въ томъ, что не оказывается хорошей позиціи. Онъ спитъ также очень много и впадаетъ въ дѣтство.

«Барклай очень нездоровъ, онъ простудился, кашляетъ, страдаетъ грудью и горломъ, которое у него опухло. Онъ не знаетъ, гдѣ находится какой корпусъ войскъ. Беннигсенъ, Кайсаровъ, Кудашевъ распоряжаются по своему усмотрѣнію, и Милорадовичъ и Остерманъ находятся впереди, чтобы останавливать предполагаемыя 15 тысячъ непріятельскихъ войскъ. Ничего не знаютъ, ни о движеніяхъ французовъ, ни о ихъ числѣ, но страхъ заставляетъ видѣть повсюду всю ихъ армію и распоряженіе о послѣднемъ отступленіи сдѣлано для того, чтобы избѣжать столкновенія съ 2.000 человѣкъ, которые будто бы обходили правое крыло.

«15-го, Милорадовичъ съ шестью другими генералами могъ быть взятъ въ плѣнъ непріятелемъ въ то время, когда онъ пилъ чай въ домѣ фельдмаршала Салтыкова. Едва они имѣли время, сломя го-

Библиотека "Руниверс"

лову, добраться до отряда войскъ, расположеннаго въ верстѣ оттуда, по берегу глубокаго оврага, гдѣ нѣкоторые чуть не завязли въ грязи. Это неожиданное происшествіе едва не удалось одному непріятельскому офицеру, начальнику двухъ эскадроновъ. Онъ отрядилъ 30 человѣкъ, которые вошли въ садъ и надѣялись захватить нашихъ генераловъ такъ, что этого никто бы и не замѣтилъ.

«Я весьма опасаюсь, что медленность въ военныхъ дѣйствіяхъ и преступное равнодушіе князя Кутузова къ тому, что можетъ послѣдовать, дастъ возможность Наполеону оставаться въ Москвѣ и размѣстить свои войска въ ея окрестностяхъ, которыя, конечно, перейдутъ въ его распоряженіе, если мы все будемъ отступать. Тогда онъ попробуетъ возмутить народъ, пораженный оставленіемъ Москвы, которую онъ считалъ недоступною. Онъ не можетъ очнуться отъ изумленія, какъ можно было оставить непріятелю столицу безъ сопротивленія большими силами. Это происшествіе составляетъ предметъ распри между генералами, изъ которыхъ только двое говорили, какъ слѣдовало хорошимъ русскимъ, тогда какъ другіе, или по глупости, или по равнодушію, или по трусости, всѣ считали этотъ городъ не имѣющимъ большой важности и подкрѣпляли свое мнѣніе идеями новой философіи. Если, по несчастію вашему, жестокому врагу удастся поколебать вѣрность вашихъ подданныхъ, вы увидите, государь, что мартинисты тогда обнаружатъ свои замыслы, которые послужатъ хорошимъ пособіемъ къ осуществленію замысловъ Бонапарта, и если у васъ недостанетъ рѣшимости, то русскій престолъ будетъ отнятъ у васъ и вашего рода. Награждайте и наказывайте; тѣ, которые вамъ преданы, не имѣютъ нужды въ платѣ за ихъ службу, но другіе должны бояться—розги, а виновные—эшафота.

«Здѣсь есть должность, которую желаетъ занять Паленъ, но этотъ человѣкъ очень опасенъ. Его ненависть предпочтетъ вашу погибель спасенію отечества. Мнѣ не нравится покровительство, которое Бенингсенъ оказываетъ полякамъ, а злодѣй подобно Бонапарту нуждается въ измѣнникахъ.

«Князь Волконскій пріѣхалъ сюда вчера и, какъ я понимаю, чтобы глупо польстить князю Кутузову, сказалъ ему, что оставленіе Москвы не очень приняли къ сердцу. Пустые люди, которые окружаютъ фельдмаршала, повторяютъ эти слова, и такимъ образомъ все падаетъ на васъ и подтверждаетъ тѣ предположенія, что будто бы вы дали приказаніе не защищать столицы. Этотъ князь Волконскій, сколько мнѣ кажется, не можетъ сообщить вамъ вѣрнаго понятія о томъ ужасномъ состояніи, въ какомъ находятся войска. У него есть свой довѣренный человѣкъ—полковникъ Толь, имѣющій здѣсь важное значеніе и преданный фельдмаршалу, который уже его представилъ вамъ къ награжденію чиномъ генералъ-маіора.

Библиотека "Руниверс"

«Такъ какъ по всему видно, что мы еще будемъ отступать, а граница Московской губерніи находится уже въ 17-ти верстахъ отсюда, то я оставлю армію и отправлюсь въ Ярославль, гдѣ находится моя жена, и тамъ буду ожидать вашихъ приказаній, всегда готовый служить вамъ въ какомъ бы назначеніи ни было.

«У меня 109.600 рублей изъ особенной суммы, которая была въ моемъ непосредственномъ распоряженіи и которая осталась. Пріѣхавъ въ Ярославль, я ее отправлю къ Калинину [1]), который испроситъ вашихъ повелѣній о ея назначеніи» [2]).

Въ то время, когда писалъ это письмо графъ Растопчинъ, наши войска совершали отступательное движеніе, и въ тотъ день (19-го сентября) главная квартира достигла села Спасъ-Купли, а на другой день подошла къ Тарутину, которое уже находилось въ предѣлахъ Калужской губерніи. Графъ Растопчинъ, остававшійся въ это время въ Вороновѣ, догналъ армію, но съ тѣмъ, чтобы немедленно ее оставить. Покидая войска, онъ написалъ еще слѣдующее письмо къ императору:

«Послѣ отправленія моего послѣдняго письма, мы сдѣлали еще два перехода по направленію къ Калугѣ, и теперь находимся въ 77 верстахъ отъ Москвы. Постоянно преслѣдуемые корпусомъ французскихъ войскъ, о которомъ то говорятъ, что онъ состоитъ изъ 8.000 человѣкъ, то изъ 15.000, а иногда превращаютъ его и въ цѣлую французскую армію. Я почти увѣренъ, что Кутузовъ оставитъ и Калугу и расположится на другомъ берегу Оки, будто бы на томъ основаніи, что тамъ онъ устроитъ войска, дастъ имъ отдохнуть, а потомъ можно будетъ дѣйствовать наступательно. По общему мнѣнію непріятель только потѣшается надъ нами и подвигается въ это время къ Боровску, оттуда уже никто не воспрепятствуетъ ему идти далѣе, соединиться съ войсками, которыя дѣйствуютъ противъ Чичагова, и расположиться на зимнія квартиры въ Волыни и Подоліи.

«Наши войска состоятъ изъ 30.000 пѣхоты, 8.000 конницы, 7.000 казаковъ и около 25.000 ополченія. Солдаты истомлены движеніями, отступленіями и особенно голодомъ. Число больныхъ ежедневно доходитъ до 400 человѣкъ, которые пѣшкомъ волочатся за войсками.

«Жители, сначала испуганные приближеніемъ непріятеля, покинули свои жилища, но видя, что и свои ихъ грабятъ и обольщаютъ коварными внушеніями ратниковъ, которыхъ большая часть уже возвратилась въ свои дома, они послѣдовали ихъ примѣру и говорятъ, что они свободны, а другіе даже, что они уже подданные Наполеона. Сегодня утромъ, въ одну изъ моихъ деревень, собралось до 50 ратниковъ, и застрѣлили офицера.

[1]) Петербургскій почтъ директоръ.

[2]) Письмо графа Растопчина императору 19-го сентября 1812 г.

Библиотека "Руниверс"

«Одинъ егерскій офицеръ, дезертировавшій еще до Можайска, собралъ ратниковъ и мародеровъ, и съ своею дружиною, состоящею отъ 60 до 70 человѣкъ, проникъ до Касимова, разграбляя всѣ деревни. Генералъ Левицкій, который съ своимъ отрядомъ находился невдалекѣ, послалъ туда двухъ офицеровъ съ командою въ 70 человѣкъ. Офицеръ-дезертиръ, Томченко, вступилъ съ ними въ бой и, потерявъ 13 человѣкъ, съ остальными былъ взятъ. Въ Калужской губерніи шайка мародеровъ, французовъ, русскихъ и крестьянъ ограбили двѣ деревни и убили помѣщиковъ. Кавелинъ донесъ объ этомъ князю Кутузову, но два дня прошло безъ отвѣта, и князь выслалъ отъ себя Фукса, говоря, что хочетъ спать.

«Мнѣ хотѣлось узнать образъ мыслей Платова; я стоялъ рядомъ съ нимъ, а какъ онъ тщеславенъ, болтунъ и немного пьяница,— то я убѣдился, что это человѣкъ опасный, и не слѣдуетъ раздражать его при настоящихъ обстоятельствахъ. По злобѣ Кутузовъ его преслѣдуетъ, а у него бродятъ дурные замыслы въ головѣ; говоритъ о томъ, что хотѣлъ Наполеонъ предложить ему и казакамъ, что если для русскихъ дѣло кончится плохо, то онъ знаетъ, что дѣлать, что казаки пойдутъ за нимъ, и тому подобное.

«Когда въ прошломъ мѣсяцѣ ваше величество сдѣлали мнѣ честь, сообщивъ ваше намѣреніе вновь посѣтить Москву, я осмѣливался вамъ представить причины, по которымъ слѣдовало отсрочить эту поѣздку. Теперь, когда Москва оставлена, разорена и ограблена; когда вся Московская губернія во власти Бонапарта; когда эти событія произвели такое впечатлѣніе на губерніи, что Курская прислала депутатовъ къ Кутузову узнать, находится ли она въ безопасности; когда крестьяне колеблются и не знаютъ, оставаться или возвратиться въ свои жилища, занятыя французами; когда войска уменьшаются съ каждымъ днемъ; когда всѣ поражены ужасомъ и пришли въ отчаяніе; когда ваша власть находится въ рукахъ такихъ пустыхъ людей, какъ Кайсаровъ и Кудашевъ; когда нужна сила, быстрота, рѣшительныя средства и насильственныя мѣры; когда нуженъ глазъ, голосъ и воля господина,—то необходимо, государь, чтобы вы рѣшились прибыть въ армію, возстановить порядокъ и возбудить мужество. Всѣ успѣхи будутъ вамъ принадлежать, и вы потрудитесь для спасенія отечества и вашей собственной славы. Но если судьба обрекла вашу имперію на паденіе, вы должны погибнуть съ нею и сражаться въ средѣ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, рѣшившихся умереть на вашихъ глазахъ, на полѣ чести, на которомъ и вы сами должны побѣдить или погибнуть вмѣстѣ съ ними» [1]).

[1]) Письмо графа Растопчина императору Александру 21-го сентября 1812 года.

Библиотека "Руниверс"

Приведенныя донесенія государю—Барклая, Беннигсена, Вильсона и графа Растопчина, отличаются какъ общими всѣмъ имъ свойствами, такъ и особенными, принадлежащими каждому изъ нихъ. Общія свойства выражаютъ настроеніе, взгляды и мнѣнія, существовавшія въ это время въ самой вліятельной средѣ главной квартиры; особенныя принадлежатъ каждому изъ этихъ лицъ, согласно личныхъ ихъ свойствъ. Хотя они согласовались въ нѣкоторыхъ общихъ чувствахъ и воззрѣніяхъ, но это было случайное соединеніе, вслѣдствіе событій того времени. Въ сущности же между ними ничего не было общаго. Барклай презиралъ Беннигсена, и только случайно сблизился съ Растопчинымъ, съ которымъ до того времени не былъ ни въ какихъ отношеніяхъ. Графъ Растопчинъ, не признававшій въ немъ способностей полководца, примкнулъ къ нему въ это время только потому, что не къ кому было присоединиться и кромѣ того при Барклаѣ состоялъ его сынъ адъютантомъ. Беннигсена онъ ненавидѣлъ; англичанъ тоже не долюбливалъ, и сойтись искренно не могъ съ сэромъ Вильсономъ, а въ отношеніи къ остальнымъ постояннымъ членамъ главной квартиры онъ считалъ себя слишкомъ высокопоставленнымъ, чтобы сблизиться съ кѣмъ-либо изъ нихъ. А между тѣмъ среди этихъ высокопоставленныхъ лицъ существовала въ сущности глубокая рознь, несмотря на ихъ сближеніе для общей цѣли и общей ненависти къ князю Кутузову. Беннигсенъ ненавидѣлъ его за то, что онъ занялъ мѣсто, которое онъ одинъ считалъ себя въ правѣ занимать, какъ человѣкъ, который, помѣрившись уже на дѣлѣ силами съ Наполеономъ подъ Пултускомъ, Прейсиш-Эйлау, направлялъ всю свою дѣятельность только къ тому, чтобы поправить эту случайную несправедливость, выжить изъ арміи Кутузова и занять его мѣсто. Барклай, облеченный верховною властью званіемъ главнокомандующаго первою арміею, а потомъ подготовившій себѣ много обстоятельствъ и для главнаго начальства надъ второю, никакъ не могъ понять, что съ назначеніемъ князя Кутузова его положеніе должно измѣниться, хотя объ этомъ измѣненіи и не было объявлено особымъ указомъ. Онъ признавалъ, конечно, Кутузова главнокомандующимъ всѣми русскими арміями въ это время, сознавая правильнымъ общее теоретическое понятіе о необходимости единства въ военныхъ дѣйствіяхъ, но главное начальство надъ первою арміею и слившуюся съ ней второю хотѣлъ удержать за собою, т. е., не оспаривая главнаго начальства князя Кутузова надъ тѣми арміями, которыя находились въ тысячахъ верстъ отъ него, онъ самъ желалъ начальствовать надъ войсками, которыя были на лицо. Конечно, подобное отношеніе къ дѣлу, при тогдашнихъ грозныхъ для Россіи обстоятельствахъ, присутствіе этихъ лицъ въ главной квартирѣ дѣлалось совершенно невозможнымъ. Сила вещей должна была удалить ихъ изъ арміи—и удалила!..

Библиотека "Руниверс"

Пребываніе въ главной квартирѣ графа Растопчина было совершенно случайнымъ. Онъ могъ бы находиться при ней единственно по распоряженію князя Кутузова. На основаніи постановленій о дѣйствующей арміи, главнокомандующему подчиняются всѣ власти не только тѣхъ губерній, въ которыя переносятся военныя дѣйствія, но и смежныхъ съ ними. Подобнаго распоряженія со стороны фельдмаршала не было, и графъ Растопчинъ самъ считалъ нужнымъ сопутствовать главной квартирѣ, пока она не миновала границъ Московской губерніи. Князь Кутузовъ не принималъ его къ себѣ и какъ бы не признавалъ его присутствія въ главной квартирѣ. Подобное отношеніе къ нему фельдмаршала, отличавшагося вообще вѣжливымъ и ласковымъ обращеніемъ, дѣйствительно возбуждаетъ вопросъ: какія были тому причины? и приводитъ насъ къ тому же заключенію, которое мы уже высказали, что онъ сердился на графа Растопчина, обѣщавшаго ему приготовить, сверхъ ополченія, вольную Московскую дружину изъ жителей города, а можетъ быть и окрестныхъ селеній, въ 80 тысячъ человѣкъ. Если это было такъ, и князь Кутузовъ разсчитывалъ на эту дружину, то, безъ сомнѣнія, подойдя къ Москвѣ и убѣдившись, что подобной дружины вовсе не существуетъ, онъ долженъ былъ измѣнить свои соображенія и дать иное направленіе своимъ дѣйствіямъ. Такое обстоятельство могло вывесть престарѣлаго вождя изъ обычнаго ему способа относиться къ людямъ и выказать прямо презрѣніе къ человѣку, которому удалось обмануть того, кого и «Рибасъ не обманетъ», по свидѣтельству Суворова, и который надѣялся, что и Наполеону обмануть его не удастся, какъ гласитъ преданіе. Если же не принять въ соображеніе такого предположенія, то способъ отношеній князя Кутузова къ графу Растопчину представится совершенно непонятнымъ какъ во время оставленія Москвы, такъ и въ бытность его при главной квартирѣ. Присоединившись къ ней, графъ Растопчинъ вошелъ въ среду лицъ, враждебно расположенныхъ къ фельдмаршалу и, конечно, не щадилъ его въ своихъ разговорахъ. Князя Кутузова это бы не удивило и не заставило бы нарушить такъ рѣзко обычный свой образъ отношеній къ своимъ порицателямъ. Подобныя рѣчи велись постоянно въ кружкахъ людей, соединявшихся вокругъ Барклая и Беннигсена. Но, безъ сомнѣнія, подобное положеніе было невыносимо для такого гордаго и самоувѣреннаго человѣка, какимъ былъ графъ Растопчинъ. Еще менѣе можетъ быть сомнѣнія, что обладавшій такимъ ловкимъ умомъ, какъ онъ, могъ бы выдти изъ него съ нѣкоторымъ достоинствомъ, если-бъ не чувствовалъ вины за собою, хотя, безъ сомнѣнія, не сознавалъ ея даже передъ самимъ собою. Онъ дѣйствительно пытался выйти изъ этого положенія и вышелъ, но—крайне неловко и даже грубо.

Не удовольствовавшись своими отзывами о князѣ Кутузовѣ и о его

Библиотека "Руниверс"

дѣйствіяхъ, онъ въ своихъ донесеніяхъ къ императору и лично обращался къ нему, пытаясь перервать то отчужденіе, въ которое фельдмаршалъ поставилъ его къ себѣ.

Черезъ два дня послѣ оставленія Москвы, когда войска находились еще на Рязанской дорогѣ, а главная квартира фельдмаршала была въ селѣ Куликовѣ, графъ Растопчинъ писалъ ему: «Бывшему Московскому гарнизонному полку приказано было всѣхъ арестантовъ, находившихся въ разныхъ мѣстахъ, присланныхъ въ Москву изъ губернскихъ и прочихъ городовъ, выпроводить изъ бывшей столицы; которые онымъ полкомъ и выпровождены; почему и прошу покорнѣйше вашу свѣтлость приказать кому слѣдуетъ тѣхъ арестантовъ принять отъ бывшаго Московскаго гарнизоннаго полка, тѣмъ болѣе, что какъ эти арестанты, такъ равно и бывшій Московскій гарнизонный полкъ, стоятъ третій день безъ провіанта» [1]).

Это письмо получилъ фельдмаршалъ въ то время, когда дѣлалъ распоряженіе о фланговомъ движеніи на Калужскую дорогу и, безъ сомнѣнія, долженъ былъ заботиться объ обезпеченіи продовольствіемъ всѣхъ войскъ во все время этого движенія, пока не войдетъ въ прямое сообщеніе съ Тулою и Калугою, гдѣ было сосредоточено продовольствіе. Объ арестантахъ, конвоируемыхъ Московскою гарнизонною командою, и объ ихъ положеніи онъ, вѣроятно, и не зналъ. Арестанты были выпровождены изъ Москвы по распоряженію графа Растопчина.

Кто же долженъ былъ позаботиться объ обезпеченіи ихъ продовольствіемъ, какъ не онъ или исполнители его распоряженій? Если подобная неосмотрительность съ ихъ стороны и могла быть оправдана обстоятельствами того времени, быстро слѣдовавшими одно за другимъ, сильно поражавшими всѣхъ и каждаго, то возможно ли оправдать, что это обстоятельство самъ же графъ Растопчинъ въ видѣ укора представляетъ князю Кутузову? Только разстроеннымъ до болѣзни состояніемъ духа московскаго генералъ-губернатора можетъ быть объяснено подобное обращеніе къ фельдмаршалу. Но оно не было одинокимъ. Спустя нѣсколько дней, онъ повторилъ то же самое въ болѣе рѣзкомъ тонѣ.

Движеніе русскихъ войскъ изъ Москвы по Рязанской дорогѣ, сопровождаемое многочисленными жителями, оставлявшими столицу, и ранеными, конечно привело въ страхъ и волненіе всѣ города и селенія, находившіеся на ней, до самой Рязани. Всѣ ожидали, что вслѣдъ за выходцами изъ Москвы нагрянетъ и непріятель. «Сентября 6-го, говоритъ одинъ изъ современниковъ, пріѣхавъ въ Коломну, я увидѣлъ, что весь городъ былъ въ тревогѣ отъ молвы, будто-бы къ нему прибли-

[1]) Письмо графа Растопчина князю Кутузову 4-го сентября 1812 г. Записки А. П. Ермолова, ч. I приложенія, стр. 224.

Библиотека "Руниверс"

жается непріятель. Казалось, что и камни улицъ собирались бѣжать. Обгоняли, толкали другъ друга. Спрашиваемъ, гдѣ такая-то артиллерійская рота? никто не останавливается, никто не слушаетъ. У всѣхъ одна мысль: спасаться и спасать жизнь. Печально скитаясь изъ улицы въ улицу, знаю, что мое семейство здѣсь, и не знаю, какъ найти» [1]).

Вмѣстѣ съ большею частію жителей удалились изъ Коломны и всѣ городскія власти. Извѣстившись объ этомъ въ то время, когда уже наша армія перешла на Калужскую дорогу, и предполагая, что Коломнѣ уже не угрожаетъ особенная опасность, князь Кутузовъ предложилъ графу Растопчину позаботиться возстановленіемъ порядка, суда и управленія. На это предложеніе графъ Растопчинъ отвѣчалъ: «Отношеніе вашей свѣтлости отъ 13-го сего сентября, за № 30, о возвращеніи коломенскихъ чиновниковъ къ ихъ должностямъ, получилъ я 16-го сентября того же мѣсяца, на которое спѣшу увѣдомить васъ, милостивый государь, что какъ Московская губернія находится теперь въ самовольномъ военномъ положеніи и жители оной такъ, какъ и должностные чиновники, болѣе нежели на 50 верстъ въ окрестностяхъ Москвы, опасаясь быть ограбленными отъ непріятеля, а болѣе того и отъ своихъ, раненыхъ, больныхъ, и низшихъ воинскихъ чиновъ—всюду шатающихся единственно для разоренія соотечественниковъ, которые, оставивъ свои жилища, разбѣжались въ неизвѣстныя мѣста; а потому къ удовлетворенію требованія вашей свѣтлости я не могу приступить, тѣмъ болѣе, что высочайше ввѣренная мнѣ столица скоропостижно отдана вами злодѣю, а Московская губернія, находясь нынѣ въ военномъ положеніи, состоитъ въ непосредственномъ вашемъ распоряженіи, что̀ видно изъ сего: по повелѣнію вашему разосланные отъ главнаго дежурства коммисіонеры по Московской губерніи собрали съ каждой души печенымъ хлѣбомъ по два пуда; сѣно все безъ остатка забрано, а скотъ весь описанъ на продовольствіе арміи, о чемъ я только вчерашняго числа узналъ посторонними образомъ, хотя болѣе полумѣсяца нахожусь при главной квартирѣ, гдѣ наравнѣ съ арміею лишенъ чести видѣть лицо вашей свѣтлости. Но пребываніе мое при оной я имѣю не по собственной волѣ, а по возложеннымъ на меня его императорскаго величества разнымъ порученіямъ; а какъ скоро исполню оныя, то поѣду въ мѣстопребываніе государя императора, удаляясь отъ тѣхъ несчастныхъ мѣстъ, гдѣ спасеніе войскъ и отечества зависитъ отъ подписи вашей» [2]).

Какъ бы опасаясь, чтобы это отношеніе не было скрыто самимъ кня-

---

[1]) С. Н. Глинка. Записки о 1812 годѣ, стр. 82 и 93. Ѳ. Н. Глинка. Письма русскаго офицера, изд. 1870 г., стр. 28 и 29.

[2]) Отношеніе Растопчина къ князю Кутузову отъ 17-го сентября 1812 г. за № 547.

Библиотека "Руниверс"

земъ Кутузовымъ, или не затерялось въ бумагахъ его канцеляріи и не осталось бы неизвѣстнымъ правительству, Растопчинъ списалъ съ него копію и послалъ самъ при особомъ письмѣ къ министру полиціи. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: «Изъ приложенной при семъ копіи съ письма моего къ главнокомандующему арміями вы усмотрите, что я въ настоящемъ положеніи малыхъ остатковъ Московской губерніи ни въ какія распоряженія болѣе входить не могу и остаюсь зрителемъ престрашныхъ безпорядковъ, продолженіе коихъ можетъ произвесть погибель Россіи.

«Серпуховъ занятъ непріятелями, и если онъ разошлетъ отряды на Калужскую дорогу для наведенія еще далѣе страха, то войска наши останутся вовсе безъ продовольствія, въ коемъ отъ замѣшательства въ распоряженіяхъ крайне нуждаются. Ополченія, надзоръ коихъ ввѣренъ мнѣ, давно готовы, и съ московскимъ простираются до 110.000 человѣкъ, вооруженныхъ и съ трехмѣсячнымъ провіантомъ. Его свѣтлость имѣетъ объ ономъ свѣдѣнія и прямо дѣлаетъ свои распоряженія.

«Московская губернія въ то время, когда четыре ея уѣзда заняты или разогнаны были непріятелемъ, доставила по наряду для отправленія въ армію и отвоза въ безопасныя мѣста казенныхъ вещей до 63.000 подводъ, изъ коихъ 12.300 не возвращались изъ арміи обратно» [1]).

Такимъ образомъ графъ Растопчинъ уклонился отъ всякаго содѣйствія фельдмаршалу въ управленіи даже тѣхъ частей Московской губерніи, которыя не были еще заняты непріятелемъ, и оставался при главной квартирѣ простымъ, по его словамъ, «зрителемъ происшествій». Но въ такое-то именно время и не слѣдовало бы ему оставаться простымъ зрителемъ, тѣмъ болѣе, что и самый законъ обязывалъ его повиноваться главнокомандующему войсками, а не давать ему наставленія и не уклоняться отъ исполненія его предписаній!.. Но этотъ законъ, которому повиновались всѣ начальники губерній, какъ тѣхъ, въ которыхъ происходили военныя дѣйствія, такъ и смежныхъ съ ними, графъ Растопчинъ считалъ писаннымъ не для себя. Въ своихъ запискахъ онъ не безъ намѣренія указываетъ на названіе московскихъ генералъ-губернаторовъ главнокомандующими, вслѣдствіе чего онъ считалъ себя въ правѣ не подчиняться князю Кутузову, вопреки прямому смыслу закона. Написавъ предварительно приведенное нами письмо къ князю Кутузову, графъ Растопчинъ удалился во Владиміръ.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ **П. Цуриковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Письмо графа Растопчина министру полиціи отъ 17-го сентября 1812 г., № 546.

Библиотека "Руниверс"

Эпиграмма на сочиненіе И. И. Дибича «О воинской наукѣ» [1]).

Минерва росская [2]) велѣла въ наказанье
Телемахиды [3]) листъ виновному прочесть.
О, вѣчно славное Великой подражанье!
О, духу кроткому монарховъ росскихъ честь!
Взоръ отвращая свой отъ казней уголовныхъ,
Се нынѣ Александръ на мѣсто жертвъ ихъ кровныхъ,
Умѣя и безъ нихъ пороки исправлять,
Двѣ части Дибича «воинскія науки»
Стращая ужасами скуки
Заставилъ насъ читать.
Исправьтесь, воины, симъ средствомъ кроткой власти,
Или страшитесь третьей части.

С. Н. Маринъ.

Сообщ. Л. М—чъ.

---

[1]) Эпиграмма эта была написана, когда двѣ части „Воинской науки“ были разосланы по полкамъ, а третья не была еще окончена.

[2]) Императрица Екатерина II.

[3]) Сочиненія Третьяковскаго.

Библиотека "Руниверс"

Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка.

(Воспоминанія Феликса Яковлевича Лучинскаго).

I.

Дѣтство и отрочество.—Жизнь въ м. Мошнахъ и въ селѣ Бѣлозерьѣ.—Пребываніе въ Городищенской школѣ.—Рекрутскій наборъ прежняго времени.—Поступленіе на службу въ Черкасскій уѣздный судъ.—Порядки, тогда существовавшіе.—Служба въ городской полиціи.—Городничій Щербцовъ и его самоуправство.

Въ то время, когда я началъ помнить себя, отца моего уже не было въ живыхъ; онъ умеръ въ ночь на первое января 1830 года, а я родился въ 1827 г. Мать моя съ тремя сыновьями и дочерью жила вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, дворяниномъ Игнатіемъ Середницкимъ, служившимъ лѣсничимъ въ имѣніи свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова, въ мѣстечкѣ Мошнахъ Черкасскаго уѣзда Кіевской губерніи.

Имущества послѣ отца никакого не осталось, а дѣдъ, принявшій насъ на свое содержаніе, былъ тоже человѣкъ очень бѣдный. Средства его для жизни состояли изъ 300 руб. ассигнаціями и разной провизіи, достаточной не только для продовольствія, но и для содержанія рабочаго и гулеваго скота.

Такъ какъ для помѣщенія насъ въ какое-либо учебное заведеніе не было средствъ, то для обученія нанимались учителя, изъ польскихъ шляхтичей, часто мѣнявшіеся, сами мало что знавшіе и учившіе безъ всякой системы и толку. Помню, что когда мнѣ было 5—6 лѣтъ, то меня

Библиотека "Руниверс"

учили грамотѣ одновременно на трехъ языкахъ: польскомъ, русскомъ и латинскомъ. Когда я выучился кое-какъ читать по складамъ, то задавали уроки для вызубриванія наизусть, при чемъ никакихъ объясненій учитель не дѣлалъ

Въ концѣ 1836 года умеръ мой дѣдъ. Воспоминанія о немъ всегда возбуждаютъ во мнѣ самыя теплыя чувства благодарности. Онъ насъ любилъ, былъ нашимъ покровителемъ и защитникомъ. Помню какъ бывало, защищая насъ отъ наказаній, которымъ нерѣдко подвергались отъ матери, отъ бабки и отъ учителя ременною плеткой, для того сдѣланной, заберетъ насъ къ себѣ, велитъ запречь лошадей и везетъ насъ въ монастырь, находящійся въ мошногорскомъ лѣсу, гдѣ монахи насъ ласкали, угощали медомъ, фруктами, водили гулять въ монастырскій садъ, очень обширный. Когда затѣмъ мы возвращались домой, то наказанія или уже совсѣмъ не было или слабое, ограничивавшееся постановкою на колѣни или въ уголъ.

Послѣ смерти дѣда обстоятельства измѣнились къ худшему. Мы переправились на жительство въ с. Бѣлозерье, гдѣ, за заслуги дѣда, прослужившаго болѣе 20 лѣтъ, былъ назначенъ отъ князя домъ и на содержаніе пенсія и всякая провизія въ половинномъ противъ прежняго размѣрѣ и двѣ прислуги, мужчина и женщина, которые мѣнялись по недѣльно, очередуясь изъ семействъ, для того назначенныхъ. Домъ, отведенный для нашего жительства въ с. Бѣлозерьѣ, былъ небольшой и состоялъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Помѣстить учителя было негдѣ, платить ему не изъ чего, а другихъ такихъ жителей, которымъ бы былъ нуженъ учитель и могли бы принять участіе въ содержаніи, не было, и потому мы остались безъ учителя, а вызубривали уроки, задаваемые матерью по старымъ книжкамъ. Такъ прошелъ весь 1837 годъ. Въ 1838 году меня съ другимъ братомъ близнецомъ отдали въ ланкастерскую школу въ м. Городище, [1]) которая предназначалась собственно для приготовленія писарей изъ крестьянъ въ конторы и экономіи графа, находящіеся въ Кіевской, Херсонской и Таврической губерніяхъ; но въ оную съ разрѣшенія главноуправляющаго всѣми имѣніями полковника Ягницкаго, принимали и дѣтей бѣдныхъ офиціалистовъ. Учителемъ былъ молодой человѣкъ изъ семинаристовъ Гулакъ-Артемовскій. При немъ жила мать, вдова священника, и сестра дѣвушка лѣтъ шестнадцати, очень красивая. Мы были помѣщены у него на квартирѣ, гдѣ было еще три ученика изъ дѣтей офиціалистовъ. Учитель этотъ зналъ свое дѣло хорошо; учась у него я только началъ понимать изучаемое, ибо преподавались предметы, доступные пониманію въ такомъ возрастѣ, въ какомъ находился, и при томъ толково, съ объясненіями. Онъ былъ до-

[1]) Имѣніе графа Воронцова.

Библиотека "Руниверс"

вольно строгъ, но справедливъ, наблюдалъ, чтобы не баловались, въ праздничные дни самъ водилъ насъ на гулянье за мѣстечко, указывалъ разныя игры, а иногда принималъ въ нихъ участіе.

Хозяйка, мать его, была очень добра и внимательна къ намъ какъ къ дѣтямъ.

Къ несчастію пребываніе мое въ городищенской школѣ продолжалось годъ съ небольшимъ и прервалось съ удаленіемъ изъ школы Гулакъ-Артемовскаго.

По возвращеніи домой мое ученіе продолжалось по тѣмъ книжкамъ, которыя были пріобрѣтены по указаніямъ прежнихъ учителей; но для этого удѣлялось времени весьма немного, большая же часть онаго употреблялась по разнымъ хозяйственнымъ надобностямъ: то присутствованіемъ при раздачѣ лошадямъ и скоту корма, то поѣздкою на мельницу, когда возили для перемола хлѣбъ, и проживаніе тамъ по цѣлымъ днямъ, а иногда и ночью для наблюденія, чтобы не было сдѣлано мельникомъ или служителемъ похищенія.

Въ это время произошло обстоятельство, произведшее чрезвычайную тревогу въ нашемъ семействѣ, да и не только въ нашемъ, но и во всѣхъ семействахъ польской шляхты, именовавшейся дворянами и пользовавшейся правами сего сословія. Причиною тому было послѣдовавшее распоряженіе о томъ, чтобы права шляхты на дворянское достоинство въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской были разсмотрѣны въ учрежденной для того въ Кіевѣ особой комиссіи, для представленія въ которую документовъ назначенъ срокъ. Всѣ лица, не представившія надлежащихъ документовъ, подлежали обращенію въ податное состояніе.

Податное сословіе того времени заключалось въ томъ, что обязано было платить подушную подать, и лишеное было почти всякаго человѣческаго достоинства, должно было терпѣть унизительное обхожденіе отъ лицъ привилегированнаго сословія, а отъ лицъ, власть имѣющихъ, не только унизительное обхожденіе, но и подвергаться безъ суда побоямъ и истязаніямъ, а самое тягчайшее было—это отбытіе рекрутской повинности.

Люди теперешняго времени привыкли видѣть солдата молодаго, красиваго, здороваго, веселаго и о которомъ постоянно заботятся, чтобы дышалъ чистымъ воздухомъ, питался хорошею пищею, одѣтъ и обутъ былъ красиво, удобно и прочно, вооруженіе и амуниція были не обременительны,—люди эти не могутъ представить себѣ тѣхъ оскорбленій, униженій, истязаній, коимъ подвергался солдатъ прежняго времени. Истязанія эти начинались еще до поступленія въ солдаты, какъ только предназначеный въ оные взятъ въ рекруты, и продолжались во всю его 25-лѣтнюю службу.

Библиотека "Руниверс"

Постараюсь изобразить, что мнѣ объ этомъ извѣстно и чему былъ личнымъ свидѣтелемъ.

Манифестъ о наборѣ присылался обыкновенно съ эстафетой и въ пакетѣ, заадресованномъ «секретно». По полученіи его, также секретно, дѣлались соотвѣтственныя распоряженія, и тогда по всему уѣзду производилась страшная тревога—собирали рекрутъ; на одного, подлежащаго сдачѣ, брали троихъ, на случай бракованія. Взятыхъ въ рекруты сводили въ одну избу, для нихъ приготовленную, забивали въ колодки, часто по два человѣка вмѣстѣ и въ такомъ видѣ оставляли ихъ до представленія въ рекрутское присутствіе.

Принимать такія мѣры было необходимо, ибо безъ того всѣ бы рекруты убѣжали. Перспектива будущаго побуждала бѣжать даже и такихъ рекрутъ изъ крестьянъ, которые у своего помѣщика подвергались неменьшимъ истязаніямъ, какія предстояли имъ по поступленіи въ солдаты, но тутъ они были по крайней мѣрѣ въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ, которые, въ случаѣ бѣды, если не въ силахъ были помочь, то могли хоть пожалѣть обиженнаго. Плачъ и причитанія, которыя обыкновенно слышались въ Малороссіи при провожаніи покойниковъ, сопровождали рекрутъ въ присутствіе. Но вотъ, среди общаго унынія, происходящаго на улицахъ, вдругъ гдѣ либо среди базара встрѣчали иное зрѣлище: впереди идетъ музыкантъ, наигрывая на скрипкѣ казачка, за нимъ парень, одѣтый въ новый темносиняго сукна кафтанъ, въ новой ситцевой рубахѣ, въ новыхъ, китайчатыхъ штанахъ, новыхъ сапогахъ и барашковой шапкѣ. Онъ обвязанъ тремя новыми поясами по поясницѣ и черезъ оба плеча, обвѣшанъ лентами разныхъ цвѣтовъ, прицѣпленными къ поясамъ, къ шапкѣ, къ пуговицамъ, всюду гдѣ только можно прицѣпить. Пьяный, онъ выбиваетъ трепака и заигрываетъ съ толпою мальчишекъ его окружающихъ. Это гуляетъ наемщикъ, который завтра или послѣ-завтра поступаетъ въ рекруты, взамѣнъ сына того старика, который ходитъ за нимъ слѣдомъ и расплачивается за все имъ съѣденное, выпитое и испорченное.

Какъ только сдаваемый по освидѣтельствованіи въ рекрутскомъ присутствіи признанъ годнымъ, унтеръ-офицеръ громко провозглашаетъ «лобъ», и онъ поступаетъ уже въ вѣдомство воинской команды.

Принятому въ солдаты лобъ выбривается такъ, чтобы вся передняя часть головы была оголена, а забракованному выбривали затылокъ по желанію цирюльника, больше или меньше, смотря по тому, какое вознагражденіе онъ получилъ отъ оперируемаго.

Наиболѣе тяжело было отбывать рекрутскую повинность евреямъ: прежде ихъ вовсе не брали въ военную службу, лишь въ царствованіе императора Николая I на нихъ распространилась эта повинность. Вначалѣ брали съ нихъ рекрута такъ-же какъ и съ другихъ, но потомъ,

Библиотека "Руниверс"

когда вслѣдствіе различныхъ злоупотребленій и укрывательствъ завелись большія недоимки, послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы рекрута брать изъ евреевъ въ возрастѣ отъ 8 до 35 лѣтъ.

Вопли, плачъ и страданія бѣдныхъ матерей евреекъ, когда брали у нихъ въ рекруты малыхъ дѣтей, были ужасны. Въ г. Чигринѣ, когда я тамъ находился на службѣ, былъ такой случай. Въ числѣ еврейскихъ рекрутъ, привезенъ былъ мальчикъ лѣтъ 9 или 10, полненькій, розовый, очень красивый. Когда мать узнала, что онъ принятъ, то опрометью побѣжала къ рѣкѣ и бросилась въ прорубь.

Дѣтей, взятыхъ изъ еврейскихъ семействъ, до совершеннолѣтія помѣщали для обученія въ баталіоны военныхъ кантонистовъ,—тоже всегда въ города отдаленные.

Срокъ ихъ службы считался не съ того времени, когда ихъ взяли, а съ достиженія совершеннолѣтія.

Поступившій разъ въ солдаты, былъ уже вѣчнымъ и потомственнымъ солдатомъ, ибо хотя прослуживши 25 лѣтъ онъ увольнялся въ отставку, но не къ какому другому сословію причислиться не могъ, и дѣти его по рожденіи зачислялись въ военное вѣдомство, и сыновья, по достиженіи 9 лѣтъ, отсылались въ батальоны военныхъ кантонистовъ.

Возвращаюсь къ прерванному описанію моей жизни и скажу, что лишь въ 1845 году послѣ продолжительныхъ хлопотъ матери намъ выданы были свидѣтельства на право поступленія въ государственную службу, а черезъ два года послѣдовало и утвержденіе въ дворянствѣ.

Но мы, т. е. я и мой братъ близнецъ, еще раньше, въ 1841 году, были помѣщены частно на службу въ черкасскій уѣздный судъ и были помѣщены на квартирѣ у вдовы дворянки.

За квартиру со столомъ и мытьемъ бѣлья мать платила за обоихъ 50 руб. въ годъ ассигнаціями или 14 р. 78 к. серебромъ. Сверхъ того, доставлялось ей условленное количество муки, крупы, масла, сала и проч. Мы явились на службу въ тотъ день, когда объявлялся манифестъ императора Николая I, послѣдовавшій 16 апрѣля 1841 года по случаю бракосочетанія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи императора Александра II. Всѣ были въ мундирахъ; манифестъ читалъ судья, а всѣ присутствовавшіе слушали его стоя. Потомъ были разговоры о томъ, что манифестъ очень милостивъ для всѣхъ, и только о политическихъ преступникахъ ничего не упоминается, а ихъ было тогда много въ Сибири.

Судьи и засѣдатели тогда еще были изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, служили по выборамъ дворянства, жили въ своихъ имѣніяхъ, пріѣзжали въ уѣздный городъ разъ въ двѣ недѣли на одинъ или два дня для подписи заготовленныхъ журналовъ и бумагъ. Если случалось что нуж-

Библиотека "Руниверс"

ное, то секретарь или самъ ѣздилъ, или посылалъ заготовленныя бумаги къ судьѣ для подписи. Такимъ образомъ вся сила уѣзднаго суда заключалась въ одномъ секретарѣ. Впослѣдствіи этотъ порядокъ нѣсколько измѣнился, когда по иниціативѣ генералъ-губернатора Бибикова выборныя должности засѣдателей въ Западныхъ губерніяхъ замѣщены были коронными чиновниками, назначаемыми въ началѣ изъ лицъ православнаго исповѣданія, преимущественно изъ отставныхъ военныхъ офицеровъ; судья же оставался по прежнему выборнымъ.

Измѣненіе это было однакоже не особенно важно, оно состояло только въ томъ, что засѣдатели жили въ уѣздномъ городѣ, и нѣкоторые, не довольствуясь жалованьемъ, требовали и получали за свои подписи вознагражденія отъ просителей; сила же секретаря отъ этого не уменьшилась, ибо и коронныя засѣдатели о дѣлахъ и законахъ не имѣли никакого понятія и потому не могли мѣшать секретарю въ направленіи какого либо дѣла. Я зналъ одного такого засѣдателя, отставнаго подполковника, который никогда не подписывалъ опредѣленія, не получивши за свою подпись отъ 1 до 3 руб. Такое опредѣленіе, положенное для подписи, онъ откладывалъ въ сторону, уносилъ къ себѣ домой будто-бы для прочтенія, а затѣмъ, когда являлся проситель, то, принявъ глубокомысленный видъ и указывая на кипы губернскихъ и сенатскихъ вѣдомостей, разложенныя на столѣ, говорилъ, что не одно его дѣло, а вотъ сколько; и что всѣ ихъ надо прочитать и сообразить правильно ли написаны рѣшенія.

Проситель зналъ уже въ чемъ дѣло, просилъ дать его дѣлу преимущество передъ другими, за что предлагалъ 1 р. Засѣдатель обыкновенно упорствовалъ, но за сдѣланной надбавкою, а при упрямствѣ просителя и безъ надбавки подписывалъ опредѣленіе и давалъ ему на руки.

Главнымъ начальникомъ по канцеляріи былъ секретарь: его всѣ боялись, съ приходомъ его водворялась тишина, и каждый занимался своимъ дѣломъ; до того же шумѣли, спорили, разговаривали, шутили, иногда устраивали общую закуску въ складчину, или на счетъ просителя, если таковой былъ.

За службу свою я, конечно, не только не получалъ никакого вознагражденія, но за то, что меня держали въ судѣ, мать привозила къ Рождеству и Пасхѣ подарки секретарю или кадушку масла, или ветчину, или что иное изъ домашняго хозяйства.

Въ 1842 году я перешелъ на службу въ городскую полицію и за первый мѣсяцъ получилъ отъ городничаго жалованья 75 коп. Тогда была такая серебряная монета, въ верхней части ея вычеканено русскими буквами 75 коп. серебромъ, а въ нижней польскими 5 Zlotych. Такія монеты я получалъ ежемѣсячно довольно долго, потомъ тоже

Библиотека "Руниверс"

долго получалъ по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ и наконецъ по 7 руб. въ мѣсяцъ,—это былъ уже полный штатный окладъ.

Въ началѣ предметами моихъ занятій было писаніе отмѣтокъ въ особыхъ розыскныхъ статьяхъ, прилагаемыхъ при губернскихъ вѣдомостяхъ. Статей этихъ было очень много, при каждомъ № прилагалось ихъ нѣсколько десятковъ, а то и сотни, ибо тогда розыски лицъ и имѣній производились по самымъ ничтожнымъ поводамъ, напримѣръ для объявленія резолюціи на прошеніе или для взысканія съ имѣнія даннаго лица какой либо незначительной суммы, хотя бы извѣстно было, что имѣнія, принадлежащаго тому лицу, нигдѣ нѣтъ и быть не можетъ. Такіе розыски производились по всей Россіи. Розыскныя статьи присылались въ двухъ экземплярахъ, ихъ никто не читалъ, а на оставленныхъ поляхъ приписывалось на обоихъ экземплярахъ, что такихъ-то лицъ или имѣній, принадлежащихъ такимъ-то лицамъ, за розыскомъ не оказалось. Одинъ экземпляръ отсылался въ губернское правленіе, которое строго слѣдило за исполненіемъ этого, а иногда при замедленіи въ отсылкѣ присылало эстафету на счетъ виновнаго, а другіе экземпляры вшивались въ особую книгу.

Къ моей обязанности также принадлежало разбирать исполненныя или не требующія исполненія бумаги, подшивать ихъ къ дѣламъ или нарядамъ и писать имъ частныя описи. Потомъ, когда я поумнѣлъ, то составлялъ и писалъ уже рапорты въ губернское правленіе и уголовную палату объ исполненіи приговоровъ; затѣмъ я сдѣлался уже чиновникомъ необходимымъ. Я любилъ читать законы, и обладалъ хорошею памятью. Составляя какую либо бумагу, ссылался на статьи закона, что городничему чрезвычайно нравилось, хотя въ сущности онъ законовъ терпѣть не могъ, и если кто, объясняясь передъ нимъ, упоминалъ ихъ, то это приводило его въ бѣшенство.

Городничій Щербцовъ принадлежалъ къ типу тѣхъ полицейскихъ чиновниковъ, которые тогда нравились начальству и считались отличными дѣятелями, почему я нахожу нелишнимъ нѣсколько остановиться на немъ и описать его дѣятельность. Прежде онъ служилъ въ Кіевѣ частнымъ приставомъ въ то время, когда тамъ былъ старшимъ полиціймейстеромъ Голяткинъ, памятный старымъ кіевлянамъ и прославившійся на всю губернію. Онъ объѣзжалъ городъ на тройкѣ пожарныхъ лошадей съ четырьмя казаками, изъ которыхъ одинъ скакалъ впереди, два сзади и одинъ сидѣлъ на козлахъ съ кучеромъ. Когда полиціймейстеръ что либо замѣчалъ, то тотчасъ же производилъ и расправу; кучеръ останавливалъ экипажъ, казаки спрыгивали съ своихъ лошадей, хватали указанную жертву, растягивали ее на землѣ, одинъ садился на голову, другой на ноги, третій отсчитывалъ удары нагайкою по обнаженному тѣлу, а четвертый держалъ верховыхъ лошадей. Когда Щербцовъ вы-

Библиотека "Руниверс"

былъ изъ должности, то за нимъ, какъ говорили, оказалось девяносто съ лишнимъ уголовныхъ дѣлъ, которымъ не давали хода. Нужно знать, что тогда лица, которымъ ввѣрена была какая-либо власть, имѣли право по своему усмотрѣнію наказывать тѣлесно своихъ подчиненныхъ, если они не принадлежали къ числу изъятыхъ отъ такого наказанія по закону,—слѣдовательно городничій привлекался къ суду не за такія наказанія.

Въ Черкасахъ не было ни пожарныхъ лошадей, ни казаковъ, и хотя Щербцовъ имѣлъ красивую лошадь, новенькія дрожки и франтовато одѣтаго кучера, но не объѣзжалъ города, и хотя квартировалъ очень близко отъ присутственныхъ мѣстъ, но никогда пѣшкомъ не ходилъ, а всегда пріѣзжалъ въ дрожкахъ, которыя стояли у крыльца все время нахожденія его на службѣ.

Ежедневная служебная дѣятельность его происходила въ такомъ порядкѣ: въ 9 часовъ утра квартальный надзиратель въ полной формѣ, т. е. въ мундирѣ, при шпагѣ и въ треугольной шляпѣ, велъ къ городничему полицейскую и пожарную команды, состоявшія изъ 14 человѣкъ военныхъ нижнихъ чиновъ, считавшихся на дѣйствительной военной службѣ, одѣтыхъ въ шинели съ красными воротниками, но безъ вооруженія, котораго въ тѣ времена не полагалось. Выстроивъ ихъ на дворѣ городничаго въ шеренгу, квартальный становился впереди и ожидалъ выхода.

Городничій выходилъ въ шелковомъ халатѣ съ трубкою на длинномъ чубукѣ; хотя онъ никогда въ военной службѣ не былъ, но любилъ поступать по военному. Принявъ отъ квартальнаго рапортъ о благополучіи, распушивъ его, къ чему всегда находился какой либо поводъ, подходилъ къ командѣ и произносилъ обычное «здорово, ребята!» а они отвѣчали «здравія желаемъ, ваше скородіе». Затѣмъ онъ проходилъ по фронту и, если замѣчалъ въ одеждѣ или въ чемъ либо неисправность или слышалъ запахъ водки, то тутъ же и награждалъ виновнаго собственноручно пощечинами, а квартальнаго вторично распекалъ и затѣмъ отпускалъ. Команда перестраивалась по два въ рядъ и уходила.

Въ 11 часовъ городничій пріѣзжалъ къ присутственнымъ мѣстамъ, очень ловко соскакивалъ съ дрожекъ и почти взбѣгалъ по ступенькамъ на крыльцо, стремительно направляясь въ полицію, дверь въ которую находилась прямо со входа, и если находящійся у двери десятскій не успѣвалъ скоро и ловко ее отворить, то получалъ пощечину. Съ другой стороны двери, уже въ канцеляріи, находился другой десятскій, безсмѣнный дежурный, который обязанъ былъ схватить почти на лету шинель, повѣсить на особую вѣшалку и отворить дверь въ присутствіе. Все это онъ долженъ былъ сдѣлать, пока городничій поставитъ въ уголъ

Библиотека "Руниверс"

шпагу, которую держалъ въ рукѣ. Если же десятскій не успѣвалъ, или сдѣлалъ неловко, то тоже получалъ пощечину, и къ сожалѣнію ему приходилось получать таковыя очень часто. По входѣ городничаго въ присутствіе немедленно раздавался звонокъ, а затѣмъ зычнымъ, раздѣльнымъ голосомъ онъ произносилъ: «позвать квартальнаго офицера». Квартальный надзиратель, немилосердно распекаемый, котораго для приданія себѣ большей важности городничій именовалъ квартальнымъ офицеромъ, ожидавшій сего зова, являлся и докладывалъ обо всѣхъ арестованныхъ. Арестовывались не только за пьянство, буйство, драки и другія нарушенія правилъ благоустройства и благочинія, но даже по дѣламъ гражданскимъ. Если должникъ не платилъ долга по обязательству или другому какому взысканію, о которыхъ дѣла производились тогда полиціей, то и его сажали въ холодную и держали пока не разсчитается; если же кто жаловался на обиду, то согласно разъ отданному для постояннаго исполненія приказанію, квартальный долженъ былъ какъ обвиняемаго, такъ и жалобщика посадить въ холодную для того, чтобы они тамъ помирились. Послѣ доклада, тѣхъ изъ арестованныхъ, объясненія которыхъ городничій находилъ нужнымъ выслушать и произвести личную расправу, вызывали поочередно. Въ рѣдкихъ случаяхъ арестованный послѣ объясненія и распеканціи былъ отпускаемъ на волю, большею же частью возвращался на прежнее мѣсто для дальнѣйшихъ распоряженій; а нерѣдко случалось, что распекаемый вылеталъ изъ присутствія, а въ слѣдъ за нимъ выскакивалъ городничій съ побагровѣвшимъ лицомъ, съ пѣной у рта и производилъ кулачную расправу, которую онъ считалъ неприличнымъ производить въ присутствіи предъ зерцаломъ и портретомъ государя. Въ особенности это производилось всегда съ тѣмъ, кто при своихъ объясненіяхъ, рѣшался упомянуть слово «законъ». Тогда городничій немедленно вылеталъ изъ присутствія, произнося «вотъ я тебѣ покажу законъ!» При этомъ раздавалась громкая пощечина; «вотъ тебѣ законъ» (другая пощечина). «Городъ высочайше мнѣ ввѣренъ, а ты мнѣ смѣешь говорить про законъ, понимаешь-ли, городъ высочайше мнѣ ввѣренъ—я, тебѣ законъ, вотъ я пропишу тебѣ законъ, взять его!» и его уводили, а вслѣдъ за тѣмъ уходилъ быстрыми шагами и городничій. Накинувъ на него шинель безсмѣнный дежурный десятскій спѣшилъ за нимъ и за нимъ же бѣгомъ слѣдовали квартальный съ нѣсколькими десятскими. Всѣ они направлялись въ тюремный дворъ для окончательной расправы съ тѣми, которымъ городничій находилъ нужнымъ прописать законъ.

Послѣ произведенныхъ операцій городничій преображался въ другаго человѣка: возвращался онъ медленнымъ шагомъ, лицо принимало довольный, даже улыбающійся видъ; онъ самъ заговаривалъ съ сопровождавшимъ его квартальнымъ, а въ присутствіи спокойно принимался

Библиотека "Руниверс"

за разсмотрѣніе полученныхъ и приготовленныхъ къ подписи бумагъ. Такой, почти неизмѣнный порядокъ, продолжался во все время его городничества съ 1841 по 1846 годъ, а въ семъ послѣднемъ году дѣятельность его неожиданно прекратилась самымъ непріятнымъ образомъ.

Въ канцелярію городской полиціи былъ принятъ на службу дворянинъ Рогозинскій, молодой человѣкъ, порядочно по тому времени образованный (онъ кончилъ курсъ въ Житомірской гимназіи) и при томъ какъ замѣтно, былъ хорошо воспитанный въ родительскомъ домѣ. Отецъ его имѣлъ небольшое имѣніе гдѣ-то въ Волынской губерніи, но вѣроятно обѣднѣлъ и никакого пособія сыну не давалъ.

Онъ очутился въ Черкасахъ какъ-то случайно, не имѣя средствъ къ жизни, искалъ какой нибудь службы и былъ принятъ городничимъ въ канцелярію за 5 руб. въ мѣсяцъ. Въ тѣ времена образованный встрѣчалъ больше затрудненій въ пріисканіи себѣ службы, нежели необразованный. Ученыхъ считали неудобными на службѣ, потому что они могутъ умничать и не исполнять безъ разсужденія начальническихъ приказаній.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ службы онъ, предполагая ѣхать на Рождественскіе праздники къ знакомымъ въ Звенигородскій уѣздъ, не испросивъ прежде у городничаго отпуска, написалъ отъ его имени отношеніе въ казначейство о неимѣніи препятствій на выдачу ему подорожной и положилъ для подписи въ числѣ другихъ бумагъ. Въ то время былъ такой порядокъ, что если кто хотѣлъ ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ, то для полученія изъ казначейства подорожной долженъ былъ представить увѣдомленіе городничаго о неимѣніи препятствій на выѣздъ изъ города. Такой поступокъ Рогозинскаго городничій счелъ нахальнымъ, позвалъ его въ присутствіе, распушилъ въ пухъ и прахъ, разорвалъ бумагу и бросилъ ему.

— Мнѣ необходимо уѣхать на праздники, сказалъ Рогозинскій,—и если не разрѣшаете отпуска, то я долженъ отказаться отъ службы.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ вышелъ, нанялъ лошадей и уѣхалъ.

Прошли праздники. Рогозинскій не возвратился, дерзость его волновала городничаго. Между тѣмъ онъ узналъ отъ письмоводителя, что не задолго передъ тѣмъ Рогозинскій получилъ письмо изъ-за границы, и хвалясь тѣмъ, что состоитъ въ перепискѣ съ членомъ какой-то ученой или училищной коммисіи, командированнымъ за границу, показывалъ это письмо. Фактъ полученія письма изъ-за границы былъ уже достаточнымъ поводомъ къ возбужденію подозрѣнія о политической неблагонадежности; а тутъ подвернулся еще и другой случай. Рогозинскій выпросилъ въ займы у одного изъ своихъ знакомыхъ енотовую шубу, который, встревожась тѣмъ, что не получилъ ее къ назначенному сроку, подалъ о семъ заявленіе въ полицію. Городничій приказалъ кварталь-

Библиотека "Руниверс"

ному совмѣстно съ письмоводителемъ произвести обыскъ въ квартирѣ и сейчасъ же написалъ въ земскій судъ о розыскѣ его, какъ заподозрѣннаго въ политической неблагонадежности и въ похищеніи шубы, взятой подъ видомъ займа.

Я жилъ съ Рогозинскимъ на одной квартирѣ.

Уѣзжая онъ взялъ съ собою почти всѣ вещи, которыхъ было не много. Оставалась только небольшая запертая шкатулка съ письмами и сундучекъ незапертый, наполненный рукописными стихами, и пѣснями польскими и русскими разныхъ авторовъ, Мицкевича, Пушкина, Жуковскаго и другихъ.

Въ тѣ времена стихотворенія распространялись больше въ рукописяхъ, даже и тѣ, которые пропущены цензурой и напечатаны.

Я зналъ, что въ письмахъ не найдутъ ничего, за что можно было бы привлечь Рогозинскаго къ отвѣтственности, но между стихами были одни, за которые навѣрно его потянули бы къ отвѣту. Стихи эти сочиненія Полежаева подъ заглавіемъ: «Характеристика націй»; въ нихъ все сказанное о Россіи было настолько нецензурно, что и теперь ихъ нельзя печатать, и въ изданномъ нынѣ полномъ собраніи сочиненій Полежаева характеристика эта пропущена. Пользуясь тѣмъ, что обыскъ въ квартирѣ отложенъ былъ на послѣобѣда, я отыскалъ опасные стихи, уничтожилъ ихъ и послѣ перебрался на другую квартиру.

При обыскѣ ничего подозрительнаго не было найдено; но квартиру однако же запечатали. Черезъ день или два пріѣхалъ Рогозинскій и, найдя свою квартиру опечатанною, написалъ жалобу г.г. генералъ-губернатору и гражданскому губернатору. Получившій его шубу подалъ заявленіе, что никакой претензіи къ Рогозинскому не имѣетъ, ибо находитъ уважительнымъ объясненіе его, что причиною невозвращенія таковой къ сроку была потеря имъ службы въ полиціи и необходимость искать другой, хотя безуспѣшно, въ тѣхъ мѣстахъ, куда онъ ѣздилъ, почему проситъ прекратить всякое производство по прежде сдѣланному имъ заявленію.

Возвращеніе Рогозинскаго, конечно, сдѣлалось извѣстнымъ городничему, но его въ полицію не звали и арестованныхъ вещей не возвращали, ожидая, что онъ попроситъ возвратить таковыя, а онъ не просилъ. Между тѣмъ пріѣхалъ въ городъ уѣздный предводитель дворянства, и Рогозинскій явился къ нему, разсказалъ обо всемъ случившемся и просилъ принять его на службу въ свою канцелярію. Предводитель охотно исполнилъ его просьбу. Тогда Рогозинскій написалъ и подалъ лично городничему заявленіе о томъ, что въ бывшей его квартирѣ, неизвѣстно по какому случаю запечатанной, находится шкатулка, а въ ней денегъ 180 руб. Отъѣзжая изъ Черкасъ въ имѣніе предводителя дворянства, въ канцелярію котораго поступилъ на службу, онъ проситъ

*

Библиотека "Руниверс"

озаботиться, чтобы деньги тѣ до распоряженія о возвратѣ ему его имущества не пропали. Заявленіе это, въ дѣйствительности ложное, привело городничаго въ бѣшенство, онъ приказалъ взять Рогозинскаго, посадить подъ арестъ, но не въ «холодной», а въ помѣщеніи для десятскихъ. Письмоводителю приказалъ заготовить вопросные пункты, въ которыхъ потребовать объясненія за каждый день и часъ, гдѣ онъ находился во время отлучки изъ Черкасъ. Заготовленные вопросные пункты вручены были Рогозинскому, и онъ написалъ короткій отвѣтъ: «О томъ гдѣ я находился во время отсутствія изъ Черкасъ подробно объяснено въ жалобахъ, поданныхъ мною гг. кіевскимъ военному генералъ-губернатору и гражданскому губернатору, въ удостовѣреніе чего прилагаю росписки почтовой конторы». Городничій велѣлъ письмоводителю сочинить рапортъ губернатору. Рапортъ былъ сочиненъ, въ которомъ Рогозинскій обрисованъ самыми черными красками: тутъ было и то, что онъ ведетъ подозрительную корреспонденцію съ поляками, находящимися въ разныхъ мѣстахъ и даже за границею, что ѣздитъ къ разнымъ неизвѣстнымъ полякамъ, скрывая къ кому и по какой надобности, что такимъ образомъ разъѣзжалъ онъ въ продолженіе двухъ недѣль, просясь въ отпускъ только на нѣсколько дней, будто бы въ г. Звенигородку, гдѣ у него никакихъ родственниковъ нѣтъ и, несмотря на отказъ въ разрѣшеніи отпуска, уѣхалъ самовольно, и что вообще онъ крайне подозрителенъ, такъ какъ въ немъ замѣчается польскій мятежный духъ. Въ виду всего этого въ квартирѣ его и былъ произведенъ обыскъ, найдено много польскихъ писемъ, стиховъ и пѣсенъ польскихъ и русскихъ, которые и опечатаны; онъ же подалъ еще и ложное заявленіе, что будто бы между этими бумагами были деньги 180 руб., вслѣдствіе всего этого арестованъ и содержится при полиціи впредь до разрѣшенія.

Рогозинскій, понятно, тоже обжаловалъ послѣднія дѣйствія надъ нимъ. Послѣдствіемъ сего было полученное отъ губернатора предписаніе извѣщавшее, что донесеніе городничаго и всѣ жалобы Рогозинскаго переданы въ губернское правленіе на разрѣшеніе, и, не усматривая достаточныхъ основаній къ содержанію Рогозинскаго подъ арестомъ до разрѣшенія дѣла, предписывалось немедленно освободить его. Онъ былъ освобожденъ и уѣхалъ на службу къ предводителю, канцелярія котораго находилась въ его имѣніи.

Губернское правленіе разрѣшило дѣло тѣмъ, что, найдя дѣйствія городничаго Щербцова неправильными, сдѣлало ему выговоръ и велѣло объявить объ этомъ Рогозинскому и возвратить арестованное имущество.

Имущество возвратили, но рѣшенія губернскаго правленія не объявили. Тогда онъ подалъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ, который

Библиотека "Руниверс"

по вытребованіи объясненія нашелъ рѣшеніе губернскаго правленія не правильнымъ, такъ какъ въ дѣйствіяхъ Щербцова заключаются проступки, влекущіе за собою наказанія, которые могутъ быть назначены только судомъ и что потому его слѣдуетъ предать суду. Затѣмъ послѣдовало распоряженіе губернскаго правленія о преданіи его суду съ устраненіемъ отъ должности. Чѣмъ кончено это дѣло не знаю, но лѣтъ черезъ семь я видѣлъ Щербцова въ Кіевѣ опять на должности частнаго пристава, но только въ немъ не было уже прежней прыти, постарѣлъ онъ и какъ-то опустился.

II.

Земская полиція.—Кругъ ея обязанностей.—Исправникъ Боснинъ.—Губернаторъ Фундуклей.—Женитьба.—Переходъ на службу въ губернское правленіе.—Существовавшіе въ немъ порядки.—Служба въ Херсонской уголовной палатѣ и судебнымъ слѣдователемъ.—Администрація въ губерніяхъ.—Интриги чиновниковъ противъ губернатора.

Въ 1847 году я перешелъ на должность столоначальника чигиринскаго земскаго суда. Главный мой начальникъ, земскій исправникъ Иванъ Аѳанасьевичъ Боснинъ, былъ совершенная противуположность прежнему моему начальнику Щербцову. Этотъ былъ добрѣйшій человѣкъ; я не припомню даже, видѣлъ ли я его когда-либо сердитымъ; всѣ его любили и уважали; онъ былъ на хорошемъ счету у начальства, въ особенности у бывшаго тогда гражданскимъ губернаторомъ Фундуклея, знавшаго его прежде поступленія своего на должность губернатора. Боснинъ былъ исправникомъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ около 30 лѣтъ. Въ томъ уѣздѣ находились большія имѣнія Фундуклея, куда онъ пріѣзжалъ лѣтомъ на нѣсколько мѣсяцевъ и тогда, не будучи еще губернаторомъ, узналъ Боснина, а впослѣдствіи на службѣ отличалъ его отъ другихъ чиновниковъ.

Здѣсь я нахожу не лишнимъ разсказать, что такое была земская полиція того времени вообще, а въ районѣ Кіевскаго генералъ-губернаторства т. е. въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской въ особенности.

Въ то время не было ни земскихъ учрежденій, ни судебныхъ слѣдователей, ни мировыхъ судей, ни судебныхъ приставовъ. Всѣ обязанности, которыя исполняютъ нынѣ эти лица, исполняла полиція, независимо отъ обязанностей и нынѣ на ней лежащихъ, даже нѣкоторыя гражданскія дѣла по суммѣ исковъ превышали предоставленные нынѣ разбору мировыхъ судей. Такъ, напримѣръ, дѣла объ исполненіи дого-

Библиотека "Руниверс"

воровъ и обязательствъ не ограничивались какою либо суммою, а разбирались полиціею и могли переходить въ судебныя учрежденія лишь въ случаѣ предъявленія спора, указаннаго въ законѣ, дающаго дѣлу свойство спорнаго; иски объ ущербахъ и убыткахъ тоже не ограничивались какою-либо суммою, а переходили въ судъ лишь по просьбѣ, поданной въ назначенный срокъ стороною, оставшейся недовольною опредѣленіемъ полиціи; по дѣламъ уголовнымъ слѣдствія и притомъ формальныя производились не только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ нынѣ предварительныя слѣдствія производятся судебнымъ слѣдователемъ, но и по такимъ, которыя нынѣ разбираются мировыми судьями (городскими судьями или земскими начальниками). Такихъ дѣлъ полиція сама не рѣшала, а произведенныя ею слѣдствія отсылала о купцахъ и мѣщанахъ въ магистратъ, а о лицахъ другаго сословія, за исключеніемъ крестьянъ, судимыхъ или помѣщикомъ или казенными волостными судами—въ уѣздный судъ.

Исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей лежало въ городѣ на городской полиціи, а въ уѣздѣ на земскомъ судѣ, состоящемъ изъ исправника, непремѣннаго засѣдателя, трехъ участковыхъ засѣдателей, впослѣдствіи переименованныхъ въ становыхъ приставовъ, и канцеляріи.

Исправникъ получалъ жалованья 287 руб. с., старшій непремѣнный засѣдатель 228 руб. с., становой приставъ 200 руб. с. и еще на наемъ письмоводителя и на канцелярскія расходы 87 руб. с.

Это штатное жалованье далеко не соотвѣтствовало насущнымъ потребностямъ.

На означенныя должности губернскимъ начальствомъ назначались большею частью по протекціи лица совсѣмъ не свѣдущіе въ дѣлопроизводствѣ и въ законахъ, чаще изъ отставныхъ офицеровъ; лишь при назначеніи на должность непремѣннаго засѣдателя назначались преимущественно знающіе письменное производство, такъ какъ обязанность засѣдателя заключалась исключительно въ письменныхъ занятіяхъ по земскому суду. Становые пристава, главные дѣятели по исполненію всѣхъ лежавшихъ на полиціи обязанностей, не были даже снабжены законами, а частныхъ руководствъ, какія издаются теперь во множествѣ по разнымъ вѣдомствамъ, тогда не было.

При стольких обязанностяхъ, лежавшихъ на полиціи, при такомъ ея составѣ и средствахъ могла-ли она исполнять свои обязанности удовлетворительно, согласно съ требованіями закона и существовать безъ злоупотребленій т. е. безъ посторонних подачекъ, когда становой приставъ издерживалъ на свою канцелярію много больше, нежели получалъ самъ на свое содержаніе и на расходы по должности. Въ Кіевской губерніи или вообще въ предѣлахъ кіевскаго генералъ-губернаторства злоупотребленія эти нѣсколько ослаблялись не по суммамъ

Библиотека "Руниверс"

получаемыхъ чиновниками взятокъ, а по источникамъ, изъ которыхъ оные получались.

Во всѣхъ большихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ были назначены годовые оклады для чиновниковъ изъ разной провизіи: муки, крупъ, масла, сыру, сала или битаго кабана, а сверхъ того исправнику, приставу и стряпчему, ѣздившимъ по службѣ на своихъ лошадяхъ—овса и сѣна; отъ сахарныхъ заводовъ и питейнаго откупщика посылались сахаръ, водка и деньги; небогатые помѣщики тоже присылали къ празднику кое-что изъ живности. Изъ имѣній гражданскаго губернатора Фундуклея до поступленія его губернаторомъ тоже былъ назначенъ годовой окладъ, съ занятіемъ же имъ этой должности управляющій его имѣніями прекратилъ выдачу, да и чиновники отказывались отъ полученія, но Фундуклей замѣтилъ въ отчетахъ управляющаго отсутствіе этого расхода, предписалъ выдать все за прошлое время и производить выдачу на будущее время, при чемъ выразился, что если богатые помѣщики не будутъ пособлять средствами на содержаніе чиновниковъ полиціи, то средства эти они будутъ получать отъ воровъ.

Престижъ полицейскихъ чиновниковъ особенно поддерживалъ генералъ-губернаторъ Бибиковъ. Разскажу одинъ случай, характеризующій дѣятельность его въ этомъ направленіи. Въ Чигиринскомъ уѣздѣ былъ небогатый помѣщикъ Михайловскій. Однажды ночью онъ былъ встревоженъ звономъ колокольчика подъѣхавшей къ самому крыльцу почтовой телѣги, а за тѣмъ стукомъ въ дверь и требованіями отворить ее.— Когда отворили дверь, то представился жандармъ, сопровождаемый чинами мѣстной полиціи, и предъявилъ открытое предписаніе генералъ-губернатора, которымъ поручалось ему отправиться въ имѣніе Михайловскаго, Чигиринскаго уѣзда, взять его, доставить въ г. Кіевъ и сдать въ управленіе старшаго полиціймейстера, а всѣмъ мѣстамъ и лицамъ оказывать ему въ томъ содѣйствіе. По требованію жандарма онъ долженъ былъ при страшномъ переполохѣ жены и всѣхъ домашнихъ сейчасъ же кое-какъ одѣться, сѣсть въ ожидавшую у крыльца почтовую телѣгу, запряженную тройкою курьерскихъ лошадей, и его увезли страшно перепуганнаго, хотя и не чувствовавшаго за собой никакой вины. Везли день и ночь безъ отдыха. По пріѣздѣ въ Кіевъ, на другой день онъ былъ потребованъ къ генералъ-губернатору, который встрѣтилъ его такими словами.

— Знаешь-ли ты, какое значеніе имѣетъ становой приставъ? Становой приставъ есть мой представитель на мѣстѣ, а я представитель государя императора, какъ же ты смѣлъ ослушаться становаго пристава да еще написать ему дерзкій отвѣтъ.

Объяснивъ помѣщику, въ чемъ состояло его ослушаніе и дерзость, Бибиковъ отпустилъ его домой.

Библиотека "Руниверс"

Дѣло, повлекшее за собою такія послѣдствія, состояло въ слѣдующемъ: становой приставъ, проѣзжая ночью черезъ землю Михайловскаго по проселочной дорогѣ, заѣхалъ въ промоину отъ бывшаго недавно проливнаго дождя, опрокинулся и ушибся. По пріѣздѣ домой онъ послалъ помѣщику письменное требованіе, чтобы дорога была исправлена въ теченіе трехъ дней.

На требованіе это Михайловскій отвѣтилъ, что въ горячее время года, когда сыплется неубранный хлѣбъ, дорогъ не исправляютъ и потому требованія его онъ исполнить не можетъ, а если онъ опрокинулся и ушибся, то самъ же виноватъ, ибо вольно ему ѣхать ночью по проселочной дорогѣ, когда не вдалекѣ есть большая проѣзжая дорога по тому же направленію.—Полиція имѣла строгое предписаніе генералъ-губернатора доносить ему о всякомъ происшествіи и о всякомъ неповиновеніи и ослушаніи или сопротивленіи власти полиціи, не входя въ разсужденіе стоитъ или, по малозначительности, не стоитъ, чтобы объ этомъ доносить. На этомъ основаніи становой обязанъ былъ представить отзывъ Михайловскаго въ земскій судъ, а сей отослалъ оный генералъ-губернатору, по личному почину котораго и приказано было привезти Михайловскаго въ Кіевъ.

Исправникъ Боснинъ довольствовался только тѣми окладами, какіе получалъ, и никакихъ взятокъ не бралъ. Хотя онъ никогда ни одной бумаги самъ не составилъ и законовъ не читалъ, но судилъ очень здраво.—Онъ говорилъ, что если сдѣлаешь по совѣсти, то выйдетъ и по закону, а если нарушилъ совѣсть, то нарушилъ и законъ. Онъ зналъ, что главное вниманіе губернаторомъ обращается на то, чтобы не было недоимокъ податныхъ и рекрутскихъ, и не было бы жалобъ. Въ этомъ отношеніи у Боснина было всегда исправно.

Вообще онъ былъ очень популяренъ и любимъ всѣми, служилъ на должности исправника такъ долго, что когда въ 1863 году, при введеніи новаго преобразованія полиціи, я былъ назначенъ на должность уѣзднаго исправника въ Херсонскую губернію, то и тогда еще онъ оставался на прежней своей должности.

Старшимъ непремѣннымъ засѣдателемъ былъ Войнаровскій, чиновникъ дѣловой, но какой-то угрюмый и нелюдимый. Въ присутствіи онъ обыкновенно занимался тѣмъ, что прочитывалъ, помѣчалъ и размѣчалъ по столамъ полученныя бумаги и дѣла, прочитывалъ и подписывалъ изготовленныя бумаги, а какъ однихъ, такъ и другихъ было очень много, то эти занятія и поглощали все дообѣденное его время. Уходя на обѣдъ онъ бралъ съ собою уголовный настольный реестръ съ записанными въ оный бумагами и дѣлами, писалъ резолюціи, всегда очень обстоятельныя, и на другой день приносилъ ихъ.

Для охарактеризованія служебной дѣятельности секретаря доста-

Библиотека "Руниверс"

точно будетъ, если я повторю слова, сказанныя ему засѣдателемъ Войнаровскимъ.

— Знаетэ що Константинъ Ивановичъ, якъ бы до насъ пріихавъ такій нимець, що робить всякі машины, то мы бъ ему заказалі таку машину що писала-бъ. Секретарь Ноджевскій поставилибъ ій тутъ на столі, тай обійшлись бы безъ васъ.

Секретарь этотъ, имѣвшій сильную протекцію въ губернскомъ городѣ, не только служилъ на должности, требующей знанія и труда исключительно по письменному производству, но и былъ вскорѣ повышенъ назначеніемъ на должность становаго пристава въ другой уѣздъ.

Я поступилъ на должность столоначальника гражданскаго стола. Кромѣ занятій, относящихся къ моимъ обязанностямъ, мнѣ часто приходилось работать и за секретаря, который обязанъ былъ писать резолюціи по настольному реестру гражданскаго стола, но всегда дѣлалъ запущенія. Вскорѣ заслужилъ я довѣріе исправника, такъ что онъ поручалъ мнѣ просматривать черновыя опредѣленія и по уголовнымъ дѣламъ, а потомъ велѣлъ совсѣмъ передать въ мой столъ тѣ уголовныя дѣла, которыя разрѣшались въ судебно-полицейскомъ порядкѣ.

Въ 1848 году пріѣхалъ къ намъ губернаторъ Фундуклей. Во время ревизіи въ земскомъ судѣ онъ требовалъ объясненій по нѣсколькимъ предметамъ, которые относились къ моему столу; для объясненій позвали меня. Онъ, обращаясь уже непосредственно ко мнѣ, задалъ нѣсколько вопросовъ; отвѣты провѣрилъ—оказались вѣрны. По окончаніи ревизіи ушелъ со своими чиновниками въ городскую полицію. Вскорѣ оттуда прибѣжалъ стряпчій и потребовалъ меня къ губернатору, который, когда я явился, спросилъ меня, согласенъ-ли я перейти на должность письмоводителя городской полиціи, на которую онъ предполагаетъ назначить меня для приведенія въ порядокъ дѣлопроизводства, найденнаго имъ въ безпорядкѣ. Я не могъ не согласиться, такъ какъ обращеніе губернаторомъ вниманія на мою службу льстило мнѣ, да притомъ предлагаемая должность была классомъ выше мною занимаемой и съ бо̀льшимъ жалованьемъ.

Губернаторъ приказалъ своему чиновнику сейчасъ же написать предложеніе губернскому правленію объ увольненіи письмоводителя и о переводѣ меня на его мѣсто, а мнѣ сказалъ, что въ должность вступить могу немедленно.

Когда, возвратившись въ земскій судъ, я объявилъ объ этомъ исправнику, то это его такъ обезкуражило, что, встрѣтивъ губернатора, онъ не могъ скрыть этого.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ, вы обижаете меня, берете у меня лучшаго чиновника; я имѣлъ въ виду просить васъ назначить

Библиотека "Руниверс"

его непремѣннымъ засѣдателемъ, но теперь еще нельзя, такъ какъ онъ не имѣетъ чина.

— Ну вотъ и хорошо, отвѣчалъ губернаторъ; онъ приведетъ въ порядокъ дѣла полиціи, между тѣмъ получитъ чинъ, и я его назначу опять къ вамъ.

Новая моя служба въ городской полиціи была непріятна. Городничій Тереховичъ принадлежалъ къ типу тѣхъ старинныхъ чиновниковъ, носившихъ названіе «сутяги», которые имѣли особенную способность заводить кляузныя дѣла, вводя въ нихъ разные придирки, придавая таковымъ видъ преступныхъ намѣреній или дѣйствій, впутывая и запутывая разныхъ лицъ для того, чтобы обирать ихъ. Онъ почти не выходилъ изъ дому, въ полиціи бывалъ разъ или два въ недѣлю, почты полученную и отправляемую для подписи носили къ нему на домъ. Большую часть дѣлъ, о которыхъ въ полиціи и свѣдѣній не было никакихъ, онъ велъ отъ своего имени.

Послѣ увольненія Тереховича мнѣ пришлось служить въ той-же полиціи нѣсколько лѣтъ подъ начальствомъ нѣсколькихъ городничихъ, назначаемыхъ уже изъ военныхъ. Они отличались отъ гражданскихъ чиновниковъ тѣмъ, что считали позволительными для себя всякія дѣйствія, а брать взятки—непредосудительнымъ и брали ихъ открыто; иногда для вымогательства употребляли оригинальные способы..

Надежда, основанная на обѣщаніи губернатора Фундуклея, назначить меня на должность непремѣннаго засѣдателя, когда получу чинъ, не осуществилась. Когда я получилъ чинъ, Фундуклей былъ уже сенаторомъ, и когда я обратился къ новому губернатору съ просьбой о назначеніи меня на высшую должность, то получилъ отказъ.

Съ перемѣной губернатора управленіе въ губерніи значительно измѣнилось. Фундуклей былъ человѣкъ добрый, справедливый, магнатъ и притомъ одинокій. Все свое жалованье онъ отдавалъ на канцелярію, нѣсколькимъ давалъ безплатныя квартиры въ своихъ домахъ; были и такіе, что имѣли у него постоянный столъ. Въ западныхъ губерніяхъ штаты канцелярій губернаторовъ тогда были неограничены, для привлеченія на службу молодыхъ людей изъ польскихъ помѣщиковъ, въ видахъ обрусенія ихъ, почему въ ихъ канцеляріяхъ считалось много богатыхъ чиновниковъ. Вообще всѣ чиновники канцеляріи во время губернаторства Фундуклея считались въ Кіевѣ золотою молодежью. При новомъ губернаторѣ инженеръ-генералъ-маіорѣ Кривцовѣ все измѣнилось. Прежняя канцелярія разбрелась, а новая была не та. Носились слухи, что правитель канцеляріи беретъ взятки. Это кажется такъ и было, ибо, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова, этотъ правитель канцеляріи былъ уволенъ и высланъ изъ Кіева, а вскорѣ былъ уволенъ въ отставку и губернаторъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1853 году я женился. Средства, получаемыя по должности письмоводителя городской полиціи весьма скудные и при холостой жизни, были тѣмъ болѣе недостаточны для семейнаго, а между тѣмъ, при началѣ Крымской войны, послѣдовало распоряженіе, чтобы лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія ни на какія самостоятельныя должности не назначать.

Лишившись такимъ образомъ всякой надежды на полученіе лучшей должности въ Чигиринскомъ уѣздѣ, я подалъ прошеніе о перемѣщеніи на службу въ штатъ губернскаго правленія, предполагая, что службой въ виду губернскаго начальства могу заслужить вниманіе и получить ходъ хотя бы и не на самостоятельной должности.

Мнѣ и теперь, несмотря на прошедшіе сорокъ слишкомъ лѣтъ, непріятно вспоминать тѣ тяжелые дни и годы, которые пришлось тогда переживать.

Въ губернскомъ правленіи столоначальникъ того стола, въ который меня назначили, давалъ мнѣ иногда переписывать бумаги, а когда я попросилъ его дать мнѣ болѣе самостоятельную работу, то онъ далъ объемистую переписку для изготовленія доклада. Прочитавъ ее я написалъ докладъ съ изложеніемъ въ немъ вкратцѣ всего нужнаго и съ соотвѣтственнымъ заключеніемъ. Когда я отдалъ ему докладъ, то онъ удивился, что бумага написана на одномъ листѣ, и не читая сказалъ:

— Что это такое? у насъ такъ не пишутъ; въ докладѣ нужно прописать всю переписку отъ слова до слова.

На возраженіе мое, что включеніемъ всей переписки только запутывается и затемняется сущность дѣла, и затрачиваемый на это трудъ превышаетъ стоимость тѣхъ 60 коп., о взысканіи которыхъ идетъ дѣло, онъ сказалъ:

— Да ужъ мнѣ эти сочинители надоѣли,—разорвалъ написанную мною бумагу, а переписку отдалъ другому.

Слова эти были отнесены не ко мнѣ одному, а и къ сидѣвшему рядомъ со мной студенту Кіевскаго университета, тоже поступившему было на службу въ губернское правленіе, который наканунѣ также сочинилъ бумагу, не понравившуюся столоначальнику и имъ уничтоженную. Студента того въ началѣ семидесятыхъ годовъ я нашелъ учителемъ Кіевской второй гимназіи.

Въ губернскомъ правленіи не рѣдко бывали такіе доклады: листовъ десять исписано какою то ни для кого непонятною ахинеею, а въ заключеніи «приказали: о вышеизложенномъ дать знать земскому суду или городской полиціи, для надлежащаго въ чемъ слѣдуетъ исполненія», а въ чемъ слѣдовало исполненіе, ни писавшій, ни исполнявшій—понять не могъ.

Средства мои были очень скудны и улучшить ихъ не было надежды,

Библиотека "Руниверс"

потому что тогдашнія должности оплачивались на столько скудно, что было бы хорошо, если-бъ получаемаго жалованья доставало на жизнь самую скромную. Къ пріобрѣтеніямъ при помощи злоупотребленій я всегда питалъ отвращеніе, а между тѣмъ служба, какъ казенная такъ и частная въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, была выгодна лишь тогда, когда сопровождалась взятками. Къ веденію хозяйства или какой-либо спекуляціи я чувствовалъ себя неспособнымъ. Словомъ я видѣлъ себя безпомощнымъ. Иногда, смотря на простыхъ рабочихъ, возвращающихся вечеромъ съ работъ веселыми, здоровыми, поющими, я завидовалъ имъ; они находили себѣ работу слѣдовательно были людьми полезными, а я не находилъ себѣ занятія, былъ лишнимъ, ненужнымъ. Размышленія надъ этимъ иногда приводили меня въ отчаяніе, оставалась одна надежда на Бога и его благость, въ которую я вѣрилъ и не ошибся. Будучи слабаго здоровья, я задумалъ себя застраховать, чтобы хотя послѣ смерти жена могла получить растраченное, но и тутъ встрѣтилъ неудачу. Бывшій въ Кіевѣ единственный агентъ страховаго общества отказалъ принять меня на страхъ, потому что свидѣтельствовавшій меня врачъ нашелъ предрасположеніе къ чахоткѣ. Это было въ 1854 году. Грудь у меня дѣйствительно была очень слаба, и по совѣту врача я ежедневно по утрамъ пилъ рыбій жиръ.

Въ губернскомъ правленіи я считался на службѣ до 1857 года, но въ дѣйствительности не служилъ: пріѣзжалъ на мѣсяцъ или два и уѣзжалъ въ отпускъ, въ которомъ никогда не отказывали, за просрочки не спрашивали, а потомъ пересталъ вовсе ѣздить въ Кіевъ, не находя въ немъ себѣ дѣла.

Въ 1857 году, я по ходатайству и рекомендаціи помѣщика Касинова былъ назначенъ секретаремъ Херсонской уголовной палаты.

Первые опыты новой моей службы были очень неудачны: изготовленныя мною черновыя рѣшенія по двумъ дѣламъ, послѣ просмотра ихъ предсѣдательствующимъ, оказались испещренными поправками, помарками, приписками, такъ что я, узрѣвъ ихъ, ожидалъ, что вотъ, вотъ предсѣдатель скажетъ, что я могу искать другой службы, болѣе подходящей къ моимъ способностямъ, но этого не случилось. Слѣдующіе опыты, при которыхъ принимались въ соображеніе сдѣланныя поправки и передѣлки, были уже болѣе удачными и наконецъ, когда къ концу мѣсяца получевъ изъ Кіевскаго губернскаго правленія мой формулярный списокъ и свѣдѣнія о неимѣніи препятствій на перемѣщеніе, то предсѣдатель велѣлъ написать журналъ о допущеніи меня къ исправленію должности секретаря.

Такимъ образомъ я перешелъ на службу и переселился на жительство въ Херсонъ. Къ новой службѣ я скоро привыкъ и она мнѣ очень

Библиотека "Руниверс"

понравилась. Къ обязанностямъ секретаря принадлежало разсмотрѣніе дѣлъ и изготовленіе по нимъ проектовъ рѣшенія.

Такое занятіе, требующее участія головы и сердца, при разнообразіи особенностей каждаго дѣла, не казалось для меня утомительнымъ, несмотря на то, что работалъ ежедневно, до трехъ часовъ ночи.

Но меня очень тяготила жизнь въ Херсонѣ. Жалованья получалъ я 28 р. въ мѣсяцъ т. е. 336 р. въ годъ. Хотя мы до крайности ограничили свои расходы, имѣли даровую прислугу,мужчину и женщину изъ имѣнія братьевъ жены, и отъ нихъ же получали проценты на оставленный капиталъ 3000 р. но все-таки при новомъ обзаведеніи въ продолженіе перваго года пришлось израсходовать изъ того капитала 1000 рублей.

Въ мартѣ 1858 года полученъ указъ сената, который, усмотрѣвъ изъ представленной отчетной вѣдомости за 1857 г., что по 110 дѣламъ, находящимся въ палатѣ болѣе года, не было никакого дѣйствія и что въ числѣ ихъ есть дѣла, поступившія въ палату болѣе 10 лѣтъ, предписалъ доставить по каждому дѣлу объясненіе и списокъ членамъ и секретарямъ, бывшимъ въ продолженіе 10 лѣтъ для привлеченія ихъ къ отвѣтственности.

Указъ этотъ произвелъ большое смущеніе въ палатѣ и, въ особенности, испугалъ предсѣдателя и засѣдателя.

Они постоянно совѣщались, что̀ писать въ объясненіе, и приходили къ заключенію, что суда имъ не миновать. Взялъ было указъ для написанія объясненія предсѣдатель, потомъ передалъ его засѣдателю, чтобы тотъ набросалъ свое мнѣніе, но онъ, продержавъ нѣсколько дней и отъѣзжая на наступившіе праздники Свѣтлаго Христова Воскресенія, принесъ и оставилъ его въ палатѣ.

Пользуясь полуторанедѣльнымъ свободнымъ временемъ я написалъ объясненіе. Предсѣдатель, которому въ первый послѣ праздниковъ присутственный день я отнесъ, удивился, что я написалъ объясненіе безъ его порученія, взялъ таковое съ мрачнымъ видомъ и, уходя послѣ занятій, унесъ съ собою для просмотра. На другой день явился на службу и засѣдатель. Предсѣдатель принесъ просмотрѣнное объясненіе, въ редекціи нѣсколько исправленное, передалъ его засѣдателю, а когда тотъ прочиталъ, спросилъ: «Ну что, будемъ преданы суду?» и получилъ отвѣтъ «Нѣтъ, не будемъ».

Не прошло и мѣсяца послѣ отсылки объясненія, какъ полученъ былъ указъ сената о томъ, что объясненіе это признано уважительнымъ, и такъ какъ накопленіе дѣлъ въ палатѣ произошло не по винѣ членовъ и секретарей ея, а вслѣдствіе недостаточности матеріальныхъ средствъ палаты, не соотвѣтствующихъ потребности, и оставленіемъ министерствомъ юстиціи безъ послѣдствій ходатайствъ ея объ улучшеніи таковаго, то

Библиотека "Руниверс"

объ этомъ сообщено господину министру на соотвѣтствующее съ его стороны распоряженіе.

Къ счастью, министромъ юстиціи былъ уже не Панинъ, а Замятинъ, почему сообщеніе сената и не осталось безъ послѣдствій. Недѣли черезъ двѣ получилось предписаніе министра съ извѣщеніемъ о томъ, что имъ разрѣшено производство секретарямъ столовыхъ денегъ, даже и по той вакансіи, которая еще не занята, и что предоставлено губернатору утвердить секретаремъ палаты того кандидата, котораго она представитъ, не стѣсняясь требованіями закона о представленіи трехъ кандидатовъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того я былъ утвержденъ въ должности секретаря и разрѣшена выдача столовыхъ. Прошло еще нѣсколько недѣль, какъ послѣдовало высочайшее повелѣніе, испрошенное черезъ комитетъ министровъ, объ общей прибавкѣ чинамъ судебнаго вѣдомства 57% къ получаемому штатному содержанію.

Такимъ образомъ я былъ опредѣленъ секретаремъ названной палаты, съ содержаніемъ болѣе 700 р. серебромъ.

Служба моя въ уголовной палатѣ требовала огромнѣйшаго труда, но вспоминаю я о ней съ удовольствіемъ. Начальники, предсѣдатель и товарищъ предсѣдателя были люди очень хорошіе, отличались отъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ на прежней службѣ мнѣ приходилось сталкиваться, превосходнымъ образованіемъ, деликатностью въ обращеніи и особеннымъ ко мнѣ пріязненнымъ отношеніемъ, отличавшимъ меня отъ другихъ сослуживцевъ.

Въ концѣ 1860 г. я былъ назначенъ на должность судебнаго слѣдователя 2-го участка Александрійскаго уѣзда и выѣхалъ изъ Херсона въ началѣ декабря 1860 года.

Прощаясь съ Херсономъ, который мнѣ впрочемъ еще не разъ пришлось посѣщать, считаю нужнымъ упомянуть о томъ административномъ устройствѣ и управленіи, въ какомъ находилась тогда Херсонская губернія. Описаніе это нахожу нужнымъ, потому что оно имѣетъ связь съ будущимъ переустройствомъ, въ которомъ мнѣ, помимо воли, пришлось, перемѣнивъ родъ службы, быть однимъ изъ звеньевъ новаго административнаго управленія.

Въ то время когда я переселился на службу въ Херсонъ, губернаторомъ тамъ былъ Панкратьевъ, человѣкъ старый, часто болѣвшій и къ обязанностямъ своимъ относившійся апатично; вице-губернаторомъ—Канатовъ, тоже человѣкъ старый, нерѣшительный и собственнаго мнѣнія не имѣющій. Для характеристики ихъ разскажу одинъ эпизодъ, части котораго я былъ свидѣтелемъ: я сидѣлъ на Потемкинскомъ бульварѣ рядомъ съ Херсонскимъ уѣзднымъ стряпчимъ Склифасовскимъ (роднымъ братомъ извѣстнаго профессора-хирурга), мимо насъ по аллеѣ проходилъ

Библиотека "Руниверс"

губернаторъ; увидѣвъ Склифасовскаго, подозвалъ его къ себѣ и между ними завелся слѣдующій разговоръ:

— Вы только и знаете, сказалъ губернаторъ, что по бульварамъ гулять, а о томъ, какія у васъ происходятъ злоупотребленія, того не знаете!..

— Не знаю, въ чемъ дѣло, ваше превосходительство, отвѣчалъ стряпчій.

— Вы не знаете какъ изъ опекаемаго имѣнія, съ разрѣшенія опеки, продаютъ водку за безцѣнокъ?

— Слышалъ, но это случилось во время моего отсутствія, и журналъ дворянской опеки пропустилъ исправлявшій мою должностью секретарь уѣзднаго суда.

— Сейчасъ-же напишите, по личному моему приказанію, чтобы членовъ дворянской опеки, подписавшихъ этотъ журналъ, предать суду и удалить отъ должностей, и завтра мнѣ доложите объ исполненіи.

Когда губернаторъ ушелъ и Склифасовскій снова сѣлъ подлѣ меня, то отъ него я узналъ, что суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ: при чрезвычайно возвышенной тогда цѣнѣ водки, вслѣдствіе ея недостатка, оставались не проданными въ одномъ сиротскомъ имѣніи что-то болѣе 10 тысячъ ведеръ; водку эту опекунъ продалъ съ разрѣшенія дворянской опеки по 50 коп. ведро, а купилъ ее уѣздный предводитель дворянства и сейчасъ же перепродалъ Херсонскому откупщику по 2 р. за ведро. На вопросъ мой, какъ же онъ исполнитъ приказаніе губернатора, которое мнѣ кажется нелѣпымъ при неимѣніи губернаторомъ права увольнять и предавать суду членовъ судебнаго мѣста [1]) и по личному приказанію, отданному уѣздному стряпчему на бульварѣ, Склифасовскій отвѣтилъ:

— Исполню какъ приказано, напишу въ опеку, ничего изъ этого, конечно, не выйдетъ, ибо дѣлается это только для острастки, и тѣмъ дѣло кончится.

На другой день я узналъ, что когда утромъ стряпчій, явившись къ губернатору, доложилъ объ исполненіи его приказанія, то услышалъ отвѣтъ:

— Если-бы я приказалъ вамъ исполнить что либо хорошее, то вы не спѣшили бы такъ съ исполненіемъ приказанія, а тутъ вы очень поторопились; идите, возмите назадъ вашу бумагу, Богъ съ ними.

При такомъ начальникѣ губерніи злоупотребленія были развиты до крайности, и всѣ чиновники жили роскошно, строили и покупали дома

---

[1]) Тогда дворянскія опеки были при уѣздныхъ судахъ, и члены уѣзднаго суда были такъ же членами опеки, только предсѣдателемъ былъ уѣздный предводитель дворянства.

Библиотека "Руниверс"

и даже имѣнія. Въ уѣздѣ земская полиція была совершенно отличной отъ той, какую мы видѣли въ Кіевской губерніи, гдѣ всѣ чины полиціи были по назначенію отъ правительства и дѣйствіями генералъ-губернатора Бибикова поставлены въ выгодное для себя положеніе: здѣсь же земскій исправникъ и старшій непремѣнный засѣдатель земскаго суда избирались дворянствомъ, а становые пристава хотя назначались губернаторомъ, но дворяне имѣли право во время выборовъ составлять списки кандидатовъ на эту должность и представлять губернатору. Исправниковъ и непремѣнныхъ засѣдателей выбирали обыкновенно изъ разорившихся помѣщиковъ въ видахъ поправленія изъ обстоятельствъ. Становые пристава были чрезвычайно приниженны. Проѣзжая мимо усадьбы помѣщика даже средней руки приставъ долженъ былъ подвязывать колокольчикъ, чтобы не обезпокоить барина. Имѣя дѣло къ помѣщику онъ не смѣлъ явиться къ нему лично, а долженъ былъ вести переговоры черезъ управляющаго или приказчика; только у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ онъ былъ своимъ человѣкомъ, пользовался гостепріимствомъ и за то дѣлалъ имъ кое-какія услуги. Если же помѣщику-барину приставъ чѣмъ либо не угодилъ, то могъ ожидать потери должности, такъ какъ губернаторъ Панкратьевъ всегда уважалъ жалобы помѣщиковъ, въ особенности если онѣ доходили черезъ предводителя дворянства. Для того чтобы въ подобныхъ случаяхъ была защита, приставъ долженъ былъ задабривать губернскихъ чиновниковъ или подарками или какими либо другими услугами. При такомъ положеніи приставъ могъ существовать только взяточничествомъ. Шайки воровъ и разбойниковъ формировались, жили завѣдомо и дѣйствовали безпрепятственно, какъ процвѣтали и всякія злоупотребленія и нарушенія закона, лишь бы только они могли быть оплачиваемы.

Въ концѣ 1858-го или въ началѣ 1859-го года умеръ губернаторъ Панкратьевъ и вмѣсто него былъ назначенъ исправляющимъ должность губернатора камеръ-юнкеръ Башмаковъ, человѣкъ молодой и очень дѣятельный. Онъ со всею энергіею принялся искоренять безпорядки, но не былъ достаточно опытенъ, чтобы преодолѣть всѣ препятствія. Бывшіе дѣльцы присмирѣли и дѣйствовали, повидимому, согласно его желанія, а между тѣмъ втихомолку воздвигали разныя препятствія. Старшій совѣтникъ губернскаго правленія на первыхъ порахъ выразился такъ:

— Нашъ новый губернаторъ очень быстрый, да ничего! мы его укоскаемъ [1]).

Съ этою цѣлью онъ велѣлъ приготовить побольше «крутыхъ» до-

---

[1]) Укоскать, значитъ по-малороссійски усмирить, обласкать быстраго коня.

Библиотека "Руниверс"

кладовъ т. е. такихъ, которые нарочно писались безтолково на нѣсколькихъ листахъ, гдѣ факты спутывались, затемняли сущность дѣла и тѣмъ затрудняли его разрѣшеніе. Такими докладами предполагалось довести губернатора до того, что онъ будетъ утверждать журналы губернскаго правленія безъ прочтенія. Такъ дѣйствовали и по другимъ вѣдомствамъ, ему подчиненнымъ, съ цѣлью утомить его.

Планъ этотъ однакоже не имѣлъ тѣхъ результатовъ, какихъ ожидали, ибо Башмаковъ былъ молодъ, дѣятеленъ, не досыпалъ ночей, но прочитывалъ все подлежащее его утвержденію и прежняго произвола и неправильностей не допускалъ. Тогда недовольные его управленіемъ принялись его просто выживать, начали появляться пасквили, карикатуры на него и наконецъ произошло слѣдующее.

Въ Херсонѣ жилъ тогда отставной чиновникъ Аппель, занимавшійся адвокатурой, великій мастеръ всякихъ темныхъ дѣлъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ губернскими заправилами. Будучи стряпчимъ палаты государственныхъ имуществъ, онъ продалъ херсонскимъ купцамъ соль, высочайше пожалованную государственнымъ крестьянамъ вслѣдствіе неурожая, но ими не полученную; снабдилъ покупщиковъ фальшивыми свидѣтельствами отъ палаты государственныхъ имуществъ, по которымъ они получили соль, чѣмъ причинилъ казнѣ убытка болѣе 40 тысячъ одной пошлины. Этотъ же дѣлецъ былъ причастенъ къ дѣлу о составленіи фальшиваго духовнаго завѣщанія отъ имени умершаго помѣщика N. Слѣдствіемъ было обнаружено, что подлогъ совершенъ поручикомъ Эсауловымъ подъ руководствомъ Аппеля. Слѣдователь до рѣшенія дѣла заключилъ подъ стражу Эсаулова и Аппеля, но послѣдній былъ освобожденъ на поруки уѣзднымъ судомъ. Между тѣмъ Аппель подговорилъ Эсаулова побить губернатора, при чемъ увѣрилъ, что поступокъ этотъ прославитъ его, не подвергая никакой отвѣтственности, ибо то наказаніе, какое можетъ быть назначено за побитіе губернатора слабѣе того, какому онъ подлежитъ за подложное составленіе духовнаго завѣщанія, и въ такомъ случаѣ по правиламъ о совокупности преступленія первое вовсе не будетъ приведено въ исполненіе.

Подговоръ подѣйствовалъ на Эсаулова.—Когда губернаторъ по обыкновенію посѣтилъ тюрьму въ сопровожденіи губернскаго прокурора, полиціймейстера и караульнаго офицера, то въ камерѣ, гдѣ находился Эсауловъ, послѣдній заявилъ, что имѣетъ жалобу, и когда губернаторъ приблизился къ нему, то онъ внезапно нанесъ ему нѣсколько ударовъ по лицу. Объ этомъ происшествіи сейчасъ же стало извѣстно въ городѣ, Башмаковъ сдалъ должность вице-губернатору и о случившемся донесъ государю императору. Вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе судить Эсаулова военнымъ судомъ въ 24 часа. Башмакову присланъ чрезвычайно милостивый рескриптъ и послѣдовало производство его въ дѣй-

Библиотека "Руниверс"

ствительные статскіе совѣтники, утвержденіе губернаторомъ и награжденіе придворнымъ званіемъ камергера; тогда онъ вновь вступилъ въ должность губернатора. Для сужденія Эсаулова была учреждена военная судная комиссія; въ назначенный высочайшимъ повелѣніемъ срокъ, былъ постановленъ приговоръ, но такъ какъ не было указано, чтобы судить его по полевымъ законамъ, то назначенное по обыкновеннымъ законамъ наказаніе дѣйствительно было слабѣе того, какое ему слѣдовало за подлогъ, а потому исполненіе приговора отложено до рѣшенія дѣла о подлогѣ для постановленія приговора по правиламъ о совокупности преступленій. Между тѣмъ подпольныя преслѣдованія губернатора возобновились и чрезвычайно усилились.

Не было дня, чтобы онъ самъ и другія лица не получали каррикатуръ и пасквилей на него самаго оскорбительнаго свойства. Прежде онъ не обращалъ на это вниманія, но настойчивое преслѣдованіе раздражило его, онъ велѣлъ полиціи открыть виновнаго, и таковыми оказался зять Аппеля, артиллерійскій офицеръ, который былъ переведенъ въ другое мѣсто на службу, но появленіе пасквилей и каррикатуръ все-таки продолжалось.

Башмаковъ принужденъ былъ отказаться отъ губернаторства и выѣхалъ изъ Херсона.

Но чаявшіе съ удаленіемъ его возвращенія прежняго положенія, при которомъ они могли властвовать и продолжать свои злоупотребленія, сильно ошиблись; губернаторомъ былъ назначенъ Клушинъ, человѣкъ опытный, служившій передъ тѣмъ губернаторомъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Онъ съумѣлъ со всѣми справиться и передѣлать губернію до неузнаваемости.

Ф. Лучинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго.

(Переписка его съ разными лицами [1]).

32.

А. Д. Комовскій—кн. Меншикову.

29-го января (10-го февраля) 1858 г., среда. Парижъ.

Ваша свѣтлость воистину порадовали насъ благосклонно собственноручною вѣсточкою, отъ 21-го января (2-го февраля), которую мы получили и съ искренною благодарностью прочитали вчера. Говорю: мы и насъ, потому что жена моя, составляя со мною, по евангельскому изреченію: «плоть едину и духъ единый», раздѣляетъ всѣ тѣ чувства, которыя внушаются мнѣ вниманіемъ и обязательнымъ расположеніемъ вашимъ.

О толкахъ и разной болтовнѣ по случаю громадныхъ вопросовъ въ Россіи и мы здѣсь слышимъ кое-что, да и сами, хотя и удаленные отъ картины, разсуждаемъ иногда о ней и также, можетъ быть, вкривь и вкось, разбирая ее по-своему со всѣхъ сторонъ. Мои размышленія, большею частію анахоретскія, я повѣряю, по обычаю 27 лѣтъ, моему дневнику и изрѣдка, выписками или выдержками, представляю ихъ многотерпѣливому вниманію его высочества, о которомъ не могу иначе, какъ съ самою теплою благодарностью сказать, что онъ продолжаетъ рыцарски великодушно заботиться и обо мнѣ отсутствующемъ какъ-бы въ опроверженіе пословицы: que les absents ont tort. Прибавлю здѣсь мимоходомъ: давно бы пора и право хочется на родину, но признаюсь тяжело пускаться на неизвѣстность: ни гнѣздышка, ни жер-

---

[1]) См. „Русскую Старину", августъ 1897 г.

*

Библиотека "Руниверс"

дочки впереди! Кое-какія попытки великаго князя объ устройствѣ моей гражданской судьбы не увѣнчались еще успѣхомъ. Между тѣмъ слышу, что князь Голицынъ замѣстилъ Тучкова въ предсѣдательствѣ Коммиссіи прошеній. Но лучше по-прежнему и по-всегдашнему, — ждать терпѣливо и уповать на милость Божію.

Здѣсь, чтобы не заплесневѣть въ синекюрствѣ и чтобы не заслужить замѣчанія зоиловъ: «женился и измѣнился, никуда теперь не годенъ»,—здѣсь я посвящаю каждое утро слушанію разныхъ лекцій въ Сорбоннѣ и Collège de France и хожу въ Palais de justice примѣриваться къ разнаго рода судопроизводству. Изъ юристовъ Лабулѐ въ Коллегіи и Франкъ въ Сорбоннѣ привлекаютъ общее вниманіе: первый и дамское даже—краснобайствомъ своимъ и колоритомъ нѣкотораго либерализма; а послѣдній только мужчинъ—серьезностью и примѣсью нѣмецкой учености въ своихъ чтеніяхъ объ исторіи естественнаго и народнаго права въ XVIII и XIX ст. Остальныя затѣмъ знаменитости, съ которыми я познакомился какъ: Philarète Chasles, S. M. Girardin, Lomenie и пр., потому только видятъ толпы въ своихъ аудиторіяхъ, что французамъ нуженъ вездѣ и во всемъ спектакль. А эти господа всѣ болѣе или менѣе актеры, фигуранты и даже, по-моему; не первой еще руки! Въ этомъ отношеніи проповѣдники въ церквахъ гораздо выше профессоровъ. Они, по крайней мѣрѣ въ сценическомъ искусствѣ, точно могутъ поспорить съ любымъ актеромъ du Gymnase.

Поэтому-то Palais de justice гораздо занимательнѣе и поучительнѣе для меня. Я съ удовольствіемъ, хотя и не безъ усталости, высиживаю тамъ по нѣскольку часовъ. Гласность, адвокатство и жюри вотъ примѣняемость или непримѣняемость чего можетъ быть предметомъ разныхъ у насъ вопросовъ и споровъ.

Ввести гласность—дѣло нехитрое. Оно во всѣхъ отношеніяхъ полезное, благодѣтельное даже и для такаго правительства вовсе не вредное, которое не имѣетъ повода бояться за бездарность своихъ чиновниковъ и судей. Дѣйствительно при гласности судопроизводства судъ не можетъ состоять изъ глупыхъ и неспособныхъ къ своему дѣлу людей. Обману, пристрастію и лихоимству гласностью также преграждены пути... Но вотъ вопросъ: всѣ ли правительства въ состояніи наполнить свои судилища истинно даровитыми людьми, къ дѣлу гласнаго судопроизводства уже подготовленными? Вводя гласность мало-помалу, хоть съ инстанцій высшихъ напримѣръ, можно со-временемъ чиновниками этихъ инстанцій наполнить и низшія.

Адвокатство въ смыслѣ и значеніи, въ какихъ оно здѣсь играетъ роль, составляя защиту обвиняемаго или спорящаго въ тяжебномъ дѣлѣ лица, адвокатство не можетъ быть введено иначе, какъ вслѣдствіе подготовленія адвокатовъ воспитаніемъ, почти спеціальнымъ для этой

Библиотека "Руниверс"

карьеры. Наши стряпчіе и ходатаи по дѣламъ—далеко не то, что здѣшніе адвокаты, юристы и ораторы. Я увѣренъ, если ввести у насъ сейчасъ гласность въ судопроизводствѣ съ адвокатствомъ, то $^{9}/_{10}$ изъ нашихъ стряпчихъ окажутся къ этому дѣлу не пригодными. Слѣдовательно нужно, чтобы и общее образованіе у насъ шло рука-объ-руку съ юридическимъ перевоспитаніемъ, которое въ свою очередь востребоваться можетъ нынѣ предпринятыми измѣненіями въ народномъ бытѣ. Эти реформы гражданскихъ отношеній и вообще гражданской жизни обнаружатъ не только надобность, но и возможность выборовъ, пригодныхъ къ дѣлу жюри.

Всѣ кратко набросанныя соображенія ведутъ меня къ тому заключенію, что реформы по министерству внутреннихъ дѣлъ вызовутъ реформы и по министерству юстиціи. И тѣ и другія будутъ указываться степенью нашего современнаго народнаго просвѣщенія. А потому эти три министерства дѣйствовать безъ связи, изолированно не могутъ, а должны подвигаться въ уровень съ развитіемъ предметовъ своей заботливости, такъ чтобы не было разладицы въ трехъ элементахъ государственной и народной жизни, а именно: 1) просвѣщеніе, 2) согласованный съ нимъ бытъ и 3) приноровленное къ тому и другому и такъ сказать изъятое изъ нихъ судопроизводство съ законами. Иначе случится, что успѣхи одного будутъ не по плечу другому.

Что русскому мужику въ порядкѣ французскаго, положимъ, судопроизводства, когда этотъ порядокъ и превосходный самъ по себѣ, да противорѣчитъ устройству нашего народнаго быта?.. Или устройте этотъ бытъ такъ, чтобы тотъ порядокъ былъ пригоденъ, или дайте такой порядокъ, который бы соотвѣтствовалъ требованіямъ современнаго народнаго быта. А то и другое непремѣнно должно быть основано на степени народнаго образованія. Не ясно ли послѣ этого, что нравственная связь трехъ министерствъ существуетъ и указываетъ на необходимость развитія ихъ заботливости — вести и держать на (одномъ?) уровнѣ. Объ этомъ-то я и предъявилъ, въ іюлѣ еще, особую выписку великому князю.

Собраніе министровъ у государя—уже мѣра превосходная, чтобы устранить нѣкоторыя разладицы въ распоряженіяхъ, общихъ по государству.—Но я замѣчаю, что мое письмо принимаетъ тонъ диссертаціи для полученія какой-нибудь степени юриста,—перейду къ содержанію вашей вѣсточки.

Ваша свѣтлость говорите, что вы и теперь въ томъ же во всѣхъ отношеніяхъ положеніи, какъ были предъ моимъ выѣздомъ изъ Россіи. Радуюсь по отношенію къ здоровью, которое тогда было, благодаря Бога, хорошо. Въ отношеніи же другихъ не могу не сказать, что искренно жаль. Впрочемъ утѣшаюсь мыслію, основанною на 20-ти лѣтнемъ опы-

Библиотека "Руниверс"

тѣ, что половину вашей дѣятельности вы признаете не дѣятельностью, а застоемъ. Конечно административныхъ занятій и хлопотъ у васъ нѣтъ, да и слава Богу. Эта обуза не думаю, чтобы была еще въ вашихъ желаніяхъ. А всѣ живые, современные, важные, громадные вопросы, конечно, не идутъ и не рѣшаются помимо васъ.

Нѣсколько словъ позвольте о себѣ:

Ведя жизнь пустынника въ Парижѣ,—что также особая задача,—я въ общества не выѣзжаю. У посла нашего обѣдалъ только два раза по приглашенію и то въ казенные, т. е. пріемные для путешественниковъ, дни Слѣдовательно не составилъ себѣ никакого понятія о графѣ Павлѣ Дмитріевичѣ (Киселевѣ) передъ Европою, или представителями ея; за любезность и гостепріимство его наша братья—перелетныя птицы—должны быть благодарны ему. Онъ какъ-то жаловался мнѣ на усталость, дряхлость и притупленіе. На это я могъ только возразить, что присущностью этихъ недуговъ обыкновенно любятъ кокетничать старики...

Всего два раза былъ въ театрѣ и собираюсь въ третій—посмотрѣть знаменитую пьесу Dumas—fils, подъ нескромнымъ заглавіемъ «Le fils naturel».

Владыки здѣшняго не видѣлъ, не сознавая, по многимъ уваженіямъ, возможности представиться ему.

Не взыщите, ваша свѣтлость, за скучную длинноту этого письма. Рѣдки случаи, когда я думаю себя въ нѣкоторомъ правѣ побезпокоить васъ моею болтовнею.

Господь да хранитъ вашу свѣтлость своею благодатію. Жена проситъ, при выраженіи благодарности ея вашей свѣтлости за ласковое слово къ ней въ вашемъ письмѣ, засвидѣтельствовать вамъ и ея глубочайшее уваженіе, котораго отказать во мнѣ, смѣю надѣяться, не требуетъ опредѣленія.

33.

А. В. Головнинъ—А. Д. Комовскому.

20-го февраля (4-го марта), 1859 г. Палермо.

Почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ! Ваше письмо отъ 12-го (24-го) января я получилъ здѣсь только 1-го марта (17-го февраля) по причинѣ замедленія въ отправленіи къ намъ фельдъегеря. Великій князь былъ въ это время въ морѣ и потому вашему письму къ его высочеству пришлось еще долго ждать того, кому оно адресовано. Отъ всего сердца

Библиотека "Руниверс"

поздравляю васъ съ прибавленіемъ семейства. Вы ведете себя исправно, и въ награду за это желаю вамъ выдать замужъ вашихъ дочекъ и нянчить внуковъ.

Усерднѣйше благодарю васъ за то, что посѣщаете иногда матушку мою. Она васъ очень уважаетъ, а я глубоко признателенъ тѣмъ, что доставляете ей удовольствіе. Сдѣлайте одолженіе, передайте почтенной супругѣ вашей мое усердное поздравленіе и поклонъ.

Всю осень я проѣздилъ по германскимъ дворамъ, былъ два раза въ Туринѣ, провелъ двѣ недѣли въ Ниццѣ и теперь два мѣсяца живу въ столь знакомомъ вамъ Палермо. Описывать Палермо для васъ конечно не нужно. Скажу только, что вы были здѣсь до революціи и потому видѣли городъ болѣе счастливымъ, богатымъ; общество веселое, единодушное. Теперь бѣдность большая, налоги огромные, на каждомъ шагу замѣтна опала королевская, общество разъединилось, и весьма многіе въ изгнаніи, другіе дурно или вовсе не приняты правительственными лицами, многіе подъ надзоромъ полиціи. Цензура самая строгая: вездѣ и во всемъ гнетъ и стѣсненіе. Небо, климатъ, море, растительность остались тѣ же, такъ же прекрасны, такъ же привлекательны. Едва покажется солнце—и здѣсь вѣчная весна, но этой весной мало кто пріѣзжаетъ наслаждаться, опасаясь стѣсненій и привязокъ со стороны правительственныхъ мѣстъ и лицъ. То ли дѣло Ницца. Тамъ другое правительство, и Ницца богатѣетъ отъ огромнаго съѣзда иностранцевъ.

Еще поздравляю васъ и благодарю за письмо.

34.

П. Витовтовъ—А. Д. Комовскому.

г. Воронежъ, 1 мая 1859 г. Пятница.

Не нахожу словъ, какъ благодарить васъ, дорогой другъ Александръ Дмитріевичъ, за милое письмо ваше отъ 19-го апрѣля; оно такъ полно новостями, родными, праздничными и такими важными событіями, которыя вы мнѣ, провинціалу, передаете. Ваши заключенія о всѣхъ настоящихъ событіяхъ такъ вѣрны, что нельзя не согласиться съ оными. Дѣйствительно, въ отношеніи Англіи что то есть темное и кого-то она надуваетъ. При министерствѣ Дерби она будетъ хоть втихомолку на сторонѣ Австріи,—но со вступленіемъ Пальмерстона все кончится, и Австрія едва ли не должна будетъ уступить Ломбардію. Хорошо еще если этимъ покончится. Наполеонъ только и твердитъ: если въ Вѣнѣ, въ 1815 г., имѣлись въ виду одни династическія права госу-

Библиотека "Руниверс"

дарей, то настало время принять во вниманіе, при раздѣлѣ Европы (вотъ что онъ толкуетъ), народности, и предупреждаетъ Германію, что ежели ей угодно, чтобы война кончилась скоро и ограничилась одною Италіею—чтобъ не мѣшалась. При этомъ взглядѣ, многое приходитъ въ наружу!..

Какъ я радъ, что милая Анна Мартыновна представилась ихъ величествамъ—это порядочная должна была быть для нея продѣлка; прошу за меня поцѣловать ручку и поблагодарить за память; Аделуша присоединяетъ и свое привѣтствіе Аннѣ Мартыновнѣ и вамъ. Мое здоровье поустановилось; но погода у насъ непостоянная, въ продолженіе сутокъ нѣсколько перемѣнъ и далеко еще не лѣто.

По случаю 25-ти-лѣтія со времени назначенія государя флигель-адъютантомъ, говорятъ, что свита осыпана милостями и даны большія праздники. Искренно за всѣхъ радуюсь. Не получивъ о семъ никакого предварительнаго извѣщенія, я рѣшительно о семъ только узналъ изъ вашего, мой другъ, письма и затѣмъ изъ газетъ, а потому и не могъ безъ приглашенія пріѣхать. Графъ Закревскій смѣненъ, по-дѣломъ; видно, что изъ ума вышелъ, что пустился на такія продѣлки. Не знаю каковъ графъ Строгоновъ будетъ. Онъ человѣкъ умный,—но больной и до чрезвычайности гордый,—не знаю, угодитъ ли онъ Бѣлокаменной, вѣдь она очень взыскательна и капризна. Кто это у васъ такія комическія лица изъ Гоголя Ревизоръ,—которыхъ назвали: Добчинскій и Бобчинскій?.. Въ Воронежѣ общій слухъ, что государь изволитъ ѣхать въ Варшаву и что принцъ-регентъ туда пріѣдетъ.—Кто же у насъ будутъ главнокомандующіе и гдѣ будутъ главныя квартиры? Съ нетерпѣніемъ ожидаю сегодняшней почты. Начались ли военныя дѣйствія? Дѣйствительно французы молодцы, имъ только однимъ было возможнымъ одновременно съ австрійцами исполнить: тѣ переходятъ Тессинъ, а они въ то же время являются въ Туринѣ и успѣваютъ высадить десантъ въ Генуѣ. Если же это справедливо, что у нихъ будутъ еще десанты въ Венеціи и въ Тріестѣ, то они совершатъ геніальное предпріятіе, ибо будутъ дѣйствовать съ фронта, во флангъ Гіулаю и изъ Венеціи и Тріеста будутъ угрожать отрѣзать отъ Вѣны и возмущеніемъ Ломбардіи поставятъ австрійцевъ въ самое фальшивое положеніе.—Дѣйствительно намъ надо выходить изъ дѣтства, пора.—Прощайте, мой неоцѣненный другъ,—время на почту; мысленно крѣпко обнимаю. Господь да хранитъ васъ. Истинно много васъ любящій и какъ всегда вѣрный другъ П. Витовтовъ.

У васъ, вѣроятно, сегодня гулянье въ Екатерингофѣ, а мы при дождѣ и вѣтрѣ сидимъ дома.

Библиотека "Руниверс"

35.

П. Витовтовъ—А. Д. Комовскому.

г. Воронежъ, 15 мая 1859 года. Пятница.

Благодарю васъ, мой милый и дорогой другъ Александръ Дмитріевичъ, за письмо отъ 5 и 6 мая и за всѣ сообщенныя въ немъ извѣстія. Аделуша очень рада была узнать, какъ любезная Анна Мартыновна представлялась и была одѣта. Она премного вамъ и Аннѣ Мартыновнѣ кланяется и благодаритъ за память. При представленіяхъ у дамъ всегда оказываются недоумѣнія,—я это очень хорошо знаю, а потому и ни сколько не удивляюсь и нахожу, что графиня Баранова правильно передала быть «въ robe montante et chapeau». Я сказалъ Аделушѣ, что она получитъ экземпляръ «Переписка старика съ свѣтскою дѣвушкою и его медовые досуги». Она очень помнитъ, въ память кого и чего книга издана и очень благодаритъ за намѣреніе и будетъ ожидать полученіе при первомъ свиданіи.

Какъ много я посмѣялся о письмѣ къ Озерову, въ которомъ совершенно правильно приспособлена русская поговорка.

Итакъ дѣло рѣшено, что монументъ императору Николаю I-му будетъ открытъ парадно, 25-го іюня, но вопросъ, будутъ-ли на эту церемонію вызваны генералъ-адъютанты покойнаго государя.—Если просить дозволенія пріѣхать,—нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣдуетъ; но въ послѣднемъ случаѣ придется ѣхать на свой счетъ, а мнѣ это разсчетъ. Затѣмъ еще остается рѣшить, когда лучше: 25-го іюня, или 8-го сентября?—Мнѣ бы хотѣлось при обоихъ случаяхъ быть. Не правда-ли, мой сердечный другъ?—А вотъ бы еще не дурно было,—при послѣднемъ пріѣздѣ, остаться навсегда съ вами, мой другъ. Между нами будь сказано, мнѣ все обѣщаютъ, что мѣсто Плаутина неотъемлемо мое. Но это не скоро; надо предварительно, чтобъ графъ Барановъ получилъ новое назначеніе, а пока послѣдній на настоящемъ мѣстѣ,—то и первый будетъ удерживаться, ибо это—кладъ, не скоро такого покладливаго найдешь.—Графу хочется быть товарищемъ военнаго министра. Н. Сухозанетъ неосторожно высказалъ Плаутину, что онъ Баранова терпѣть и видѣть не можетъ. Не понимаю за что?—Поле на эту минуту остается за Герштенцвейгомъ. На долго-ли?—Правда-ли, что причина вооруженія нашего на югѣ объяснилась. Ежели бы англичане вздумали, пользуясь войною, занять Сицилію или другіе пункты Средиземнаго моря, мы (съ согласія, говорятъ даже по совѣту Наполеона) займемъ Дунай и т. д. Въ такомъ только случаѣ и флотъ нашъ будетъ дѣйствовать.—Точно, вѣка пройдутъ—и разгадается загадка!.. Повышеніе нашего Макіа-

Библиотека "Руниверс"

веллія!!. Очень интересный вашъ разсказъ о Валуевѣ: qu'on le nomme: le père de la demoiselle.—Почему это такъ, рѣшительно въ первый разъ слышу. Видѣнный вами князь Гагаринъ, съ Владиміромъ на шеѣ, есть бывшій воронежскій губернскій предводитель дворянства.—Отъ милаго Александра Павловича я также получилъ работу Полтавскаго комитета.—Умно, дѣльно, хорошо составлена, — но точно напрасно, ибо Іаковъ (Ростовцевъ) все передѣлаетъ.—Изъ послѣдняго письма вижу, что можетъ быть мои строки не застанутъ Анну Мартыновну въ столицѣ, при свиданіи прошу поцѣловать за меня ручку и не забыть меня увѣдомить: съ переѣздомъ вашего превосходительства на дачу—куда мнѣ адресовать письма, чтобы скорѣе доходили? О какомъ вице-губернаторѣ вы пишете, что давалъ блестящій балъ, и просите извѣстить, по какому это случаю и для кого?—Въ первый разъ слышу, чтобъ вице-губернаторъ давалъ балъ: онъ человѣкъ безъ всякаго состоянія, живетъ очень скромно, никого не принимаетъ и тѣмъ еще болѣе, что жена при послѣднихъ дняхъ своей беременности. Воспитывался онъ въ Правовѣдѣніи,—по фамиліи Оголинъ. Итакъ тутъ нѣтъ никакой овнобушки. Прощайте, мой безцѣнный другъ Александръ Дмитріевичъ! да хранитъ васъ Господь. Мысленно крѣпко обнимаю. Вѣрный какъ всегда другъ П. Витовтовъ.

Не пріѣхалъ-ли А. М. Волковъ? — прошу ему кланяться и поцѣловать. Что за исторія была на обѣдѣ, который давали въ Пажескомъ корпусѣ отставному генералу Жирардоту бывшіе воспитанники сего корпуса?.. Вчера посѣтилъ меня изъ Харьковской губерніи, пріѣхавшій помолиться св. Митрофанію; онъ перваго выпуска изъ лицея, Иванъ Васильевичъ Малиновскій, старый знакомый, очень много меня порадовалъ и о многомъ переговорили.

36.

П. Витовтовъ—А. Д. Комовскому.

Воронежъ, 25 сентября 1859 г. Пятница.

Какъ летитъ время, вотъ уже и семнадцать дней, что мы съ вами, мой безцѣнный и дорогой другъ Александръ Дмитріевичъ, видѣлись, но въ бывшей суматохѣ и не простились. Мнѣ весьма прискорбно, что не имѣлъ удовольствія видѣть и поцѣловать ручку у милой и любезной Анны Мартыновны. Прошу передать ея превосходительству мой искренній поклонъ. Какъ ее и дѣтокъ вашихъ здоровье? Мое дѣло въ ходу,—пожалуйста до времени, будетъ это между нами сказано. Имѣвъ

Библиотека "Руниверс"

счастіе, 12-го числа въ Тулѣ, откланяться его величеству, я отдалъ графу Александру Адлербергу письмо государю и просилъ увѣдомить о резолюціи, какая послѣдуетъ. На дняхъ, получилъ изъ Курска отъ 14-го числа отвѣтъ, въ коемъ между прочимъ сказано: «Государь императоръ душевно сожалѣетъ о намѣреніи вашемъ оставить командованіе корпусомъ, но во вниманіе къ причинамъ, васъ на это побуждаемымъ, разрѣшаетъ вамъ, хотя съ сожалѣніемъ, представить объ этомъ оффиціально, чрезъ военнаго министра.

«Я же съ своей стороны прошу васъ предупредить меня частнымъ образомъ, когда вы это исполните, дабы я могъ одновременно напомнить государю о второмъ пунктѣ содержанія письма вашего къ его величеству».

Второй пунктъ просьбы: увеличить аренду по настоящему чину въ теченіе остальныхъ двухъ лѣтъ и на продолженіе оной вновь, въ той мѣрѣ, какъ сіе высочайше будетъ повелѣно всемилостивѣйше мнѣ назначить.

Сегодня отправляю рапортъ и прошу министра письмомъ исходатайствовать мнѣ увольненіе отъ настоящей должности. Итакъ, мой другъ, вы видите, что я держу свое слово и разъ на что рѣшившись — дѣйствую положительно, хотя нѣсколько позамедливъ. Въ концѣ октября надѣюсь васъ обнять и, если Богу будетъ угодно, то долго съ вами не разставаться, развѣ вздумаю проситься сенаторомъ въ Москву. О вышеприписанномъ сохраните до времени въ секретѣ. Почтенный Владиміръ Андреевичъ знаетъ только о моемъ намѣреніи проситься, и даже я ему читалъ письмо, но полученъ ли отвѣтъ и на чемъ остановилось дѣло,—я долженъ отъ дорогаго роднаго сохранить въ нѣкоторой тайнѣ, ибо я замѣтилъ, что онъ по разсѣянности иногда выскажетъ. Въ настоящее время, кромѣ васъ и Аделуши, никто не знаетъ о послѣдовавшемъ высочайшемъ благосоизволеніи. Я нѣсколько позамедлилъ отправить рапортъ въ Петербургъ, ибо разсчитывалъ, чтобы письмо къ графу Адлербергу пришло въ Варшаву, къ пріѣзду его величества туда 5-го октября, и къ этому времени можетъ быть изъ Петербурга прислано мое прошеніе; оно, надѣюсь, будетъ сколько возможно, какъ графъ проситъ, одновременно. Ну что вы, мой дорогой другъ, скажете, хорошо ли я дѣйствовалъ и дѣйствую.

Благодарю за ласки Анны Мартыновны къ моей Аделушѣ, прошу и впредь не оставлять ее сиротинку.

Возвратилась ли Екатерина Владиміровна съ двумя внучатами? Я ничего еще не знаю.

Прощайте, Господь да хранитъ и милуетъ васъ. Вѣрьте искренней дружбѣ, истинно и много любящаго васъ и мысленно крѣпко обнимающаго и цѣлующаго васъ. Душевно и сердечно преданный Павелъ Витовтовъ.

Библиотека "Руниверс"

37.

П. Витовтовъ—А. Д. Комовскому.

Воронежъ, 30 октября 1859 г. Пятница.

Не сѣтуйте на меня, дражайшій и дорогой мой другъ Александръ Дмитріевичъ, что я на два ваши письма отвѣчаю одновременно. Не буду оправдываться, а скажу напрямикъ, что на первое письмо собирался писать,—какъ получаю второе. Впрочемъ и дѣла было много, надо было укладываться, продавать, отправлять и все персонально одному, безъ всякаго помощника.—Тяжеленько мнѣ старику было. Какъ бы скорѣе хотѣлось къ вамъ, мой другъ, но ума не приберу, почему дѣло такъ позатянулось. Вотъ и государь двѣ недѣли какъ возвратился. Дай Богъ, чтобы скорѣе покончилось. А то это одиночество невыносимо. Благодарю васъ, мой другъ, и милую Анну Мартыновну за ласки къ моей Аделушѣ. Поцѣлуйте за меня ручку у жены и передайте ей мой душевно-дружескій привѣтъ.

Какъ-то отдѣлается братъ Николай,—видно что неладно, если посылаютъ сенатора разобрать. Вы совершенно справедливо замѣчаете, что все горячность, все самонадѣянность и отсутствіе всякой такты!..

Нечего сказать о дѣйствіяхъ Муравьева,—да это надо быть о двухъ головахъ. Какъ это можетъ съ рукъ сходить!.. Когда всѣ толкуютъ и есть Третье отдѣленіе!.. непостижимо. Изволь же какой нибудь N. N. сдѣлать что нибудь подобное,—да его сошлютъ въ тартарары. Скоро, надѣюсь что скоро бесѣды наши письменныя прекратятся, и мы попрежнему будемъ въ своемъ небольшомъ кружкѣ бесѣдовать нараспашку.

Какъ бы желательно было, чтобъ эти строки были послѣднія изъ Воронежа.

Если на мое счастіе, сегодняшняя почта привезетъ высочайшій приказъ о моемъ увольненіи, и при этомъ не встрѣчу никакого препятствія отъѣхать, то конечно надѣюсь черезъ двѣ недѣли обнять васъ, мой сердечный другъ. Аделушѣ будетъ извѣстно о днѣ моего пріѣзда. Меня задержатъ три обѣда, которые, по дошедшимъ до меня слухамъ, предполагаютъ мнѣ дать мои бывшіе подчиненные. Первый въ Воронежѣ; затѣмъ по тракту слѣдованія, второй въ Ельцѣ, а третій въ Тулѣ. Согласитесь, мой другъ, что отказаться нельзя, да и нейдетъ,—не правда-ли?—хотя, сознаюсь чистосердечно, что большой неохотникъ до подобныхъ продѣлокъ, ибо не можетъ быть, чтобъ всѣ участвующіе единодушно и съ сердечнымъ желаніемъ принимали участіе.

Обнимаю васъ мысленно отъ всей души, добрый мой другъ, да

Библиотека "Руниверс"

хранитъ васъ Господь во всемъ и всегда!—Преданнѣйшій вамъ всей душею и сердцемъ. Павелъ Витовтовъ.

P. S. Вѣдь мы не далеко будемъ жить одинъ отъ другаго и почти на прямой линіи изъ Большой Конюшенной чрезъ Царицынъ лугъ, т. е. Марсово поле, Цѣпной мостъ къ Спасу Преображенія, оттуда въ Знаменскую улицу, въ угловой домъ Галле... Съ небольшимъ верста или 20 минутъ ходу.

38.

А. Д. Комовскій—С. П. Шипову.

22 августа 1861 г. Вторникъ. С.-Петербургъ.

Получивъ съ искреннѣйшею признательностію статью вашу, многоуважаемый Сергѣй Павловичъ,—о необходимости развитія внутренней производительности въ Россіи, нечего вамъ и говорить, что я прочиталъ ее съ большимъ вниманіемъ и съ большимъ сочувствіемъ къ занимающимъ васъ мыслямъ. Да и какъ же не сочувствовать имъ, когда въ самомъ дѣлѣ затруднительное наше положеніе по финансовой части невольно въ ужасъ приводитъ?! Чѣмъ это все разыграется; чѣмъ это все кончится?. Мы у пропасти. Мѣры къ спасенію необходимы, но какія—вотъ вопросъ. И на этотъ вопросъ всякій отвѣчаетъ по своему. Отъ этого и тысячи разныхъ предложеній. Которое принять? Только истинно финансовая голова можетъ сдѣлать удачный выборъ, ежели сама не придумаетъ чего лучше. А гдѣ эта голова? У насъ головы, которые хватаются за все, бросаются на все—безъ системы, безъ оглядки, какъ утопающій за соломинку и думаютъ, что изъ лоскутковъ, кое-какъ подобранныхъ и кое-какъ сшитыхъ, можно составить прочное и удобное платье, въ которомъ будетъ и тепло и ловко. Что жъ выходитъ? Голь все проглядываетъ! Трудятся много и усиленно, а толку—мало!.. Конечно la critique est aisée, l'art est difficile. Вы поступили иначе: вы ужаснулись положенію и предложили средство исправить его!.. Съ дѣйствительностью вашихъ мѣръ, въ общемъ ихъ очеркѣ, нельзя не согласиться. Но мысль за мысль; позвольте мнѣ высказать коротенько мой посильный взглядъ на эти мѣры.—Онѣ полезны—нѣтъ сомнѣнія; ихъ результатъ—очевиденъ; но этой пользы, этихъ результатовъ когда мы дождемся? Переустроить таможни, передѣлать тарифъ, образовать техниковъ, завести свои фабрики, заводы, переманить иностранныя, учредить кредитныя установленія, ввести гипотекарныя книги, возвысить

Библиотека "Руниверс"

нравственность чиновниковъ, усовершенствовать устройство полицейскаго и хозяйскаго управленій, установить систему взаимныхъ застрахованій, улучшить въ государствѣ пути сообщенія особенно проселочные, измѣнить многое въ нашихъ законахъ и наконецъ найти средства къ обузданію стремленія за границу,—все это раціонально, все это можетъ повести къ достиженію той цѣли, которая должна быть у насъ впереди, но въ настоящее-то время—какъ помочь горю? Вѣдь пропасть подъ ногами, и мы уже скользимъ!.. Удержите насъ теперь отъ паденія. Мы нищаемъ; денегъ нѣтъ; финансы въ разстройствѣ; все вздорожало, все дорожаетъ; кредита нѣтъ; курсъ падаетъ; предпріятія—лопаютъ; акціонерныя общества—разоряются; желѣзныя дороги не строются, земля—безъ рабочихъ рукъ; рукамъ замѣны нѣтъ въ машинахъ; государственные сундуки пусты; золото и серебро исчезли; бумажкамъ мало повѣрятъ; урожаи плохи, неурядица и запутанность вездѣ и во всемъ; финансисты потеряли голову и найти ея нигдѣ не могутъ! Все кричитъ караулъ! а и караульныхъ нигдѣ не отыщутъ!.. Вотъ положеніе,—изъ котораго Господь да поможетъ намъ выйти по-добру по-здорову!.. Всякій ломаетъ себѣ голову—какъ-бы? И думаютъ и придумываютъ! Очевидно кажется, что, дабы поскорѣе поправиться, нужно свое домашнее хозяйство привести въ порядокъ. Сначала и прежде всего—карманъ починить, а то продыравился! потомъ приняться за экономію; не строить пышныхъ и громадныхъ хоромъ, на которые уходятъ милліоны за заморскую бронзу, каррарскій мраморъ и т. п., уменьшить почувствительнѣе число марширующихъ игрушекъ; не размножать по предложенію каждаго штаты; не баловать любимыхъ тунеядцевъ; не... и т. д. Вы сами знаете, сколько «не» можно къ этимъ еще прибавить! Вотъ сразу на первое время финансы и поправятся. Затѣмъ на эту ужь немаловажную экономію и подымайте свою внутреннюю производительность: стройте дороги, учреждайте, ободряйте фабрики, заводы, заводите техническія школы—словомъ: распорядитесь разумно съ вашею экономіею, и все пойдетъ ладно, одно вызывая другое, это поддерживаемое тѣмъ! Можетъ быть не придется и тарифъ измѣнять и безпутныхъ мотыгъ удерживать насильно дома!

Я заболтался, пожалуй мнѣ скажутъ и заврался!.. Примусь лучше за возложенную на меня работу—за ревизію морскаго министерства, по которой три отчета — о трехъ учрежденіяхъ уже представилъ. Остается еще 9-ть. Дай Богъ имъ въ этомъ пользу принести.

Господь да хранитъ и милуетъ васъ! У Анны Евграфовны цѣлую ручку.—Прошу о сохраненіи того же добраго расположенія, которымъ пользовался и которое цѣнилъ и цѣнитъ вашъ душевно преданный А. Комовскій.

Библиотека "Руниверс"

39.

С. П. Шиповъ—А. Д. Комовскому.

19 сентября 1861 г. Москва.

Предъ выѣздомъ моимъ изъ деревни, я имѣлъ удовольствіе получить любезное письмо ваше отъ 22-го августа, почтеннѣйшій и достойнѣйшій Александръ Дмитріевичъ; пріѣхавъ теперь въ Москву, спѣшу отвѣчать вамъ.—Затруднительное наше финансовое положеніе приводитъ васъ въ невольный ужасъ: чѣмъ это все кончится, спрашиваете вы, мы у пропасти; мѣры къ спасенію необходимы. Вы соглашаетесь съ дѣйствительностью предлагаемыхъ мною средствъ; но полагаете, что достиженіе такимъ образомъ цѣли далеко впереди. Но въ настояще-то время, какъ помочь горю, пишете вы,—вѣдь пропасть подъ ногами, удержите теперь насъ отъ паденія. На такія ваши замѣчанія и вопросы, я буду отвѣчать вамъ нѣсколькими словами. Россія, благодаря Бога, находится еще не въ такомъ отчаянномъ положеніи, чтобы уже невозможно было отвратить ее отъ того пути погибели, по которому слѣдуетъ, но для сего нужно дѣйствовать безотлагательно, измѣнивъ тѣ начала, по которымъ дѣйствовали наши финансовые люди. Затруднительное финансовое наше положеніе не произошло отъ какихъ либо несчастныхъ, непредвидѣнныхъ и неотвратимыхъ обстоятельствъ,—оно создано правительствомъ, было слѣдствіемъ тѣхъ ложныхъ мѣръ, которыя были придуманы нашими идеологами и приняты правительствомъ. Бѣдствія, насъ постигшія, произошли отъ двухъ главныхъ причинъ: 1) отъ несвоевременнаго, неблагоразумнаго пониженія пошлинъ на привозные товары и 2) отъ прекращенія дѣйствія всѣхъ кредитныхъ установленій, около столѣтія существовавшихъ и государству необходимыхъ. Потому теперь надо приступить къ такимъ мѣрамъ, которыя бы исправили эту ошибку: 1-е) должно безотлагательно достаточно возвысить привозныя пошлины на всѣ предметы роскоши. Это вдругъ доставитъ правительству большое возвышеніе доходовъ отъ таможенныхъ сборовъ, которые заплатятъ люди богатые, разовьетъ внутреннюю производительность, возвыситъ благосостояніе низшаго класса народа и увеличитъ государственные доходы отъ многихъ внутреннихъ источниковъ. Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ есть самое надежное и необходимое средство къ поправленію нашихъ финансовъ; безъ него нѣтъ спасенія; 2-е) наши идеологи изъ ложнаго страха какой-то опасности прекратили принятіе вкладовъ и выдачи ссудъ изъ всѣхъ нашихъ кредитныхъ установленій и такимъ образомъ ихъ почти уничтожили. Вотъ существенная причина безденежья, безпрерывныхъ бан-

Библиотека "Руниверс"

кротствъ, разрушенія или упадка большой части промышленныхъ заведеній. Кредитныя установленія наши нужно было преобразовать, а не уничтожать. Для учрежденія земскихъ банковъ или частныхъ банкирскихъ конторъ, предложенныхъ нашими идеологами, потребны многіе десятки лѣтъ; намъ теперь необходимо создать безотлагательно попеченіемъ правительства полную систему кредитныхъ установленій и всего лучше учредить оную тѣми способами и порядкомъ, какъ я предложилъ въ запискѣ, представленной мною государю и потомъ напечатанной въ № 9-мъ «Вѣстника промышленности» 1861 года въ видѣ статьи подъ наименованіемъ: «Объ устройствѣ кредитныхъ установленій въ Россіи». Если бы это дѣло было въ хорошихъ рукахъ, оно могло бы совершено быть успѣшно въ непродолжительное время. Полезныя послѣдствія учрежденія такихъ кредитныхъ установленій для государства были бы неисчислимы. Прочія указанныя въ статьѣ моей средства могли бы приведены быть въ дѣйствіе безъ затрудненія. Это не новыя мысли, въ голову мнѣ пришедшія: я обдумывалъ ихъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ, изучалъ предметы эти теоретически и мысленно прилагалъ къ дѣлу во время службы моей въ Варшавѣ, гдѣ я былъ министромъ, а подчасъ и намѣстникомъ, и въ Казани, гдѣ я былъ военнымъ губернаторомъ и гражданскимъ правителемъ. Вамъ извѣстно, что я преданъ наукѣ и немало имѣю административной практики, а потому могъ бы сказать что-либо доброе нашимъ верховнымъ правителямъ, если бы къ тому былъ призванъ; но этого не будетъ.

Отъ всей души желаю вамъ успѣховъ во всѣхъ общеполезныхъ трудахъ вашихъ.

40.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Бельфонтенъ, 11 (23) ноября 1861 года.

Душевно благодарю васъ, любезный Александръ Дмитріевичъ, за милое и интересное письмо ваше. Жду съ нетерпѣніемъ «Жизни Сперанскаго», которой отрывки читалъ у барона Корфа, лѣтъ за 10 тому назадъ. Сперанскій головою выше стоялъ всѣхъ современниковъ. Однако было бы интересно прочесть и біографію Трощинскаго, Кампенгаузена и другихъ дѣятелей начала царствованія Александра. Въ примѣрѣ того времени можно найти много поучительнаго и много примѣнимаго къ намъ. Что если бы вы занялись подобнымъ трудомъ. Внутренняя сторона правленія Александра I весьма важна во всѣхъ отношеніяхъ и

Библиотека "Руниверс"

до сихъ поръ никѣмъ еще не разработана. Вы бы оказали важную заслугу заняться подобнымъ трудомъ. Всѣ теперь глядятъ въ будущее. Не худо иногда бываетъ и оглядываться, тогда и окажется, что многія нынѣ разыгрываемыя комедіи и драмы уже бывали на русской сценѣ, но разыгрывались лучшими актерами.—Новостей не могу вамъ сообщить. Европа пока покойна. Наполеонъ поступилъ весьма искусно, написавъ письмо Фульду. Это урокъ для всѣхъ и въ особенности для царей. Я подалъ вторую записку объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Не знаю какъ разрѣшится это важное дѣло. Еще разъ благодарю васъ за дружеское расположеніе ваше и жму сердечно вашу руку. Вашъ отъ души Н. Орловъ.

P. S. Напишите мнѣ вашъ адресъ. Письмо это адресую въ морское министерство.

41.

А. Д. Комовскій—князю Н. Орлову.

С.-Петербургъ, 23-го ноября (5-го декабря) 1861 г. Четвергъ.

Письмо ваше отъ 11-го (23-го) ноября изъ Вельфонтена, любезный князь, добѣжало до меня только 18-го числа. Съ окончаніемъ желѣзной дороги почта будетъ идти, конечно, быстрѣе. Я получилъ ваши обязательныя строки въ то утро, когда у меня сидѣлъ А. В. Головнинъ. Мы и прочитали вмѣстѣ. Третьяго дня, какъ я знаю, и онъ получилъ отъ васъ вѣсточку.

Понятно мнѣ желаніе ваше, чтобы многіе дѣятели царствованія Александра I нашли своихъ біографовъ и историковъ, какъ нашелъ Сперанскій своего только біографа въ баронѣ Корфѣ. Говорю—*только біографа* потому, что со стороны историческаго взгляда на личность, значеніе и мѣру заслугъ дѣятельности Сперанскаго, по связи съ требованіями эпохи и по сравненію его съ другими дѣятелями, книга барона—далеко неудовлетворительна, не теряя, впрочемъ, нисколько достоинствъ дѣльно, отлично и увлекательно написанной біографіи. Вѣдь отъ автора болѣе того, что онъ обѣщалъ, и требовать нельзя. Баронъ хотѣлъ представить подробно и изолированно выбранную имъ личность громаднаго размѣра и выполнилъ свою задачу превосходно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, темныхъ въ жизни этой личности, которыя все-таки остались непоясненными. Это произошло, кажется, не оттого, чтобы къ разъясненію ихъ не было достаточныхъ историческихъ данныхъ, а вслѣдствіе, вѣроятно, уступокъ

Библиотека "Руниверс"

ловкаго біографа нѣкоторымъ общественнымъ современнымъ приличіямъ, чтобы не сказать сильнѣе, чего историку не простили бы! Какъ субъектъ, Сперанскій вылился довольно рельефно въ книгѣ барона — можно статую лѣпить, можно нѣсколько весьма поучительныхъ картинъ изъ его жизни нарисовать, но какую мысль, какое понятіе выноситъ читатель объ эпохѣ, въ которую Сперанскій жилъ и дѣйствовалъ? Какое было нравственное и умственное состояніе страны, въ которой онъ жилъ и явился такимъ разностороннимъ реформаторомъ? На какой точкѣ просвѣщенія стояло само правительство? Какого направленія были правительствующіе современники его; что побуждало его идти имъ всѣмъ наперекоръ. Опережалъ ли онъ ихъ умомъ и способностями, угадывая и, такъ сказать, предощущая стремленія живаго организма государства, народа,—стремленія еще не выражавшагося требованіями, но уже для чуткаго его ума ясныя. Или же онъ былъ умомъ и способностями не выше уровня и другихъ, но только смѣлѣе, шире ихъ и разомъ затронулъ вопросы, въ разрѣшенію которыхъ другіе хотѣли идти и шли путемъ раціональной постепенности безъ ломки. Обо всемъ этомъ, историкъ какъ живописецъ, рисуя картину личности и окружающей его эпохи, сказалъ бы, выяснилъ, а біографъ, какъ скульпторъ, обработывая рѣзцомъ только одну свою статую, можетъ и умолчать. Такъ поступилъ, мнѣ кажется, и Корфъ. Люди александровой эпохи, какъ и самъ Александръ, не только еще ждутъ своей исторіи, но они и біографовъ настоящихъ еще не имѣютъ. Одному Сперанскому посчастливилось. Впрочемъ, есть у меня товарищъ по лицею, который давно уже готовитъ громадный академическій трудъ о Державинѣ [1]). Это, надѣюсь, будетъ трудъ историческій. Я же не чувствую себя въ силахъ предпринять и исполнить, какъ понимаю, подобную работу, хоть бы о Трощинскомъ или Кампенгаузенѣ, какъ вы любезно предлагаете. Кропотливая работа и нѣсколько лѣтъ усидчиваго труда съ изысканіями, изслѣдованіями и изученіями, можетъ было у меня... (не разобрано) или сознанной необходимости насущной, такъ сказать, потребности, или возложенною на меня обязанностью, въ результатахъ которой я долженъ несомнѣнно сознать и успѣхъ, и пользу. Такъ, напр., что̀ можетъ быть кропотливѣе работы ревизіи, а я весь въ ней – съ головы до пятокъ. Работаю и утѣшаюсь надеждою на посильную пользу тому вѣдомству, которому слишкомъ 20 лѣтъ прослужилъ. Чтобы не очерствѣть совершенно въ этой прозѣ входящихъ съ исходящими,— разноображу иногда свои занятія въ уютномъ углу моей конурки размышленіями о современныхъ вопросахъ, затронутыхъ на родной почвѣ. Эти размышленія, по 30-ти-лѣтней привычкѣ, повѣряются моему днев-

[1]) Яковъ Карловичъ Гротъ.

Библиотека "Руниверс"

нику, который самолюбиво хранитъ обсуждаемое свое сокровище въ безвѣстности завѣтныхъ листковъ. Не думайте, однако, чтобы это было постоянно такъ. Иногда другаго рода самолюбіе вызывало отшельниковъ и на свѣтъ Божій. Какъ вы объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, такъ и я подавалъ иногда нѣкоторыя изъ моего дневника выдержки въ видѣ записокъ по предметамъ брошенныхъ въ послѣднее время коренныхъ общихъ у насъ переобразованій и реформъ. Кое-что косвенно и намекаетъ мнѣ теперь, что не все было брошено подъ сукно. Напримѣръ, объ устраненіи по возможности личныхъ отдѣльныхъ докладовъ по предметамъ, которые связуютъ министерства между собою, я послалъ еще въ 1856 году изъ Киссингена записку также какъ выдержку изъ своего дневника. Были и другія разныя фантазіи, но о нихъ ни слуху ни духу. Въ печать отдавался я только два раза. Разъ—по желанію моихъ добрыхъ знакомыхъ Семянниковыхъ (?), а другой—по требованію собственнаго долга въ защиту К. М. (кн. Меншикова) по дѣйствіямъ его въ Крыму. Посылаю вамъ и то и другое черезъ канцелярію Вестмана, моего однокашника по университетскому пансіону, гдѣ я былъ до лицея. Прочитайте книжонку, если достанетъ терпѣнья; вы увидите, что она и по цѣли и содержанію и во вкусахъ современныхъ читателей, а потому въ продажѣ быть не могла; прочитавъ же статейку убѣдитесь, что ею могли минутно интересоваться немногіе. Вотъ какого рода трудная и разнообразная моя служебная дѣятельность, рамки которой весьма не обширны: если бы даже она и чувствовалась,—негдѣ разгуляться. Но всякому свое дѣло, свое поле!.. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ—говоритъ мудрая русская пословица.

Вы пишете, что въ Европѣ новостей мало. А я скажу — у насъ новостей много, но я вѣрю только печатнымъ, слухи же нерѣдко обращаются въ eggata, а потому о нихъ и молчу. Достовѣренъ, кажется, слухъ о скоромъ назначеніи барона Корфа вмѣсто графа Блудова — главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ. Дай-то ему Богъ силы и въ добрый часъ начать переработку нашихъ многосложныхъ, разнорѣчивыхъ и въ нескончаемомъ числѣ томовъ растасованныхъ законовъ, невѣдѣніемъ которыхъ все еще продолжаютъ требовать въ I-мъ томѣ: «отговариваться нельзя». Пренаивное требованіе! Будь мы всѣ Меццофанти, который зналъ 62 языка, такъ все-таки статьи изъ регламента Петра I-го теперь не исполнимы! Я объ этомъ подавалъ когда-то записку... [1]). А судебная-то наша часть! Въ какомъ страшномъ хаосѣ и какимъ критическимъ застоемъ отличается. Вѣдь есть же какая-нибудь перекладная, которая стала поперекъ дороги и мѣшаетъ этой части идти впередъ! А потребность насущная! Дайте ей толчокъ хоть вы изъ

[1]) Нѣсколькихъ словъ разобрать нельзя.

Библиотека "Руниверс"

Европы. Когда все теперь движется впередъ, впередъ—она у насъ, in statu quo. Право грустно, досадно.

Однако, довольно! На свое горе, князь, вы завели себѣ корреспондента. Примите искренное русское спасибо за скорый и дружественный вашъ отвѣтъ, доброе расположеніе и сердечно пожатую руку.

Мой адресъ: на углу Знаменской и Саперной, домъ № 20.

42.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель, 27-го декабря 1861 г. (8-го января 1862 г.).

Едва получилъ я, добрѣйшій Александръ Дмитріевичъ, письмо ваше отъ 18-го (30-го) декабря, какъ телеграмма отъ великаго князя увѣдомила меня о назначеніи Головнина на мѣсто Путятина Это фактъ такой важности, что о немъ только и буду говорить сегодня. Головнинъ будетъ министромъ не дюжиннымъ. У него есть и спокойствіе, и твердость, и глубокія убѣжденія. Просвѣщеніе наше, носившееся съ Путятинымъ по океану, взойдетъ въ гавань съ Головнинымъ. Это большое счастье. Не думаю, чтобы А. В. (Александръ Васильевичъ Головнинъ) сталъ все ломать. Онъ съумѣетъ сдѣлать нужное не торопясь и главное съумѣетъ сохранать силу власти и сдѣлать ее предметомъ не любви (въ наше время оно врядъ ли возможно), но уваженія. Дай-то Богъ ему силъ на это. Вашъ подарокъ—въ Парижѣ и на-дняхъ привезутъ сюда. Благодарю заранѣе и обнимаю душевно.

Преданный вамъ Н. Орловъ.

43.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель, 16-го (28-го) февраля 1862 г.

Благодарю душевно за письмо отъ 9-го (21-го) числа. Глѣбова я хорошо знаю. Онъ былъ въ одно время со мною въ Булони въ 1859 году. Свѣдѣнія его обширны, добросовѣстенъ замѣчательно; но есть ли въ немъ достаточно энергіи и характера—этого не знаю. Мнѣ всегда говорили о Философовѣ, генералъ-аудиторѣ военнаго министерства, какъ о юристѣ, стоящемъ выше и Глѣбова и Оболенскаго. Я его мало знаю,

Библиотека "Руниверс"

Оболенскаго также, но Глѣбова весьма хорошо. О Рейтернѣ мнѣ трудно высказать мнѣніе даже вамъ. Покойный батюшка его высоко цѣнилъ, и я его душевно люблю и уважаю. Но созданъ ли онъ, чтобы быть новымъ Кольберомъ? Это вопросъ, на который не берусь отвѣтить. Все будетъ зависѣть отъ людей, коими Рейтернъ окружится, — это главное. Характера для борьбы за экономію у него станетъ. Онъ даже будетъ суровъ. Но откроетъ ли онъ новые источники богатства, вотъ вопросъ. Дай Богъ ему и силы, и разума. Дѣло не легкое. Не слыхали ли вы, скоро ли внесутъ въ Государственный Совѣтъ дѣло объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній. Первое и, думаю, послѣднее дѣло мое на поприщѣ государственномъ. Обнимаю душевно, вашъ другъ Н. Орловъ.

44.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель, 11-го (23-го) апрѣля 1862 г.

Ваше письмо, добрѣйшій другъ Александръ Дмитріевичъ, пришло въ самый день Свѣтлаго праздника. Мы встрѣтили его въ нашей маленькой церкви, въ которой собралось болѣе 40 русскихъ. Жена устраиваетъ хоръ пѣвчихъ, и уже нѣкоторыя молитвы поются порядочно. Съ Божіею помощью выучимъ пѣть и всю обѣдню; но русское «л» съ трудомъ будетъ произноситься бельгійскими устами. Священникъ нашъ, отецъ Владиміръ Ладинскій, еще довольно молодъ, но исполненъ истиннымъ, сердечнымъ благочестіемъ. Онъ прошелъ тяжелое испытаніе: три года жилъ онъ въ Амстердамѣ, служилъ обѣдню для жены и для псаломщика. Здѣсь будутъ по крайней мѣрѣ всегда прихожане. С. Ю. Фьюсонъ отъ васъ легко не отстанетъ. Между нами, я подозрѣваю, что она не совсѣмъ въ здравомъ умѣ. Онъ же снѣдаемъ честолюбіемъ, и званія, и чины, и кресты еще сохранили всю свою прелесть для него. Притомъ же онъ возведенъ, тому нѣсколько лѣтъ, въ дворянское достоинство принцемъ Шаумбургъ-Липпскимъ, по столицѣ—Бюксбургскимъ. Я не шучу, это точная правда, и дипломъ существуетъ, и оттого Фьюсонъ написалъ на своей двери фонъ-Фьюсонъ. А впрочемъ и онъ можетъ быть полезенъ. По крайней мѣрѣ, онъ безкорыстенъ, не глупъ и приличенъ. Дѣло тѣлесныхъ наказаній далеко подвинулось. Indépendance вчерашняя первая принесла мнѣ о томъ вѣсточку сейчасъ.

Библиотека "Руниверс"

45.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель, 5-го (17-го) мая 1862 г.

Я нѣсколько дней не отвѣчалъ на письмо ваше отъ 25-го апрѣля стараго стиля, добрѣйшій другъ Александръ Дмитріевичъ, потому что былъ заваленъ разными, если хотите, пустяками, но которые отнимаютъ много времени. Кромѣ того, король Леопольдъ былъ опасно боленъ и даже ожидали его кончины. Выздоровленіе его—настоящій феноменъ. Ему 71 годъ, у него каменная болѣзнь. Семь разъ его оперировали посредствомъ литатритіи. Къ этому присоединилось воспаленіе легкихъ. Несмотря на то, онъ только въ теченіе сутокъ не читалъ газетъ и не подписывалъ бумагъ. Теперь онъ на ногахъ и ожидаетъ восьмой операціи. Признаюсь, опасаюсь для (за) него. Что слышно у васъ объ Амурскомъ пароходствѣ? Правда ли, что оно упадаетъ, и что того и гляди, Амуръ опять сдѣлается дикою рѣкою. Одному пріятелю моему пишутъ это изъ Сибири. Совершенно раздѣляю ваше впечатлѣніе, вынесенное отъ брачной церемоніи Трубецкаго. Приличный въ свѣтскомъ отношеніи, бракъ этотъ, по лѣтамъ и наклонностямъ жениха, приведетъ, боюсь, къ грустнымъ результатамъ. Дай Богъ, чтобы я ошибся. Обнимаю душевно.

P. S. Скажите, каковы денежныя дѣла въ Петербургѣ?

46.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель, 9-го (21-го) іюля 1862 г.

Благодарю васъ, добрѣйшій другъ Александръ Дмитріевичъ, за письмо ваше отъ 4-го (16-го) іюля. Случай вашъ въ Черномъ морѣ необыкновенно интересенъ. Господь видимо сохранилъ васъ. Отъ великаго князя я имѣю самыя свѣжія вѣсти. Я посылалъ къ нему состоящаго при мнѣ офицера, князя Мещерскаго. Великій князь совершенно спокоенъ, выстрѣлъ и рана не измѣнили его твердой рѣшимости дѣйствовать умѣренно и твердо. Если онъ успѣетъ въ своемъ предпріятіи, примирить Польшу съ Россіею, велика будетъ его заслуга. Я не ѣду въ Англію. Болѣзнь короля задержала меня здѣсь слишкомъ долго. 24-го іюля (5-го августа) мы ѣдемъ въ Біарицъ на морскія ку-

Библиотека "Руниверс"

панья, а тамъ, черезъ три или четыре недѣли, отправляюсь въ Италію, гдѣ пробуду до ноября. Жена увидитъ этотъ дивный край, и я самъ съ радостью подышу его благодѣтельнымъ и наконецъ-то свободнымъ воздухомъ. Мы побываемъ и въ Римѣ, и въ Неаполѣ, и во Флоренціи. Боюсь, чтобы Головнинъ и васъ, и себя не замучилъ бы излишнею работою Вамъ нуженъ отдыхъ, а васъ все заставляютъ ревизовать. Поклонитесь неутомимо-дѣятельному и душевно-любимому министру. Обнимаю отъ всего сердца.

47.

Князь Н. Орловъ — А. Д. Комовскому.

Біарицъ 10 (22) августа 1862 г.

Благодарю васъ, добрѣйшій другъ, Александръ Дмитріевичъ, за письмо ваше отъ 31 іюля (12 августа). Дай Богъ, чтобы государь не согласился съ нашими мудрецами, которые въ плети и шпицрутенѣ видятъ способъ къ примиренію между собою вовсе невраждующихъ сословій. Записку Филарета я прочелъ въ «Колоколѣ» и тамъ же былъ на нее отвѣтъ, который приписываютъ Николаю Ивановичу Тургеневу. Напрасно спрашивали Филарета и весьма жаль, что его записка попала въ «Колоколъ». Его тамъ (не въ статьѣ Тургенева) а въ «Будущности» разбранили самымъ непристойнымъ образомъ. Жду съ нетерпѣніемъ окончанія дѣла о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Въ Варшавѣ повторяются попытки убійствъ. Говорятъ объ обществѣ убійцъ. Хорошіе же они прогрессисты!

Морскія ванны мнѣ много помогли. 1-го сентября новаго стиля отправимся по Пиренейскимъ горамъ, а оттуда въ Женеву, куда и прошу васъ писать poste restante. Погода чудная, море голубое и почти теплое. Давно я такъ не наслаждался природою. Не признакъ ли это старости? Видъ скалъ, моря, теплый воздухъ далеко заглушаютъ во мнѣ честолюбіе и славолюбіе. Какъ бы то ни было, но оно такъ. Не видя ни депешъ, ни телеграммъ, я какъ то оживаю и чуть ли не молодѣю, а 76-ой (?) годъ жизни уже почти на половину прошелъ. Обнимаю васъ душевно.

Библиотека "Руниверс"

48.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Парижъ 29 ноября (11 декабря) 1862 г.

Письмо ваше, мой добрый другъ, не застало меня въ Варшавѣ и переслано мнѣ въ Парижъ. Слава Богу, великій князь здоровъ, твердъ и спокоенъ. Онъ убѣжденъ, что съ терпѣніемъ и справедливостью можно примирить Польшу съ Россіею и изъ врага сдѣлать намъ брата и союзника. Дѣло въ томъ, что теперь малое количество злоумышленниковъ держитъ въ страхѣ цѣлый польскій народъ.—Терроризмъ убійцъ нужно непремѣнно искоренить и тогда явится въ Польшѣ консервативная партія, которая будетъ служить подпорою великому князю.—Да поможетъ ему Богъ въ его начинаніяхъ! Дѣло святое и великое. Вообще, я доволенъ Варшавою. Спокойствіе внѣшнее много значитъ, а его достигли.—Въ Варшавѣ въ день моего отъѣзда было 14 градусовъ мороза. Здѣсь я засталъ 10 градусовъ тепла и пишу вамъ при открытомъ окнѣ. Обнимаю васъ тысячу разъ. Вашъ другъ Н. Орловъ.

Пишите въ Брюссель: ѣду туда 3 (15) декабря на всю зиму.

49.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель 27 декабря 1862 г. (8 января 1863 г.).

Благодарю, добрый другъ, за письмо № 23, и желаю вамъ и вашимъ всего лучшаго въ наступившемъ году. Слѣдовало бы побраниться съ вами. За что вы такъ громите нашу литературу. Конечно есть и вредные писатели у насъ, но это есть слѣдствіе тяготѣвшаго столь долго надъ литературою ига. Вспомните секретное предписаніе, вспомните комитетъ Бутурлина, Корфа и Дегая.

Я помню, что хотѣли запретить Лексиконъ, и государь покойный долженъ былъ удерживать ярыхъ преслѣдователей слова и мысли.—А Шихматовъ, а Пушкинъ и т. д. Все это чувствовалось, ощущалось—и послѣдовалъ взрывъ. Но не цензурою, а полемикою можно удержать безпокойные умы. Вотъ почему бы я желалъ, чтобы въ 1863 г. умерла цензура, это гибельное и безполезное орудіе. Обнимаю душевно. Вашъ другъ Н. Орловъ.

Библиотека "Руниверс"

50.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель 18 (30) января 1863 г.

Меня крайне пугаетъ, добрѣйшій другъ Александръ Дмитріевичъ, то, что вы пишете мнѣ о здоровьѣ вашемъ въ письмѣ отъ 11 (23) января.—Ради Бога берегите себя и поѣзжайте непремѣнно въ Киссингенъ. Онъ вамъ навѣрное поможетъ.

Мы здѣсь зимы не видали. Совершенная весна. Кобургская кандидатура надѣлала много хлопотъ; но герцогъ уѣхалъ, и театръ войны (дипломатической) перешелъ въ Лондонъ.

Мы готовимся дать 2 (14) февраля балъ, а на душѣ не до танцевъ. Какъ грустны польскія дѣла! Дай Богъ великому князю силъ вынести трудное и горькое положеніе. Какая несчастная мысль была этотъ наборъ. Онъ не намъ, а врагамъ нашимъ доставилъ рекрутъ. Дай Богъ, чтобы мятежъ былъ укрощенъ скоро и энергически. Полумѣры тутъ только вредятъ. Обнимаю васъ душевно. Вашъ другъ Н. Орловъ.

Библиотека "Руниверс"

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1897 г.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. 1817 годъ. Гл I—V. Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.	69—102; 333—356
II.	Мировой судъ въ Подоліи (Изъ записокъ и воспоминаній мироваго судьи). (Окончаніе) Ив. Н. Захарьина (Якунина).	165—188
III.	Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга. Гл. I—III. А. А. Гирса.	291—308; 517—537
IV.	Записки Василія Антоновича Инсарскаго. Часть III. Гл. I—III.	561—591
V.	Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской (Рожд. княжны Голицыной). Гл. X—XI.	593—606
VI.	Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка. (Воспоминанія Феликса Яковлевича Лучинскаго)	633—658

Библиотека "Руниверс"

Портреты.

I. Портретъ адмирала Егора Ивановича Колтовскаго. Грав. К. Адтъ.
(При 7-ой книгѣ).

II. Портретъ Василія Григорьевича Рубана. Грав. К. Адтъ.
(При 8-ой книгѣ).

III. Портретъ княгини Екатерины Николаевны Голицыной (рожденной Бахметевой). Грав. К. Адтъ.
(При 9-ой книгѣ).

Исторія русской литературы.

1. Стихотвореніе Аполлона Николаевича Марина. . 50
2. Видѣнія артиста: I. „Во снѣ". II. „На яву". Стихотворенія. Г Сабинина 254
3. Муравіада. (Сатирическіе стихи на бывшаго нижегородскаго губернатора А. Н. Муравьева. II). Юдина. . . 539—559
4. Эпиграмма на сочиненіе И. И. Дибича „О воинской наукѣ" С. Н. Марина. Сообщ. Л. С. М—чъ.. 632

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

I. Маркизъ Паулуччи въ погонѣ за тайными обществами въ Остзейскихъ губерніяхъ. . 5—32
II. Герцогъ Ришелье въ Россіи. П. М. Майкова. 33—49
III. Александръ I и Наполеонъ въ Эрфуртѣ. Гл. VI. Сообщ. В. П. Лачиновъ. 51—68

Библиотека "Руниверс"

		стран.
IV.	Къ біографіи П. А. Полеваго Сообщ. И. Шляпкинъ.	103—107
V.	Рескриптъ Екатерины II князю А. А. Вяземскому о формѣ одежды въ губерніяхъ для чиновниковъ и дворянства.—Объявленіе объ одеждѣ придворныхъ дамъ отъ 24-го октября 1782 г.	108
VI.	Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. Гл. II—IV. А. Н. Поповъ. Сообщ. П. Н. Цуриковъ.	109—124; 357—373; 607—631
VII.	Адмиралъ Егоръ Ивановичъ Колтовской (Краткій біографическій очеркъ). П. Голубовскаго.	125—138
VIII.	Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго (Переписка его съ разными лицами). Сообщила княгиня А. А. Голицына-графиня Остерманъ.	139—163; 417—440; 659—681
IX.	Желаніе Сената принести моленіе въ Казанскомъ соборѣ по случаю изгнанія непріятеля изъ Россіи. Сообщ. А. В. Безродный.	164
X.	Историческія замѣтки. Г. М.	189—195
XI.	Блюститель нравственности. (Рапортъ Казанскаго губ. прокурора Овцына министру юстиціи отъ 17-го марта 1813 г.). Сообщ. А. В. Безродный.	196
XII.	Русскій путешественникъ прошлаго вѣка за границей (Собственноручн. письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 гг.).	197—224
XIII.	Княжна Марія Кантемирова. (Окончаніе). Л. Н. Майкова.	225—253
XIV.	Къ исторіи театральной цензуры. (Всеподданнѣйшее письмо Нестора Кукольника въ ноябрѣ 1864 г.), Сообщ. П. К. Работинъ	255—256
XV.	Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII в. Гл. I—III. Сообщ. В. В.	257—289; 449—479
XVI.	Къ біографіи Ѳеодосія, архіепископа Новгородскаго. (Письмо ген. Ушакова—архимандриту Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря отъ 7 марта 1732 г.). Сообщ. Н. П. Успенскій.	290
XVII.	Жертва терроризма (Казнь княгини Розаліи Любомирской). Ф. В. Домбровскаго.	309—332
XVIII.	Всеподданнѣйшее поздравленіе императора Александра I княгинею Суворовой-Рымникской отъ	

Библиотека "Руниверс"

стран.

21-го марта 1801 г. и рескриптъ импер. Александра I княгинѣ Суворовой-Рымникской отъ 26-го марта. 374

XIX. Якутскій розыскъ о розни боярскихъ дѣтей и казаковъ. Н. Оглоблина. . 375—392

XX. Василій Григорьевичъ Рубанъ. Б. Л. Модзалевскаго. . 393—415

XXI. Два письма имп. Александра I князю Платону Зубову отъ 24-го дек. 1801 г. и 1 іюля 1802 г. 416

XXII. Еще къ вопросу о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. Вл. Шенрока и В. Авенаріуса . 441—448

XXIII. Назначеніе князя А. В. Суворова въ дѣйствующую армію въ 1760 г. Сообщ. А. В. Безродный . . . 480

XXIV. Французы въ Вавшавѣ въ войну 1806—1807 гг. Н. К. Шильдера. 481—511

XXV. Секретный указъ имп. Елисаветы о пріѣздѣ въ Ригу принцессы Цербской 23 дек. 1743 г. и собственноручный указъ имп. Екатерины II о высылкѣ «шарлатана» Каліостро изъ Россіи отъ 11 авг. 1787 г. Сообщ. А. З. Мышлаевскій. 512

XXVI. Политика на почтовомъ листѣ бумаги. Сообщ. М. А. Веневитиновъ 513—516

XXVII. Собственноручное письмо императрицы Екатерины II къ П. П. Чебышеву. Сообщ. Ал. Маркевичъ. и Старинная свадебная запись. Сообщ. Л. С. М—чъ 538

XXVIII. Записка что исхарчено на рекрута 13-го сентября 1770 г. Сообщ. Л. М. Савеловъ. 560

XXIX. Запрещеніе азартной карточной игры. Указъ императора Александра I С.-Петербургскому военному губернатору генералъ-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову. 11-го іюля 1801 г. Сообщ. Л. С. М—чъ 592

XXX. Секретное письмо князя Кутузова-Смоленскаго А. М. Римскому-Корсакову отъ 29 марта 1813 г. 682—683

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ.

1. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ девяносто восьмой. — Н. И. Кашкадамова. (на оберткѣ іюльской книги).
2. Maisonette du czar Pierre le Grand à Zaandam. Домикъ Петра Великаго въ Заандамѣ. 1697—1896 гг. Г. А. Воробьева (На оберткѣ іюльской книги).
3. Н. Н. Оирсовъ. „Русскія торгово-промышленныя компаніи въ 1-ую половину XVIII столѣтія". Очерки изъ исторіи торгово-промышленной политики и соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній. Казань. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ августовской книги).
4. В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Guide à travers la Sibérie et les territoires en Asie centrale. Томскъ 1897. Н. И. Кашкадамовъ. (На оберткѣ сентябрьской книги).
5. Записки пріамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. I, вып. II.—Матеріалы для изученія шаманства у гольдовъ, П. П. Шимкевича. Подъ редакціею М. Я. Сибирцева. Съ рисунками. Н. И. Кашкадамова (На оберткѣ сентябрьской книги).

—

Приложеніе.

Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ.—Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны 1745—1748 гг. Сообщилъ Л. В. Евдокимовъ. (при VII и VIII книгахъ) . 161—192

Библиотека "Руниверс"

дникомъ между человѣчествомъ и вер-
ными существами; онъ же—исцѣлитель
жъ недуговъ, предсказатель счастья или
счастья, плохаго или хорошаго промысла;
ѣя сношенія со всѣми духами, шаманъ
зываетъ на помощь добрыхъ духовъ.
слѣ смерти, душа покойника, при помо-
шамана, переносится въ „буни“ (за-
бный міръ), путь къ которому, со всѣми
дробностями предстоящаго сопутство-
нія, извѣстенъ только шаману. Описавъ
стюмъ гольдскаго шамана и разсказавъ
ходящуюся въ тѣсной связи съ описа-
мъ костюма легенду о происхожденіи
рваго шамана, г. Шимкевичъ рисуетъ
ртину загробнаго міра; тутъ же авторъ
исываетъ путь, по которому душа слѣду-
ъ въ „буни“, и препятствія, которыя она
ретерпѣваетъ на этомъ пути. Интересно
писаніе видѣнныхъ авторомъ похоронъ и
рвыхъ поминокъ у гольдовъ средняго
мура. Умершаго гольда, тотчасъ послѣ
мерти, кладутъ на доски подлѣ нары, па-
ллельно имъ и непремѣнно по лѣвую сто-
ону входа. Женщины зачесываютъ умер-
ему волосы и переодѣваютъ въ новое
латье, а старое платье и принадлежности
быденной жизни покойнаго кладутъ рядомъ
ъ нимъ; на лицо кладутъ платки или шку-
ы, звѣриныя и рыбьи, чтобы предохранить
лицо отъ вѣтра; въ эти платки и шкуры за-
ниваютъ разныя вещи, чтобы по нимъ ша-
манъ могъ розыскать покойнаго и доста-
ить его душу въ загробный міръ („буни“).
Жена покойнаго ложится съ трупомъ мужа
подъ одно одѣяло; если у покойника жены
не было, то рядомъ съ нимъ кладутъ носо-
вую часть оморочки (лодки). Лампада изъ
рыбьяго жира горитъ день и ночь, пока
покойникъ лежитъ въ фанзѣ. На другой
день послѣ смерти покойника дѣлаютъ гробъ
(преимущественно изъ кедра); въ гробъ
укладываютъ покойника не въ фанзѣ, а вы-
носятъ его, чрезъ окно, на доскахъ, съ ко-
торыми и кладутъ покойника въ гробъ;
ночью подъ пятки кладутъ простой камень,
съ пожеланіями спокойной жизни въ буни;
если камень подъ пятки не положенъ, то
родные и шаманъ не узнаютъ, куда уйдетъ
покойный. Когда гробъ заколотятъ, мужчи-
ны на рукахъ несутъ его къ заранѣе при-
готовленной могилѣ. По дорогѣ къ могилѣ
процессія трижды останавливается для от-
дыха; при чемъ, каждый разъ, въ захваченную съ собою чашку наливаютъ ханшинъ и, угощая покойнаго (выливаютъ напитокъ около гроба), приговариваютъ: „пей, хорошаго тебѣ пути въ буни; пожалуйста не возвращайся обратно; дѣтей съ собой не бери“. Придя къ могилѣ, гробъ ставятъ рядомъ съ ней, разводятъ костеръ и обращаются къ покойному: „мы тебѣ выстроили новый домъ; живи въ немъ хорошо; не бери съ собой жену и дѣтей, если они тебя будутъ навѣщать“. Когда гробъ опустятъ въ могилу и засыпятъ землей, то жена приводитъ любимую собаку покойнаго, убиваетъ ее на могилѣ и подвѣшиваетъ на палкѣ. Когда церемонія эта кончилась,—на могилу втыкаютъ небольшой флагъ и возвращаются въ фанзу умершаго; всѣ моютъ руки и лицо, убираютъ фанзу, зажигаютъ курительный корень и открываютъ амбары; родные покойнаго варятъ мясо, бузу и проч. и угощаютъ присутствующихъ.

Первыя или малыя поминки, на которыхъ обязательны четыре рода печенія, происходятъ черезъ два мѣсяца послѣ похоронъ. Онѣ заключаются въ томъ, что шаманъ, при посредствѣ добрыхъ духовъ, разыскиваетъ душу умершаго, витающую во вселенной, а нашедши душу, кладетъ ее въ фаню [1]), гдѣ душа и остается до большихъ поминокъ, когда шаманъ сопровождаетъ ее въ загробный міръ. На большихъ поминкахъ, которыя происходятъ иногда черезъ нѣсколько лѣтъ, смотря по желанію и матеріальному достатку родныхъ, фаня разрывается и сжигается; разсчеты родныхъ съ покойникомъ считаются оконченными, и вдова, считая себя свободною, выходитъ замужъ. Немаловажный интересъ представляетъ описаніе большихъ поминокъ, на которыхъ автору довелось присутствовать.

Во второй главѣ, состоящей всего изъ пяти страницъ, г. Шимкевичъ описываетъ похоронные обряды у гиляковъ, орочонъ и гольдовъ средняго теченія Уссури.

Третья глава посвящена авторомъ подробному описанію бурхановъ. Бурханы у гольдовъ состоятъ изъ изображеній людей, звѣрей, птицъ, рыбъ и гадовъ; иногда, кромѣ того, дѣлаются амулеты въ видѣ сустава, кисти руки, ступни ноги, сердца и проч. Бурханы изготовляются изъ дерева, металловъ, рыбьихъ шкуръ, бумаги, матерій, травы и болотныхъ кочекъ. Бурханы дѣлятся на семь основныхъ группъ, при чемъ главный бурханъ, аями, участвуетъ въ каждой изъ нихъ. Въ приложеніяхъ помѣщено нѣсколько рисунковъ бурхановъ.

Въ послѣдней, четвертой, главѣ своего труда П. П. Шимкевичъ приводитъ гольдскія сказанія и легенды, связанныя съ бурханами и иными обрядами шаманскаго культа.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе интересной работы г. Шимкевича, которой нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія. Приложенные въ концѣ книги рисунки, изображающіе шамановъ, въ полномъ ихъ одѣяніи, и принадлежности шаманскаго культа, придаютъ еще большую цѣнность труду П. П. Шимкевича. Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Фаня изображаетъ отсутствующаго покойника и дѣлается на другой день послѣ похоронъ. Она состоитъ изъ четырехугольной подушки, положенной на небольшой коврикъ: на подушку кладутъ аккуратно сложенное платье покойнаго, которое покрываютъ платкомъ, а впереди подушки ставится бурханъ аями-фанялко, покровитель умершихъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

☞ Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1896 по **9** рублей.

Библиотека "Руниверс"